

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Сборник статей
II Международной научно-практической конференции
30 ноября 2018 года

Могилев 2019

*Деривативное электронное издание
на основе печатного издания:*

Государство и право:
актуальные проблемы формирования правового сознания
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 344 с. : ил.

ISBN 978-985-568-508-2

В сборнике статей, подготовленных на основе докладов и выступлений участников Международной научно-практической конференции «Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания», состоявшейся 30 ноября 2018 года в г. Могилеве (Республика Беларусь), рассматриваются общеправовые проблемы совершенствования отраслей частного права, конституционно-правовые аспекты развития правосознания в Республике Беларусь, проблемы механизма уголовно-правового регулирования, теория и практика механизма гражданско-правового регулирования, теория и практика механизма административно-правового регулирования.

Затронуты правовые аспекты развития предпринимательской сферы в Республике Беларусь. Получили отражение права человека и проблемы обеспечения гендерного равенства через призму международного и национального законодательства.

Особое внимание было уделено проблемам профилактики экстремизма, выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности.

УДК 340(043.2)
ББК 67.400я431

Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания [Электронный ресурс] : сборник статей II Международной научно-практической конференции, 30 ноября 2018 г., г. Могилев / под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019.– 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, CD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 2 экз.

212022, г. Могилев
ул. Космонавтов, 1
тел.: 8-0222-28-31-51
e-mail: alexpzn@mail.ru
<http://www.msu.by>

ISBN 978-985-580-515-0
(электронное издание)

© Коллектив авторов, 2019
© Оформление.
МГУ имени А. А. Кулешова, 2019
© МГУ имени А. А. Кулешова,
электронное издание, 2019

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347.63

ПРАВООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕТЬМИ И РОДИТЕЛЯМИ: КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Войтова Мария Александровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Романчук Константин Валерьевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В международном частном праве нередки случаи конфликтных ситуаций: столкновения норм права. Данный конфликт норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, устраняется путем применения коллизионных норм. Касательно, взаимоотношений между детьми и родителями существуют три основные коллизионные привязки: право совместного места проживания детей и родителей, право гражданства ребенка, право гражданства родителя.

Сегодня, установление прав и обязанностей между родителями и детьми в случаях проживания их на территории одного государства не вызывает трудностей.

Но говоря о взаимоотношениях детей и родителей, в которых присутствует иностранный элемент, регулирование требует особой внимательности и осторожности. Но, кто может быть иностранным элементом?

Н. И. Марышева отмечает, что иностранный элемент в семейном отношении выражается в: иностранном государстве хотя бы одного из его участников; отсутствии гражданства у хотя бы одного из участников; проживании участников правоотношения за границей; нахождении объектов прав за границей; локализации за границей юридического факта [4, с. 2].

Под международным усыновлением понимаются ситуации, когда иностранцы усыновляют ребенка – гражданина Республики Беларусь. Рассмотрим коллизионные привязки при международном усыновлении.

В соответствии с международными договорами Республики Беларусь о правовой помощи по гражданским и семейным делам основной привязкой при определении права, применяемого к обязательствам между родителями и детьми, является «право совместного места жительства детей и родителей» [5, с. 423].

Право совместного места жительства ребенка и родителей определено на законодательном уровне, согласно которому применяется право того государства, где родители проживают совместно с ребенком, но, к сожалению, в законодательстве Республики Беларусь не отражены вопросы регулирования отношения между детьми и родителями при разном гражданстве членов семьи. Коллизионные нормы по данному вопросу не закреплены.

Как отмечает Н. С. Анцух, двусторонние договоры о правовой помощи, участницей которых является Республика Беларусь, содержат коллизионное регулирование отношений в области усыновления. В качестве применимого называется право государства: постоянного местожительства усыновляемого (Договор с Вьетнамом); гражданином которого является усыновитель в момент усыновления или его отмены, но если усыновление производится супругами, из которых один является гражданином одной договаривающейся стороны, а второй – гражданином другой, применяется законодательство обеих договаривающихся сторон (Договор с Венгрией, Договор с Кубой, Договор с Чехословакией) или право договаривающейся стороны, гражданином которой является ребенок (Договор с Литвой); гражданином которого является усыновитель на момент подачи заявления, но если усыновитель является гражданином одной договаривающейся стороны, а проживает на территории другой, то применяется право государства его местожительства, а если ребенок усыновляется супругами, один из которых является гражданином одной договаривающейся стороны, а второй – гражданином другой стороны, то усыновление осуществляется в соответствии с требованиями, предусмотренными правом обоих государств (Договор с Польшей); гражданином которого является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене или государства, на территории которого он имеет постоянное местожительство (по выбору усыновителя), но если ребенок усыновляется супругами, один из которых является гражданином одного государства, а второй – гражданином второго, то усыновление должно соответствовать требованиям права государства, гражданином которого является ребенок (Договор с Латвией) [1, с. 7].

Когда речь идет о гражданстве ребенка, применяется привязка «право государства», гражданином которого является ребенок. Согласно данной привязке ребенок – гражданин Республики Беларусь, им является с момента рождения, если один или оба родителей на день его рождения имели белорусское гражданство, независимо от его места рождения.

Встречаются случаи, когда ребенок является гражданином другого государства, в данной ситуации у родителей ребенка есть право выбора: оформить утрату белорусского гражданства (для детей от 14 до 18 лет утрата допускается только с письменного согласия ребенка), либо утвердить его гражданство, путем выдачи паспорта гражданина Республики Беларусь.

Минская Конвенция 1993 г. устанавливает нормы усыновления в случаях разного гражданства супругов: если ребенок усыновляется супругами, из которых один является гражданином одной Договаривающейся Стороны, а другой – гражданином другой Договаривающейся Стороны, усыновление или его отмена должны производиться в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством обеих Договаривающихся Сторон [3].

Право государства, гражданином которого является родитель, – привязка, которая наиболее четко определяет статус усыновителя. Чаще всего ребенок, получает гражданство того государства, где постоянно проживает один из усыновителей.

При браке усыновителей, их супружеские отношения, а так же приобретение гражданства усыновленного, вытекают из брака, того государства, где он был заключен.

Оптимальным было бы применение данной привязки к усыновленному, но с оговоркой на разрешение ему, до момента совершеннолетия, без получения визы, беспрепятственно покидать страну постоянного места жительства усыновителей. Таким образом, на главный план разрешения покидать страну выходит сохранение тайны усыновления. Как известно при усыновлении, если у усыновленного имеются братья и сестры, никто не вправе препятствовать общению с ними, даже в случаях, проживания братьев и сестер в разных государствах.

Более рациональным будет применение безвизового выезда и въезда, который обеспечил бы общение усыновленного со своими кровными родственниками.

По закону Лихтенштейна о международном частном праве 1996 г. последствия усыновления (удочерения) определяются согласно праву того государства, в котором усыновитель (удочеритель) имеет свое обычное местопребывание, а при усыновлении (удочерении) супругами согласно праву, являющемуся определяющим в отношении личных правовых последствий брака, а после смерти одного из супругов согласно праву того государства, в котором другой супруг имеет свое обычное местопребывание [6].

И. В. Гетьман-Павлова определяет Закон места жительства усыновителя (удочерителя) как:

- 1) способность к усыновлению (удочерению);
- 2) возраст и гражданское состояние усыновителя (удочерителя);
- 3) возможное согласие супруга усыновителя (удочерителя);
- 4) другие требования, которым должен отвечать усыновитель (удочеритель) [2, с. 311].

Таким образом, коллизионные привязки, регулирующие отношения между детьми и родителями, отвечают интересам семьи на международной арене, включают в себя механизмы правового регулирования получения гражданством усыновленного, а так же вопросы гражданства ребенка,

если один из родителей заключает брак с иностранным элементом. Коллизионное регулирование отношений между детьми и родителями основано на привязке «право совместного места жительства детей и родителей», согласно которой применяется законодательство государства, где находится их постоянное место жительства. Следующей коллизией является «право государства, гражданином которого является ребенок» или «личный закон ребенка». Для определения прав усыновителей используется «право государства, гражданином которого является родитель».

Применение коллизионных привязок и их цепочек норм, определяющих правовой статус детей, направлено на обеспечение законных прав и на защиту интересов несовершеннолетних.

Список источников

1. Анцух, Н. С. Коллизионное регулирование заключения и расторжения брака, усыновления, опеки и попечительства на международном уровне / Н. С. Анцух // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2015. – № 1. – С. 3–12.
2. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право : учебник для академического бакалавриата / И. В. Гетьман-Павлова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2017 – 416 с.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена в г. Минск 1993 г.] // ЭТА-ЛЮН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев : правовое регулирование в России / Н. И. Марышева. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 328 с.
5. Международное частное право : учеб. пособие / В. П. Мороз [и др.] ; под ред. В. П. Мороза. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. – 496 с.
6. О международном частном праве [Электронный ресурс] : Закон княжества Лихтенштейн : от 19 сент. 1996 г. – Режим доступа: [/https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042801](https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042801). – Дата доступа: 01.11.2018.

УДК 347.67

К ВОПРОСУ ВОЗМОЖНОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ РАСПОРЯЖЕНИЙ О СОБЛЮДЕНИИ РИТУАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ В СОСТАВ ЗАВЕЩАНИЯ

Богданович Елена Олеговна,

Белорусский государственный экономический университет
(г. Минск, Беларусь)

В статье исследуется специфика наследственно-правовых средств регулирования отношений по поводу исполнения распоряжений о соблюдении ритуальных обрядов. Аргументируется вывод о возможности включения данных распоряжений в состав завещания.

В научных источниках отмечается, что со времен Античности и на протяжении всего Средневековья, вопросы, касающиеся исполнения пожеланий завещателя в области ритуальных обрядов погребения, регулировались на законодательном уровне совместно с порядком наследования имущества.

В современном обществе, со стороны государства исходит гарантия достойного погребения умершего, закрепляющая ряд обязанностей как нравственного (учет волеизъявления гражданина или пожеланий его родственников), так и материального характера (предоставление материальной помощи для погребения умершего).

Согласно ст. 27 Закона Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» [1] от 12 ноября 2001 г. № 55-3 (в ред. от 8 января 2015 г. № 237-3) волеизъявление о достойном отношении к телу после смерти определяется, как «распоряжение, сделанное гражданином при жизни... Волеизъявление может быть высказано в письменной либо устной форме в присутствии одного или нескольких свидетелей, а распоряжение о добровольном согласии на передачу после смерти его тела, органов, тканей... в письменной форме».

Законодательством не оговорены требования к письменной форме волеизъявления гражданина о порядке погребения. В соответствии с нормами наследственного права Республики Беларусь, гражданин может совершить завещание, посредством которого определить юридическую судьбу только имущества (имущественных прав) на случай смерти (п. 1 ст. 1040 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2] от 07 декабря 1998 г. № 218-3). На фоне юридической конструкции, отраженной в указанной статье, закономерным является вопрос о возможности включения в текст завещания распоряжений о месте и порядке погребения (соблюдении ритуальных обрядов).

Мнения ученых-цивилистов по этому вопросу возможности включения в текст завещания данных фидуциарных распоряжений разделились. Одна группа исследователей считает, что завещание, как сделка о распоряжении имуществом на случай смерти, не должно содержать положений о закреплении за наследниками обязанности соблюдения каких-либо ритуальных обрядов.

Так, П. С. Никитюк указывает, что распоряжения такого рода, будучи актом, не порождающим права и обязанности, не являются завещательными в правовом смысле слова, они носят рекомендательный характер, несоблюдение подобного рода распоряжений не влечет неблагоприятных правовых последствий для наследников, так как не обеспечивается принудительной силой закона [3, с. 139].

По мнению В. И. Серебровского, «такое распоряжение может иметь для лиц, которым оно адресовано, моральную силу, но не явится завещанием в том смысле, как его понимает закон» [4, с. 117]. С ним соглашается Д. И. Мейер, полагая, что такого вида обстоятельства «не имеют юридического характера и не представляются обязательствами в юридическом смысле» [5, с. 416], однако отмечает, что волеизъявления граждан о соблюдении порядка погребения оговоренные, как условия, подлежат исполнению, когда «...прямо определены завещателем как условия права наследования, при наступлении которых это право должно перейти от назначенного наследника к другому лицу или к наследнику по закону» [5, с. 416].

Аналогичной позиции придерживается М. В. Гордон, который полагает, что «нет оснований включать в завещание распоряжения о соблюдении при похоронах того или иного религиозного обряда. Это указание может стеснить свободу совести того, кому придется выполнять завещание. Поэтому подобные распоряжения в состав завещания не входят» [6, с. 72–73].

По нашему мнению, аргумент о стеснении свободы совести несостоятелен. Так как согласно ст. 28 Закона о погребении, «исполнителями волеизъявления умершего являются лица, указанные в волеизъявлении умершего, которые согласились взять на себя обязанность по исполнению волеизъявления умершего».

Таким образом, если допустить включение распоряжений о соблюдении ритуальных обрядов в завещание, вопрос о свободе совести не стоит, так как предполагаемый душеприказчик дает согласие на исполнение данных функций. Если указанный завещателем порядок погребения каким-либо образом ущемляет свободу совести претендента на роль исполнителя завещания, он вправе отказаться от исполнения обязанностей душеприказчика.

Когда же исполнение ритуальных распоряжений возлагается на наследников, по нашему мнению, в данной ситуации разумнее говорить только о «совести» наследников, поскольку содержащиеся в завещании распоряжения соответствуют их интересам, то есть дают возможность приобрести определенные материальные блага. Исходя из моральных принципов наследники обязаны в точности исполнить распоряжения наследодателя о месте и способе захоронения, а также о порядке ритуальных обрядов. В этом свете, позиция Д. И. Мейера о включении данных распоряжений под условием права наследования кажется вполне логичной.

Существует позиция, согласно которой завещание на случай смерти может включать как распоряжения об имуществе, так и распоряжения, не имеющие материального характера, при этом последние могут быть одни, без присоединения к первым [7, с. 33].

Исходя из этой позиции, некоторые цивилисты полагают, что завещатель имеет право включить в завещания распоряжения о месте похорон и соблюдения определенных ритуальных обрядов. Так, анализируя дореволюционное законодательство, Г. Ф. Шершеневич определяет, что «в завещании может иметь место... указание порядка и места погребения. Все эти распоряжения, присоединенные к имущественным распоряжениям, также обязаны к исполнению, как и последние» [8, с. 631]. Аналогичного мнения придерживается О. Г. Блинков, который отмечает, что завещание перестает быть исключительно сделкой по определению наследников и распределения между ними долей наследства или имущества в натуральной форме, поскольку национальное законодательство на постсоветском пространстве позволяет использовать его как форму осуществления практически любых субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей на случай смерти лица [9, с. 31].

По нашему мнению, в целях расширения свободы завещания целесообразно закрепить на законодательном уровне право завещателя указать в завещании свои пожелания о месте похорон, о соблюдении ритуальных обрядов. В данном случае, завещатель сможет включить в завещание распоряжения о соблюдении определенных обрядов захоронения, организации поминальных служб, у наследников, в свою очередь, возникнет обязанность исполнения последней воли завещателя.

Список источников

1. О погребении и похоронном деле [Электронный ресурс] : Закон Республики от 12 ноября 2001 г. № 55-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 января 2015 г. № 237-3 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 07 декабря 1998 г., № 218-З : Принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : Одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-3 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Никитюк, П. С. Наследственное право и наследственный процесс: Проблемы теории и практики / П. С. Никитюк. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 258 с.
4. Серебровский, В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2003. – 556 с.
5. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – Москва : Статут, 2000. – 829 с.
6. Гордон, М. В. Наследование по закону и завещанию / М. В. Гордон. – Москва : Юрид. лит., 1967. – 119 с.
7. Гук, Д. В. Завещательные распоряжения по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Гук ; [Ин-т государства и права РАН]. – Москва, 2011. – 157 с.
8. Шершеневич, Г. Ф. Курс гражданского права: Введение. Общая часть. Особенная часть : учебник / Г. Ф. Шершеневич. – Тула : Автограф, 2001. – 720 с.
9. Блинков, О. Е. Общие тенденции развития наследственного права государств-участников Содружества Независимых Государств и Балтии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / О. Е. Блинков. – Москва, 2009. – 57 с.

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Свиб Анжелика Феликсовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Рыжанков Арнольд Юрьевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются проблемы совершенствования отраслей частного права в правовой системе Республики Беларусь и, в частности, информационное право как относительно новая отрасль права. Приводится соотношение данной отрасли с другими самостоятельными отраслями права в Республике Беларусь. Рассматриваются различные точки зрения по поводу места информационного права в системе правовых отношений, проблемы его развития.

На современном этапе развития общества информация и знания играют важнейшую роль во всех процессах жизни общества. Республика Беларусь стоит на пути построения информационного общества. Внедрение информационных технологий привело к формированию виртуального информационного пространства, в котором информация обращается в непривычной для традиционного права электронной форме. Все больше в обществе возникают потребности правового регулирования информационных отношений, а также нарастают проблемы информационной безопасности, что привело к возникновению новой отрасли права – информационного права. Иные отрасли частного права Республики Беларусь (гражданское, хозяйственное и т. п.) не могли уже больше удовлетворять правовые запросы законодателя и населения.

Информационное право как отрасль права представляет собой совокупность правовых норм, установленных и охраняемых государством, возникающих в информационной сфере производства, преобразования и потребления информации. По сравнению с другими отраслями права информационное право находится в начальной стадии своего развития. Информационное право не находит полного своего выражения в определенной отрасли законодательства, однако его существование и развитие не вызывают сомнений [1, с. 15]. Начало свое оно черпает в конституционном праве, как и все отрасли права Республики Беларусь.

Информационное право – это право современности. В Беларуси эта отрасль права стала развиваться всего пару десятилетий тому назад. Основны-

ми источниками информационного права в Республике Беларусь являются: Конституция Республики Беларусь, в которой закреплены конституционные основы права на информацию и ряд других норм, являющихся базой для развития информационного законодательства, законы Республики Беларусь («Об информатизации» от 6 сентября 1995 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 20.07.2006 № 162-3), «Об электронном документе» от 10 января 2000 г. № 357-3 (в ред. Закона Республики Беларусь от 20.07.2006 № 162-3), «О рекламе» от 10 мая 2007 г. № 225-3) и другие нормативно-правовые акты [1, с. 39]. Принципы информационного права базируются на положениях основных конституционных норм, закрепляющих информационные права и свободы и гарантирующих их осуществление, а также на особенностях и юридических свойствах информации как объекта правоотношений.

Однако до сегодняшнего времени в Республике Беларусь нет единого кодекса, регулирующего отношения, связанные с информацией, что препятствует становлению информационного права как самостоятельной отрасли права. Трудно переоценить значение информации в современном мире. Поэтому так остро стоит сегодня вопрос о необходимости принятия Кодекса об информации и информационных технологиях.

На данный момент времени существует несколько точек зрения о месте информационного права среди других отраслей. Информационное право взаимодействует с такими отраслями права как: конституционное право, административное право, уголовное право, финансовое право, гражданское право, трудовое право. Одни эксперты (И. В. Аристова, Ю. П. Бурило) считают, что информационное право включается в состав административное, так как административным правом регулируются основы информационной политики государства, определяется правовое положение и система государственных органов управления в информационной сфере [2, с. 110]. Также существует мнение о том, что информационные отношения входят в предмет гражданского права (О. В. Кохановская, Е. С. Петров), так как Гражданский кодекс Республики Беларусь определяет такие виды информации, как служебная и коммерческая тайна и регулирует «охраняемую тайну» в контексте гражданских отношений [3, с. 225].

Однако эти теории не получили широкого распространения, поскольку информационно-правовые нормы затрагивают все отрасли права. Информация – неотъемлемая часть жизнедеятельности человека, поэтому правовые отношения, связанные с созданием, потреблением и преобразованием информации в любой отрасли права попадают под регулирование информационного права.

Существование информационных отношений, регулируемых различными отраслями права, порождает еще одну точку зрения: информационное пра-

во – это комплексная отрасль права. Данное мнение также не получило широкого распространения среди ученых-правоведов, поскольку комплексная отрасль права не предполагает наличие единого метода и предмета правового регулирования, которые характерны для информационного права. Развитие юридической науки последних лет привело к появлению принципиально новых отраслей белорусского права, которые не имеют преобладающего метода правового регулирования и именуются комплексными. Такой отраслью является, например, муниципальное право Республики Беларусь. Связано это с тем, что органы местного самоуправления действуют практически во всех сферах общественной жизни и нормы муниципального права направлены на регулирование не только собственно муниципально-правовых, но и административно-правовых, конституционно-правовых, гражданско-правовых и иных общественных отношений. Комплексный характер муниципального права определяет комплексность методов правового регулирования, которое оно использует. Аналогично дело обстоит и с информационным правом.

Информация также является важнейшим политическим ресурсом, в том числе и в международном масштабе. При этом рост информационной сферы характеризуется не только развитием информационных сетей, упрощением доступа граждан к информации, но и такими негативными моментами, как «информационные войны», «информационный терроризм» и т.д. Поэтому важное место в политике национальной безопасности в настоящее время занимает информационная безопасность.

Информационное правоотношение – это уникальный вид общественных отношений, предметом которого является коммуникация, объектом – общественные отношения в сфере информации, а методом правового регулирования – особый метод формализации информационных отношений в целях обеспечения информационной безопасности. Отличительной особенностью информационного права можно считать наличие особых объектов правоотношений – информация и информационные объекты. Применение методов правовой науки не обеспечивает в полной мере исследование этого сложного объекта, поэтому стоит применить другие методы естественных наук, прежде всего методы информатики, правовой информатики и правовой кибернетики.

Анализ информационной сферы и действующих в ней субъектов позволяет выделить три их основные категории: производители информации, информационных ресурсов, информационных продуктов, информационных услуг, а также информационных систем, технологий и средств их обеспечения; обладатели (держатели) информации, информационных ресурсов, информационных продуктов, собственники информационных систем и средств их обеспечения; потребители информации, информационных ресурсов, информационных продуктов, информационных услуг. Для всех

субъектов, действующих в информационной сфере, устанавливается гражданско-правовая, административно-правовая и уголовная ответственность за неправомерное поведение в информационной сфере.

Информационное право как некая технологическая взаимообусловленность правовых норм и как формирующаяся отрасль основывается на понятийном аппарате, присущем только данной отрасли права. Иными словами, любая отрасль белорусского права как устоявшийся механизм правового регулирования конкретных общественных отношений обладает словесно-понятийным инструментарием. Данный тезис, на наш взгляд, можно отнести и к информационному праву.

Таким образом, информационное право – это еще одна отрасль частного (на взгляд авторов) права в правовой системе Республики Беларусь, необходимая для развития современного общества. На сегодняшний день информационное право является отраслью права (комплексным массивом правовой информации), регулирующей отношения, связанные с информацией. Главной проблемой развития информационного права в Республике Беларусь является отсутствие единого кодифицированного законодательства, охватывающего все информационные отношения. Кодификация информационного законодательства позволит осуществить полное системное регулирование информационных отношений в целях обеспечения гарантий информационных прав и свобод личности, общества, государства. Эта проблема – общеправовая в системе частных правовых отраслей. Хотелось бы, чтобы в ближайшее время законодатель обратил серьезное внимание на кодификацию нормативного материала в сфере информационных отношений.

Список источников

1. Бурило, Ю. П. Організаційно-правові питання державного управління в інформаційній сфері / Ю. П. Бурило. – Київ, 2008. – 215 с.
2. Информационное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич [и др.]; под общ. ред. Г. А. Василевича и Д. А. Плетенева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 352 с.
3. Кохановська, О. В. Цивільно-правові проблеми інформаційних відносин в Україні / О. В. Кохановська. – Київ, 2006. – 531 с.

УДК 347.615

СТОРОНЫ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ

Сотникова Ольга Александровна,

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)

В статье проводится краткий обзор семейного законодательства Республики Беларусь. На основании проведенного анализа исследуются теоретические и практи-

ческие проблемы субъектного состава соглашения об уплате алиментов. Рассматриваются основные механизмы совершенствования законодательства в сфере алиментных соглашений.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что в настоящее время существуют различные подходы к определению участников соглашения об уплате алиментов (далее – Соглашение). Вопрос о свободе выбора партнера, как называет его Н. Ф. Звенигородская [1, с. 6], представляет для нас особый интерес, так как в действующем семейном законодательстве не все алиментнообязанные лица имеют право заключить Соглашение.

Целью данной работы является выявление теоретических и практических проблем субъектного состава алиментного соглашения, совершенствование норм семейного прав.

В юридической литературе неоднократно принимались попытки выработать единый подход для определения круга лиц, имеющих право заключать соглашение об уплате алиментов. Данный вопрос подробно рассматривается в работах Н. Ф. Звенигородской [1], Е. П. Титаренко [2], О. Ю. Ильиной [3], М. В. Антокольской [4] и др., труды которых послужили основой данного исследования.

Семейное законодательство Республики Беларусь предусматривает добровольную возможность исполнения алиментных обязательств путем заключения специального соглашения. Соглашение об уплате алиментов представляет собой семейно-правовой договор, регулирующий отношения по внесудебному порядку предоставления содержания нуждающимся и (или) нетрудоспособным членам семьи. Основное значение института алиментных соглашений – возможность добровольного определения всех аспектов исполнения алиментных обязательств: размера, способа, порядка уплаты, срока, а также ответственности за неисполнение обязанностей.

Круг лиц, обязанных уплачивать алименты, и лиц, имеющих право требовать их уплаты, определен семейным законодательством. Согласно белорусскому законодательству право на получение алиментов в судебном порядке имеют: 1) несовершеннолетние или нетрудоспособные нуждающиеся совершеннолетние дети от своих родителей (ст.ст. 91, 99 КоБС РБ); 2) нетрудоспособные нуждающиеся в помощи родители от своих трудоспособных совершеннолетних детей (ст. 100 КоБС РБ); 3) жена (бывшая жена) в период беременности, супруг (бывший супруг), осуществляющий уход за общим ребенком до достижения им трех лет, общим ребенком-инвалидом до достижения им восемнадцати лет, общим нетрудоспособным совершеннолетним ребенком, а также нетрудоспособный супруг (бывший супруг).

В настоящее время ученые выделяют два основных направления в сфере определения субъектного состава соглашения об уплате алиментов. Представителем узкого подхода к определению участников алиментного соглашения является Е. П. Титаренко, которая полагает, что возникновение алиментного правоотношения основано на законе, и право на получение алиментов и обязанность по их уплате возникают только у лиц, указанных в законе, поэтому и заключать алиментное соглашение могут лишь эти лица [2, с. 4].

Важно отметить, что в соответствии с белорусским законодательством не все члены семьи имеют право заключить Соглашение. Согласно ст. 103¹ КоБС Республики Беларусь, Соглашение может быть заключено только между обязанным родителем и лицом, получающим алименты, а при его недееспособности – законным представителем [4]. Анализ правовой нормы приводит нас к выводу об ограниченном круге субъектов алиментного соглашения. Данное положение не только ущемляет права допустимых участников алиментных обязательств, установленных КоБС Республики Беларусь (нуждающегося нетрудоспособного родителя, супруга, бывшего супруга), но и запрещает им самостоятельно определить предмет и порядок исполнения алиментного обязательства.

М. В. Власова, О. Ю. Ильина высказывают мнение о возможности заключения соглашения между любыми лицами, независимо от родственных связей, опираясь на принцип диспозитивности [3]. Из принципа диспозитивности следует, что граждане по своему волеизъявлению имеют право самостоятельно распоряжаться своими правами в собственных интересах, а значит, и могут заключать Соглашение и при отсутствии оснований. На наш взгляд, данный подход является нецелесообразным, поскольку алиментное обязательство не может возникнуть само по себе. Для возникновения алиментного обязательства необходимо наличие юридических составов. Так, например, в основании алиментного обязательства родителей в отношении несовершеннолетних детей находится такой факт-состояние, как родство первой степени. Что касается обязанности детей по содержанию своих родителей, то в данном случае основаниями выступают недееспособность и нуждаемость. Исходя из вышеизложенного, согласимся с мнением М. В. Антокольской, согласно которому Соглашение, заключаемое лицами, не имеющими права на принудительное взыскание алиментов, следует рассматривать как гражданское соглашение [5, с. 235–237].

Анализ рассмотренного подхода свидетельствует о его противоречивости императивным нормам семейного законодательства, закрепляющим круг алиментобязанных лиц и основания возникновения обязанности содержания.

В результате изучения различных источников мы пришли к следующему выводу. В связи с необходимостью обеспечения и осуществления

правовой охраны в полном объеме всех субъектов алиментного обязательства предлагается внести изменения в ст. 103¹ КоБС РБ, определив более широкий круг лиц, имеющих право заключать соглашение об уплате алиментов. Из этого следует, что ч 1. ст. 103¹ КоБС РБ можно сформулировать следующим образом: «Соглашение об уплате алиментов (размере, способах и порядке их уплаты) заключается между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем. При недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) их получателя, Соглашение об уплате алиментов от их имени заключается их законными представителями».

Список источников

1. Звенигородская, Н. Ф. Свобода выбора партнера в семейно-правовом договоре / Н. Ф. Звенигородская // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 2. – С. 6.
2. Титаренко, Е. П. Соглашение об уплате алиментов / Е. П. Титаренко // Бюллетень нотариальной практики. – 2007. – № 2. – С. 4.
3. Ильина, О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации / О. Ю. Ильина. – Москва : Городец, 2007. – 192 с.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2017 г. // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Антокольская, М. В. Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрист, 2002. – 336 с.

УДК 343.95

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В БЕЛОРУССКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Степанов Олег Витальевич,

Филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет»
(г. Минск, Беларусь)

В работе рассматривается научная разработка отдельных вопросов формирования информационных ресурсов в рамках единой информационной инфраструктуры судов общей юрисдикции, обосновывается необходимость принятия правовых предписаний, отражающих современные возможности внедрения технических новаций в деятельности судов при разрешении ими различных гражданско-правовых споров.

Гражданское процессуальное право, как и иные отрасли частного права, защищает нарушенные или оспариваемые права, свободы и законные интересы участников гражданского оборота. Поэтому совершенствование различных аспектов электронного судопроизводства всегда находилось и находится в центре внимания как белорусских ученых и практиков в области судостройства, так и иных исследователей из стран, входящих в Евразийский Экономический Союз.

Проблеме совершенствования правового регулирования «электронного правосудия» в различное время были посвящены работы С. Н. Князева и А. А. Бержанина [2], И. Ю. Кирвель [3], О. В. Степанова и Д. Г. Цыганкова [4], О. Федотова [5] и других исследователей [6; 7]. Тем не менее среди существующего многообразия общетеоретических подходов, разработанных в различное время относительно концепции правовой информатизации и ее социальной значимости в обществе, роль судебной системы в формировании национального единого информационно-правового пространства в современной теории гражданского процессуального права по-прежнему остается недостаточно разработанной. Поэтому, безусловно, заслуживает внимания позиция А. Аленова, который полагает, что электронные процедуры рано или поздно будут внедрены в гражданское судопроизводство [1, с. 71–72].

С этих позиций одним из приоритетных направлений совершенствования правоустановительной деятельности государства в области развития «электронного правосудия», по нашему мнению, является создание эффективной правовой базы, регулирующей отправление правосудия в различных видах гражданского судопроизводства с учетом использования технических возможностей, присущих XXI в. в общем, и регламентирующей реализацию этих технологий в судах общей юрисдикции в процессе рассмотрения гражданских дел, в частности.

Так, после вступления в законную силу Указа Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь», утвердившего Положения о Совете по развитию информационного общества при Президенте Республики Беларусь и независимом регуляторе в сфере информационно-коммуникационных технологий [8]; Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» [9] и, безусловно, требований ч. 2 ст. 178 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) [10; ст. 178], закрепившим правовую возможность использования в гражданском процессе показания свидетелей, полученные путем использования систем видеоконференцсвязи, имеющих значение для правильного разрешения дела,

в стране была сформирована правовая основа для дальнейшего повышения качества осуществления белорусского правосудия в анализируемом направлении. Это, в конечном итоге, обусловит переход судебной системы на новый уровень качества и сокращения сроков рассмотрения гражданско-правовых споров, в том числе и благодаря задействованию возможностей электронного правосудия.

Творчески развивая сказанное, следует обозначить возможные направления, по которым будет осуществляться внедрение технических достижений в судебную деятельность в рамках формирования основ «электронного правосудия» в Республике Беларусь. Во-первых, дальнейшее совершенствование локальной и внешней компьютерной базы самого судебного органа и ведение на этой основе рабочего документооборота и судебной корреспонденции путем обращения заинтересованных сторон к официальному сайту суда. Во-вторых, совершение процессуальных действий судом и другими участниками судопроизводства в определенных стадиях гражданского процесса. В-третьих, совершенствование всего массива законодательства, регулирующего гражданское судопроизводство, в части касающейся электронного правосудия. При этом полагаем, что в качестве дефиниции «электронное правосудие в гражданском процессе» следует рассматривать основанную на нормах гражданского процессуального права совокупность процессуальных действий, осуществляемых участниками гражданского судопроизводства в информационно-телекоммуникационной сети Интернет при рассмотрении и разрешении судами гражданских дел в электронном виде. Такой подход может быть использован белорусским законодателем в качестве опорного при внесении дополнений в статью 1 ГПК «Основные термины и их определения, применяемые в настоящем Кодексе».

В связи с тем, что внесение изменений в действующее гражданское процессуальное законодательство в части расширения сферы «электронного правосудия» требует обширного исследования, рассмотрим процессуальные аспекты по обращению лиц в судебные органы с исковыми заявлениями, а также взаимодействие судов с органами внутренних дел при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Исковое заявление в суд подается исключительно в письменной форме. Это требование закреплено в нормах белорусского гражданского процессуального законодательства [10, ст. 242]. Это, в свою очередь, исключает возможность подачи заявления в форме электронного документа. Поэтому исходя из необходимости совершенствования правового механизма обращения за судебной защитой и легального закрепления как электронной формы обращения в суд, так и электронного документооборота предлагается дополнить статью 242 ГПК

частью 3 следующего содержания: «Исковое заявление также может быть подано в суд посредством заполнения электронной формы заявления, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет».

Изучение и анализ научной юридической литературы в контексте предмета нашего исследования, законодательной базы, определяющей использование возможностей электронного судопроизводства по гражданским делам в Республике Беларусь, дает основания для следующих выводов:

1. Научная разработка вопросов формирования и использования информационных ресурсов в рамках единой информационной инфраструктуры судов является обязательным условием совершенствования, с одной стороны, доступности юридической помощи гражданам, а с другой — активно способствует формированию уважительного отношения к закону и суду, а также повышению открытости гражданского судопроизводства.

2. Нормативное правовое регулирование процессуальных аспектов судебного разбирательства представляет собой важнейшую теоретическую категорию гражданского процессуального права и имеет важное значение для практики рассмотрения дела, по существу.

Безусловно, в рамках данной статьи невозможно рассмотреть весь спектр проблем, связанных с актуальными вопросами развития электронного белорусского правосудия при рассмотрении гражданско-правовых споров, а также выработать единую точку зрения среди различных подходов в рассматриваемом направлении. Поэтому предлагаемый материал представляет собой авторский промежуточный результат проводимого им комплексного исследования в данном направлении.

Список источников

1. Аленов, М. А. Внедрение в Казахстане электронного правосудия: нормативная основа и перспективы / М. А. Аленов // Право и государство. – № 3 (60). – 2013. – С. 71–73.
2. Князев, С. Н. Проблемы становления электронного судопроизводства в Республике Беларусь / С. Н. Князев, А. А. Бержанин // Проблемы упр. – 2007. – № 2 (23). – С. 49–52.
3. Кирвель, И. Ю. Электронное правосудие: понятие, сущность, перспективы [Электронный ресурс] / И. Ю. Кирвель // Электронная библиотека УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы». – Режим доступа: <http://elib.grsu.by/katalog/152806-315013.pdf>. – Дата доступа: 16.09.2018.
4. Степанов, О. В. Правовая природа электронного судопроизводства / О. В. Степанов, Д. Г. Цыганков // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 73–80.
5. Федотов, О. Электронное правосудие в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / О. Федотов // Идеи электронного правительства для Беларуси. — Режим доступа: <http://www.e-gov.by/themes/ekspert/elektronnoe-pravosudie-v-respublice-belarus>. – Дата доступа: 11.05.2016.
6. Кашинский, Ю. И. Концепция правовой информатизации Республики Беларусь / Ю. И. Кашинский [и др.] // Проблемы правовой информатизации : сб. науч. ст. – 1998. – № 1. – С. 5–28.

7. Газиев, Р. И. Правовая информатизация российского общества в современных условиях: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Р. И. Газиев. – Н. Новгород, 2009. – 163 л.
8. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 нояб. 2011 г., № 515 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 11.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2013 г., № 6 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 13.02.2018.
10. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 N 135-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347.6

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ховратова Светлана Николаевна,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье особое внимание уделяется исследованию проблемных вопросов коллизии правопорядков при заключении брака в международном частном праве.

В настоящее время наблюдается увеличение количества браков, заключаемых белорусскими гражданами с иностранцами. Проблемы таких браков связаны с тем, что супругами являются граждане государств с различными подходами к содержанию прав и обязанностей в семейно-брачных отношениях. В законодательстве некоторых государств особо выделяются «иностранцы» (между иностранцами) и «смешанные» (между иностранцами и собственными гражданами) браки. Семейные отношения – отношения сложные по субъектному составу и по содержанию, также тесно связаны с национальными традициями, религией, бытовыми и этническими обычаями [3, с. 458].

Обозначенные различия обуславливают актуальность исследования вопросов коллизии правопорядков, регулирующие вопросы брачно-семейных отношений между супругами, не имеющими общего гражданства. «Коллизия» – это слово, происходящее от латинского *collision*, что означает стол-

кновение. Говоря о коллизии законов, подразумевают необходимость выбора между законами разных государств. Коллизия права обусловлена двумя причинами: наличие иностранного элемента в частноправовом отношении и различным содержанием права государств, с которыми это отношение связано.

Главной особенностью частноправовых отношений как предмета международного частного права, считает П. К. Дмитриева, является наличие в их составе иностранного элемента. Это качество обуславливает международность или трансграничность этих отношений, с одной стороны, и их связь с правом разных государств – с другой [2, с. 14].

Иностранный элемент в частном правоотношении – это непереносимое основание для постановки коллизионного вопроса: право какого государства должно регулировать данное правоотношение с иностранным элементом. Коллизионная норма сама по себе не дает ответа на вопрос о том, какие права и обязанности сторон возникают по данному правоотношению, она лишь указывает компетентный материально-правовой закон, подлежащий применению к правоотношению.

Известно, что большое значение имеет вопрос о том, каким законом должно регулироваться то или иное семейное правоотношение с «иностраным элементом». Коллизионная норма о «выборе права» не может получить применения сама по себе. Лишь в совокупности с тем материальным законом, к которому она делает отсылку, коллизионная норма образует правило поведения, обращенное к суду (или к иному органу государства), но и непосредственно к участникам правоотношения, усложненного «иностраным элементом». Поэтому, коллизия между законами различных государств в сфере международного частного права вообще, и семейно-брачного в частности, возникают именно из-за различий в правопонимании между отдельными правовыми системами.

Брак – правовое явление с ярко выраженной социальной, экономической, культурной обусловленностью. В этой области, как ни в какой другой, недостижима полная унификация материального регулирования – считает российский ученый В. Л. Толстых. Как следствие, значение коллизионного регулирования в семейном праве очень велико. Брак с участием иностранного элемента – достаточно часто встречающееся явление. Поскольку в данном случае речь идет о «вопросах интимного самоопределения личности», в качестве привязок могут выступать только право государства гражданства и право государства места жительства. Вопросы семейного статута очень тесно связаны с вопросами определения личного закона, поэтому коллизионные нормы семейного права должны отражать одну концепцию и по возможности унифицировано толковаться и применяться. Сами семейные отношения – отношения очень сложные по субъектному составу и по

содержанию. Для целей международного частного права нельзя говорить о семейных отношениях вообще. Имущественные отношения супругов, отношения, связанные с воспитанием детей, бракоразводные отношения и другие должны рассматриваться обособленно. Из вышеизложенного следует, что в области семейного права не избежать дифференциации коллизионных привязок [3, с. 457–458].

Известный советский ученый Л. А. Лунц считает, что по вопросам брака, относящимся к личному статусу гражданина, теория международного частного права традиционно отстаивала применение личного закона к материальным условиям брака и закона места совершения бракосочетания к вопросам формы брака. Однако действующее коллизионное право многих стран допускает множество исключений или даже полное отступление от этих начал, так что едва ли можно говорить о единстве исходных положений коллизионных норм о браке. Роль унификации коллизионного брачного права посредством международных конвенций в мире невелика. Все это оставляет широкие возможности для возникновения «хромающих» браков – таких, которые получают признание в одних государствах и лишены признания в других [1, с. 716–717].

В настоящее время брак с участием иностранного элемента – достаточно часто встречающееся явление. В законодательстве некоторых государств особо выделяются «иностранцы» (между иностранцами) и «смешанные» (между иностранцами и собственными гражданами) браки. Семейные отношения – отношения сложные по субъектному составу и по содержанию, также тесно связаны с национальными традициями, религией, бытовыми и этническими обычаями. Например, в Израиле юридически действительными считаются только церковные браки, поэтому иные брачно-семейные отношения не порождают юридических последствий и не регулируются семейным правом Израиля. В качестве другого примера влияния экономического географического факторов можно привести полигамию, распространенную и легализованную у некоторых народов Африки. В условиях тропиков для ведения хозяйства необходимы сплоченные группы и полигамия создавала основу для земельных участков и сбора урожая два раза в год. В основном этим занимаются женщины, поэтому большое количество в семье женщин-работниц выгодно. Комиссия по праву о браке и разводе в Кении пришла к выводу о том, что любой закон, ведущий к отмене полигамии, станет причиной значительных социальных потрясений, увеличение числа союзов, не признаваемых в качестве законного брака и увеличится число незаконных детей.

Таким образом, можно выделить основные коллизионно-правовые проблемы брачно-семейных правоотношений: 1) форма и условия заключения

брака; 2) расовые и религиозные ограничения; 3) запреты на браки с иностранцами; 4) необходимость разрешения (дипломатического, родителей или опекунов) для вступления в брак; 5) личный закон (главенство) мужа; 6) заключение брака по доверенности и через представителя; 7) полигамия и моногамия; 8) однополые браки; 9) юридическая ответственность за отказ вступить в обещанный брак; 10) «хромающие» браки и др. [4, с. 131].

Известно, что одна из общепризнанных коллизионных привязок, применяемая для регулирования семейных правоотношений – это *lexlocicelebrationis* (закон места заключения брака). Форма и порядок заключения брака определяется в соответствии с правом того государства, на чьей территории брак заключается. Ситуация усугубляется еще и тем фактом, что на момент заключения брака часто невозможно определить будущую территориальную локализацию семейных отношений. Решающий закон места заключения брака побуждает заинтересованных лиц заключать брак там, где отсутствуют препятствия, установленные их домицилиями, и таким образом обходить запреты, предусмотренные национальным законодательством. Вот это и вызывает коллизии законов в области брачно-семейного права. Форма брака регулируется правом того места, в котором брак заключается – *locusregitactum*. В большинстве стран это означает, что для заключения признаваемого законом брака достаточно, но не необходимо, соблюсти требования, предписанные законом места совершения брака: сторонам предоставляется выбор между этим законом (*lexloci*) и их личным законом. В других странах подчинение закону места совершения брака обязательно, поскольку норма *locusregitactum* носит императивный характер.

Так, существующие многочисленные различия между законами, регулирующими брачно-семейные отношения, которые относятся к материальным условиям вступления в брак и к порядку его оформления, основаниям недействительности брака – это еще только начало возникновения отношений. Значение этих всех расхождений между законами разных государств вполне становится очевидным, когда возникает решение вопроса о наличии или отсутствии брачного правоотношения и на поверхности появляются многие другие вопросы: имущественных прав каждого из супругов, в том числе их алиментных прав и обязанностей, правового положения детей, наследственных прав и др. Семейные отношения принадлежат к тем общественным явлениям, в которых отчетливо и непосредственно выявляется воздействие правовых норм на мировоззрение и поведение участников правоотношений, на их бытовые и имущественные отношения и т. д.

Подводя итог, можно утверждать, что вопросы, касающиеся брачно-семейных отношений, занимают в доктрине и практике международного частного права особое место. Нормы, регулирующие семейные отношения,

настолько тесно связаны с господствующими в стране моралью, религией, основными принципами жизни, что их применение зачастую зависит от существующего в данной стране публичного порядка. Вопрос унификации законодательства в брачно-семейной сфере наиболее трудно осуществим.

Список источников

1. Лунц, Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. / Л. А. Лунц. – М. : Спарк, 2002. – 1007 с.
2. Международное частное право : учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева [и др.] ; под общ. ред. Г. К. Дмитриева. – М. : Велби, Проспект, 2004. – 688 с.
3. Толстых, В. Л. Международное частное право : коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. – СПб. : Юридический центр пресс (Р. Асланов), 2004. – 526 с.
4. Ховратова, С. Н. Коллизионное регулирование брака с участием иностранного элемента / С. Н. Ховратова // Традиции и новации в праве : материалы Международной научно-практической конференции, Новополоцк, 6–7 октября 2017 г. : в 2 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2017. – Т. 2. – С. 130–133.

УДК 343.95

НОТАРИАТ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Чайкова Валентина Митрофановна,
Могилевская областная нотариальная палата
Белорусской нотариальной палаты
(г. Могилев, Беларусь)

В докладе проанализирована история развития нотариата с древних времен по настоящее время.

Далекими предшественниками нотариуса, по сути, родоначальниками профессии, являлись писцы древнейших цивилизаций – особые категории должностных лиц, достойные доверия, наделенные полномочиями формировать и закреплять юридические доказательства.

Впервые прообраз профессии нотариуса проявился в Вавилоне (1760 г. до н.э.), в период правления царя Хаммурапи, знаменитого изданием кодекса (правил поведения), высеченного на каменных обелисках, когда писцы редактировали различные акты на глиняных досках по особым правилам. В эпоху фараонов глиняные доски были заменены на папирусы, которые превратились в ценные бумаги. В этот период оформлялись и регистрировались договоры, основанные как на частном праве, так и на государственном праве. Однако считается, что нотариат в современном понимании возник в

Древнем Риме. Римское право являлось правом писанным, приоритетными в нем считались письменные доказательства.

В средние века профессия нотариуса стала одной из престижных и уважаемых в обществе. В XI веке, с началом возрождения римского права, в Болонье была основана первая в мире школа нотариусов. Школы нотариата позднее стали школами права, а в дальнейшем университетами, в которых преподавали лучшие для того времени нотариусы-юристы. Эпоха возрождения длилась до XVIII века. В этот период было издано огромное количество трудов в области нотариата и права. Нотариусами тогда были самые образованные и грамотные люди. К кандидатам, желающим изучать право в учебных заведениях, предъявлялись очень высокие требования. Они должны были читать и писать без ошибок, как на родном языке, так и на латыни.

История возникновения и становления процедуры законного закрепления юридических актов на Руси схожа с древнеримской: когда в обществе стали развиваться и совершенствоваться имущественные отношения, назрела необходимость не только «рядиться» – устно договариваться о сделке, но и письменно скреплять ее, а в отдельных случаях, например при сделках с недвижимостью, придавать им публичный характер – «совершать крепости».

В средние века часть современной территории Беларуси принадлежала Великому Княжеству Литовскому и до 1795 года входила в состав конфедеративного государства Речи Посполитой. Функции нотариуса, согласно Статуту Великого Княжества Литовского 1588 года, были возложены на земские суды. В состав суда входили: судья, подсудок, писарь. Все сделки с недвижимостью подлежали регистрации в земских книгах. Завещания составлялись в присутствии всего состава суда (Урада) или хотя бы одного урядника, а сведения о таком завещании обязательно вносились так же в земскую книгу. Писарь мог выдавать выписки из земской книги, однако выписки должны были быть скреплены подписью судьи или подсудка.

Реформы Александра II охватили все сферы государственной жизни России и затронули организацию публичной деятельности лиц, занимавшихся совершением различного рода актов.

Во второй половине XIX в. развитие российского нотариата было тесно связано с судебной реформой 1864 г. В апреле 1866 г. с принятием Временного положения о нотариальной части начался новый этап истории российского нотариата. Временное положение получило силу закона и вошло в состав судебных уставов.

Развитие истории современного нотариата тесно связано с историей государства. Этапы становления современного нотариата связаны с принятием Декрета Совета Народных комиссаров № 2 «О суде» от 24 ноября 1917 года, где содержится нормативное закрепление компетенции и неко-

торых функций нотариальных органов. Так, в статье 9 было указано, что все дела охранительного гражданского судопроизводства, как-то: утверждение в правах наследства, утверждение к исполнению духовных завещаний, усыновление и т.д., а равно дела брачные, о рождении, и вообще дела, оценке не подлежащие, подсудны местному суду.

В статье 11 Декрета устанавливалось, что надписи о принудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам, на основании правил о принудительном исполнении делаются нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими. Причем эти лица, а равно нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном порядке.

Принципиальные вопросы организации и деятельности нотариата обсуждались IV Всероссийским съездом деятелей советской юстиции, который открылся 26 января 1922 года. В печати были опубликованы «Тезисы о нотариате», в которых подчеркивалось, что в Советском государстве нотариат является государственным учреждением, а все элементы гражданско-правовых отношений между нотариусами и клиентами, свойственные капиталистическим странам, по вознаграждению за услуги не должны иметь место.

Новый этап развития органов нотариата наступил в послевоенный период. Положения о государственном нотариате в Белорусской ССР утверждались в 1950, 1956 годах.

В 60-е годы существенно изменилось гражданское и процессуальное законодательство – 11 июня 1964 года были приняты новые Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы БССР. В связи с чем в январе 1967 года было утверждено новое Положение о государственном нотариате, в котором впервые четко были закреплены задачи государственного нотариата, расширен и детально урегулирован круг совершаемых нотариальных действий. В Положении были определены требования к лицам, претендующим на должности государственных нотариусов, в том числе о наличии высшего юридического образования.

30 апреля 1974 года был принят Закон БССР «О государственном нотариате», который урегулировал деятельность не только нотариальных контор, но и определил компетенцию иных органов, совершающих нотариальные действия (исполкомы местных Советов, консульские учреждения), закрепил основные положения организации и осуществления нотариальной деятельности. Данный закон просуществовал более 26 лет и был признан утратившим силу 24 октября 2000 года, в связи с утверждением Указом Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2000 года № 38 «Положения о нотариате и нотариальной деятельности в Республике Беларусь», закрепившего основные организационные принципы деятельности государственного нотариата.

Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года была предусмотрена организация частной нотариальной деятельности в городе Минске в порядке эксперимента, а с 1994 года эксперимент распространился на территорию всей республики. В последующем частная нотариальная деятельность получила правовое закрепление и развитие в иных нормативных правовых актах. Так, порядок допуска к занятию частной нотариальной деятельностью, организационные положения ее осуществления были определены Декретом Президента Республики Беларусь от 3 мая 1997 года № 12 «О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь».

Спустя 20 лет после принятия первого Закона, регулирующего нотариальную деятельность, 18 июля 2004 года был принят Закон Республики Беларусь № 305-3 «О нотариате и нотариальной деятельности».

Данным Законом определены правовые, организационные, социально-экономические основы нотариата, задачи и принципы нотариальной деятельности в Республике Беларусь, а также он регулирует отношения в области нотариальной деятельности.

Указ Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 года № 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь» провозгласил кардинальную реформу организации нотариальной деятельности, сближающую нотариат Беларуси с латинским типом нотариата.

Список источников

1. Фемелиди, А. М. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 года / А. М. Фемелиди. – СПб. : Издание Я. А. Кантаровича, 1902. – II, 258 с.
2. Яркова, В. В. Нотариат и нотариальная деятельность / под ред. В. В. Яркова, Н. Ю. Рассказовой. – М. : Волтерс Клувер, 2009.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

УДК 342.4

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИИ КАК ОСНОВНОГО ЗАКОНА ГОСУДАРСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН

Гайдар Татьяна Алексеевна,

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(г. Симферополь)

Паршичева Ирина Евгеньевна,

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(г. Симферополь)

В статье раскрывается значение Конституции как юридического документа, воздействующего на формирование правосознания граждан.

Конституция любого государства является основой формирования и совершенствования конституционного правосознания, оказывая на граждан в процессе своей реализации воспитательное воздействие, являющееся не менее значимым аспектом ее функционирования, чем его роль в упорядочивании общественных отношений. Данное направление действия Конституции тесно связано с ее идеологической функцией.

В современных Конституциях идеологическая функция предполагает, во-первых, воздействие нормативного конституционно-правового потенциала на сознание людей с целью формирования у них определенных взглядов, во-вторых, выражение и закрепление политического и правового сознания народа. В этом проявляется социально-психологический и идеологический аспекты механизма реализации Конституции как основного закона. И если советские Конституции отражали принципы единственной, обязательной государственной идеологии, основанной на постулатах теории и практики социалистического и коммунистического строительства, то Конституции постсоветских государств оказывают воспитательное воздействие, устанавливая идеологические ориентиры совершенно иного рода. В отличие от прежних Конституций действующие закрепили многие либеральные цен-

ности, ранее отвергавшиеся социалистическим правосознанием и в полной мере так и не прижившиеся в конституционном правосознании граждан.

На наш взгляд, значимость идеологической функции конституции все же не означает, что она является единственным каналом воздействия на сознание граждан с целью формирования и совершенствования их Конституционного правосознания.

Рассматривая ценностно-идеологическое воздействие Конституций на сознание людей, необходимо отметить, что оно коренным образом отличается от идеологического воздействия всех ранее действовавших Конституций. Главной целью принятия Конституции и одновременно условием ее реальности является достижение в государстве общественного согласия. Поэтому основная задача в процессе формирования конституционного правосознания граждан состоит не в отражении идеологии какой-либо партии или класса, а в закреплении определенных общедемократических мировоззренческих ценностей, оказывающих влияние на сознание и поведение людей и в конечном счете способствующих формированию у них демократического мировоззрения, политической и конституционной культуры.

Являясь актом учредительного характера, обеспечивающим первичное регулирование общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности общества, получающим дальнейшее развитие и детализацию в текущем законодательстве, роль Конституции проявляется в том, что она придала высшее юридическое значение новым, фактически сложившимся институтам, тем самым вызвав процесс конституционализации правовой системы. Являясь основой, Конституция предстает базовым нормативно-правовым актом, направленным на конституционализацию правового сознания и в конечном счете формирование или изменение их конституционного правосознания.

Как основу формирования конституционного правосознания граждан Конституции разных стран характеризуют и наличие в них большого количества общих положений, программных установлений и норм-принципов, обобщающих и оценивающих наиболее важные, социально значимые явления и процессы материальной и духовной жизни общества.

Основополагающим принципом функционирования государственной власти должны являться права и свободы человека. Например, идея общечеловеческих ценностей, выработанная опытом многих поколений людей, нашла свое воплощение в Конституции Российской Федерации 1993 года и Конституции Республики Беларусь 1994 года. В ст. 2, которая закрепила права и свободы человека в качестве высшей ценности в ст. 3, провозгласившей принцип народного суверенитета [2] а также во многих других статьях, закрепивших демократические институты [3]. К сожалению, одной из

характерных черт общества является неосознанная в достаточной степени значимость прав и свобод человека, декларативное признание ценности последствий.

Принятые путем всенародного голосования Конституции предполагают более высокий уровень их легитимности, а следовательно, и большую степень одобрения гражданами. Принятие Конституций на референдумах, представляющих собой институт, непосредственно выражающий волю народа, позволяет говорить о ее приоритете перед законами и другими правовыми актами, о ее ведущей роле в механизме правового воспитания личности.

Конституции постсоветских государств как основу формирования конституционного правосознания граждан характеризует и наличие в них большого количества общих положений, программных установлений и норм-принципов, обобщающих и оценивающих наиболее важные, социально значимые явления и процессы материальной и духовной жизни общества.

Рассматривая ценностно-идеологические основы конституционного правосознания, необходимо учитывать, что Конституции большинства стран сами во многом являются результатом достигнутого уровня развития конституционного правосознания. Основанная на конституционном правосознании воля господствующих политических сил (или народа), получая государственный характер, воплощается в конституционных предписаниях, становится социальным ориентиром для общества в целом, а также определяет выбор моделей поведения.

Таким образом, между воспитательной функцией конституции и конституционным правосознанием существует прямая и обратная связь. С одной стороны, воспитательное воздействие ее предопределяется уровнем конституционного правосознания. С другой – воспитательное воздействие Конституции оказывает влияние на конституционное правосознание, стимулирует дальнейшее развитие его структурных компонентов.

Однако мировая практика показывает, что развитое конституционное правосознание вырабатывается годами или даже десятилетиями. Само принятие Конституции не способно коренным образом изменить отношение к важнейшим конституционным ценностям, как рядовых граждан, так и государственных деятелей.

Следовательно, реализация конституционных норм нуждается в поддержке, при этом в процессе реализации конституционные нормы, воздействуя на сознание и поведение человека, оказывают значительное влияние на формирование его мировоззрения, убеждений, жизненных ориентиров.

Список источников

1. «Конституция Республики Беларусь» 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Режим доступа: <http://www.pravo.by>.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Баринов Эмиль Эдуардович «Конституция России как ценностно-идеологическая основа конституционного правосознания российских граждан» // Философия права. 2015. №3 (70). – Режим доступа :<https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-rossii-kak-tsennostno-ideologicheskaya-osnova-konstitutsionnogo-pravosoznaniya-rossiiskih-grazhdan>.

УДК 32.019.51

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Гимбутис Анастасия Игоревна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Данная статья посвящена проблеме информационных войн в современном мире. Показаны некоторые наиболее важные способы их ведения, а также перечислены основные признаки и последствия войн в информационной сфере. В конце данной статьи автор дает ответ на злободневный вопрос: информационные войны в современном мире – это миф или реальность?

Сегодня, в XXI веке, веке информационных технологий важное место в жизни каждого человека занимает информация. Ведь именно благодаря информации человек получает сведения о последних мировых событиях, произошедших в политике, юриспруденции, культуре, образовании и других сферах общественной жизни. Однако не всегда эта информации оказывается достоверной, а порой даже выступает в качестве источника начала такого неблагоприятного явления, как информационная война, которая может привести к довольно ужасным последствиям.

Что же собой представляет информационная война?

Понятие «информационная война» впервые появилось в США и первоначально использовалось в информационных военных кругах. Перевод же этого термина «*information and psychological warfare*» с английского языка может звучать и как «информационное противоборство», и как «информационная, психологическая война», в зависимости от рассматриваемого контекста [1, с. 74].

То, что информационную войну нередко называют психологической, а иногда и информационно-психологической, совершенно неслучайно, так как информационная война – это в первую очередь распространение информации, которая оказывает особое влияние на психику людей. Получив ее, психически уязвимый человек беспрекословно верит ей и, не проверив степень ее достоверности, передает информацию дальше. Таким образом она достаточно быстро распространяется. Однако следует отметить, что не все граждане так доверчивы. Их можно разделить на две категории: лица, которые четко убеждены в правдивости любой предоставленной им информации, и те, кто не всегда согласен с ней и способен отстаивать свою точку зрения. Это в свою очередь приводит к столкновению мнений сторон. Такой конфликт может даже приобрести вооруженный характер и унести множество жизней.

Говоря об информационной войне, стоит выделить ее основные признаки, а также определить способы ведения такой войны:

- информационная война может вестись и между государствами, и между различными объединениями;

- противоборство в информационном пространстве сопровождает и обеспечивает поддержку противоборства, реализующегося в базовых сферах жизни и деятельности: политической, экономической, военной и др.;

- информационная война создает отрицательный психологический фон по конкретным вопросам;

- способствует появлению и развитию в обществе эмоциональной напряженности.

Главным оружием информационных войн в современном мире выступают средства массовой информации. Именно с их помощью власть стремится создать нужную для себя обстановку в обществе. С этой целью подвластные ей СМИ подают информацию таким образом, чтобы сформировать определенный взгляд на ту или иную проблему. В то же время правящие круги, фактически нарушая права граждан, могут ограничивать их доступ к другим информационным источникам, освещающим события с иной позиции. Хотя в современном информационном обществе сделать это весьма сложно.

Примером формирования общественного мнения может послужить оценка со стороны СМИ причин и характера конфликта между официальным Киевом и Донецкой, Луганской областями, начавшегося в апреле 2014 года. В Украине часто звучат обвинения в адрес России в разжигании этого вооруженного конфликта и заявления, что именно российские военные имеют причастность к крушению «Boeing-777» в Донецкой области, а

также подрыву автобуса с мирными жителями в Волновахе. Российские и оппозиционные украинские СМИ причастность Российской Федерации к вооруженному конфликту с Украиной опровергают, так как данные сведения официально не подтверждены, а возможно были сфабрикованы Госдепартаментом США или соответствующими управленческими структурами. В таких условиях информационного противостояния разобраться в том, что же на самом деле происходит между противоборствующими сторонами, обычному человеку не представляется возможным.

Значительное влияние на общественное мнение оказывает высказанная в СМИ позиция известной личности, особенно если это – лидер, за которым готов последовать народ. Считая, что такой авторитетный человек не будет врать и даст им правдивую информацию, люди впоследствии сами начинают ее распространять, не понимая, что вследствие этого становятся участниками информационной войны.

Еще один способ ведения информационно-психологической войны – это когда информацию формулируют настолько отчетливо, уверенно и понятно, что не может идти и речи о том, что это – клевета или же просто ложь.

В ходе информационной войны возможно также использование принуждения. Оно может быть не прямым, а заключаться в точном указании того, как следует действовать и выражаться в форме лозунгов. Такой метод, в частности, имел место в Советском Союзе.

В ходе информационной войны применяются и иные методы. Проигравшая сторона может ощутить на себе такие серьезные последствия, как:

- переход частей структуры под ведомство победителя;
- полное или частичное разрушение структуры;
- уничтожение той части структуры, которая не нужна победителю;
- снижение работоспособности системы;
- уничтожение систем безопасности пораженной стороны [2, с. 158].

Исходя из всего вышеизложенного, становится очевидным ответ на вопрос: информационная война – это миф или все же реальность? Информационная война в современном мире – это ничто другое как абсолютная реальность. Причем с развитием общества и государства информация приобретает все более широкое распространение и в условиях информационной войны способна разрушить ни одно государство и ни одну человеческую жизнь.

Список источников

1. Манойло, А. В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта / А. В. Манойло // Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». – Вып. № 8. – Киев, 2005. – С. 73–80.
2. Расторгуев, С. П. Информационная война / С. П. Расторгуев. – М.: Радио и связь, 1999. – 416 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Дудко Максим Олегович,

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(г. Гродно, Беларусь)

В статье рассматривается вопрос правового обеспечения информационной безопасности личности в условиях построения глобального информационного общества. Личность, в контексте обеспечения информационной безопасности, представляет собой, с одной стороны, наиболее уязвимый компонент, так как именно на личность, в первую очередь, оказывается деструктивное информационное воздействие. С другой стороны, личность сама является непосредственным носителем и создателем угроз в сфере информационной безопасности. Именно двойственность положения личности в информационной сфере определяет то особое место, которое она занимает в структуре обеспечения информационной безопасности.

Стремительное развитие информационных технологий, глобальная информатизация всех сфер жизнедеятельности человека, повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий приводят к пониманию важности обеспечения и правового регулирования информационной безопасности личности, общества и государства. В современных условиях, национальная безопасность государства напрямую зависит от уровня информационной безопасности страны. Именно поэтому обеспечению информационной безопасности, в настоящее время, уделяется повышенное внимание на всех уровнях, начиная от информационной безопасности личности, информационной безопасности страны, различного рода блоков стран и союзов, и, заканчивая, информационной безопасностью всего мирового сообщества.

Об актуальности проблемы обеспечения информационной безопасности говорят объективные данные статистики, которая свидетельствует, что каждую секунду в мире жертвами преступников, специализирующихся на совершении противоправных деяний в сфере информационной безопасности становятся 12 человек, и эта цифра с каждым годом растет [1].

Новые вызовы и угрозы информационной безопасности в условиях интеграционных процессов в глобальном информационном пространстве оказывают существенное влияние на формирование и развитие личности, создают для нее не только новые возможности для реализации ее социальной энергии, активности, но и приносят в ее жизнь новые риски и пробле-

мы. В связи с этим теоретико-феноменологический анализ роли личности в современных информационных отношениях в аспекте проблем ее информационной безопасности представляется актуальным и востребованным [2, с. 25].

Нельзя не согласиться с мнением, что «сегодня происходит ценностная переориентация в отношениях власти и человека. Если на предшествующих этапах развития отсчет шел от государства к человеку, то теперь обозначился новый подход: истинным моментом становится человек. В этом контексте информационные права – особый и специфический вид прав человека» [3, с. 9].

Личность, в контексте обеспечения информационной безопасности, представляет собой, с одной стороны, наиболее уязвимый компонент, так как именно на личность, в первую очередь, оказывается деструктивное информационное воздействие. С другой стороны, личность сама является непосредственным носителем и создателем угроз в сфере информационной безопасности. Именно двойственность положения личности в информационной сфере определяет то особое место, которое она занимает в структуре обеспечения информационной безопасности.

Сам же информационный статус личности, по справедливой оценке М. А. Кудрявцева, «в его правовом измерении объективно имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя его сторона представляет собой сферу, определяемую правовыми возможностями индивида, сферу его потенциальной информационной активности. Внутренняя же сфера – "ядро" информационного статуса личности – составляет сферу тайны частной жизни, личной и семейной тайны, сферу "информационного иммунитета" индивида, охраняемую от произвольного постороннего вмешательства» [4, с. 103].

Личность в условиях глобального информационного общества самореализуется за счет удовлетворения целого комплекса самых разнообразных интересов. Причем эти интересы в обществе глобальном гипертрофируются наряду с мощнейшим развитием информации и знаний. Глобализация образования, глобализация экономики и других важнейших для жизни человека сфер позволяют выходить на качественно иной уровень удовлетворенности личностью своих потребностей. Так, согласно Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь, основными интересами в области информационной безопасности являются:

- 1) реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации;
- 2) формирование и поступательное развитие информационного общества;

3) равноправное участие Республики Беларусь в мировых информационных отношениях;

4) преобразование информационной индустрии в экспортно-ориентированный сектор экономики;

5) эффективное информационное обеспечение государственной политики;

6) обеспечение надежности и устойчивости функционирования критически важных объектов информатизации [5].

Для развития и формирования личности в глобальном информационном пространстве огромное значение имеет благоприятность среды. Именно благоприятная информационная среда обеспечивает возможности личности реализовать все свои интересы, потребности. Очевидно, что информационные отношения на текущем этапе открывают неиссякаемые возможности для личностного развития, при этом потенциал развития информационных технологий для личности не всегда положителен. Информационная среда в идеале должна быть полифункциональной, средой больших возможностей, и при этом безопасной. При этом полифункциональность подразумевает способность такой среды максимально реализовывать все возможные интересы личности в глобальном информационном пространстве. Очевидно, что информационная среда в идеале должна благоприятствовать продуктивному, свободному поиску, получению, передаче, производству и распространению информации любым законным способом [2, с. 43].

В целом благоприятность информационной среды зависит от возможностей такой среды обеспечивать объективность потребляемой информации. Анализируя сеть интернет как альтернативу получения информации от масс-медиа, И.В. Европина отмечает, что «в последние несколько месяцев интернет (в частности его украинский сегмент) усилил свои позиции главного источника информации и одновременно превратился в средство самоорганизации граждан. Многие средства массовой информации, в частности, представленные в медиaprостранстве Украины телеканалы, описывая происходящие в стране "революционные" события, искажали факты. Поэтому часть зрителей перешла на альтернативный источник получения информации – интернет...» [6, с. 21].

Стоит отметить справедливое замечание А. А. Антопольского: «Ущемление одних интересов в пользу других приводит к серьезным негативным последствиям: росту социальной напряженности, падению авторитета государственных и правовых институтов, росту правового нигилизма. И только достижение баланса между личными, групповыми и общественными интересами способно обеспечить устойчивое развитие государства» [7, с. 90].

Итак, в условиях информационного общества, глобального, стремительно развивающегося, параллельно эволюционирует личность по мере развития ее прав в информационной сфере. Обеспечение защищенности и устойчивого развития личности (а также общества и государства) определены как потребности государства, определяющие в конечном итоге национальный интерес.

Список источников

1. Число компьютерных преступлений в РФ в 2013 году увеличилось на 8,6% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/16727249>. – Дата доступа: 5.11.2018.
2. Чеботарева, А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : дис. ... док. юрид. наук : 12.00.13 / А. А. Чеботарева. – Москва, 2018. – 473 л.
3. Устинович, Е. С. Информационная деятельность как функция федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации // Российская юстиция. – 2010. – № 4. – С. 7–11.
4. Кудрявцев, М. А. Анализ информационной сферы с позиции субъектного подхода // Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы : сб. науч. работ / отв. ред. Т. А. Полякова, И. Л. Бачило, В. Б. Наумов. – Москва : ИГП РАН – Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. – 320 с.
5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Европина, И. В. Риски и угрозы Украине в связи с расширением доступа ее граждан к информационным ресурсам Интернет и пути их преодоления // Информационное право. – 2014. – № 3. – С. 21–24.
7. Антопольский, А. А. Правовые проблемы обеспечения баланса интересов при регулировании отношений по поводу информации конфиденциального характера // Труды института государства и права РАН. – 2016. – № 3(55). – С. 89–103.

УДК 343.95

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кандыбо Ольга Михайловна,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

В данной статье рассматривается понятие и методы современного права законодательной инициативы граждан Республики Беларусь, особенности его реализации, актуальные проблемы и возможные пути их решения.

Законодательная инициатива представляет собой одну из начальных стадий законотворческого процесса. Процессуальные аспекты реализации данного права различаются в зависимости от вида субъекта права, уполномоченного вносить проект закона в парламент той или иной страны. Свои особенности имеет правовое регулирование народной законодательной инициативы.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь правом законодательной инициативы обладают граждане (обладающие избирательным правом) в количестве не менее 50 тыс. человек, а также право законодательной инициативы о внесении изменений и дополнений в саму Конституцию Республики принадлежит не менее чем 150 тыс. человек, что в современном мире встречается нечасто.

Так в Республике Беларусь основным законом, регулирующим право законодательной инициативы, является Закон Республики Беларусь от 26.11.2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» [1]. Как сам вышеуказанный закон, так и процедуры, которые он регулирует, предусматривают ряд особенностей, характерных для Республики Беларусь. По этой причине до настоящего времени не было принято ни одного закона, который основывался бы на законодательной инициативе граждан. К данного рода особенностям следует отнести следующие:

- низкий уровень правовой культуры среди населения Республики Беларусь и слабая вовлеченность не только в политическую жизнь, но и в осознание собственных прав;

- в соответствии со ст. 15 анализируемого Закона «Сбор подписей граждан за предложение о внесении проекта закона в Палату представителей проводится только членами инициативной группы в месячный срок со дня регистрации инициативной группы и проекта закона». Представляется, что данный месячный срок на сбор 50 тысяч подписей не является достаточным и требует увеличения до двух месяцев. Ведь при условии низкой вовлеченности населения в политическую сферу жизни, данное количество подписей за месяц на практике не представляется возможным;

- кроме того, при условии сбора нужного количества подписей граждан в поддержку гражданской инициативы, следует понимать, что влияние человеческого и иных факторов также может сыграть существенную роль. В век развития информационных технологий необходимо использовать IT-технологии для правильного подсчета и проверки, распознавания подписей граждан. Использование информационно-технических систем

позволит снизить риск нарушений при распознавании подписей, уменьшит время подсчета подписей. Таким образом, представляется необходимым законодательное уточнение процедуры сбора подписей инициативной группой;

- в п. 6 ст. 15 анализируемого Закона сказано, что гражданин имеет право подписаться в поддержку предложения о внесении проекта закона в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь только один раз. Представляется, что данный пункт требует доработки, т.к. у населения, не задействованного напрямую в политической жизни страны, должно быть неограниченное право оказывать влияние на законотворчество в республике. Ведь в этом и есть суть реализации права законодательной инициативы граждан Республики Беларусь.

Республика Беларусь – демократическое государство, где главным принципом построения и развития государственности является власть народа [2]. Власть народа определяется степенью его возможного влияния на деятельность и состояние своего государства. Одним из методов такого влияния в Республике Беларусь выступает право законодательной инициативы граждан, при грамотном использовании которого общество сможет воздействовать на различные общественные потребности, которые в силу определенных обстоятельств не были удовлетворены выборными или назначаемыми органами власти. Несомненно, данный институт носит положительный и перспективный характер, т.к. народ может исполнить одну из важнейших функций государства – посредством законотворческой деятельности оказать влияние на какую-либо из сфер государственной деятельности, в которой сложились негативные для граждан ситуации и условия, но в силу ряда особенностей этого еще не происходило, в связи с чем необходимы перемены не только в законодательной области, но и развитие правовой культуры населения. Развитие правового сознания у населения Республики Беларусь позволит в последующем более качественно организовать взаимодействие граждан и государства в области законодательства.

Список источников

1. О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 26 нояб. 2003 г., № 248-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Капустин Максим Александрович,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
(г. Минск, Беларусь)

Минько Наталья Сергеевна,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Одним из основных признаков демократического правового государства является общественное обсуждение проектов нормативно-правовых решений. Необходимыми условиями эффективности публичного обсуждения проектов нормативно-правовых актов (НПА) является создание развитой соответствующей законодательной базы. Анализ нормативно правовой базы показал, что в Республике Беларусь процедура публичного обсуждения проектов НПА не получила развитой правовой регламентации, что ограничивает ее применение в нормотворческом процессе. Для решения указанной проблемы, на смену действующего Закона, разрабатывается проект закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», который позволит детально регламентировать процедуру и основные вопросы публичного обсуждения НПА.

Неотъемлемым признаком демократического правового государства является общественное обсуждение проектов нормативно-правовых решений. Такой подход в законотворчестве позволяет оперативно оценить общественную значимость законопроекта, получить объективное мнение общественных организаций и экспертов, а также позволяет реализовать права граждан на свободное волеизъявление по вопросам публично-правовой значимости.

Необходимыми условиями эффективности публичного обсуждения проектов нормативно-правовых актов (НПА) является создание развитой соответствующей законодательной базы, организации оперативных средств мониторинга общественного мнения, методов контроля оригинальности полученных данных и их сохранности, средств аналитической обработки, а также регламентация процедуры учета и использования полученных данных нормотворческой организацией.

Конституция Республики Беларусь определяет право каждого гражданина участвовать в решении государственных дел. В соответствии со ст. 37, граждане Республики Беларусь имеют право непосредственно участвовать в решении государственных дел. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референ-

думов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами.

Анализ нормативно правовой базы показал, что в Республике Беларусь процедура публичного обсуждения проектов НПА не получила развитой правовой регламентации, что ограничивает ее применение в нормотворческом процессе.

Конституционная норма, изложенная в ст. 37 Конституции Республики Беларусь закрепляется законом «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [1] и Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 марта 2012 г. № 247 «О некоторых вопросах организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства...» [2]. В ст. 8 Закона определено, что решение о вынесении нормативного правового акта на публичное обсуждение (всенародное, общественное или профессиональное, в зависимости от субъекта) принимается нормотворческим органом или должностным лицом.

Для решения указанной проблемы, на смену действующего Закона, разрабатывается проект закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», который позволит детально регламентировать процедуру и основные вопросы публичного обсуждения НПА. Проект закона предусматривает создание единой информационной среды публичных обсуждений НПА – сайта «Правовой форум Беларуси» (forumpravo.by) с отражением актуальных результатов обсуждения на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь; Новая редакция законопроекта систематизирует нормы действующего Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», Положения об официальном опубликовании и вступлении в силу правовых актов Республики Беларусь, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 10 декабря 1998 г. № 22, Положения о Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369, что позволит сконцентрировать в одном источнике нормы о регулировании всех стадий нормотворческого процесса и позволит успешно внедрить процедуру публичного обсуждения проектов НПА в нормотворческую практику в Республике Беларусь.

Список источников

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З : в ред. от 7 июля 2009 г. № 31-3 // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О некоторых вопросах организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 20 марта 2012 г., № 247 // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

РЕФОРМЫ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Корень Татьяна Анатольевна,

Могилевский филиал БИП – Институт правоведения
(г. Могилев, Беларусь)

Созданию оптимальной современной модели белорусской системы правосудия предшествовал длительный период ее реформирования, тесно связанный с развитием государственности. Концепция реформы разработана и проводится в рамках трансформации правовой системы страны в целом, централизации следственных органов, экспертных учреждений, изменений функций Министерства юстиции Республики Беларусь, компетенции прокуратуры, а также с учетом предложений делегатов съездов судей, ученых и практиков, представителей органов исполнительной и законодательной власти, согласуется с аналогичным процессом объединения общих и арбитражных судов Российской Федерации в единую судебную систему.

Правовыми основаниями завершающего этапа стали Послание Президента Республики Беларусь о перспективах развития общих судов, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь № 454 от 10.10.2011 г., и Декрет Президента Республики Беларусь № 6 от 29.11.2013 г. «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь».

Важнейшими результатами проводимой судебной реформы явились:

- объединение с 01.01.2014 г. судов общей юрисдикции и хозяйственных судов; хозяйственные суды стали именоваться экономическими; Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь упразднен, создана судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь;
- отделение судебных исполнителей от судов и создание с 01.01.2014 г. отдельной службы принудительного исполнения в системе органов исполнительной власти – Минюста Республики Беларусь;
- ликвидация Белорусского военного суда, межгарнизонных военных судов, упразднение Военной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь;
- получение Верховным Судом Республики Беларусь новых функций по судебному обеспечению;
- принятие и вступление в силу 24.01.2017 г. Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей в новой редакции, а также принятие закона Республики Беларусь от 24.10.2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (вступил в силу 16.05.2017), которым в том числе внесены изменения в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь, Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь;

– введение апелляции в уголовном процессе с марта 2016 г., введение апелляции в гражданском правосудии с июля 2018 г.

Следующими этапами реформы являются:

– унификация гражданского и хозяйственного судопроизводства, введение единой судебной процедуры, т.е. разработка и принятие единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь;

– расширение использования информационных технологий в судопроизводстве и совершенствование нормативно-правовой базы в этом области.

Как было отмечено в резолюции Республиканской конференции судей (25.10.2017), в сфере законодательного обеспечения Конференция считает необходимым продолжить работу, направленную на:

- дальнейшее упрощение судебных процедур для рассмотрения бесспорных и очевидных дел;

- разумное ограничение оснований для пересмотра судебных постановлений, законность и обоснованность которых проверена в апелляционном порядке, после их вступления в законную силу;

- расширение возможностей по добровольному урегулированию возникающих споров и конфликтов, в том числе в уголовно-правовой сфере, дальнейшее развитие института посредничества (медиации) с распространением возможностей его использования в уголовном процессе.

Происходящие в настоящее время процессы реформирования судебной системы оказывают существенное влияние на правовую науку и юридическое образование. Соответствующим отраслевым процессуальным наукам предстоит осмыслить все законодательные новеллы в области осуществления правосудия и укрепления судебной власти в качестве самостоятельной ветви власти, опыт зарубежных стран, содействовать дальнейшему развитию гражданского и уголовного процесса в современных условиях.

Список источников

1. Выступления судей Конституционного Суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=21625>. – Дата доступа: 24.05.2018.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
3. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона от 22 декабря 2016 г., № 13-З // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

КЛОНИРОВАНИЕ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Кравченко Татьяна Петровна,

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

В статье рассматривается содержание понятия «клонирование» и дается общая характеристика видов данного явления. Изучаются положения клонирования в международных правовых документах. Обосновывается необходимость закрепления в белорусском законодательстве положений, регулирующих вопросы клонирования.

Термин «клонирование» произошел от древнегреческого слова, которое в переводе означает «веточка, побег, отпрыск». Термин «клон» от греческого «твиг» (побег), означает группу идентичных образований. В последнее время под этим термином стали также подразумевать отдельного члена такой группы и, в частности, организм, который является генетической копией другого организма. Этот термин применяется не только к организмам в целом, но и к копиям молекул (например, ДНК) и клеток [1].

Развитие биотехнологий – это большой шаг человечества в развитии науки. Ученые открывают перед нами много новых возможностей относительно вопросов здоровья и жизни человека. Вместе с тем необходимо создать необходимые условия (правовые, организационно-технические, медицинские и др.), позволяющие исключить возможные негативные последствия практического применения современных медицинских технологий, в числе которых и механизмы клонирования.

В последнее время одной из популярных тем для общественного и научного обсуждения стала тема правового регулирования клонирования, которая, как и многие другие юридические вопросы, к сожалению, не получила однозначной оценки в научном мире. Одни авторы – сторонники указанной формы медицинского вмешательства – считают, что клонирование – это прорыв в биомедицине, который раскрыл ученым новые особенности человеческой биологии и дал толчок к развитию медицины. Существует и обратная точка зрения: ряд ученых (как юристов, так и представителей других отраслей научного знания) высказывает опасения по поводу того, что технология клонирования неизбежно затронет сущность человека, нарушит его достоинство и фундаментальные права.

В настоящее время различают два вида клонирования: репродуктивное и терапевтическое. В результате репродуктивного клонирования образуется новый целостный организм, который является генетической копией друго-

го организма – клон. Терапевтическое клонирование – это технология получения эмбриональных стволовых клеток для использования в терапии различных заболеваний человека. В процессе терапевтического клонирования развитие эмбриона останавливается, и он используется в качестве объекта научных исследований и экспериментов и получения стволовых клеток. В процессе терапевтического клонирования эмбрион неизбежно уничтожается. Дальнейшее развитие клеток происходит в условиях искусственной среды в соответствии с тем, какую ткань предполагается из них получить.

Следует отметить, что проблема репродуктивного клонирования ставит перед обществом и государством ряд юридически значимых вопросов: прежде всего, это вопрос о содержании правового регулирования в данной области, а именно вопрос о том, запрещать или не запрещать указанную технологию; во-вторых, вопросы процедурного характера: как должна быть оформлена процедура клонирования, какие документы необходимо составить при согласии человека на свое клонирование, существуют ли такие группы людей, которых нельзя клонировать. При этом следует особо подчеркнуть, что в случае разрешения на законодательном уровне процедуры клонирования, неизбежно возникают вопросы, связанные с установлением прав клонов в обществе.

Если говорить о терапевтическом клонировании, то в данном случае одним из ключевых вопросов, подлежащих разрешению, становится вопрос о статусе эмбриона. Можно ли на стадии зародыша говорить о человеке как о полноценном и полноправном существе? Если же можно, то имеем ли мы право производить какие-либо действия, даже если этого и требует человечество.

С точки зрения мировых религий клонирование является недопустимым действием в отношении человека, поскольку практика клонирования не предполагает естественного рождения человека. Как следствие в обществе не сформировалось однозначного отношения к клонированию: в одних странах клонирование запрещено вообще, в других – запрещено только репродуктивное клонирование.

Что касается опыта Республики Беларусь, то на данный момент необходимая правовая база для применения или запрета применения каких-либо технологий клонирования не создана. Изучив некоторые международные акты, а именно Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека (1997 г.), Хартию Европейского Союза об основных правах (2000 г.), положения Дополнительного протокола к Конвенции о правах человека и биомедицине (1998 г.) о запрете клонирования человеческих существ, а также Декларации Организации Объединенных Наций о клонировании человека (2005 г.), можно увидеть, что мировое сообщество идет по пути

запрета клонирования человеческих существ. Так, согласно ст. 3 Хартии, каждый человек имеет право на личную неприкосновенность и неприкосновенность психики, которые в области биологии и медицины обеспечиваются, в том числе запретом репродуктивного клонирования человеческих существ [2].

В ст. 1 Всеобщей Декларации о геноме человека и правах человека в области биомедицины, принятой в 1997 году и одобренной Ассамблеей ООН в 1998 году, закреплено, что геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества. Статья 11 вышеназванной Декларации указывает на то, что не допускается практика, противоречащая человеческому достоинству, такая как практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи.

Республика Беларусь не является участницей международных документов, запрещающих клонирование человеческих существ, и белорусское законодательство не закрепляет положения, касающиеся данного вопроса. Гипотетически такое состояние законодательного обеспечения в данной области может сформировать общее представление о том, что клонирование человека в Республике Беларусь разрешено. Представляется, что для определения позиции нашего государства по исследуемому вопросу Республике Беларусь необходимо, во-первых, стать участницей соответствующих международных документов в данной области, и, во-вторых, на законодательном уровне закрепить запрет на клонирование человеческих существ, то есть репродуктивное клонирование. В то же время, как представляется, проблематика терапевтического клонирования должна стать предметом обстоятельного исследования со стороны и медицинской, и юридической науки. С нашей точки зрения, правовое урегулирование возможности использования достижений терапевтического клонирования позволит решить множество проблем в сфере медицины: восстановление отсутствующих органов, частей тела, противодействие сердечно-сосудистым заболеваниям, лечение онкологических заболеваний и др. Необходим закон, который бы определил терапевтическое клонирование как один из способов лечения человека, урегулировал бы права и обязанности пациентов и врачей, а также определил бы ответственность за нарушение данного закона.

Список источников

1. Репродуктивное клонирование людей [Электронный ресурс] : состояние дискуссий на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. – 2018. – Режим доступа: http://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/EB115/B115_ID2-ru.pdf. – Дата доступа: 10.10.2018.

2. Хартия Европейского Союза об основных правах [Электронный ресурс] : Принята 7 декабря 2000 года. – 2018. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/charter>. – Дата доступа: 20.10.2018.

УДК 323.28

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Левская Людмила Анатольевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Шапун Виктор Николаевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье обращается внимание на некоторые психологические и физиологические особенности молодежи, которые могут при определенных жизненных обстоятельствах способствовать вовлечению молодых людей в террористическую деятельность, показывается, каким образом данные особенности используются террористическими организациями на различных этапах вербовки.

Одной из важнейших проблем современности является противодействие организованной преступности, которая в условиях глобализации приобретает транснациональный характер. Интернационализация преступного мира проявляется не только в масштабах, но и в системе руководства, планирования, подготовки и финансирования преступной деятельности, контроля за ней, а также вербовки новых лиц для ее осуществления.

Террористические организации нуждаются в постоянном пополнении своих рядов. Это обусловлено, с одной стороны, спецификой их акций, с другой – активизацией борьбы с терроризмом. При вовлечении в экстремистскую деятельность особое внимание террористы уделяют подросткам, молодежи, учитывая их недостаточный жизненный опыт, возрастные психологические особенности, в том числе, свойственный для многих радикализм, нигилизм, непонимание ценности собственной жизни и жизни других людей, что может быть, в частности, связано с утратой четкой грани в восприятии виртуального мира и реальности у молодых людей при чрезмерном увлечении компьютерными играми. У тех, кто никогда не убивал, обычно существует психологический барьер, мешающий совершать убийства. Даже в условиях войны у человека, оказавшегося лицом к лицу с противником, его смерть способна в

первый раз вызвать сильную эмоциональную реакцию. Но этот барьер в современном обществе может быть преодолен в процессе компьютерной игры, когда убийство становится чем-то обыденным, привычным.

Особое внимание необходимо также обратить на возрастные и физиологические особенности, в силу которых подростки могут стать объектами вербовки. В подростковом возрасте наблюдается повышенная возбудимость, неустойчивость, гиперактивность, чрезмерная раздражительность, агрессивность, снижение самоконтроля над поведением, что объясняется преобладанием процесса возбуждения над процессом торможения.

Вербовщики в своей работе не только учитывают возрастные особенности, но и умело используют метод индивидуального подхода. Ведь у каждого молодого человека могут быть свои причины примкнуть к террористам (идеологические, материально-бытовые, романтизация действительности, стремление избежать уголовной ответственности за совершенные ранее преступления, отомстить за что-то властям и т.д.). В связи с этим, анализируя наиболее распространенные случаи, ученые выделяют несколько групп риска. Так, к первой можно причислить тех, кто ради того, чтобы отличаться, «стать знаменитым», готов совершить любой поступок, особенно, если их желание заявить о себе не находит поддержки среди близких и значимым для них людей. Вторую группу составляют лица, легко поддающиеся внушению. Они, как правило, попадают под влияние террористической идеологии религиозной направленности. К третьей группе относятся люди, находящиеся в сложной жизненной ситуации, которая может возникнуть в связи с наличием конфликта с родными и близкими, проблемами в учебе, с потерей работы или социального положения, утратой имущества, болезнью и т.д. Отдельно необходимо обратить внимание на случаи, когда сами молодые люди, либо те, кто им дорог, подвергаются (подвергались) физическому насилию или унижению (в семье, среди сверстников и т.п.). Иногда человек с детства привыкает чувствовать себя во враждебном окружении. Вследствие этого он начинает считать, что другие виноваты во всех его невзгодах и бедах, мечтает о том, чтобы избавиться от них, а благополучие иных людей воспринимается им, как проявление высшей несправедливости [2]. Вместе с тем, отвергая окружающий мир, молодой человек может болезненно переживать то, что не принадлежит ему, не принимается теми или иными социальными группами. Следовательно, как мы видим, сочетание таких неблагоприятных факторов как извращенное понимание несправедливости, ощущение социальной отверженности и отсутствие стабильной социальной идентификации являются важными индивидуально-личностными предпосылками приобщения подростков, юношей и девушек к террористической деятельности.

Молодые люди, остро чувствуя собственную индивидуальность, стремятся активно утверждать свое право на автономию в сфере моральных установок и ценностей. Отстаивая свою оригинальность и независимость, они порой нарочито демонстрируют крайние взгляды, необычные прически, одежду и бурно реагируют на замечания, критику в свой адрес. Им кажется, что взрослые недооценивают произошедшие в них перемены, не принимают всерьез их переживания. С другой же стороны, изменение самооценки может привести и к формированию в подростковом возрасте безразличия и даже презрения к самому себе. Так как нередко молодой человек кажется себе некрасивым, неуклюжим, слишком толстым или чрезмерно худым и т.п. Изменения в поведении подростка, его стремление к независимости от взрослых, к самостоятельному принятию решений, в свою очередь, часто становятся причинами конфликтов с родителями, учителями и нарушения взаимопонимания между ними. В этих условиях конечным пунктом поиска молодым человеком смысла жизни, новых кумиров, стремления получить признание может стать террористическая организация, где, как ему кажется, его примут и поймут, окажут поддержку в отстаивании собственных взглядов. Вербовщики же, поддерживая это ощущение, всячески подчеркивают существующие и несуществующие достоинства подростка, обоснованность его обиды, справедливость желания отомстить. При возможности они апеллируют к патриотическим и религиозным чувствам, восхваляют родственников или знакомых, ранее примкнувших к террористическим организациям. Особо могут подчеркиваться такие качества как смелость, способность дружить, преданность, непримиримое отношение к предателям и т.д. Таким образом, на данном этапе в максимальной степени удовлетворяется потребность человека в понимании, в принадлежности к группе, уважении окружающих, признании социальной справедливости его претензии к миру. Так человек достигает первого уровня приобщения к терроризму и становится сочувствующим. Он уже мысленно относит себя к террористам, принимает террористические идеи, ценности, подражает террористам в одежде, копирует внешние проявления их стиля жизни.

Постепенно его общение с террористами становится все более тесным и доверительным. Кандидату рассказывают о «героях» и «подвигах» предшественников, поручают выполнять простейшие задания (встретить человека, получить или передать посылку, написать на стене лозунг). А он, в свою очередь, ищет любой повод заявить о себе, участвуя в различных акциях, в лозунгах которых есть слова «справедливость», «наши», «враги», «неверные» и т.п. В ходе подобных акций молодой человек может сталкиваться с правоохранительными органами и приобретать опыт агрессивного, насильственного, криминального поведения. Противоправные поступ-

ки, которые сначала зачастую воспринимаются как «приключения», превращаются в привычки преступного поведения. Формируется устойчивое антиобщественное мировоззрение. В итоге происходит переход на новый уровень – ассоциированного члена террористической группы [2].

В целях вербовки и последующего удерживания в своих рядах боевиков террористические организации наряду с идеологической обработкой, убеждением и внушением используют методы зомбирования, подкуп, обман, шантаж, принуждение и т.п. Зачастую вербовщики просто играют на естественных человеческих чувствах и желаниях. Так, девушки стремятся найти настоящую любовь, встретить сильного, смелого мужчину, который сможет стать надежной опорой в жизни. В результате вербовки они «находят» своих «героев» среди боевиков и примыкают к террористическим организациям. Выход же из таких организаций весьма сложен и небезопасен. Так, по результатам исследований, новичка чаще всего удерживает в террористической группе не приверженность политическим или религиозным доктринам, а опасение потерять доверие группы. Не менее важную роль играет также страх подвергнуться жестоким санкциям (вплоть до смерти) при попытке выйти из нее, а также боязнь ответственности за причастность к терроризму. В случаях же, когда случайно попавшим в террористическую организацию удается вырваться из нее, им (перед тем как начать новую жизнь) предстоит пройти сложный путь реабилитации, в том числе, и психологической. И не исключен вариант, что прошлое может оставить неизгладимый след в душе молодого человека, оказать сильнейшее деструктивное влияние на его психологическое состояние.

Все вышеизложенное свидетельствует о важности работы по предотвращению вовлечения молодежи в террористические организации, которую следует проводить с учетом возрастных и индивидуальных особенностей молодых людей. И в ней должны принимать участие не только государство, его правоохранительные органы, но и общественные организации, учебные заведения, семья. Только благодаря их совместным усилиям, внимательному отношению к каждому, можно оградить молодежь от влияния террористических организаций и воспрепятствовать участию подрастающего поколения в террористической деятельности.

Список источников

1. Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях. – М. : Международный юридический институт, 2015. – 288 с.
2. Караваев, А. Г. Молодежь и антитеррор : пособие для учащихся средних и старших классов общеобразовательных школ, студентов вузов, их родителей, учителей и специалистов различных областей / А. Г. Караваев [Электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа: <https://petsu.ru/files/user/>. – Дата доступа: 16.10.2018 г.

БЕЛАРУСКАЯ НАРОДНАЯ РЭСПУБЛІКА, ЯК КРОК ДА НЕЗАЛЕЖНАСЦІ КАНСТЫТУЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: ГІСТОРЫКА-ПРАВАВЫ АГЛЯД

Молчан Андрэй Васільевіч,

Лапіцкая сярэдняя школа

(Магілёўская вобласць, Асіповіцкі раён, а/г Лапічы, Беларусь)

У дакладзе паведамляецца аб адным з гістарычных этапаў фарміравання і станаўлення незалежнай беларускай дзяржавы. Такім этапам з'яўляецца Беларуская Народная Рэспубліка. Даецца гісторыка-прававая характарыстыка ўмоў і працэсаў у сувязі з міжнароднымі абставінамі, у якіх знаходзілася Беларусь у пачатку XX стагоддзя. Таксама дадзена адзнака існавання БНР і яе ўплыў на станаўленне незалежнай Рэспублікі Беларусь.

У кожнай краіны ёсць свой уласны шлях станаўлення і развіцця. Такі шлях мае і Беларусь. У 2018 годзе беларуская гісторыя адзначыла сваю чарговую круглую дату, адну са шматлікіх і важных падзей гістарычнага станаўлення і развіцця Беларусі – 100 гадоў Беларускай Народнай Рэспублікі. Гэтая падзея з'яўляецца лёсавызначальнай у працэсе станаўлення сучаснай незалежнай Рэспублікі Беларусь, бо, як вядома, Канстытуцыя 1994 года юрыдычна замацавала ўжо дзяржаву, якая стваралася не адно дзесяцігоддзе і нават стагоддзе. Адною з такіх частак на шляху да Канстытуцыі стала таксама і Беларуская Народная Рэспубліка (БНР).

Падчас Першай Сусветнай вайны склаліся ўмовы для самавызначэння многіх народаў. Выключэннем не стаў і беларускі народ. У 1903 годзе беларускімі палітычнымі дзеячамі была заснавана партыя Беларуская Сацыялістычная Грамада (БСГ). Партыя мела сацыялістычны характар і ставіла перад сабой у першую чаргу вырашэнне сацыяльных пытанняў насельніцтва і была першай партыяй, якая несла ў сабе менавіта беларускі каларыт. У 1917 годзе, ва ўмовах падзення самадзяржаўя ў Расіі, БСГ бярэ на сябе галоўную ролю вырашэння беларускага нацыянальнага пытання. Трэба таксама адзначыць, што ў вырашэнні гэтага пытання прымалі ўдзел і іншыя палітычныя групы і колы. Пасля рэвалюцыі, якая адбылася ў лютым 1917 года і падзення расійскага самадзяржаўя, з'явілася думка аб скліканні Усебеларускага з'езда. Асноўная падрыхтоўка да з'езда зсяродзілася ў двух цэнтрах – Вялікай Беларускай радзе (у асноўным прыхільнікі БСГ) і Беларускім абласным камітэце ў Петраградзе [6, с. 15].

У кастрычніку 1917 года адбылася новая рэвалюцыя, вынікам якой стаў пераход улады ў Расіі да бальшавікоў. У снежні 1917 года, дзякую-

чы вялікім намаганням, бо гэта было вельмі складана ва ўмовах баявых дзеянняў і рэвалюцыі, удалося арганізаваць у Мінску Усебеларускі з'езд. У з'ездзе прынялі ўдзел 1872 дэлегаты з усіх частак беларускай зямлі. Дэлегаты прадстаўлялі розныя колы беларускага грамадства, а таксама палітычныя партыі і рухі. Першапачаткова з'езд не ставіў перад сабой пытанне аб незалежнасці Беларусі. Пытанне стаяла толькі аб вырашэнні лёса беларускага краю ў склаўшыхся ўмовах. Разглядаўся варыянт нацыянальнай аўтаноміі ў складзе Расіі. Аднак ужо падчас правядзення з'езду, дэлегаты выказаліся за стварэнне незалежнай Беларусі, аб далейшым самастойным шляху беларускага народа у сваёй уласнай дзяржаве. Пасля гэтага бальшавікі, якія прысутнічалі на з'ездзе, пакінулі яго. Праз некаторы час яны вярнуліся і з дапамогай зброі разагналі яго. Чаму ж гэта адбылося? Справа ў тым, што бальшавікі ўбачылі пагрозу сваёй уладзе на тэрыторыі Беларусі і, безумоўна, ніякую незалежную Беларусь, адасобленую ад Савецкай Расіі, бачыць не жадалі.

Далей бальшавікі ва ўмовах Першай сусветнай і распачаўшайся Грамадзянскай вайны робяць усё, каб захаваць сваю ўладу. Таму яны распачынаюць перамовы з Германіяй, каб заключыць мір без кантрыбуцый і рэпарацый. Але ў той сітуацыі ставіла ўмовы Германія, якая хоць і праігрывала вайну, аднак мела баяздольнае войска, у адрозненне ад бальшавікоў, якія яшчэ толькі фарміравалі Чырвоную Армію. Таму германскія войскі пачалі наступленне, заняўшы значную тэрыторыю Беларусі.

У такіх умовах беларусам неабходна было ратаваць свой край, бо яго дзялілі паміж сабой Германія і Савецкая Расія, не ўлічваючы наяўнасць у гэтым краі самастойнага народа, са сваім поглядам на далейшы лёс. 3 сакавіка 1918 года ў Брэст-Літоўску была падпісана дамова, згодна якой большая частка Беларусі адыходзіла да Германіі. У адказ на гэта беларусы, насуперак дамоў, 9 сакавіка абвешчаюць Беларускаю Народную Рэспубліку, а 25 сакавіка – яе Незалежнасць.

Наступныя рашэнні і дзеянні беларускіх нацыянальных дзеячаў вельмі складаныя і цяжкія для аналізу і правільнага асэнсавання. Але, калі прадставіць і ўявіць перад сабой цяжкія ўмовы таго часу і складанасць вырашаемага пытання, ад якога залежыў лёс цэлага народа, то шматлікія нападкі зусім не справядлівыя, і часам крыўдныя ў адносінах да тых людзей, якія стварылі і спрабавалі адстаяць беларускую незалежную дзяржаву ўсімі даступнымі на той момант сродкамі.

Лёс і гісторыя па-свойму размеркавалі планы наконт Беларусі, выдзяліўшы зусім малы адрэзак часу для існавання БНР. Прыходзілася дзейнічаць ва ўмовах германскай акупацыі. Германская акупацыйная ўлада адмоўна адносілася да наяўнасці БНР на тэрыторыі, якую яны лічылі сваёй

згодна дамове, падпісанай у Брэст-Літоўску з бальшавікамі. Адмаўлялі немцы існаванне БНР нават на падкантрольных іх уладзе ўмовах. Таму ў дадзеных умовах Рада БНР, не знайшоўшы іншага выйсце, звярнулася з тэлеграмай да Канцлера Германіі і акупацыйных улад. Аднак лёс самой Германіі на той момант быў амаль што вызначаны. Вядома ж, не на яе карысць.

Германія і яе хаўруснікі пацярпелі паражэнне ў Першай сусветнай вайне. У Версалі вызначаўся лёс пасляваеннага свету. Вырашаўся далейшы лёс многіх краін і народаў, у тым ліку і беларускага. Усе юрыдычныя патрабаванні для самавызначэння новых дзяржаў, якія вызначылі ў Версалі, беларусы на той момант не мелі, бо мірная дамова, падпісаная ў Брэст-Літоўску была скасаваная. Разам з гэтым трэба адзначыць, што пытанне самавызначэння нацый прадугледжвалася вырашыць шляхам задавальнення ўсіх добра абаснаваных нацыянальных жаданняў, але пры ўмове, што гэта не парушыць мір Еўропы, не створыць новых антаганізмаў” [1, с. 117]. Таксама “планавалася, што адбудзецца прызнанне дэ-факта правоў малых дзяржаў, якія адкалоліся ад Расійскай імперыі, пры ўмове склікання імі нацыянальных сходаў і стварэння ўрадаў дэ-юрэ” [1, с. 118]. Трэба падкрэсліць, што Беларусь на той момант мела такую з’яву, як Нацыянальны сход, якім з’яўляўся праведзены Усебеларускі сход у снежні 1917 года, і свой уласны ўрад – Рада БНР.

Але, нягледзячы на ўсё вышэйсказанае, сусветная палітычная і ваенная грамадскасць свету вырашыла, што Беларусь не можа быць самастойнай дзяржавай, а яе тэрыторыя – гэта спрэчнае пытанне паміж "новаспечанымі" незалежнымі дзяржавамі – Польшчай ды Савецкай Расіяй. Тым самым парадзіўшы небяспеку для Еўропы, бо ў хуткім часе пачалася вайна паміж гэтымі новымі дзяржавамі за тэрыторыю Беларусі. Таксама гэта рашэнне вызначыла далейшы лёс Беларусі, адцягнуўшы пытанне стварэння незалежнай Рэспублікі Беларусь ажно да 1991 года, юрыдычна замацаваўшы яго ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 года.

Што ж паспелі беларусы зрабіць за кароткі перыяд існавання БНР, адведзены ім гісторыяй? Асноўныя напрамкі дзейнасці Рады былі ў асноўным у культурніцкім накірунку, а таксама ў знешнепалітычнай дзейнасці. Былі створаны Беларускі дзяржаўны тэатр і Беларуска дзяржаўная кансерваторыя. У красавіку 1918 года было прынята рашэнне аб стварэнні Беларускага Нацыянальнага ўніверсітэта. Але адкрыць яго не паспелі. Таксама была створана дыпламатычная служба. Дзяржаўнай мовай БНР стала беларуская. Сталіцай – горад Мінск. З’явілася і такая рэч, як наяўнасць грамадзянства, якое замацоўвалася ў пашпарце БНР [8, с. 35]. Для вырашэння эканамічных пытанняў была створана Беларуска гандлёвая палата, у якую пачалі паступаць заказы на пастаўку тавараў з Украіны і Расіі.

Такім чынам, Беларуская Народная Рэспубліка мела атрыбуты дзяржаўнасці, якія мае сучасная незалежная Рэспубліка Беларусь, замацаваныя Канстытуцыяй. Але пры гэтым не паспела стаць паўнаважнай дзяржавай. Сваю ўласную Канстытуцыю Рада БНР так і не паспела стварыць. Быў створаны толькі яе праект, згодна якому маладая беларуская рэспубліка з'яўлялася сацыяльна арыентаванай дзяржавай і па форме праўлення павінна была быць парламенцкай рэспублікай. У час вялікіх перамен беларусы змаглі даказаць сваё жаданне стварэння ўласнай незалежнай дзяржавы яшчэ сто гадоў назад. І гэтыя ідэя і жаданне ўжо напрыканцы ХХ стагоддзя ператварыліся ў незалежную Рэспубліку Беларусь. Але трэба помніць і разумець, што незалежнасць беларусы атрымалі дзякуючы вялікім намаганням, і таму задача сённяшняга і будучых пакаленняў зберагчы і захаваць яе.

Спіс крыніц

1. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 269 с.
2. Беларуская Народная Рэспубліка – крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвешчання: гістарычны нарыс / А. А. Каваленя [і інш.]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – 157 с.
3. Бригадзин, Д. П. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918 г. / Д. П. Бригадзин, П. І. Бригадзин // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2018. – № 3. – С. 10–16.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2014. – 48 с.
5. Мазец, В. Беларуская Народная Рэспубліка: асноўныя вехі станаўлення / В. Г. Мазец // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 3. – С. 19–24.
6. Рудовіч, С. Іх звала Беларусь святая: да 100-годдзя Усебеларускага з'езда 1917 года / С. Рудовіч, В. Герасімаў. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 84 с.
7. Рудовіч, С. БНР як правобраз дэмакратычнай, прававой, сацыяльнай дзяржавы ў Беларусі / С. С. Рудовіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 3. – С. 25–29.
8. Унучак, А. Спадчына БНР, актуальная сёння (Што дала нам БНР?) / А. У. Унучак // Беларускі гістарычны часопіс. – 2018. – № 3. – С. 30–36.

УДК 349.2

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН

Потупчик Татьяна Викторовна,

Государственное учреждение «Волейбольный клуб «Коммунальник-Могилев» (г. Могилев, Беларусь)

Принцип уважения прав и свобод человека занимает центральное положение в системе международного права прав человека. Реализация данного принципа способствует

вала принятию значительного числа международных договоров, посвященных отдельным категориям прав человека. Особое внимание было уделено правам наиболее уязвимых категорий населения, одной из которых являются женщины. Принятие конвенций по защите прав женщин обусловило появление специальных принципов, регулирующих исключительно правовое положение женщин.

Автором выделены следующие принципы, применимые в качестве специальных принципов института международной защиты прав женщин: принцип равноправия и недискриминации по признаку пола, принцип особой защиты и применения специальных мер и принцип должной распорядительности. Основной принцип – это принцип недискриминации и равноправия мужчин и женщин. Данный принцип тесно связан с императивной нормой уважения прав и свобод человека для всех, без различия расы, пола, языка и религии, и вытекает из нее. Положение о равноправии и недискриминации по признаку пола, закрепленное в Уставе ООН в общей форме, впоследствии стало развиваться в двух направлениях: в рамках доктрины прав человека (общие нормы) и в рамках доктрины по защите прав отдельных социальных групп (специальные нормы).

Положение о недискриминации, провозглашенное в Уставе ООН как одна из форм осуществления общего принципа – права всех на равенство, независимо от расы, пола, языка, религии и других признаков – получило дальнейшее развитие во Всеобщей декларации прав человека [2]. Статья 2 Декларации закрепила, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами... без какого бы то ни было различия, в отношении расы, цвета кожи, пола, языка или иного положения».

В рамках развития специального направления по защите женщин как особой (уязвимой) социальной группы принцип недискриминации по признаку пола развивался на базе таких международных договоров, как Конвенция о политических правах женщин (заключена в городе Нью-Йорке, 20.12.1952), Конвенция о гражданстве замужней женщины (заключена в городе Нью-Йорке, 20.02.1957), Конвенция о согласии на вступление в брак, регистрации брака и минимальном брачном возрасте (заключена в городе Нью-Йорке, 20.12.1962) [5; 6; 7].

Международные нормы, в основном закрепляющие права женщин в трудовой и социальной сферах, содержатся в конвенциях Международной организации труда (далее – МОТ): Конвенции о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (заключена в городе Женева, 1991, № 100) и др. [4].

Эти конвенции являются специальными, поскольку регулируют исключительно права женщин как отдельной социальной группы. Именно они обусловили формирование самостоятельного направления между-

народно-правового сотрудничества по защите прав женщин в рамках отрасли права прав человека, подтвердили принцип недопущения дискриминации по признаку пола, предложили эталонную схему для выработки решений на национальном уровне в области антидискриминационной политики.

В то же время существенным недостатком указанных конвенций являлось отсутствие контрольных механизмов осуществления закрепленных ими норм. Это свидетельствует о том, что на тот период времени формирование института международной защиты прав женщин не было завершено. Необходимо отметить, что некоторые ученые причисляют принцип равенства и недискриминации по признаку пола к категории императивных норм *juscogens*.

В частности, Г. К. Дмитриева в работе «Международная защита прав женщин» указывает, что «соответствие международно-правовых норм о равноправии мужчин и женщин интересам всех государств, морально-этическим требованиям современного человечества» является «основным критерием, придающим этим нормам абсолютно императивный характер» [3, с. 61–62].

С данным утверждением нельзя не согласиться, однако вопрос о принадлежности принципа недискриминации по признаку пола к императивным нормам *juscogens*, на наш взгляд, нужно решать, исходя не только из морально-этических требований современного человечества, но из доктрины международного права. Как отмечалось выше, доктрина международного права признает за принципом уважения прав и свобод человека для всех, без различия расы, пола, языка и религии, императивный характер, следовательно, норма недискриминации по признаку пола, являясь составной частью указанного принципа, также относится к категории императивных норм *juscogens*. Кроме того, норма о недопустимости дискриминации по признаку пола и о равноправии мужчин и женщин содержится во всех универсальных соглашениях по правам человека. Данное положение провозглашено в Уставе ООН и во Всеобщей декларации прав человека, рассматриваемой большинством государств в качестве документа, содержащего обычные нормы общего международного права, подавляющее большинство которых стали *juscogens* [1, с. 144–145].

Кроме того, обязательное соблюдение обычной нормы международного права признается доктриной и требует соблюдения таких норм не в силу их включения в международные договоры, «а ввиду их обычного и – в определенных случаях – императивного характера».

Применение принципа должной распорядительности до настоящего времени, как правило, ограничивалось реагированием на случаи наси-

лия в отношении женщин, однако в настоящее время международным сообществом разрабатываются требования относительно применения нормы должной распорядительности в области прав человека в целом. Принцип должной распорядительности призван обеспечить выполнение государством взятых на себя обязательств в отношении защиты прав женщин.

В 2005 году состоялась Международная конференция на тему «Должная распорядительность: ответственность государства применительно к правам женщин», на которой было подчеркнуто, что государства должны поощрять и поддерживать расширение возможностей женщин, как это намечено в Пекинской платформе действий и зафиксировано в обоих пактах о правах человека. Такой подход должен охватывать прогрессивную реализацию всего комплекса прав – экономических, социальных, культурных, гражданских и политических.

Таким образом, эффективное осуществление этих прав требует от государств должной политической воли. Как правило, государства стремятся выполнять свои обязательства по реализации принципа должной распорядительности в поощрении прав и свобод женщин путем принятия специального законодательства, проведения соответствующих мероприятий и создания необходимого внутригосударственного механизма по реализации антидискриминационной политики в отношении женщин.

Список источников

1. Васильева, Т. А. Права человека : учеб. для вузов / Т. А. Васильева [и др.]; отв. ред. Е. А. Лукашева. – Москва : НОРМА, 2003. – 560 с.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 дек. 1948 г. – Минск : Представительство ООН в Республике Беларусь, 2000. – 30 с.
3. Дмитриева, Г. К. Международная защита прав женщин / Г. К. Дмитриева. – 2-е изд. – Киев : Виш. шк., 1985. – 157 с.
4. Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 29.06.1951 г.] № 100 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Конвенция о гражданстве замужней женщины [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорк 20.02.1957 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Конвенция о политических правах женщин [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорк 20.12.1952 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Конвенция о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорк 20.12.1962 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Прокопович Дарья Сергеевна,

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

Настоящая статья посвящена особенностям законотворческих полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь. Анализируется правовое закрепление полномочий Конституционного Суда, в том числе осуществление конституционного контроля. Затрагивается проблема законодательной инициативы Конституционного Суда Республики Беларусь.

Статус органов конституционного контроля и их участие в процессе законотворчества должны быть одним из определяющих элементов развития правовой системы. От объема полномочий органов конституционного контроля зависит и качество действующего законодательства.

Конституционный Суд Республики Беларусь – это особый судебный орган, осуществляющий функции правосудия (конституционного правосудия) и одновременно выступающий в роли одного из высших органов государственной власти, обладающий полномочиями по проверке конституционности нормативных актов всех государственных органов.

В связи со своим статусом, на Конституционный Суд возложена обязанность осуществлять контроль за конституционностью нормативных актов в государстве, должна возрастать его активность по казуальному толкованию Конституции. Правовая позиция Конституционного Суда имеет принципиальное значение для развития правовой системы, в том числе правоприменительной практики.

Конституционный Суд формулирует общие принципы права, которые органы государства должны учитывать, принимая свои решения, т.е. его акты, оказывают существенное влияние на эволюцию правовой системы. Более того заключения Конституционного Суда – это источник права.

Конституционный Суд выступает в роли «негативного» законодателя, когда в связи с признанием неконституционным нормативного акта (отдельных положений) «выводит» его из правовой системы.

Конституционный Суд Республики Беларусь учрежден на основе Конституции Республики Беларусь 1994 года как первой Конституции суверенного государства. Место Конституционного Суда Республики Беларусь в системе органов государственной власти изменялось, как и его полномочия, но неизменными оставались его функции – обеспечение верховенства

Конституции и ее прямого действия, защита конституционных ценностей, прав человека [1].

В ст. 116 Конституции Конституционный Суд Республики Беларусь определен как государственный орган, призванный обеспечивать контроль конституционности нормативных правовых актов в государстве [2].

С учетом данного конституционного положения в ст. 6 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей закреплены задачи Конституционного Суда (далее, если не предусмотрено иное, – Суд): обеспечение верховенства Конституции и ее непосредственного действия на территории Республики Беларусь, соответствия нормативных правовых актов Конституции; утверждение законности в нормотворчестве и правоприменении [3].

Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» Конституционному Суду в числе ряда дополнительных полномочий предоставлено право осуществления обязательного предварительного контроля конституционности всех законов, принятых Палатой представителей и одобренных Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь, до подписания данных законов Президентом Республики Беларусь [4].

Решение об этом принимается в пятидневный срок со дня поступления закона в Конституционный Суд Республики Беларусь. Введение в Республике Беларусь института предварительного конституционного контроля в принципе соответствует мировым тенденциям расширения объема деятельности органов конституционной юстиции.

Как отмечает Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П. П. Миклашевич, новый этап развития конституционного правосудия в Республике Беларусь также характеризуется расширением полномочий Конституционного Суда, повышением его роли в жизни общества и государства [5, с. 123].

В Послании Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2008 году» отмечается, что «с введением обязательного предварительного контроля конституционности законов устанавливаются дополнительные юридические механизмы, упреждающие принятие законодательных норм, противоречащих Конституции. Это способствует оптимизации, эффективности правового регулирования, повышению качества законов.

Таким образом, в Республике Беларусь создаются условия для более полной реализации конституционного принципа верховенства права, обеспечения конституционных прав и свобод граждан» [6].

Намечаются и механизмы совершенствования правового регулирования предварительного конституционного контроля, с учетом положительного зарубежного опыта и отечественной практики [5, с. 126-129]. Среди особенностей правового регулирования предварительного конституционного контроля в Республике Беларусь можно указать: обязательность проверки всех законов, принимаемых парламентом, достаточно небольшой срок рассмотрения принятого закона Конституционным Судом (5 дней), недостаточно четкие определения пределов предварительного конституционного контроля и последствий признания законов или их отдельных норм неконституционными [7, с. 179].

В соответствии со ст. 45 Закона «О нормативных правовых актах» правом законодательной инициативы обладают Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, а также граждане, обладающие избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек.

Правом законодательной инициативы по вопросу об изменении и дополнении Конституции Республики Беларусь обладают Президент Республики Беларусь или не менее 150 тысяч граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом [8].

Судебная власть такими полномочиями не обладает, что ограничивает ее конституционные права, как самостоятельной и равноправной ветви власти. Данные ограничения обуславливают необходимость урегулирования существующей проблемы путем расширения круга субъектов законодательной инициативы.

Так, целесообразно предоставить полномочия в сфере законодательной инициативы Конституционному Суду Республики Беларусь. Ведь именно Конституционный Суд, являясь компетентным органом, в пределах своих полномочий осуществляет дачу заключений о соответствии различных актов Конституции и иным вышестоящим нормативным актам, официальное толкование декрета или указа Президента Республики Беларусь, соответствия ратифицированных документов общепризнанным принципам и нормам международного права, дачу заключений о фактах систематического или грубого нарушения Конституции – Палатой представителей или Советом Республики, законодательства – местным советом, обязательный предварительный контроль конституционности всех законов.

На основании предоставленных Конституционному Суду полномочий, он может оперативно выявить и предложить намечающиеся тенденции совершенствования законодательства

Список источников

1. Выступления судей Конституционного Суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/main.aspx?guid=21625>. – Дата доступа: 24.05.2018.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
3. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-3 : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона от 22 декабря 2016 г., № 13-3 // Консультант-Плюс / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. О некоторых вопросах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 26 июня 2008 г., № 14 : в ред. Декрета Президента Республики Беларусь от 24 января 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Миклашевич, П. П. Правовой механизм предварительного конституционного контроля / П. П. Миклашевич // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2008. – № 4. – С. 123–129.
6. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2008 году [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 4 мая 2009 г., № Р-313/2009 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Липень, С. В. Институт предварительного конституционного контроля в свете теории разделения властей: к общей постановке проблемы / С. В. Липень // Конституционный контроль: состояние, проблемы, перспективы : сб. докл. и тез. выступлений на науч.-практ. конф., посвящ. пятидесятилетию Конституцион. Суда Респ. Беларусь. – Минск : 2009. – С. 178–181.
8. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 января 2000 г., № 361-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь. от 02.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 323+34

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Роговцов Дмитрий Александрович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной статье проведен анализ механизма нормативно-правового регулирования топонимической политики белорусского государства на современном этапе. Выявлены основные задачи, принципы и институциональное обеспечение государственной политики наименований и переименований географических объектов в Республики Беларусь.

Топонимика белорусского государства представляет собой эклектическую систему, сочетающую в себе названия географических объектов различного возраста и идеологического происхождения. Существенное влияние на формирование современной топонимической карты Республики Беларусь оказала топонимическая политика, которая проводилась в стране в советский период, т.к. «советская политическая топонимия в корне изменила белорусскую систему географических названий, лишив ее неповторимого культурного и национального своеобразия» [1, с. 48]. Поэтому доминирующее положение в современной национальной топонимической системе занимают политические топонимы, тесно связанные с коммунистическим и советским идеологическим прошлым нашей страны.

Политическими топонимами называют географические названия, которые возникают в результате изменений политической системы определенного государства в следствие трансформации его идеологических основ. Данная категория топонимов, как любые географические названия, появляется в определенные исторические периоды и претерпевает изменения в результате различных политических процессов, происходящих в обществе.

Системообразующим элементом топонимической номинации географических объектов на территории любого государства выступает топонимическая политика, которая проводится уполномоченными государственными органами управления. Топонимическая политика государства, по нашему мнению, – это деятельность уполномоченных органов государственного управления по наименованию и переименованию географических объектов, находящихся на территории конкретной страны, с учетом этнических, культурно-исторических и политико-идеологических условий, особенностей и традиций развития общества.

Нормативно-правовую основу реализации топонимической политики в Республике Беларусь составляет Закон Республики Беларусь 16.11.2010 г. № 190-3 «О наименовании географических объектов» (с изменениями и дополнениями от 09.01.2018 г.) и иные акты законодательства, в том числе международные договоры, ратифицированные нашим государством в области наименований географических объектов. Этот документ определяет правовые основы регулирования в стране деятельности по выявлению, нормализации и присвоению наименований географическим объектам или их переименованию. Законом гарантируется государственный учет наименований географических объектов в целях обеспечения и соблюдения единых подходов и принципов реализации государственной топонимической политики в современных условиях. В соответствии с п. 3 ст. 1 данного Закона «географические объекты-относительно устойчивые целостные образования в пределах географической оболочки Земли природного или антропо-

погенного происхождения, существующие или существовавшие в прошлом и характеризующиеся определённым географическим положением: физико-географические объекты, административно-территориальные единицы, составные части населённых пунктов, составные части особой экономической зоны – Китайско-Белорусского индустриального парка "Великий камень", ... объекты транспортной инфраструктуры» [2]. Составными частями населённых пунктов и Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» выступают улицы, переулки, проезды, тупики, спуски, въезды, парки, скверы, проспекты, площади, бульвары, набережные и пр.

Основными принципами топонимической политики государства в соответствии со ст. 4 названного выше Закона выступают: «законность выявления, нормализации, присвоения наименований географическим объектам и их переименования, государственного учета и использования наименований географических объектов; учет общегосударственных интересов, географических, исторических, природных, национальных, этнографических, социальных, культурных и других условий, а также мнений граждан Республики Беларусь, проживающих на территории, относящейся к соответствующему географическому объекту; охрана государством наименований географических объектов» [2].

В качестве положительного эффекта реализации указанных принципов топонимической политики следует признать практику «латинской транслитерации белорусских названий, поскольку это упрощает международные нормы передачи топонимов и устанавливает политический приоритет национальной топонимии на международной арене, дублирование латиницей белорусских названий внутригородских географических объектов в г. Минске перед чемпионатом мира по хоккею в 2014 г.» [3, с. 120].

Субъектами государственной топонимической политики в соответствии с главой 2 указанного правового акта в рамках определенных полномочий выступают: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, областные Советы депутатов, Минский городской Совет депутатов, городские (городов областного подчинения) Советы депутатов, районные Советы депутатов, городские (городов районного подчинения) Советы депутатов, местные исполнительные и распорядительные органы, государственное учреждение «Администрация Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»», граждане Республики Беларусь.

В целях координации деятельности в сфере топонимической политики государства образован и функционирует специальный орган – Топонимическая комиссия при Совете Министров Республики Беларусь. В состав

комиссии входят представители государственных органов управления, сотрудники научных организаций и преподаватели учреждений образования, являющиеся специалистами в сфере топонимики. Наличие данного государственного органа в институциональной структуре обеспечения реализации государственной топонимической политики отвечает требованиям Группы экспертов ООН по географическим названиям, в соответствии с которыми в стране должен быть создан специальный государственный орган, ответственный за стандартизацию географических наименований.

Однако, по мнению некоторых исследователей, «практика огульной стандартизации и слепого подчинения международным технократическим органам может рассматриваться с точки зрения критической топонимики как элемент санкционированной официальными государственными органами топонимической политики с возможным негативным побочным эффектом» [3, с. 120]. Этот эффект, в первую очередь, связан с возможной утратой региональной аутентичности наименований географических объектов как элемента национально-культурного наследия национальной белорусской топонимии.

В процессе своей деятельности Топонимическая комиссия при Совете Министров Республики Беларусь осуществляет рассмотрение вопросов, связанных с нормативным и методическим обеспечением субъектов государственной топонимической политики в области наименования географических объектов, координирует работу по сохранению национально-культурного наследия Республики Беларусь в области топонимики и традиционных наименований населенных пунктов нашей страны и деятельность по составлению и изданию информационно-справочной литературы в области наименований географических объектов (отраслевых словарей как на государственных языках Республики Беларусь, так и на иностранных). Работа данного государственного органа осуществляется в рамках заседаний, которые в соответствии с п. 6 Положения о Топонимической комиссии при Совете Министров Республики Беларусь «проводятся регулярно, в соответствии с планом работы, утвержденным председателем Топонимической комиссии, но не реже одного раза в месяц» [4].

Таким образом, в Республике Беларусь существует нормативно-правовое регулирование общественных отношений, связанных с деятельностью по выявлению, нормализации, присвоению наименований и переименований географических объектов, находящихся на территории страны, в основе которого лежат Закон Республики Беларусь 16.11.2010 г. № 190-3 «О наименовании географических объектов» (с изменениями и дополнениями от 09.01.2018 г.) и иные нормативные правовые документы. Субъектами государственной топонимической политики выступают различные государ-

ственные органы, которые наделены соответствующими полномочиями в указанной сфере отношений, и граждане Республики Беларусь. Кроме того, в стране, на основании рекомендаций международного экспертного сообщества в области наименований географических объектов, создан специальный государственный орган, ответственный за стандартизацию названий национального топонимического ландшафта.

Список источников

1. Басик, С. Н. Особенности формирования политической топонимии / С. Н. Басик, Д. А. Роговцов // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – 2003. – № 2–3. – С. 46–50.
2. Закон Республики Беларусь 16.11.2010 г. № 190-3 «О наименованиях географических объектов» // Аналит. правовая система «Бизнес-инфо» [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.business-info.by/>. – Дата доступа: 25.10.2018.
3. Басик, С. Н. Политика и практика топонимической номинации в контексте национальной политической символики Беларуси: теоретико-концептуальный аспект / С. Н. Басик, Д. А. Роговцов // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2017. – № 3. – С. 116–123.
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 02.03.2011 г. № 262 «О некоторых вопросах деятельности Топонимической комиссии при Совете Министров Республики Беларусь» // Аналит. правовая система «Бизнес-инфо» [Электронный ресурс]. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.business-info.by/>. – Дата доступа: 26.10.2018.

УДК 347.9

МЕДИАЦИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Соркин Геннадий Семенович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассмотрены перспективы унификации медиации в рамках союзного государства.

Россия и Беларусь исторически развиваются вместе и у наших резидентов как юридических, так и физических лиц достаточно тесные деловые, семейные, родственные и иные социальные связи. Поэтому нередки случаи возникновения различного рода споров, в частности имущественного характера, когда или имущество, или стороны этих споров находятся в государствах – участниках Союзного государства.

Видится, что по сравнению с национальными юрисдикционными механизмами в сфере разрешения указанных споров велик потенциал медиации (например, в связи с оперативностью, возможностью свободного выбора места и времени поиска компромисса, сравнительно невысокой затратностью), причем правовое регулирование медиации осуществлено как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

С исторической точки зрения рассматриваемый правовой инструмент начал использоваться в России и Беларуси в одно время. Так, в Российской Федерации Федеральный Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» начал действовать с 2011 года, а в Республике Беларусь Закон Республики Беларусь «О медиации» начал действовать с 2014 года.

Возникает вопрос: в чем сходство и различие указанных нормативных правовых актов? Отвечая на него, мы одновременно в состоянии разобратся и в актуальности обозначенной темы, а именно в перспективе унификации и использовании единой процедуры медиации в Союзном государстве.

Обратимся к основам правового регулирования процедуры медиации в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Что касается предмета правового регулирования и сферы действия обоих законов, то они идентичны, а именно регулируют отношения, связанные с применением медиации в целях урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений.

Для них характерны общие начала медиативной деятельности, основывающиеся на принципах добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. Очевидна и общность основных понятий и терминов.

Важно отметить то, что как по российскому, так и по белорусскому законодательству о процедуре медиации очень схожи, а порой и вовсе идентичны условия ее применения, требования, предъявляемые к медиаторам. С методологической точки зрения очевидна общность правовой природы соглашений, заключаемых в процессе подготовки и проведения медиации, а также порядок их исполнения сторонами.

Что касается различий, то они легко преодолимы. Конечно, прежде всего, определенное значение имеет некоторая разница в подходах к понятию медиации в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Во-первых, в качестве базового, в законодательстве России используется понятие «процедура медиации», белорусский законодатель же ввел понятие «медиация».

Соответственно, во-вторых, в России под процедурой медиации понимается способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. В Беларуси под медиацией понимаются переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения.

Как видим, различия не столь существенные, чтобы потребовались системные изменения в законодательстве двух стран в случае унификации правовых норм для введения в них единой процедуры медиации.

Из двух дефиниций видно, что суть действий медиатора заключается в том, что он управляет переговорным процессом, поддерживает его конструктивный характер, предоставляет каждой стороне возможность высказать свое мнение относительно причин возникновения спора и целей, которые стороны намерены достичь посредством проведения медиации, контролирует культуру ведения переговорного процесса, снижает уровень агрессивности оценок, даваемых сторонами действиям друг друга, не допускает некорректности в высказываниях сторон, создает благоприятную обстановку для переговоров.

Полагаем, что процесс формирования единого правового пространства, с целью создания общего института медиации для Российской Федерации и Республики Беларусь, должен основываться на полной вовлеченности структур Союзного государства. Оптимальным видится учреждение специализированного координирующего органа, из числа представителей профильных министерств, судов, иных государственных органов, а также медиаторов и адвокатов Российской Федерации и Республики Беларусь и его основной целью должно стать закрепление такой модели медиации, которая позволит регулировать правовые споры, возникающие у резидентов Союзного государства, как с помощью внесудебной, так и с помощью судебной медиации.

Для достижения поставленной цели специализированный координирующий орган должен обозначить структуру системы правового регулирования медиации в Союзном государстве для разработки и принятия единых нормативных правовых актов и внесения изменений и дополнений в национальные законодательства.

Также в ходе работы специализированного координирующего органа должны решаться некоторые задачи, в частности:

- создаться методологическая, научная, обучающая и практическая основа школы медиации Союзного государства;
- должен быть выработан четкий механизм принудительного исполнения достигнутых в медиации договоренностей как на территории России, так и на территории Беларуси;

- деятельность медиатора признаваться профессией в Союзном государстве;
- выработаться механизм взаимодействия судей и медиаторов двух стран в процессе организации медиации в Союзном государстве;
- проводиться постоянный мониторинг практики применения медиации в Союзном государстве;
- обеспечиваться проведение медиации, материальные, организационно-правовые и иные условия осуществления деятельности медиаторов Союзного государства, предоставляться о них сведения;
- информироваться граждане и бизнес-сообщество о возможностях и особенностях применения медиации в Союзном государстве, обеспечиваться их равные права на ее использование и прочее.

Таким образом, подводя итог, мы видим, что вполне закономерно и своевременно в рамках научно-практической конференции «Актуальные проблемы строительства и развития Союзного государства» говорить о перспективах формирования единого медиативного пространства в Российской Федерации и Республике Беларусь, что однозначно будет способствовать повышению уровня разрешения споров, когда или имущество, или стороны этих споров одновременно находятся в этих государствах.

Список источников

1. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // КонсультантПлюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «Юр-Спектр». – М., 2018.

УДК 343.95

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Трифонова Ирина Константиновна,
Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

В статье раскрываются особенности конституционно-правового статуса судей Республики Беларусь и Российской Федерации. Также рассмотрен его основной принцип – независимость и особенности гарантии независимости.

Филарет, митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси указывал: «Велики полномочия судов, а это значит, что велика и возложенная на них ответственность» [15].

Судья – носитель судебной власти, главное действующее лицо любой судебной системы. Судья единолично или в составе судей коллегиально принимает окончательное решение по юридическим делам, отнесенным к судебной юрисдикции, облечен высокой и почетной обязанностью от имени государства разрешать правовые споры и конфликты.

Право вершить правосудие может принадлежать только судьям, не вызывающим сомнений в своем профессионализме, справедливости и неподкупности.

Конституционно-правовой статус судей – это определяемые Конституцией государства и иным законодательством правовое положение судей, их права, обязанности, порядок назначения на должность, гарантии их деятельности. Основы статуса судей закреплены соответственно в Конституциях Республики Беларусь и Российской Федерации, Кодексе о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь (далее – Кодекс), Законе о судебной системе Российской Федерации (далее – Закон), Федеральным законом о мировых судьях в Российской Федерации, иных законодательных актах.

Как отмечал В. Г. Голованов: «Судья – человек особой профессии. Это не просто государственный служащий, выполняющий установленные законодательством властные государственные полномочия» [10, с. 15].

Законом определено, что судья – должностное лицо, наделенное в соответствии с законодательством своего государства полномочиями осуществлять правосудие и исполняющее свои обязанности на профессиональной основе.

Согласно ст. 1 Кодекса судья – лицо, назначенное (избранное) на должность судьи в установленном настоящим Кодексом порядке для осуществления обязанностей судьи на профессиональной основе.

Всегда и везде судья должен вести себя таким образом, чтобы в обществе утверждалась уверенность в его независимости, объективности и беспристрастности при осуществлении правосудия [6, с. 3].

Судьи всех судов занимают государственные должности, являются государственными служащими, в Республике Беларусь на них распространяется действие Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года «О государственной службе в Республике Беларусь».

Судьи независимы и подчиняются только Конституции и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия не подотчетны. Для реального действия этого положения судье должна быть обеспечена защита от любого влияния или вмешательства.

Независимость судьи обеспечивается установленными законодательными актами порядком их назначения (избрания, утверждения), приостановления и прекращения полномочий, неприкосновенностью, процедурой рассмотрения дел и вопросов, тайной совещательной комнаты при вынесении судебных постановлений, ответственностью за неуважение к суду или вмешательство в его деятельность, иными гарантиями, соответствующими статусу судьи, а также созданием надлежащих организационно-технических условий для деятельности судов.

Как утверждает В. А. Терёхин: «Независимость судей является основным условием функционирования самостоятельной и авторитетной судебной власти, способной обеспечить объективное и беспристрастное правосудие, эффективно защищать права и свободы человека» [14, с. 43].

Законодательство как Республики Беларусь, так и Российской Федерации предусматривает, что воздействие в какой-либо форме на судью с целью воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному рассмотрению конкретного дела или добиться вынесения незаконного судебного постановления влечет за собой ответственность, установленную законодательными актами. Судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления.

Так, ст. 408 ГПК Республики Беларусь предусмотрено, что до вступления решения в законную силу дело никем не может быть истребовано из суда.

Требования и распоряжения судей, вытекающие из его полномочий и предъявленные в соответствии с законодательством, в силу ст. 14 Кодекса, ст. 6 Закона являются обязательными для всех без исключения государственных органов, общественных объединений, должностных лиц, других юридических и физических лиц и подлежат исполнению в установленный срок всеми государственными органами, иными организациями, а также должностными лицами и гражданами. Информация, истребуемая судьей в связи с рассматриваемым делом, предоставляется на безвозмездной основе.

Неисполнение судебных постановлений, вступивших в законную силу, требований и распоряжений судей, влечет установленную законом ответственность.

Все судьи обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией.

Законодательство как Российской Федерации, так и Республики Беларусь содержит перечень профессиональных требований, предъявляемых к судьям и кандидатам на судейские должности. В числе требований-гражданство, знание языка, определенный возраст и состояние здоровья, а также профессиональные качества: высшее юридическое образование, опре-

деленный стаж работы по юридической профессии, отсутствие порочащих поступков, успешная сдача экзамена на должность судьи.

Судья не вправе быть депутатом, третейским судьей, арбитром, принадлежать к политическим партиям и движениям, осуществлять предпринимательскую деятельность, а также совмещать работу в должности судьи с другой оплачиваемой работой, кроме научной, преподавательской, литературной и иной творческой деятельности.

Согласно утверждению Е. В. Дубровина: «Можно говорить о наличии следующего правила: судье разрешено заниматься любой иной внеслужебной деятельностью, только в той мере, в какой это не мешает его основной работе. Можно сформулировать следующий вывод: законодательство Республики Беларусь запрещает судьям заниматься предпринимательской деятельностью, выполнять иную, кроме преподавательской и научно-исследовательской, оплачиваемую работу» [11, с. 34].

Судьям в зависимости от занимаемой должности, стажа работы в должности судьи и иных предусмотренных законом обстоятельств присваиваются квалификационные классы. Присвоение судье квалификационного класса не означает изменения его статуса относительно других судей как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации.

Законодательство каждого государства устанавливает свой порядок наделения судей полномочиями, что определено соответственно ст. 13 Закона и соответствующими статьями Кодекса. Так, судьи Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ назначаются Советом Федерации Федерального Собрания по представлению Президента РФ, которое вносится с учетом мнения соответственно Председателя Верховного Суда РФ и Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ; судьи других федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов назначаются Президентом РФ по представлению соответственно Председателя Верховного Суда РФ и Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ.

В отличие от положений Кодекса, ч. 3 ст. 13 Закона предусматривает, что председатели и заместители председателей судов назначаются на должность сроком на 6 лет. Одно и то же лицо может быть назначено на должность председателя (заместителя председателя) одного и того же суда неоднократно, но не более двух раз подряд, если иное не установлено соответствующим федеральным конституционным законом.

Назначение кандидатов на должности судей производится только при наличии положительного заключения соответствующей квалификационной коллегии судей.

Как утверждал М. И. Клеандров: «Бороться с недостатками (а они разнообразны, разноплановы и имеют различные причины) в судейской среде можно и нужно двумя способами: а) очищением судейской среды от не-

годных к судейской работе судей и б) недопущением в судейский корпус негодных к этому претендентов» [13, с. 33].

По мнению Е. В. Дубровина: «Нет никаких сомнений в том, что на судейских должностях в вышестоящих судах должны работать лучшие представители судейского общества» [12, с. 13].

Гарантии независимости судей (а также присяжных, народных и арбитражных заседателей) устанавливаются Конституциями государств и соответствующим законодательством. К числу средств обеспечения независимости судей относятся: а) наличие предусмотренной законом процедуры осуществления правосудия; б) установление под угрозой ответственности запрета чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; в) установление порядка приостановления и прекращения полномочий судьи; г) право судьи на отставку; д) неприкосновенность судьи; е) система органов судейского сообщества; ж) предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу; з) наличие особой защиты государством не только судьи, но и членов его семьи, а также имущества.

Как отмечал В. Ф. Яковлев: «Правосудие есть лишь там, где есть независимый ни от кого и ни от чего, кроме Конституции и закона, и абсолютно беспристрастный судья. Независимость и беспристрастность судьи – это основные составляющие статуса судьи, но одновременно это и обязательные условия надлежащего правосудия. Именно поэтому государство обязано установить, гарантировать и обеспечивать независимость и беспристрастность судьи всеми соответствующими мерами» [16, с. 6].

Независимость судей – проблема номер один во всех странах мира, ей уделяется внимание на международном уровне в рамках сотрудничества в области прав человека.

В международно-правовом документе ООН – Основных принципах, касающихся независимости судебных органов, предусмотрено, что каждое государство – член ООН гарантирует независимость суда и предоставляет средства, позволяющие обеспечить реальное осуществление этой независимости [1, с. 451].

Реальная независимость судей обеспечивается не только установленными в законе гарантиями, но и в значительной мере зависит от судей, их принципиальности, понимания своего служебного долга.

По мнению В. Н. Бибило: «Принцип независимости судей при осуществлении правосудия обеспечивается установленными в законодательстве гарантиями его независимости: особой процедурой реализации правосудия; определенным порядком назначения судей на должности; правом судьи на отставку; функционированием органов самоуправления судей; материальным и социальным обеспечением судей в соответствии с их ста-

тусом; защитой со стороны государства не только судей, но и членов семей судей, а также их имущества» [9, с. 50].

Неприкосновенность судьи является одним из важнейших средств обеспечения независимости и самостоятельности судей, их способности осуществлять правосудие беспристрастно и справедливо. Неприкосновенность судьи является одной из конституционных гарантий его статуса (ст. 69 Кодекса и ст. 122 Конституции РФ).

Однако установление особых правил о неприкосновенности судей не означает, что они выведены из числа субъектов, на которых распространяется действие конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Данный конституционный принцип имеет целью предупреждение возможного воздействия на судью, ограждение его от влияния извне. В то же время судья может быть привлечен к уголовной ответственности с соблюдением определенного порядка.

Органы государства, прежде всего органы внутренних дел, обязаны принять необходимые меры к обеспечению безопасности судьи, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества, если от судьи поступит соответствующее заявление. Судья Российской Федерации в отличие от судьи Республики Беларусь имеет право на хранение и ношение служебного огнестрельного оружия, которое выдается ему органами внутренних дел по его заявлению в порядке, предусмотренном Законом РФ «Об оружии».

Полномочия судьи в Российской Федерации не ограничены определенным сроком, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законодательством. Предельный возраст пребывания в должности судьи — 70 лет. Судья федерального суда (за исключением судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда) в первый раз назначается на должность сроком на три года, по истечении которого он может быть назначен на ту же должность без ограничения срока полномочий до достижения им предельного возраста пребывания в должности судьи.

Предельный возраст пребывания в должности судьи в Республике Беларусь — 65 лет (за исключением судей Конституционного и Верховного Суда), вновь назначенные судьи назначаются на должность сроком на пять лет.

Конституция как Российской Федерации, так и Республики Беларусь устанавливает принцип несменяемости судей, который является важным звеном в системе правовых гарантий независимости судей. Судья не подлежит переводу на другую должность или в другой суд без его согласия, и его полномочия могут быть прекращены или приостановлены не иначе как по основаниям и в порядке, установленном законодательством.

Полномочия судьи приостанавливаются решением квалификационной коллегии судей при наличии определенных обстоятельств.

Решение о возобновлении полномочий судьи принимает квалификационная коллегия судей, приостановившая его полномочия.

Также законодательством государств предусмотрены основания прекращения полномочий судей.

Список источников

1. Основные принципы независимости судебных органов. Приняты седьмым Конгрессом Организации Объединенных наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 ноября по 6 сентября 1985 года и одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года и 40/146 от 13 декабря 1985 г. // *Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова.* – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
3. Конституция Российской Федерации // *Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* – Минск, 2018.
4. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. // *КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр»; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* – Минск, 2018.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2010 г. // *Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр»; Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь.* – Минск, 2018.
6. Кодекс чести судьи Республики Беларусь: принят на 1-м съезде судей Республики Беларусь, 05 декабря 1997 г. // *Судовы веснік.* – 1998. – № 1. – С. 16-17.
7. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г. № 204-З // *КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* – Минск, 2018.
8. Закон о судебной системе Российской Федерации Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] // *Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* – Минск, 2018
9. Бибило, В. Н. Судоустройство : учебник / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 328 с.
10. Голованов, В. Г. Укрепление имиджа судьи – составляющая совершенствования правосудия / В. Г. Голованов // *Юстиция Беларуси.* – 2008. – № 10. – С. 15–17.
11. Дубровин, Е. В. Внеслужбная деятельность судей / Е. В. Дубровин // *Юстиция Беларуси.* – 2011. – № 2. – С. 34–36.
12. Дубровин, Е. В. Требования к кандидатам на должности судей вышестоящих судов / Е. В. Дубровин // *Юстиция Беларуси.* – 2010. – № 11. – С. 13–15.
13. Клеандров, М. И. О законодательном обеспечении механизма формирования судейского корпуса в Российской Федерации / М. И. Клеандров // *Государство и право.* – 2009. – № 5. – С. 31–41.
14. Терёхин, В. А. Самостоятельность судебной власти и независимость судей как гарантия прав граждан / В. А. Терехин // *Государство и право.* – 2001. – № 8. – С. 42–50.
15. Филарет, митрополит Минский и Слуцкий. О высоком призвании правосудия / Филарет, митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси // *Судовы веснік.* – 2008. – № 3. – С. 7–8.
16. Яковлев, В. Ф. Статус судьи есть статус власти / В. Ф. Яковлев // *Государство и право.* – 2004. – № 11. – С. 5–9.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 343.95

ПРАКТИКА ПОСТРОЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Безмен Александр Николаевич,

Управление государственной автомобильной инспекции Главного
Управления внутренних дел Минского городского исполнительного
комитета (г. Минск, Беларусь)

Статья посвящена изучению юридико-технических закономерностей, которые возникают при структурировании уголовно-правовых норм зарубежного законодательства, рассматриваются источники уголовного права зарубежных стран, их структурные элементы.

Необходимость в исследовании практики построения зарубежного уголовного законодательства определяется позитивными моментами структурирования отдельных предписаний, с целью использования положительного опыта зарубежных правотворческих органов в отечественном законодательстве. Такой подход позволит значительно улучшить национальное кодифицированное законодательство в области противодействия различным общественно опасным посягательствам, будет способствовать совершенствованию всей уголовно-правовой системы [2, с. 29–42].

Известно, что современные национальные уголовно-правовые системы различны, но несмотря на это все системы объединены одним существенным сходством, а именно – обязательным выделением в уголовном законодательстве Общей и Особенной частей – от вариантов очень схожих между собой, до довольно специфических, свойственных, в основном, законодательству стран, отнесенных к англо-саксонской системе права [1, с. 148–149].

Если рассматривать ситуацию непосредственно с точки зрения законодателя, то данное структурирование уголовно-правовых норм, в случае их закрепления в уголовном законе, вполне удобно для правоприменителя, так как не только теряется необходимость в проведении исследования лиш-

ней информации, но и происходит быстрое восстановление полного объема уголовно-правовой нормы [1, с.149].

Используя законодательный материал, содержащий положения, регулирующие уголовно-правовые отношения в зарубежных государствах, можно сделать вывод, что структура системы уголовного права, ее деление на Общую и Особенную части – это характерные черты большинства законодательных актов представленной отрасли права.

Источник уголовного права Республики Беларусь, основной носитель уголовно-правовых норм на основании закона – Уголовный кодекс Республики Беларусь. Уголовное законодательство Республики Беларусь образует стройную систему нормативных актов, включающую Конституцию Республики Беларусь, международные договоры Республики Беларусь, Уголовный кодекс и иные правовые акты. Данная система основывается на иерархических началах.

Что касается уголовного права зарубежных государств, то там источник представлен в более широком смысле. В общем праве, где наблюдается слабое развитие кодифицированного законодательства, уголовное право регулируется посредством системы судебных прецедентов и статутного права. В континентальном (ФРГ, Франция, Швеция, Польша, Дания, Болгария и др.) и смешанном праве (Япония) источник уголовного права – это не только кодифицированные акты, но и другие некодифицированные уголовно-правовые нормы, содержащиеся в разных законах, являющиеся дополнительным правом.

Количество подобных законов, содержащих уголовно-правовые нормы, назвать сложно, с ответом затрудняются и зарубежные правоведы, однако, в случае с каждой страной отдельно, их количество может меняться в зависимости от значимости кодифицированного акта, на уровне национального законодательства.

Эти акты условно подразделяются на законы уголовно-правового характера и законы, содержащие уголовно-правовые нормы. Первые включают специальные акты, в которых предмет регулирования – та часть сферы уголовных общественных отношений, не попадающая под действие УК. Вторые, несмотря на то, что направлены на регламентацию других сфер общественных отношений, включают уголовные санкции за преступления, совершенные в сфере регулирования данного закона [3, с. 422].

Кроме того, во многих странах основные особенности отраслевого нормативно-правового регулирования общественных отношений заключаются в том, что закон рассматривается в качестве одной большой правовой нормы, содержащей условия применения этого закона (гипотезу), права и обязанности субъектов (диспозицию) и ответственность за нарушение правовых предписаний (санкцию).

Такие особенности часто негативно сказываются при выявлении пробелов в уголовном законодательстве, а также способствуют появлению большого количества противоречий внутри норм уголовного права и проблем, связанных с их реализацией.

Например, что касается уголовных кодексов штатов США, многие из которых основываются на Модельном УК США, то они включают в себя лишь общие положения о привлечении к уголовной ответственности. Впоследствии их могут уточнять или дополнять посредством создания подзаконных актов или актов судебных инстанций [4, с. 116], что затрудняет процесс восстановления полного объема норм, требуемых для привлечения к уголовной ответственности.

Необходимо отметить, что из-за различных обстоятельств, роль и значение Общей части в качестве структурообразующего элемента системы Уголовного кодекса различны. Именно поэтому системные связи между различными элементами структуры правовой нормы приобретают своеобразный характер, что и выступает в качестве одной из причин при выборе подхода законодателя, в процессе определения конструкции нормы. В качестве подтверждения служит тот факт, что Особенная часть уголовного закона включает положения Общей части, которые имеются в структуре правового предписания.

Анализируя источники зарубежного уголовного права, можно сделать вывод, что позиция правотворческих органов иностранных государств, по вопросам отражения при помощи законодательных приемов адресатов уголовно-правовой нормы, структурируя определенным образом ее элементы, значительно отличается от конструирования предписаний в уголовном праве Республики Беларусь.

Во многих уголовных кодексах зарубежных государств в определенной мере выражен охранительный характер уголовно-правовых норм, посредством специфики компоновки гипотезы, диспозиции и санкции. Для Уголовного Кодекса Республики Беларусь, а также других стран бывшего СНГ характерно построение уголовно-правовых запретов в Особенной части по принципу «за определенное деяние грозит наступление конкретной ответственности», однако, зарубежные законодатели не всегда применяют такой принцип.

Варианты по сочетанию элементов нормы представлены в качестве многообразных форм. Зачастую, специфическая компоновка отражена и во внутреннем содержании документа. Например, если добавить гипотезе новые характерные черты, в ней появятся определенные условия, при наличии или отсутствии которых применяется не диспозиция, а санкция.

В случае с отдельными предписаниями характерно наличие сразу всех трех элементов, однако, их сочетание может различаться – санкция-гипотеза-диспозиция, диспозиция-санкция-гипотеза, санкция-диспозиция-гипотеза.

Рассмотрим пример. На основании статьи 226-1 УК Франции, тюремное заключение и штраф в размере 300 тысяч франков (санкция) грозит лицу, совершающему любым способом действия, направленные на умышленное посягательство на интимность частной жизни другого лица – записывание слов без согласия автора, произнесенных в частном порядке, фиксирование изображений какого-либо лица, находящегося в частном месте, без его согласия (диспозиция). Если действия, указанные ранее, совершались в присутствии заинтересованных лиц, они не возражали этому, то предполагается их согласие (гипотеза) [4, с. 127].

В ходе конструирования правовых предписаний, довольно часто законодатель применяет особенности отдельных элементов нормы – отрицательные гипотезы, возникающие, когда диспозиция вводится в действие при отсутствии указанных в гипотезе условий. Такой случай не характерен для нашей национальной уголовно-правовой доктрины, однако, представлен он довольно широко.

Определенными особенностями обладают и санкции правовых предписаний. Таким образом, во многих уголовных кодексах, санкции включают лишь вид наказания, но не его размер. Это относится к уголовному законодательству Швейцарии.

В статье 276 УК Швейцарии содержится довольно парадоксальная санкция, предписывающая, что призыв военнослужащих к мятежу наказывается каторжной тюрьмой или тюремным заключением. После уточнения этой санкции при помощи норм Общей части установлено, что содержащееся в ней наказание составляет от 3 дней тюремного заключения до 20 лет каторжной тюрьмы [4, с. 134].

Посредством структурирования санкций по принципу – такое же наказание за определенное деяние, то есть, не указывая конкретную санкцию в статье, она относится к большинству уголовных законов [4, с. 102].

Следует сказать, что такой способ описания санкций не оправдывается такими требованиями юридической техники, как экономия законодательного материала, а приводит к определенной путанице в правоприменительной деятельности.

Изучая зарубежное законодательство, удалось выделить ряд закономерностей, возникающих при структурировании уголовно-правовых норм:

- число источников, производящих регулирование отношений в области уголовного права, серьезно влияет на правовые нормы и их построение. При большом количестве источников затруднен анализ уголовно-правовых норм, результатом чего являются противоречия;

- можно утверждать, что уголовная политика зарубежных законодателей, цели и задачи, осуществляемые государством при планомерной реализации на конкретном этапе своего развития, влияют на содержание структурных элементов;

- различные подходы, направленные на решение вопросов о построении уголовно-правовых норм обусловлены национальным опытом правотворчества и правовой доктрины, правовыми традициями, особенностями возникновения и развития уголовного законодательства.

Это относится и к многообразным источникам уголовно-правовых норм, и к системе дробления уголовного законодательства, и к специфическим чертам, которые придают Общая и Особенная части уголовного права, что оказывает влияние на модели законодательных конструкций, способы структурного изложения правового материала, особенности отдельных элементов структуры нормы.

Список источников

1. Крылова, Н. Е. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учебное пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова. – М. : Зерцало, 1998. – 2-е изд. перераб. и доп. – 208 с.
2. Кузнецов, А. П. Проблемы юридической техники в международном уголовном праве: теоретическое исследование // Международное уголовное право: актуальные вопросы и современные проблемы: сборник научных статей и сообщений. – М. : Юрлитинформ, 2014.
3. Малиновский, А. А. Особенности юридической техники в зарубежном уголовном законодательстве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. – М., 2004.
4. Уголовное право зарубежных государств (Особенная часть) / под ред. И. Д. Козочкина. – М., 2004. – 243 с.

УДК 343.61

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ДРУГИХ СТРАН

Бутраменко Виолетта Дмитриевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Корик Татьяна Витальевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена анализу института ответственности за убийство в уголовном праве Республики Беларусь и зарубежных стран (Германии, Швеции, Польши и Грузии).

Нормы закона, связанные с лишением жизни человека по Уголовному кодексу Республики Беларусь, а также практика их применения зачастую вызывают обоснованные дискуссии с требованием дальнейшего совершенствования уголовно-правового регулирования охраны жизни человека, что, в частности, касается реализации той или иной меры ответственности, предусмотренной за данный вид преступления.

За 2017 год в Республике Беларусь было всего зарегистрировано 86326 случаев преступлений, из них убийств и покушений на убийства – 348. Меры наказания за убийство различны и зависят от квалифицирующих признаков преступления. Так, ч. 1 ст. 139 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы, а ч. 2 этой же статьи предусматривает наказание, помимо лишения свободы, пожизненное заключение или смертную казнь [4].

Высшей мерой наказания за рассматриваемое преступление является смертная казнь – расстрел за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. Следует учитывать, что смертная казнь не может быть назначена: лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет; женщинам; мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет. Необходимо подчеркнуть, что данная мера наказания в порядке помилования может быть заменена пожизненным заключением (4, ст. 59).

Отметим, что в 2017 году было вынесено пять «смертных» приговоров в отношении: Кирилла Козачека за убийство детей из мести жене, Александра Михаленю за убийство соседей-пенсионеров, «черных риэлтеров» Игоря Гершанкова и Семена Бережного, Александра Жильникова и Вячеслава Сухарко за убийство молодой пары, а также Виктора Летова за 3 убийства (последнее из которых было совершено в исправительной колонии). Также трех человек приговорили к пожизненному заключению [1].

Полагаем, что развитию современного отечественного законодательства, связанного с реализацией норм ответственности за убийство, могут способствовать углубленные исследования в этой области. В первую очередь следует уделить внимание анализу действующих норм права и опыту различных государств.

Так, например, в Федеративной Республике Германии в 2017 году было совершено 5,76 млн преступлений, что на 10% меньше, чем в предыдущем году, из них 2379 – убийства. Мера наказания за убийство в соответствии с действующим законодательством – лишение свободы, а за тяжкое убийство – пожизненное лишение свободы (6, ст. 212, 211). Так, мы видим,

что смертная казнь как мера наказания не используется в данное время, она была отменена еще в 1949 году. Высшей мерой наказания является пожизненное лишение свободы. Данный вид наказания назначается лицам, достигшим восемнадцати лет (или двадцати одного года, в случае если не обладают должным уровнем психической зрелости). Пожизненное лишение свободы в Германии носит относительный характер, т. е. существует возможность условно-досрочного освобождения после отбытия не менее пятнадцати лет лишения свободы и при отсутствии особой тяжести вины осужденного, препятствующей его освобождению.

Обратим внимание на то, что Уголовный кодекс Швеции предусматривает наказание за убийство в виде тюремного заключения на срок более 10 лет или пожизненно (7, ст. 1 ч. 2 гл. 3). Следует отметить, что Швеция занимает пятое место в рейтинге «Процветания стран мира» на 2017 год и число убийств, совершенных в этом году составляет всего 113 случаев на 9, 567 млн человек населения. Для сравнения, население Республики Беларусь составляет примерно такую же цифру (около 9,500 млн человек), а количество совершаемых убийств – в 3 раза больше [2]. Что касается такой меры, как смертная казнь, то в Швеции она была отменена еще в 1921 году и максимальное наказание за убийство в этой стране – лишение свободы в виде пожизненного заключения под стражу.

Если обратиться к странам бывшего СССР, то можно отметить, что согласно официальным данным МВД Грузии, в 2017 году количество преступлений составило 37 тысяч 944, что на 5,41% больше по сравнению с аналогичным периодом за 2016 год. В 2017 году возросло количество убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах – таких преступлений было зафиксировано 32. Показатель раскрываемости составил 87%. При этом на 24% сократился показатель умышленных убийства. В 2017 году было зафиксировано 67 таких случаев, из них 86% раскрыты.

Мерой наказания при умышленном убийстве, а также большинство умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах является лишение свободы; бессрочное лишение свободы, наравне с лишением свободы как мера наказания в соответствии с ч. 3 ст. 119 УК Грузии применяется только при умышленном убийстве двух или более лиц; совершенное с особой жестокостью; из корыстных побуждений или по найму; в целях пересадки или использования иным образом органов, частей органов или тканей тела жертвы, в связи со служебной деятельностью жертвы или ее близкого родственника или выполнением ими общественных обязанностей (3, ст. 108). Смертная казнь в Грузии была полностью отменена в 2007 году в результате принятия поправки к Конституции.

В Республике Польше в 2017 году было совершено 753 963 преступлений, из них 513 – за убийство, что на 10 % больше, чем в предыдущем году. Однако стоит отметить, что последнее десятилетие, за исключением 2017 года, в Польше ежегодно количество убийств снижается на 10 – 20 %, что говорит об эффективности мер, применяемых государственными органами по отношению к лицам, совершившим данное преступление и склонных к нему. В соответствии с законодательством Польши за убийство лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 25 лет, либо пожизненное лишение свободы (5, ст. 148). Следует отметить, что в Польше за данное общественно-опасное деяния смертная казнь не предусмотрена, так как она отменена в 2002 году после ратификации протокола № 13 Конвенции «Об охране прав человека и основных свобод».

Из сказанного ранее можно сделать вывод о том, что для достижения целей уголовной ответственности необходимо опираться на опыт более высокоразвитых стран с минимальной преступностью (таких как Германия, Швеция и т.д.), а также стран бывшего СССР (например, Грузия, Польша). Анализируя нормы уголовного законодательства других стран, следует учитывать их позитивный и негативный опыт и статистику преступности на ее территории. Опыт рассматриваемых в статье стран показывает, что, несмотря на отсутствие за убийство такой меры наказания, как смертная казнь, их количество ежегодно снижается.

Список источников

1. Пять смертных приговоров вынесли в Беларуси в 2017 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belnovosti.by/proisshestiya/pyat-smertnyh-prigovorov-vynesli-v-belarusi-v-2017-godu>. – Дата доступа: 01.11.2018.
2. Стешич, Е. С. Ответственность за убийство в государствах общей и континентальной правовых семей / Е. С. Стешич // Общество и право. – 2015. – № 1. – С. 104–109.
3. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/134/ru/pdf>. – Дата доступа: 03.11.2018.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1246817&subID=100110056,100110057>. – Дата доступа: 03.11.2018.
6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=5854>. – Дата доступа: 03.11.2018.
7. Уголовный кодекс Швеции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=5705>. – Дата доступа: 03.11.2018.

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЯВЛЕНИЙ ЭВТАНАЗИИ И УБИЙСТВА

Козлова Валерия Дмитриевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Данная научная статья раскрывает состав преступления эвтаназии.

Убийство – это самое тяжкое преступное деяние, поскольку последствием его совершения является необратимое последствие – смерть лица. Поэтому за наиболее опасные виды убийства закон определяет жесткую санкцию, вплоть до смертной казни.

Статья 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает, убийство как умышленное противоправное лишение жизни иного лица. Оно исключает из числа убийств – причинение смерти по неосторожности, а кроме того умышленные преступления, от которых может наступать смерть по неосторожности лица.

В соответствии с УК Республики Беларусь все убийства можно разделить на три категории [3]:

- 1) убийство безотягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 139 УК);
- 2) убийство приотягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 139 УК);
- 3) убийство при смягчающих обстоятельствах (ст. 140-142 УК).

Все они отличаются разной степенью общественной угрозы и в соответствии с этим строгостью уголовно-правовых санкций, установленных за их совершение. В связи с этим, исходя из законодательного определения, акцентируются следующие признаки убийства:

1. **Объект преступления** – являются урегулированные правом общественные отношения, возникающие в процессе реализации гарантий прав индивида на жизнь. Для всех видов убийств данный элемент состава преступления одинаков.

2. **С объективной стороны** убийство может быть совершено равно как путем действия, так и бездействия. Преступное бездействие (пассивность) считается тем ядром, вокруг которого конструируются иные компоненты состава преступления.

3. **Убийство** – умышленное противоправное лишение жизни другого человека [3, ст. 139]. Согласно данному определению проводится различие между убийством и самоубийством, которое по отечественному уголовному праву не является преступлением. Таким образом, по определению

С.В. Бородина, «убийство – предусмотренное Особенной частью УК виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть» [1]. Данное определение нуждается в доработке, связанной с трактовкой понятия «виновное», которое включает в себя равно как умысел, так и неосторожность, что влечет за собой сложности при отграничении убийства от иных составов правонарушений, предусматривающих в качестве последствий гибель лица.

4. В концепции уголовного права для всесторонности дефиниции понятия убийства указывается на его противоправность (незаконность).

Лишение жизни признается преступлением в тех случаях, когда деяния лица, причинившие смерть, были противоправны. Не будет противоправным причинение смерти посягающему на преступление в состоянии необходимой обороны, либо вынужденное причинение смерти при задержании опасного преступника; приведение приговора суда в исполнение в отношении личности, приговоренной к смертной казни.

5. Причинение смерти – необходимое последствие преступления, предусмотренного ст. 139 УК Республики Беларусь.

6. Причинная связь между действием (бездействием) виновного и наступившей смертью потерпевшего.

Причинная взаимосвязь является объективной, существующей за пределами от нашего сознания категорий, в силу которой действие (бездействие) порождает возникновение последствия. Отсутствие причинной взаимосвязи между деянием и наступившей смертью пострадавшего либо исключает уголовную ответственность из-за лишения жизни либо влечет иную квалификацию содеянного.

Покушение же на убийство, равно как эвтаназия, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь разъяснил в п. 2 постановления от 17 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)», возможно лишь с прямым умыслом, т.е. когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный сознавал общественную опасность своего действия (бездействия), предвидел наступление смерти другого человека и желал этого, но смертельный исход не наступил по независящим от него обстоятельствам.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь реализация эвтаназии в любой форме охватывается составом без смягчающих и отягчающих обстоятельств и рассматривается практикой как разновидность простого убийства, квалифицируемого по ч. 1 ст. 139 УК. При этом наличие мотива сострадания, свидетельствующего об относительно небольшой

степени общественной опасности виновного учитывается лишь как обстоятельство, смягчающее наказание п. 6 ч. 1 ст. 63 УК [3].

Проведенный анализ разных аспектов эвтаназии привел к следующему заключению: в Республике Беларусь следует исключить противоречия среди законодательной практики запрета эвтаназии и реальной медицинской практики латентного использования.

В этих целях необходимо из общей законодательной нормы об убийстве выделить в самостоятельный состав менее угрожающий вид убийства со смягчающими обстоятельствами – эвтаназию.

Эвтаназия, равно как юридический факт, предполагает собой не «реализацию права в жизнь», а преступное деяние. Несомненно, что по ряду свойств эвтаназия идентична убийству. Вместе с тем определенные характерные черты эвтаназии не дают возможность это деяние целиком идентифицировать с убийством, квалифицируемым по ст. 139 УК.

Квалификация эвтаназии согласно УК нарушает единственный из основополагающих принципов уголовного права, а непосредственно принцип справедливости. Предлагаемая мера поможет избежать двух опасных крайностей: декриминализации эвтаназии и отождествления ее с убийством, а следовательно, снимется часть проблем, возникающих у правоприменителя при уголовно-правовой оценке анализируемого деяния. Представляется, что во всех вариантах просьба потерпевшего должна вести к смягчению уголовно-правовой ответственности за убийство по такому основанию.

Таким образом, совершение эвтаназии с косвенным умыслом представляется невозможным. Действия в области эвтаназии направлены непосредственно на причинение легкой смерти, следовательно, главной целью данного деяния является наступление смерти. Мотив и цель выступают неотъемлемыми признаками субъективной стороны состава убийства по просьбе потерпевшего и, в соответствии с этим, оказывают решающее значение на квалификацию содеянного.

Список источников

1. Бородин, С. В. Правонарушения вопреки существования / С. В. Бородин. – СПб., 2003. – 97 с.
2. Постановление пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 3 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.139)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.gov.by>. – Дата доступа: 16.10.2018.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ:
НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Малец Ангелина Геннадьевна,

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния прошёл в своём развитии достаточно длительный этап. Но, с другой стороны, вопрос о превышении или соблюдении пределов этих деяний, часто является спорным и требующим скрупулезного рассмотрения всех фактов произошедшего события. По сей день ведутся дискуссии по данному поводу. К однозначному решению ни теория, ни практика до сих пор не пришли. Сравнительный анализ позволяет изучить данный институт с другой стороны, а также на основании полученного внести в соответствующее законодательство поправки.

Правовая природа обстоятельств, исключающих преступность деяний является противоположной к правовой природе преступлений. Преступления квалифицируются по признакам его состава. Указанные признаки содержатся и у обстоятельств, исключающих преступность деяния. В литературе сделана попытка определить их совокупность как состав обстоятельств, устраняющих общественную опасность.

Некоторые совершаемые общественно опасные деяния, формально могут содержать все четыре признака состава преступления, но при наличии определенных условий не признаются преступлениями. Таким образом, обстоятельства, исключающие преступность деяния – это установленные законом случаи, когда совершаемые деяния, внешне похожие на какое-либо преступление, не влекут за собой уголовной ответственности [1].

Впервые в истории уголовного законодательства Республики Беларусь, в Уголовном кодексе (далее УК) 1999 года, были определены шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данные обстоятельства и по сегодняшний день отображены в белорусском законодательстве в самостоятельной главе. А именно:

- необходимая оборона;
- причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление;
- крайняя необходимость;
- пребывание среди соучастников по специальному заданию;

- деяние, связанное с риском;
- исполнение приказа или распоряжения [2].

Правоприменительной практикой могут использоваться и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния: непреодолимая сила, физическое и психическое принуждение, выполнение профессиональных обязанностей, осуществление субъективных прав, согласие потерпевшего.

Проводя параллель с российским законодательством, можно отметить тот факт, что в УК Российской Федерации также содержится перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. Данный перечень немного отличается от законодательства Республики Беларусь, так как вместо пребывания среди соучастников по специальному заданию в нем содержится такое обстоятельство, как физическое и психическое принуждение. Как отмечалось ранее, данное обстоятельство применяется белорусским законодательством, но в УК прямо не закреплено.

В УК Российской Федерации также наблюдается тот факт, что не все обстоятельства, исключающие преступность деяния, которые применяются на практике, отображены в самом законодательстве [3].

В связи с этим целесообразно будет внести в главу 6 УК Республики Беларусь изменения, а именно закрепить все обстоятельства, используемые правоприменительной практикой:

- необходимая оборона;
- причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление;
- крайняя необходимость;
- пребывание среди соучастников по специальному заданию;
- деяние, связанное с риском;
- исполнение приказа или распоряжения;
- непреодолимая сила;
- физическое и психическое принуждение;
- выполнение профессиональных обязанностей;
- осуществление субъективных прав, согласие потерпевшего.

Стоит отметить, что в работах как современных ученых, так и ученых прошлого века обстоятельства, исключающие преступность деяния, подвергнуты детальному и глубокому исследованию, однако многие аспекты проблем все еще остаются нерешенными или дискуссионными, и они требуют комплексного решения.

Также необходимо принимать во внимание тот факт, что в мировой уголовно-правовой науке этот перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, является еще более содержательным. В него могут входить такие обстоятельства, как выполнение профессиональных функций, медицинский риск и т.д. [1].

Не исключается, что со временем количество обстоятельств, исключающих преступность деяния, в разы увеличится. Но стоит принять во внимание тот факт, что увеличение числа обстоятельств, исключающих преступность деяния, зависит не от объективных закономерностей, а от качества уголовного законодательства.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что рассмотренные обстоятельства, исключающие преступность деяния, характеризуются как важный институт правового регулирования. А также внесение изменений в УК Республики Беларусь помогут закрепить обстоятельства, имеющие значение для белорусского законодательства.

Список источников

1. Гладких, В. И. Уголовное право: учеб. пособие / В. И. Гладких, В. С. Курчеева. – М.: РИОР, 2015. – 115 с.
2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – 320 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ в последней редакции, действующей с 21.10.2018 года // Правовой центр Логос.

УДК 343.54

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВОМ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ИЛИ ПОЛОВУЮ СВОБОДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Меерсон Владислав Романович,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Рассматриваются этапы эволюции формирования и развития мер уголовно-правового противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

Защита детей и молодежи осуществляется в рамках государственной семейной политики, которая является составной частью социальной политики Республики Беларусь и представляет собой целостный комплекс принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на обеспечение необходимых условий для рождения, вы-

живания и защиты детей и молодежи, их полноценного развития и реализации семьей всех ее функций в жизни общества. Нормальное половое развитие несовершеннолетних на разных этапах исторического развития в определенной степени, со свойственными особенностями, находилось под защитой государства, с учетом того, что область сексуальных отношений как часть жизнедеятельности общества не может быть свободна от государственно-правового регулирования.

В большинстве цивилизаций и культур прошлого существовали определенные сексуальные действия, которые безусловно запрещались. Влияние христианства на преследование половых преступлений, по мнению Н. А. Исаева, проявлялось на Руси в следующем: 1) использование трех способов церковного контроля за сексуальным проведением мирян – исповеди, покаяния и причастия, причем чувствовавшее себя виноватым и уклонявшееся от исповеди с покаянием лицо «не допускалось к причастию» и таким образом исключалось из общества с последующим ostracismом; 2) институт семьи имел двойную регуляцию – государственную и религиозную; 3) «изнасилование как акт насилия и нападения являлось предметом государства и охраны личности», но «как акт сексуальной непристойности относилось к компетенции религиозной» [1, с. 34]. По источникам права, таким как Церковный Устав Ярослава, Псковская Судная грамота, Соборное Уложение 1649 года, дети не имели права жаловаться и обращаться в суд с челобитными на своих родителей. Исключения составляли только сообщения о государственных преступлениях, ибо если дети ведали про государеву измену родителей и не сообщили о том, то их предписывалось «казнить смертию». В последующих за Уложением статьях 1669 года устанавливалась ответственность за «блудные дела» (прелюбодеяния лиц, не состоящих в браке) с женами и дочерьми крестьян, а также за такие надругательства за беременными крестьянками, которые влекли выкидыш [2, с. 198].

А.М. Ходыч, исследовав исторический аспект данной проблемы, указывает, что впервые ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим определенного возраста, ненасильственного характера кодифицирована в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в специальном разделе «О преступлениях против чести и целомудрия женщин». В данном разделе была установлена ответственность за растление девицы, не достигшей 14-летнего возраста, и изнасилование лица женского пола, «имеющего более 14 лет от роду». Применительно к каждому из этих действий определялись соответствующие квалифицирующие обстоятельства. Так, растление признавалось квалифицированным, если оно было совершено с применением насилия или лицом, от которого потерпевшая находилась

в зависимости (родителями, опекунами, родственниками). В Уголовном уложении 1903 г. основания дифференциации наказания за посягательства, связанные с половыми отношениями, были детализированы. Тяжесть санкции основного состава ставилась в зависимость и от возраста потерпевшего, и от его согласия на совершаемое виновным «любодеяние», и от сопряженности «любодеяния» с обольщением девицы в возрасте от 14 лет до 21 года и другими обстоятельствами. Такая позиция законодателя диктовалась его стремлением обеспечить повышенную защищенность детей и несовершеннолетних обоюбого пола от посягательств, совершаемых на сексуальной почве, и применительно к существовавшему тогда уровню развития законодательной техники, была вполне обоснованной. Особое внимание в Уголовном уложении 1903 г. уделялось также охране интересов лиц, находящихся в той или иной зависимости от виновного [3, с. 20].

Первый советский Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1922 г. в гл. 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» в разделе 4 «Преступления в области половых отношений» предусмотрел ответственность за данные преступления и исходил из обоснованности включения в него посягательств, связанных и не связанных с удовлетворением сексуальных потребностей самим виновным. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. продолжил традицию уголовно-правовой охраны нормального полового развития несовершеннолетних, но без выделения их в особую группу. Тем не менее, в зависимости от характера совершаемых с малолетними и несовершеннолетними сексуальных действий, эти посягательства можно классифицировать следующим образом: насильственное половое сношение (ст. 153); ненасильственное половое сношение (ст. 151); развращение малолетних или несовершеннолетних (ст. 152); принуждение к занятию проституцией (ст. 155) [4]. Вместе с тем, Уголовный кодекс 1926 г. «отказался» от усиления уголовной ответственности за совершение ненасильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних, если они были совершены специальным субъектом – лицом, которое осуществляло в отношении потерпевшего функции опеки или попечительства или в иных формах было обязано осуществлять его воспитание. Полагаем, что данная правовая ситуация явилась некоторым отступлением от наработок Уложения 1903 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в плане защиты нормального полового развития несовершеннолетних.

Уголовный кодекс БССР 1928 г. не предусматривал специального раздела о половых преступлениях. Однако в главе 6 «Преступления против личности» содержалась ст. 233, в соответствии с которой половые сношения с лицами, не достигшими половой зрелости, влекли лишение свободы до трех лет, а те же деяния, соединенные с растлением или удовлетворени-

ем половой страсти в извращенных формах (ч. 2 ст. 233), – лишение свободы до восьми лет [5, с. 159]. Глава 8 УК БССР 1960 г. (Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности) содержала ст. 117, устанавливавшую ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости [6]. В соответствии с ч. 1 ст. 117, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, наказывалось лишением свободы на срок до трех лет. Согласно ч. 2 ст. 117 те же действия, сопряженные с удовлетворением половой страсти в извращенных формах, наказывались лишением свободы на срок до шести лет. За половое сношение «с лицом, не достигшим половой зрелости», уголовная ответственность наступала не в связи с конкретным возрастом потерпевшей (потерпевшего), а в связи с особенностями ее (его) физиологического состояния.

Действующий УК Республики Беларусь усилил ответственность за посягательства на интересы личности в сексуальной (половой) сфере. Так, Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [7] ст. 168 УК была дополнена ч. 2, в соответствии с которой те же действия, совершенные лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьей, статьями 166 или 167 настоящего Кодекса, либо лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию, содержанию, обеспечению безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего, либо группой лиц, – наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Таким образом, важным этапом совершенствования и развития уголовного законодательства стало принятие в советский период таких кодифицированных актов, как Уголовные кодексы 1922, 1926, 1960 гг. Но стоит отметить, что совершенствование уголовно-правовых механизмов, касающихся защиты несовершеннолетних от сексуальных посягательств в настоящее время не останавливается. Основываясь на историческом анализе норм права, существующем международном опыте, а также поступательно внедряя передовые, наиболее качественные коррективы, соответствующие динамике общественных отношений, в уголовно-правовой закон, можно не только оптимизировать правоприменительную практику, но и повысить эффективность уголовно-правовой борьбы с посягательствами на половую неприкосновенность или половую свободу несовершеннолетних.

Список источников

1. Исаев, Н. А. Сравнительно-исторический аспект половых преступлений / Н. А. Исаев // История развития уголовного права и ее значение для современности : матери-

- алы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26-27 мая 2005 г. – М. : ЛексЭст, 2006. – С. 33–35.
2. Маньков, А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. / А. Г. Маньков. – СПб., 1998. – 216 с.
 3. Ходыч, А. М. Ответственность за половые преступления, совершаемые в семье, по российскому уголовному законодательству: исторический аспект / А. М. Ходыч // Общество и право. – 2009. – № 5. – С. 18–21.
 4. Юридическая Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.as>. – Дата доступа: 25.10.2018.
 5. Уголовный кодекс БССР: утв. ЦИК БССР, 23 сент. 1928 г. // Уголовное законодательство СССР и союзных Республик. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 126–162.
 6. Pravo.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа: 25.10.2018.

УДК 343.352

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Мешкова Наталья Алексеевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Пантелева Наталья Викторовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Данная статья посвящена коррупции в сфере закупок, проблемам раскрытия данных преступлений. Также авторами выносится предложение по минимизации коррупции в данной области.

Коррупция – это проблема, охватившая всевозможные сферы. Одной из наиболее коррумпированных сфер являются закупки товаров, работ и услуг. Согласно Закону Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» от 13.07.2012 № 419-З (далее – Закон № 419-З), государственная закупка – это приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств. 01. 07. 2019 вступает в силу новая редакция Закона № 419-З, в которой дается более развернутое определение государственной закупки: «а также отношения, связанные с исполнением договора государственной закупки». В ст. 4 Закона № 419-З в качестве одного из принципов провозглашается предотвра-

шение коррупции в области государственных закупок. Этот принцип можно назвать, на наш взгляд, главенствующим среди перечисленных, так как остальные способствуют реализации данного принципа (гласность и прозрачность процесса государственных закупок; развитие добросовестной конкуренции, обеспечение справедливого и беспристрастного отношения к потенциальным поставщикам и прочие). В ч. 1 ст. 9 Конвенции ООН «О противодействии коррупции» говорится, что «каждое Государство-участник принимает в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы необходимые меры для создания надлежащих систем закупок, которые основываются на прозрачности, конкуренции и объективных критериях принятия решений и являются эффективными, среди прочего, с точки зрения предупреждения коррупции». Наличие данного пункта в Конвенции ООН свидетельствует о масштабах проблемы коррупции в сфере закупок и необходимости применения различных мер для борьбы с данным явлением.

Структура совершения преступлений в сфере закупок не однородна, поэтому каждый вид преступлений в данной области имеет свою специфику. Однако практически все преступления в сфере закупок совершаются с прямым умыслом и корыстным мотивом. Преступления в сфере закупок можно классифицировать по субъектам на преступления, совершаемые заказчиком, либо участником, либо иными лицами. Наиболее распространенной характеристикой преступлений в сфере закупок является сговор заказчика и конкретного участника закупок, так как каждый из данных лиц получает определенную выгоду. Например, заказчик вступает в сговор с участником и производит закупки по цене, которая выше рыночной.

В Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 № 305-З в ст. 25 к правонарушениям, создающим условия для коррупции, относится и порядок проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок [1]. В Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 15.03.2012 № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» говорится об основных требованиях, применяемых к порядку осуществления закупок за счет собственных средств республиканскими унитарными предприятиями, государственными органами, государственными объединениями, юридическими лицами, имущество которых находится в республиканской собственности, а также хозяйственными обществами, в уставных фондах которых более 25 % акций (долей) принадлежит Республике Беларусь или организациям, имущество которых находится в республиканской собственности, путем проведения конкурентных процедур. Однако у некоторых предприятий существует необходимость закупки товара определенной марки и производителя, что

приводит к выводу об отсутствии коррупционных правонарушений в данных закупках. Но может возникнуть вопрос: «Имело ли действительно место производственная необходимость?». В таких случаях говорить о наличии коррупционных правонарушений достаточно сложно, так как для того, чтобы их обнаружить, необходимо проведение не только целенаправленной проверки, но и изучение всех тонкостей конкретного производства. На наш взгляд, для минимизации преступлений данного рода необходимо создать условия, при которых указать недостаточно достоверные характеристики продукта не будет представляться возможным.

Коррупционные правонарушения в сфере закупок могут выражаться не только в совершении каких-либо действий, но и в бездействии, то есть в неисполнении лицом обязанностей (например, размещение неполной информации, в результате чего некоторые поставщики не будут знать всех тонкостей данного производства и не смогут участвовать в проведении процедуры закупки). Также лицо может выбрать поставщика на основе личной заинтересованности, создав при этом видимость добросовестной конкуренции. Встречаются и случаи, когда заключается договор о закупках на невыгодных условиях для предприятия, в результате чего какое-либо лицо, например, получает вознаграждение. Существуют и такие правонарушения в данной области, как искусственное недопущение каких-либо производителей по каким-либо причинам к участию в процедуре закупок, что прямо запрещено в Законе № 419-З и является коррупционным правонарушением.

Также могут производиться полностью фиктивные закупки или такие закупки, где фиктивной является только ее часть. На наш взгляд, выявление таких преступлений имеет достаточно большое количество сложностей, особенно если фиктивной является не вся закупка, а ее часть, так как документы по поводу данных закупок, на первый взгляд, могут быть в порядке.

Коррупционные преступления в данной сфере совершаются не только при осуществлении государственных закупок, но и за собственные средства. При закупке товаров за собственные средства необходимо руководствоваться Законом Республики Беларусь от 12.12.2013 «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», в котором также предусмотрен запрет на создание преимущественных условий для участников. Можно сделать вывод, что кто бы ни выступал в качестве заказчика, государственное предприятие или частное, наличие преимущества у кого-либо недопустимо, так как нарушаются основополагающие принципы, провозглашенные в Конституции Республике Беларусь.

Таким образом, коррупционные преступления совершаются не только в сфере государственных закупок, но и в закупках, осуществляемых за не-

бюджетные средства. Борьба с преступлениями в сфере закупок является достаточно сложной, так как имеет большое количество трудностей еще на стадии выявления. На наш взгляд, это обусловлено тем, что коррупционные преступления в рассматриваемой области могут совершаться на различных этапах проведения процедуры закупок: при подготовке проведения закупок, при организационном и информационном обеспечении проведения процедуры закупок, при самой процедуре закупок и при заключении договора. Для того, чтобы предотвратить такие преступления, в идеале необходимо создать условия, при которых будет исключена возможность недобросовестных закупок. На наш взгляд, для реализации данного предложения необходимо ввести персональную ответственность каждого должностного лица, участвующего в процедуре закупок, которая будет заключаться в фиксировании всех его решений. Данная мера должна будет уменьшить количество коррупционных преступлений в данной сфере.

Список источников

1. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июл. 2015 г., № 305-3 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июл. 2013 г., № 419-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 229 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.2/.7

ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Минина Виктория Владимировна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматривается наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, проводится сопоставление с аналогичным наказанием в зарубежном уголовном праве. На основании проведенного исследования высказываются предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего назначение анализируемого вида наказания.

Согласно ст. 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено судом в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления на срок от одного года до пяти лет [5]. В самом законе законодатель не определил понятие данного вида наказания. Однако, по мнению автора, исходя из содержания ст. 51 УК Республики Беларусь, под наказанием в виде *лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью* следует понимать лишение права осужденного на определенный срок занимать должность, которую он занимает до осуждения, а также аналогичные этой другие должности, либо заниматься определенным видом деятельности в соответствии со своими способностями, образованием, профессиональной подготовкой (трудовой функцией).

Исходя из этого, рассматриваемый вид наказания включает в себя 2 вида ограничений: запрет занимать определенные должности и запрет заниматься определённой деятельностью [2, с. 183]. Кроме того, осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью обязаны выполнять предписания приговора, представлять по требованию уголовно-исполнительной инспекции документы, связанные с отбыванием указанного наказания, сообщать в уголовно-исполнительную инспекцию о месте работы, его изменении или об увольнении с работы, об изменении места жительства. Следовательно, кара данного наказания выражается в ограничении права на труд, закрепленного ст. 41 Конституции Республики Беларусь.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться судом в качестве, как основного, так и дополнительного наказания. В качестве дополнительного наказания оно может быть назначено и в тех случаях, когда оно прямо не предусмотрено в санкции статьи, но исходя из характера совершенного лицом преступления, связанного с занимаемой должностью или с занятием определенной деятельностью, суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Аналоги рассматриваемого вида отечественного наказания широко применяются в странах СНГ и Прибалтики.

Например, в УК Российской Федерации под лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью понимается запрещение занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью [3]. УК Казахстана (ст. 50)

и Азербайджана (ст. 46) дублируют диспозицию УК Российской Федерации [3]. По УК Латвийской Республики ограничение прав заключается в «лишении права на определенный или все виды предпринимательской деятельности, на определенный род занятий, на занятие определенных должностей или на приобретение предусмотренных специальным законом разрешений» [4].

В уголовном законодательстве разных стран рассматриваемый вид наказания имеет различную правовую природу, выступая не только в роли уголовного наказания за преступления и проступки, но и в качестве «последствия преступления», а также «меры безопасности». Не всегда одинакова и целевая нагрузка данного вида наказания, основания ее назначения, сроки, порядок их исчисления, а также условия исполнения и круг деяний, за которые оно предусмотрено (так, в одних случаях это преступления, в других проступки и т.п.) [1]. Например, УК Армении предусмотрены различные сроки лишения права в зависимости от категории преступления. Так, за умышленные преступления срок наказания составляет от двух до семи лет, за неосторожные – от одного года до пяти лет [3]. Интересен опыт определения срока данного наказания в Казахстане, где он зависит от вида совершенного преступления. Например, за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных педагогом или иным лицом, на которое возложены обязанности по их воспитанию, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания устанавливается на срок от десяти до двадцати лет; за совершение коррупционных преступлений – на срок от трех до десяти лет в качестве основного вида наказания и на срок от одного года до семи лет в качестве дополнительного вида наказания [3].

Следует также отметить, что и законодательство «дальнего зарубежья» имеет виды наказаний в отношении должностных лиц и государственных служащих. В некоторых странах в качестве уголовно-правовой меры лишения прав выступает лишение специальных прав, предоставленных человеку государством: права занимать определенные должности, водительских, охотничьих, профессиональных и других прав [1, с. 21].

В УК Франции рассматриваемое наказание является исправительным видом наказания и именуется как лишение права или ограничение права, которое включает в себя лишение водительских прав на срок не более пяти лет, причем такое лишение прав может быть ограничено вождением вне рамок профессиональной деятельности; запрещение управлять некоторыми транспортными средствами в течение не более пяти лет; аннулирование водительских прав с запрещением ходатайствовать о выдаче новых прав в

течение не более чем пять лет; конфискацию одного или нескольких транспортных средств, принадлежащих осужденному [6]. При этом данное наказание может быть назначено и как дополнительное, которое заключается в запрещении, лишении или изъятии какого-либо права, закрытии какого-либо заведения.

По мнению автора, заслуживает внимание уголовное законодательство ФРГ, которое не содержит схожего вида наказания, однако в качестве дополнительных последствий предусматривает: лишение права занимать публичные должности и пользоваться правами, полученными в результате публичных выборов, лишение права публично избирать или голосовать [7]. Помимо этого УК ФРГ закрепляет и такой вид дополнительного наказания, как запрет на управление транспортным средством.

Необходимо отметить и особенность назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, имеющуюся в зарубежном уголовном законодательстве. Так, основной порядок назначения аналогичен порядку назначения уголовных наказаний в Республике Беларусь. Только по приговору суда. Однако наряду с этим можно встретить случаи, при которых не требуется специального назначения лишения прав судом. Оно наступает автоматически, как «дополнительное последствие» основного наказания. Например, УК ФРГ устанавливает «дополнительное последствие» при осуждении лица к лишению свободы на срок более 1 года, которым он лишается на период от 2 до 5 лет возможности занимать публичные должности, а также избирательного права, если иное не оговорено в законе [7].

Таким образом, уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, широко представлены в уголовном законодательстве современных зарубежных государств. В то же время они далеко не всегда выступают как наказания, будучи закрепленными в качестве, так называемых «мер безопасности». По мнению автора, видится целесообразным закрепить само понятие данного наказания в диспозиции ст. 51 УК Республики Беларусь. Также обратить внимание на определение срока рассматриваемого наказания в зависимости от категории совершенного преступления.

Список источников

1. Лата-Полянская, Г. С. Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью : дис. ... маг. юрид. наук : 40.04.01 / Г. С. Лата-Полянская. – Томск, 2016. – 102 л.
2. Степашкин, В. М. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определённой деятельностью / В. М. Степашкин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. – № 4. – С. 182–188.

3. Уголовные кодексы государств-участников СНГ [Электронный ресурс] // Центр документов Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 22.09.2018.
4. Уголовный Кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>. – Дата доступа: 28.10.2018.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018>. – Дата доступа: 25.10.2018.
7. Уголовный кодекс ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733>. – Дата доступа: 25.10.2018.

УДК 343.622

ПОНЯТИЕ ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕЙ СИТУАЦИИ В СТ. 140 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Петранис Екатерина Александровна,

Отдел внутренних дел Могилевского райисполкома

(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматривается понятие психотравмирующей ситуации как обстоятельство убийства матерью новорожденного ребенка. Приведены различные подходы к определению данного понятия.

Термин «психотравмирующая ситуация» не имеет однозначного толкования в уголовно-правовой литературе. Отсутствие жесткого определения содержания данного понятия обуславливает возникновение трудностей в процессе установления истины по уголовному делу. Справедливо заметить, что теория, законодатель, а также правоприменительная практика, упоминая о психотравмирующей ситуации, не всегда вкладывают в эту неоднозначно толкуемую дефиницию схожий смысл, и очевидно, что наличие множества позиций по вопросу психотравмирующей ситуации, отсутствие четкого содержания и единого понимания данного понятия приводит к правовым ошибкам, нарушению прав человека.

В этой связи вопрос изучения понятия «психотравмирующая ситуация» заслуживает особого внимания и требует глубокой научной разработки.

Данное понятие появилось в УК Республики Беларусь в 1999 г. В действующем уголовном законе оно содержится в ст. 140 «Убийство матерью новорожденного ребенка» и в ст. 141 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта».

Рассмотрим понятие «психотравмирующая ситуация» применительно к ст. 140 УК Республики Беларусь – «Убийство матерью новорожденного ребенка». Применительно к данной статье обстановка совершения преступления «в условиях психотравмирующей ситуации» является обязательным признаком объективной стороны преступления, который устанавливает, что виновная страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, вызванным различными формами психозов или некоторыми другими расстройствами.

Дело в том, что врачи определяют период психотравмирующей ситуации месячным сроком после родов, акушеры – недельным, а судебные медики – суточным. Юристы, комментирующие закон, либо вообще обходят данный вопрос, либо толкуют его так же неопределенно, что затрудняет правильную квалификацию действий виновной женщины. К сожалению, даже в некоторых комментариях к уголовно-правовым нормам, специально рассчитанных на правоприменителя, эта проблема обойдена стороной.

Так, С. В. Бородин говорит о том, что психотравмирующая ситуация может возникнуть до родов, во время родов или сразу после них. Психотравмирующая ситуация – это оценочное понятие. По его мнению, наличие или отсутствие ее зависит от многих обстоятельств: от психического состояния женщины; условий, в которых произошли роды; наличия у женщины семьи; условий для проживания с ребенком и т.п. [1, с. 215]. Аналогичный подход к определению данного понятия высказывают и другие правоведы, полагая, что психотравмирующая ситуация представляет собой эмоциональную напряженность, которая в сочетании с беременностью и послеродовыми психическими процессами способна обусловить неадекватные реакции, образуя необходимое условие совершения детоубийства. Они утверждают, что такая эмоциональная напряженность может быть следствием семейных конфликтов, супружеской измены, а также иных ситуаций социально-бытового характера, способных оказать психотравмирующее воздействие [2, с. 40].

По мнению О. Погодина и А. Тайбакова психотравмирующую ситуацию можно определить, как своеобразный срыв высшей нервной деятельности [3, с. 16–17]. Так же они не указывают определенного срока для данной ситуации, считая, что длительность воздействия психотравмирующей ситуации обусловлена не только непосредственно ситуацией родов, но в большей степени отношением личности к этой ситуации. Чем дольше сохраняется эта ситуация, тем она более болезненна. А. Н. Красиков отмечает, что психотравмирующая ситуация складывается не сразу, а в результате повторения негативного воздействия на психику матери-убийцы, т.е. при аккумуляции отрицательных эмоций. Он предлагает в каждом конкретном

случае для выяснения того, находилась ли женщина в условиях психотравмирующей ситуации, назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу для оценки психологического состояния роженицы или родильницы, совершившей детоубийство [4, с. 65].

С. А. Разумов, Г. Н. Барзенков, В. П. Верин психотравмирующую ситуацию видят, как нагрузку для психики матери [5, с. 436].

А. Н. Попов выделяет четыре обязательных критерия психотравмирующей ситуации применительно к детоубийству:

- имеет место на момент совершения преступления;
- имеет непосредственную связь с беременностью, родами, судьбой матери и ребенка;
- воспринимается психотравмирующей не только матерью, но признается таковой, исходя из общепринятых норм морали и нравственности;
- оказала свое негативное влияние на принятие решения о детоубийстве [2, с. 43–44].

Возникновение ситуаций такого рода определяет характер психической травмы, с одной стороны, и особенности личности, на которую воздействует эта травма, – с другой. Длительность (продолжительность) воздействия психотравмирующих факторов обусловлена не только непосредственно ситуацией родов, но и отношением личности к этой ситуации. Так, важна и внешняя сторона психотравмирующей ситуации, обусловленная (связанная) как негативным влиянием ближайшего социального окружения (осуждение со стороны близких родственников в связи с незапланированной беременностью и родами), так и социально-трудовой незащищенностью (финансовые трудности, связанные с низкоквалифицированным трудом, обучением в учебном учреждении и др.). Таким образом, анализируемый феномен можно определить, как своеобразный «срыв высшей нервной деятельности» [6, с. 104].

Н. А. Бабий рассматривает психотравмирующую ситуацию двояко: с точки зрения внутренних и внешних изменений. Таким образом, он связывает психофизиологические изменения, возникающие в организме женщины в силу самого по себе состояния беременности ну и, конечно, самого процесса родов. Он расширяет границы понимания психотравмирующей ситуации. Именно внутренние психофизиологические страдания и обусловливают неадекватную реакцию женщины на появление на свет источника страдания и боли – ребенка [7, с. 465].

По мнению А. С. Лукомской, под психотравмирующей ситуацией, применительно к детоубийству, понимается конкретный набор обстоятельств, препятствующих достижению какой-либо цели и субъективно способных оказать влияние на психическое состояние женщины в виде внешнего и

внутреннего конфликта, выраженное определенным эмоциональным состоянием [8, с. 77].

На наш взгляд, необходимо учитывать все составляющие психотравмирующей ситуации:

- факторы, которые порождают накопление негативных эмоций и переживания;

- непосредственно сам срыв высшей нервной системы;

- связи между данными факторами и непосредственными действиями.

Именно данные факторы являются толчком к действию, совершению преступления.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что психотравмирующая ситуация – это всегда конфликт. Это ситуация, препятствующая достижению какой-либо цели, вызывающая либо внешний, либо внутренний, а чаще всего – смешанный (внешний сочетается с внутренним) конфликт.

Список источников

1. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 467 с.
2. Попов, А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А. Н. Попов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 465 с.
3. Погодин, О. Убийство матерью новорожденного ребенка / О. Погодин, А. Тайбаков // Законность. – 1997. – № 5. – С. 16–17.
4. Красиков, А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А. Н. Красиков. – Саратов, 1996. – 225 с.
5. Разумов, С. А. Комментарий к УК РФ [Текст] / С. А. Разумов, Г. Н. Борзенков, В. П. Верин / отв. ред. В. М. Лебедев. – Москва : Юрайт-Издат, 2004. – 436 с.
6. Машталер, Ю.Ф. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в Республике Беларусь / Ю. Ф. Машталер // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 104.
7. Бабий, Н. А. Квалификация убийств / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2009. – 601 с.
8. Лукомская, А. С. Понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ / А. С. Лукомская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – С. 77.

УДК 343.35

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Радкевич Яна Валерьевна,

Минская транспортная прокуратура

(г. Минск, Беларусь)

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме – уголовно-правовые механизмы борьбы с коррупционными преступлениями. В статье раскрывается понятие,

этимология и феномен коррупции. Автором приводится обобщенная характеристика специального субъекта, как лица, являющегося представителем государственной власти, который своими противоправными деяниями подрывает авторитет публичной власти.

Коррупция является как проблемой отдельно взятого государства, в частности Республики Беларусь, так и транснациональной проблемой. В этой связи, значительное внимание научной статьи уделяется уголовно-правовым механизмам противодействия коррупционным преступлениям.

Коррупция – это общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц [1, с. 373].

Этимология слова «коррупция» в научной среде вызывает споры. Термин «коррупция» означает порчу, подкуп, упадок, извращенность, плохое состояние, превратность (мнения или взгляда). Сам же латинский термин (*corruptio*) происходит от греческого слова, означавшего «грязь» и имеет более десятка значений. Среди них: повреждать желудок плохой пищей, портить воду в закрытой таре, расстраивать дела, расточать состояние, приводить в упадок нравы, упускать возможность, истощать источник [2]. Следовательно, слово «коррумпировать» означало «подкупать деньгами, щедрыми раздачами или иными материальными благами» далеко не в первом его значении.

С давних времен коррупционные преступления рассматривались как негативные социальные явления, которые способствовали дезорганизации авторитета государственной власти.

В правовом аспекте коррупция рассматривается в двух смыслах – в узком и широком. В узком смысле – злоупотребление должностным лицом служебным положением, с целью корысти, получения выгоды и личного обогащения. Корысть – в уголовном праве один из возможных мотивов преступления, характеризующийся в стремлении извлечь из него материальную или иную выгоду имущественного характера либо намерением избавиться от материальных затрат [1, с. 375].

В свою очередь в широком смысле коррупция – это система определенных неформальных отношений, заменяющих собой официально допустимые правила поведения, которые подменяют формальные отношения в социальном взаимодействии между должностным лицом и гражданином.

Политическая власть в любом государстве воспринимает коррупцию как серьезную угрозу национальной безопасности. Стоит отметить, что политическая опасность коррупции выражается в антигосударственном и антисоциальном явлении, которое заключается в разрушительном воздействии на основы государственного устройства и правового регулирования.

Вырабатываемая политическая стратегия в преодолении коррупции должна основываться на укорененной системе властных отношений, которые переплетены с другими социальными отношениями.

Противодействие коррупции является одной из главных задач государства.

Антикоррупционные мероприятия основываются на предупреждении и искоренении коррупционных рисков в системе осуществления государственно-властных функций управленческого характера. Мероприятия, направленные на противодействие коррупции должны совершенствовать систему государственного управления посредством организации антикоррупционных функций контроля.

Коррупция как антисоциальное явление изначально исходит из деструктивных форм деятельности публичного аппарата управления и его представителей и выражается в восходящем и нисходящем разложении системы институтов государственной власти. Проявляется это, как правило, в умышленном использовании государственными служащими своего служебного положения, статуса, авторитета занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения.

Деятельность публичного аппарата может перерасти в клептократию, которая, укрепит коррупцию в государственных органах, при условии неразвитости действенных форм социального контроля общества.

В Республике Беларусь формой контроля гражданского общества за соблюдением государственными служащими требований антикоррупционных стандартов являются комиссии по противодействию коррупции, создаваемые в республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях, а также областных, Минском городском, городских, районных исполнительных комитетах [3, с. 11].

По этой причине, на наш взгляд, нельзя доверять контроль за состоянием коррупции лишь государственной власти; необходимо общественное участие. Однако для участия общества в предупреждении коррупционных преступлений требуется высокий уровень правовой культуры.

Важно отметить, что отличительной чертой коррупционных преступлений является то, что они совершаются специальным субъектом.

Специальный субъект – это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, согласно законодательству Республики Беларусь, которое совершило преступление и обладает не только общими признаками, но и специальными (дополнительными), регламентированными главой 35 именуемой «Преступления против интересов службы», а также иными статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь).

В большинстве случаев на социальном уровне коррупция понимается как подкуп должностного лица, что отождествляется с уголовно-правовым термином «взяточничество». В уголовном кодексе Республики Беларусь отсутствует норма, которая раскрывает понятие «взяточничество». В свою очередь, уголовным законодательством Республики Беларусь регламентированы составляющие взяточничества, а именно составы преступления: получение взятки (ст. 430 УК), дача взятки (ст. 431 УК) и посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК) [4].

Кроме получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве Уголовный кодекс Республики Беларусь закрепляет следующие коррупционные преступления: злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), бездействие должностного лица (ст. 425 УК), превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК), служебный подлог (ст. 427 УК), служебная халатность (ст. 428 УК), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК), принятие незаконного вознаграждения (ст. 433 УК).

Перечень коррупционных преступлений, утвержден Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Следственного комитета от 27.12.2013 №43/9/95/571/57//274, где помимо названных выше к таковым относятся: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ст. 235 УК), злоупотребление властью, превышение власти, либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст.455 УК) [5].

Понятие «преступления против интересов службы» тесно взаимосвязано с термином «коррупционное преступление», поскольку с криминологической точки зрения все коррупционные преступления, равно как и преступления против интересов службы, объединяет единый механизм их совершения, связанный с конфликтом интересов на службе.

Конфликт интересов на службе связан с конкретным обстоятельством, при котором лицо (служащий) поставлено перед выбором: нарушить или соблюсти закон. К примеру, субъект публичного органа (должностное лицо), столкнувшись с предложением взятки, вправе отказаться от нее и соблюсти законодательство Республики Беларусь, при этом известив правоохранительные органы и нанимателя, либо же принять взятку.

Как гласит Основной закон страны – Конституция Республики Беларусь: «Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону» [6].

Список источников

1. Годунов, И. В. Противодействие коррупции : учебник / И. В. Годунов. – 2-е изд. – М. : Институт автоматизации проектирования РАН, 2015. – 720 с.
2. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2006. – 944 с.
3. Противодействие коррупции = Combating corruption : учеб. пособие / Н. А. Бабий, В. М. Хомич [и др.] ; под общ. ред. А.В. Конюка. – 2-е изд. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. – 498 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Об утверждении Перечня коррупционных преступлений и Порядка формирования сведений о коррупционных преступлениях : постановление Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь, Комитета государственного контроля Респ. Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Респ. Беларусь, Министерства внутренних дел Респ. Беларусь, Комитета государственной безопасности Респ. Беларусь и Следственного комитета Респ. Беларусь, 27 дек. 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

УДК 343.131

ЗАМАЦАВАННЕ ПРЫНЦЫПУ МЭТАЗГОДНАСЦІ Ў КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ ЯК ПАДСТАВА РЭАЛІЗАЦЫІ ДЫСКРЭТНЫХ ПАЎНАМОЦТВАЎ

Скшыдлеўска Эльжбета Вігольдаўна,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (г. Мінск, Беларусь)

У артыкуле разглядаецца прынцып мэтазгоднасці як падстава для рэалізацыі дыскрэтных паўнамоцтваў. Аўтар адзначае, што медыяцыя паспяхова развіваецца ў тых дзяржавах, дзе ў якасці аднаго з прынцыпаў крымінальнага працэсу разглядаюць названы прынцып. Таму лагічна дапоўніць КПК Рэспублікі Беларусь нормай аб прынцыпе мэтазгоднасці.

Адным з альтэрнатыўных спосабаў вырашэння крымінальна-прававых канфліктаў, распаўсюджаным у сусветнай практыцы, з'яўляецца медыяцыя.

Разам з тым дадзеная працэдура ў нацыянальнай сістэме крымінальнага працэсу да гэтага часу адсутнічае. Варта заўважыць, што медыяцыя паспяхова развіваецца ў тых дзяржавах, дзе ў якасці аднаго з прынцыпаў крымінальнага працэсу разглядаюць прынцып мэтазгоднасці.

Таму існуе неабходнасць у разглядзе працэдуры медыяцыі ў кантэксце прынцыпу мэтазгоднасці.

Прынцып мэтазгоднасці – гэта прадстаўленая законам магчымасць выбару найбольш аптымальнай з прадугледжаных законам для дадзенага канкрэтнага выпадку формы ажыццяўлення крымінальна-працэсуальнай дзейнасці і прадугледжанага законам спосабу вырашэння крымінальна-прававога канфлікту з мэтай эфектыўнага вырашэння задач і дасягнення мэтай, якія стаяць перад крымінальнымі судоводствам [2, с. 5].

КПК Рэспублікі Беларусь таксама замацоўвае наяўнасць дыскрэцыйных паўнамоцтваў у органаў крымінальнага пераследу, у прыватнасці: суд, пракурор або следчы мае права спыніць вытворчасць па крымінальнай справе і вызваліць асобу ад крымінальнай адказнасці па падставах, вызначаных у арт. 30 КПК Рэспублікі Беларусь [3]. Аднак прынцып мэтазгоднасці ў КПК Рэспублікі Беларусь не замацаваны, а менавіта ў рамках гэтага прынцыпу рэалізуюцца дыскрэтныя паўнамоцтвы.

Як указвае В. І. Самарын, «дыспазітыўнасць варта адрозніваць ад дыскрэтнасці» [1, с. 76]. Дыспазітыўнасць дае магчымасць выбару паводзін у рэалізацыі правоў удзельнікамі крымінальнага працэсу, якія не з’яўляюцца службовымі асобамі (гэта значыць права бакоў крымінальна-прававога канфлікту ўплываць на ход працэсу, якое дазваляе ўрэгуляваць канфлікт на аснове ўзаемнай згоды бакоў), а дыскрэтнасць дае магчымасць выкарыстоўваць паўнамоцтвы для выканання задач крымінальнага працэсу – службовым асобам і дзяржаўным органам.

У той жа час у сілу прынцыпу публічнасці (арт. 15 КПК Рэспублікі Беларусь) дзяржава абавязана рэагаваць на злачынства, не пакідаючы яго без наступстваў. Таму дасягненне бакамі кампрамісу не вызваляе органы крымінальнага пераследу ад абавязку даказваць віну асобы ў здзяйсненні злачынства, але так як дадзены прынцып знаходзіць сваё адлюстраванне ў пераважнай большасці крымінальна-працэсуальных нормаў, то па большай катэгорыі крымінальных спраў не ўлічваецца жаданне пацярпелага быць прызнаным такім удзельнікам крымінальнага працэсу, а таксама яго воля на крымінальны пераслед асобы, якая ўчыніла злачынства.

Аднак варта заўважыць, што дзяржава ў сілу прынцыпу мэтазгоднасці можа рэагаваць і ў іншай, альтэрнатыўнай форме – медыяцыі. Таму ў выпадку, калі бакі прыйшлі да рашэння накіраваць крымінальную справу ў медыяцыю і заключылі медыятыўнае пагадненне – вытворчасць па

крымінальнай справе можа спыняцца – гэта і называецца мэтазгоднасцю, а ў сілу прынцыпу публічнасці адбываецца далейшае расследаванне, хоць пацярпелы не мае прэтэнзій да асобы – якая ўчыніла злачынства – гэта значыць, не выконваюцца інтарэсы ніводнага боку.

У шэрагу краін адсутнасць легальнага замацавання дадзенага прынцыпу і яго выразнага разумення прывяло да празмернай фармалізацыі парадку вытворчасці па крымінальных справах. У параўнанні, на прыклад, у Францыі ў 28% выпадкаў пракуратура адмаўляе ў распачынанні крымінальнага пераследу па матывах немэтазгоднасці [5, с. 334]. У Германіі – спыненне крымінальнага пераследу па прычыне немэтазгоднасці становіцца ўсё больш звычайнай практыкай, якая рэалізуецца ў дачыненні да кожнага другога непаўналетняга абвінавачанага [5, с. 334].

Высокая выніковасць прымянення медыяцыі ў краінах, дзе ў крымінальным працэсе прызнаецца прынцып мэтазгоднасці, уяўляецца цалкам заканамернай, так як наяўнасць дадзенага прынцыпу адкрывае больш шырокі дыяпазон для меркавання пры вытворчасці па крымінальнай справе і не патрабуе ў шэрагу выпадкаў дэталёвай рэгламентацыі асобных працэдур. Так, заканадавец можа вызначыць толькі агульныя прынцыпы прымянення медыяцыі ў крымінальным працэсе.

У тых дзяржавах, дзе любы адыход ад прынцыпу законнасці лічыцца недапушчальным, укараненне медыяцыі ўскладнена неабходнасцю яе дэталёвай рэгламентацыі ў крымінальным працэсе. Таму для ўкаранення працедуры медыяцыі ў крымінальным працэсе Рэспублікі Беларусь неабходна падрыхтаваць праект закона «Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у КПК Рэспублікі Беларусь» і распрацаваць мадэль медыяцыі ў крымінальным працэсе.

Такім чынам, легальнае замацаванне прынцыпу мэтазгоднасці ў крымінальным працэсе Рэспублікі Беларусь значна спросціць механізм укаранення медыяцыі ў крымінальны працэс і паспрыяе эфектыўнаму развіццю гэтай працедуры. Аднак замацаванне названага прынцыпу магчыма толькі пры наяўнасці пэўных умоў, перш за ўсё, – высокай прававой культуры грамадства – так як дадзены прынцып пашырае магчымасць меркавання пры вытворчасці па крымінальнай справе.

На падставе вышэйпададзенага, бачыцца магчымым сфармуляваць ч. 2 арт. 15 КПК Рэспублікі Беларусь у новай рэдакцыі: «2. Дзяржаўныя органы, службовыя асобы, упаўнаважаныя ажыццяўляць крымінальнае праследаванне, абавязаны ў межах сваёй кампетэнцыі прымаць неабходныя меры па выяўленні злачынстваў і выяўленні асоб, якія іх учынілі, узбуджэння крымінальнай справы, прыцягненні вінаватых да прадугледжанай законам адказнасці і стварэнні ўмоў для пастановы судом законнага, абгрунтаванага

і справядлівага прысуду. За выключэннем выпадкаў, калі дадзены Кодэкс прадастаўляе органу, які вядзе крымінальны працэс, права спыніць вытворчасць па крымінальнай справе».

Спіс крыніц

1. Самарин, В. И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе / В. И. Самарин // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве: Междунар. науч.-практ. конф., 9-12 нояб. 2017 г. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., каф. уголов. процесса и прокурор. надзора; редкол.: В. И. Самарин (отв. ред.), М. Хегер, О. В. Мороз. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 73–80.
2. Смолин, А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Ю. Смолин ; [Место защиты: Нижегород. акад. МВД России]. – Н. Новгород, 2010. – 200 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Уголовный процесс западных государств : учеб. пособие для юридических вузов / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головки, Б. А. Филимонов. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Зерцало-М, 2002. – 528 с.

УДК 341; 343

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Толочко Ольга Николаевна,
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Беларусь)

Анализируется понятие международного преступления. Отмечается, что в литературе часто смешиваются понятия международного преступления, влекущего индивидуальную ответственность физического лица, и международно-противоправного деяния, ответственность за которое несет государство или иной субъект международного права. Автор определяет международное преступление как запрещенное международным правом виновное деяние физического лица, уголовная ответственность за которое наступает независимо от внутрисударственного права и реализуется международным органом уголовного правосудия.

Международные преступления – новая по историческим меркам правовая категория. Возможно поэтому они не всегда корректно определяются в литературе: авторы часто рассматривают их в контексте международно-правовой ответственности государств; смешивают с категорией престу-

плений международного характера; не всегда указывают правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность. Такое положение приводит к ошибочному толкованию и снижает превентивные функции уголовных запретов.

Так, в учебном пособии «Международное уголовное право» в главе II «Понятие международного преступления» отмечается, что «международные преступления подрывают международный мир и безопасность, "отрицают" принцип неприменения силы и принцип самоопределения народов... Разграничительные признаки международных преступлений и преступлений международного характера – объекты посягательства, степень их общественной опасности... Международные преступления разнообразны. При этом, если некоторые преступления международного характера по способам их совершения могут мало отличаться от общеуголовных преступлений, совершаемых в рамках национального права (например, угон самолета или продажа наркотиков), то международные преступления в собственном смысле слова достигают глобальных масштабов и соответственно объективная их сторона представляет собой не одно действие и даже не серию действий одного лица (продолжаемое преступление), а сложную и разветвленную деятельность многих лиц и организаций, осуществляемую подчас на протяжении нескольких лет и даже десятилетий». В качестве субъектов международных преступлений в работе указаны государства, их органы, транснациональные корпорации, а также физические, частные или должностные лица [1]. С таким подходом согласиться нельзя прежде всего потому, что ни государства, ни их органы, ни транснациональные корпорации не являются в настоящее время субъектами уголовной ответственности ни на внутригосударственном, ни на международном уровне.

По мнению В. В. Богатырева, преступления подразделяются на «международные преступления и уголовные преступления международного характера, насчитывающие более 20 видов» [2, с. 171]. Не определяя международных преступлений и не называя их составов, далее автор пишет уже об уголовных преступлениях международного характера, подразделяя их на 5 групп: преступления против стабильности международных отношений (международный терроризм, захват заложников, хищения ядерного материала, наемничество и др.); преступления, наносящие ущерб экономическому, социальному и культурному развитию государств (фальшивомонетничество, легализация незаконных доходов, незаконный оборот наркотиков, контрабанда и др.); преступные посягательства на личные права человека (рабство, работорговля, торговля женщинами и детьми и др.); преступления, совершаемые в открытом море (пиратство, разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода и др.); военные преступления междуна-

родного характера (применение отдельными лицами запрещенных средств и методов ведения военных действий, насилие над населением в районе боевых действий и др.) [2, с. 171–172]. Вопрос о международных преступлениях оставлен по сути без рассмотрения, а все называемые автором составы включены в разряд уголовных преступлений международного характера.

В учебнике, изданном под редакцией Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова и Л. В. Павловой, международные преступления понимаются как «серьезные нарушения обязательств *erga omnes*, т.е. обязательств в отношении всего международного сообщества» [3, с. 429]. Субъектами, по мнению авторов, могут быть государства, физические и юридические лица [3, с. 430]. Вполне справедливо отмечая ниже, что государство является субъектом международно-правовой ответственности, а физическое лицо – индивидуальной уголовной ответственности, авторы полагают, тем не менее, что государство может быть «причастно» к совершению преступления: «Участие государства в совершении преступления может быть как *прямым* (курсив авторов. – О.Т.) ..., так и *косвенным*...». Вряд ли с этой точкой зрения можно согласиться, хотя бы по причине индивидуального характера уголовной ответственности, в принципе не предполагающего таких «соучастников», как государства.

Очевидно, что вопрос о квалификации преступления как международного не может быть решен иначе как на основе общего понятия преступления как виновного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания. В отличие от деяний, запрещенных внутригосударственными уголовными законами (такowymi являются по сути и преступления **международного характера**), составы **международных преступлений** устанавливаются международным договором; уголовное преследование осуществляется международным судом или трибуналом и не зависит от того, является ли деяние преступным по праву страны гражданства лица либо места совершения.

Таким образом, международное преступление есть запрещенное международным правом виновное деяние физического лица, уголовная ответственность за которое наступает независимо от внутригосударственного права и реализуется международным органом уголовного правосудия.

Истории известны пять органов международного уголовного правосудия: Международный военный трибунал для суда и наказания главных военных преступников (Нюрнбергский трибунал, 1945–1946 гг.), Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский трибунал, 1946–1948 гг.), Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (1993–2017 гг.), Международный уголовный трибунал по Руанде (1994–2015 гг.) и Международный уголовный суд (с 2002 г. по н/в).

Ныне действующий Международный уголовный суд учрежден в 1998 г. Составы преступлений, уголовная ответственность за которые реализуется Судом, закреплены в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. Соответственно, никаких других международных преступлений, помимо указанных в документе, в настоящее время нет. Участниками Статута являются 123 государства (Республика Беларусь, Российская Федерация, США, Китай и ряд других государств не участвуют).

Римский статут 1998 г. устанавливает уголовную ответственность за:

- геноцид (намерение целиком или частично истребить национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую);
- преступления против человечности (часть масштабного или систематического преследования, направленного против мирного населения);
- военные преступления (нарушение законов и обычаев ведения войны, регулирующих поведение вооруженных формирований во время войны);
- агрессию.

Агрессия как международное преступление определена в поправках к Римскому Статуту, разработанных в 2010 г. и вступивших в силу в 2018 г. после ратификации 35 государствами. Субъектами преступления агрессии могут являться главы государств, ратифицировавших поправки, а также главы других государств по решению СБ ООН. Преступление агрессии, согласно документу, имеет место в случае, если:

1. Лицо совершило, подготовило, инициировало или исполнило акт агрессии.

2. Исполнитель был лицом, способным эффективно контролировать или руководить политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии.

3. Был совершен акт агрессии – применение вооруженной силы со стороны государства против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН.

4. Исполнитель знал о фактических обстоятельствах, свидетельствующих о том, что такое использование вооруженной силы не соответствует Уставу ООН.

5. Актом агрессии по своему характеру, тяжести и масштабам явилось явное нарушение Устава ООН.

6. Исполнитель осознавал фактические обстоятельства, свидетельствующие о явном нарушении Устава ООН.

Все иные, помимо названных выше, преступления, совершаемые на территориях различных государств, или гражданами различных государств, или на международных территориях, или иным образом требующие для ре-

ализации уголовной ответственности международного сотрудничества государств, определяются как преступления международного характера.

Субъектами преступлений, как международных, так и международного характера, являются физические лица. Разграничение между указанными видами преступлений проводится по двум критериям: 1) дела по международным преступлениям компетентны рассматривать международные суды или трибуналы и 2) уголовная ответственность за международные преступления наступает независимо от внутригосударственного права, т.е. тот факт, что деяние не является преступным по праву страны гражданства лица или по праву места совершения, не влияет на квалификацию его как международного преступления и, соответственно, на привлечение лица к уголовной ответственности в международном органе уголовного правосудия.

Список источников

1. Международное уголовное право : учеб. пособие / под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Наука, 1999. – 264 с.
2. Богатырев, В. В. Международное право : учеб. пособие / В. В. Богатырев ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2016. – 276 с.
3. Международное публичное право. Особенная часть : учеб. пособие / Ю. П. Бровка [и др.] ; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. – Минск : Амалфея, 2011. – 688 с.

УДК 343.232

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Храмянкова Елизавета Викторовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной статье обосновывается необходимость введения термина «уголовный проступок» в действующее уголовное законодательство и показано насколько важен данный институт в законодательстве на данный период его развития. А также представлены характеристики преступлений, которые можно квалифицировать как уголовный проступок и как это будет влиять на меру наказания и на самого осужденного.

Несмотря на то, что современная преступность становится общественно опасной, жестокой, ее формы приобретают более организованный и профессиональный характер, не отпадает необходимость подлинного гуманного отношения к тем, кто совершает менее опасные преступления и может исправиться без применения к ним суровых мер наказания либо во-

обще с помощью мер, их заменяющих. Введение в уголовное законодательство такого понятия возможно в рамках реализации Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 [2].

Концепция направлена на оптимизацию уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности, повышение эффективности их исправительного и предупредительного воздействия, обеспечение социальной справедливости при применении уголовных санкций, предупреждение преступности в современных условиях. Одно из направлений корректировки законодательства – это гуманизация уголовной ответственности, то есть выделение в уголовном законодательстве новой категории общественно опасных деяний – уголовных проступков, с закреплением соответствующих оснований освобождения от уголовной ответственности, менее строгих мер уголовно-правового воздействия, а также более мягких последствий судимости за преступления данной категории. Одновременно должны быть упрощены процессуальные процедуры расследования и судебного рассмотрения уголовных дел этой категории.

Категории преступлений следует подразделять, отражая их черты, на уголовные проступки и преступления [1]. В условиях развивающегося демократического общества, где социально-правовая и моральная оценки поведения человека имеют большое значение, вряд ли правильно именовать преступлением в равной мере простую кражу и кражу в особо крупном размере, оскорбление и умышленное убийство и т. п. Очевидно, что характер и степень общественной опасности этих деяний, а также криминологическая характеристика личности преступника различны.

Правильнее было бы именовать лиц, совершивших наиболее общественно опасные деяния, преступниками, а тех, кто совершил деяния, не представляющие большой общественной опасности, – правонарушителями. Исходя из изложенного представляется необходимым остановиться на характеристике преступлений небольшой тяжести и преступлений средней тяжести, отличающихся наименьшей степенью общественной опасности и, соответственно, наименьшей строгостью применяемых за его совершение мер уголовно-правового воздействия с использованием упрощенных процессуальных процедур.

Характеристика преступлений и лиц, совершающих преступления, которые предполагается перевести в категорию уголовных проступков, способствует выработке некоторых предложений относительно их уголовно-правовой оценки. Привлечение к ответственности за совершение уголовного проступка не должно влечь за собой судимости. Виновные в совершении

уголовных проступков освобождаются от уголовной ответственности при примирении с потерпевшим, деятельном раскаянии, по истечении срока давности. Можно сделать вывод о том, что в пользу перевода преступлений небольшой тяжести, которыми переполнен действующий УК РБ, свидетельствует то, что вряд ли приведенная характеристика лиц, их совершивших, позволяет называть таких людей преступниками.

Список источников

1. Необходимость закрепления в Уголовном кодексе понятия «уголовный проступок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by> – Дата доступа: 28.10.2018.
2. Указ Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927361#pos=0;0 – Дата доступа: 28.10.2018.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Шайтарова Елена Ивановна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Данная статья посвящена проблемам правового регулирования применения задержания в отношении лиц, совершивших преступление.

Задержание является одним из видов мер процессуального принуждения. В настоящее время вопрос об институциональной принадлежности правовой природы задержания остается открытым. Сущность задержания в уголовном процессе, можно определить как: пресечение преступной деятельности лица, подозреваемого в совершении преступления, решение вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, а также, обеспечение его участия в уголовном процессе. Также, задержание должно отвечать строжайшему соблюдению законности, быть обоснованным и мотивированным, проводимое с максимальной безопасностью для всех участников и граждан, случайно оказавшихся на месте проведения такого процессуального действия.

Кроме того, задержание является мерой уголовно-процессуального принуждения, которая широко применяется на практике. Законодательство не ограничивает круг преступлений, совершение которых предусматривает задержание преступника. Из этого следует, что допускается задержание

лица, совершившего любое преступление, независимо от его направленности и степени тяжести. Но все же недопустимо насильственное задержание лиц, совершивших преступления, за которые законодательством не установлено наказание в виде лишения свободы. Необходимо отметить, что задержанию подлежит только то лицо, которое в действительности совершило преступление. Какую роль выполняло лицо в совершении преступления, будь это исполнитель, подстрекатель, организатор или пособник, не имеет никакого значения для задержания.

Основаниями для задержания служат два аспекта:

– требуется незамедлительно изолировать задержанное лицо по причине того, что он может скрыться от органов, ведущих уголовный процесс, помешать успешному расследованию уголовного дела, а также может продолжать заниматься преступной деятельностью, если останется на свободе;

– в связи с отсутствием достаточных оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу, или наличие препятствий для его оформления, это может быть большая удаленность, стихийные бедствия, ночное время и другое. Если отсутствует один из двух аспектов, то задержание не применяется.

Целевое назначение задержания вытекает из оснований, видов и процессуального порядка его применения, это возникает в связи с тем, что УПК не содержит, целей для которых применяется задержание.

Итак, можно отметить, что целями задержания являются:

– выяснение отношения задержанного лица к совершенному общественно опасному деянию;

– разрешение вопроса о применении либо не применении заключения под стражу.

Целесообразно уточнить правовую природу задержания и статус протокола задержания анализируемого процессуального действия как источника доказательств. Если считать задержание *следственным действием*, то протокол задержания будет относиться к источникам доказательств. Если подходить к задержанию как одновременно к *следственному действию и мере процессуального принуждения*, то это не согласуется с правовой регламентацией процессуальной формы документа, в которой должны быть отражены ход, результаты такого комплексного мероприятия. Дело в том, что оформление одним протоколом двух процессуальных действий по общему правилу законом не предусмотрено, однако имеется исключение, которое можно отнести к коллизии в законе, когда в протокол задержания заносятся результаты личного обыска (часть 1 ст. 110 УПК). Если же задержание рассматривать как меру процессуального принуждения, то протокол задержания как источник доказательств, требует детального изучения.

Согласно части 1 ст. 110 УПК протокол задержания составляется должностным лицом, осуществившим фактическое задержание. В нем указываются основания, место, время фактического задержания, результаты личного обыска, а также время составления протокола, отражается факт разъяснения подозреваемому его прав и подписывается должностным лицом и задержанным. Таким образом, протокол задержания полностью подпадает под понятие иных документов, в соответствии с частью 1 ст. 100 УПК.

Существует еще один вопрос в регламентации процессуального порядка задержания по непосредственно возникшему подозрению, который при нарушении норм УПК, может привести к признанию добытых доказательств недопустимыми. Например, *в какой момент должен проводиться личный обыск при задержании и составляться протокол данного следственного действия*. Что касается практики применения данной меры принудительного характера, то она указывает на проведение личного обыска и составления протокола, уже после доставления задержанного лица в орган уголовного преследования, и уже непосредственно там составляется протокол задержания.

Вместе с тем, согласно части 1 ст. 110 УПК, в протоколе задержания уже должны быть отражены результаты личного обыска, то есть указанное следственное действие необходимо проводить до составления протокола задержания. Проведение личного обыска и оформление его протокола в органе уголовного преследования до составления протокола рассматриваемой меры процессуального принуждения исключается, так как данный документ оформляется немедленно после доставления задержанного в указанный орган.

Так, вышеупомянутая коллизия в уголовно-процессуальном законодательстве привела к отсутствию единообразия в применении рассматриваемых норм.

Составление такого единого процессуального документа, в котором отображены результаты проведения процессуальных действий, имеющие разную институциональную принадлежность, является ошибочным. Данный подход не сходится с понятиями «процессуальная форма» и «процессуальный документ», а также с положениями части 1 ст. 110 и ст. 193 УПК. Кроме того, задержание подозреваемого и личный обыск имеют разную целевую направленность.

Проведение личного обыска без составления протокола недопустимо, исходя из требований части 1 ст. 193 УПК (протокол следственного действия составляется в ходе производства следственного действия или непосредственно после его окончания). Для повышения эффективности использования протокола задержания, как источника доказательств, целесообразно

но уточнить его содержание с точки зрения отражения в нем криминалистически значимой информации. А именно, то, что в большинстве случаев одежда описывается поверхностно, без указания индивидуализирующих признаков, что существенно снижает доказательственное значение сведений, содержащихся в таком процессуальном документе. Это обусловлено, прежде всего, отсутствием в УПК положения, которое бы обязывало орган уголовного преследования описывать одежду задержанного по непосредственно возникшему подозрению. В связи с этим целесообразно внести изменения в часть 1 ст. 110 УПК, а именно дополнить ее тем, что в протоколе задержания по непосредственно возникшему подозрению указывается одежда задержанного, а также должен быть составлен протокол личного обыска.

Таким образом, нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, которые регламентируют основания и порядок задержания, нуждаются в совершенствовании. В процессуальной литературе нет единого мнения об условиях задержания как элементе системы принятия решения о применении данной меры.

Подводя итог, следует отметить, что необходимо дальнейшее совершенствование положений УПК, регламентирующие задержание:

– кроме этого необходимо дополнить часть 1 ст. 110 УПК, а именно тем, что в протоколе задержания по непосредственно возникшему подозрению указывается одежда задержанного, а также должен быть составлен протокол личного обыска.

Список источников

1. Шестовская, Т. В. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления / Т. В. Шестовская // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 8 – С. 38–40.

УДК 343.95

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шацкова Полина Викторовна,

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

Институт освобождения от уголовной ответственности прошел в своем развитии длительный этап, однако он не является совершенным. Сравнительно-правовой анализ позволяет изучить данный институт в рамках действия его на территории

Республики Беларусь и Российской Федерации, а также на основании полученной информации сделать выводы о дальнейших путях развития и совершенствования данного института.

Уголовное право в своем историческом развитии прошло длинный путь. Исключением не стало белорусское и российское уголовное право. Были периоды, когда единственным правовым последствием преступления являлось наказание, цель которого заключалась в каре. Однако в настоящее время сформировались различные подходы к определению задач уголовно-правового воздействия на преступность, сущность и цели наказания. В связи с данными изменениями, большее внимание стало уделяться факторам, которые учитывают личностные характеристики и обстоятельства преступника, совершившего преступление, в случае привлечения его к уголовной ответственности, а также при назначении данному лицу наказания.

При наличии определенных обстоятельств задачи уголовного законодательства и цели наказания могут быть достигнуты более эффективно и с меньшими социальными затратами путем освобождения лица, совершившего преступное деяние, от уголовного наказания. Такая идея стала теоретическим основанием для существования в действующем уголовном законе института освобождения от уголовного наказания.

В уголовном Кодексе Российской Федерации приведены следующие основания освобождения от уголовного наказания: освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, освобождение от наказания в связи с болезнью, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, а также освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда [2].

Уголовный Кодекс Республики Беларусь закрепляет такие основания освобождения от уголовного наказания, как: условно-досрочное освобождение от наказания, замена неотбытой части наказания более мягким, освобождение от наказания или замена наказания более мягким по заболеванию, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, освобождение от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств, амнистия, а также помилование [1, с. 60–65].

Понятие «освобождение от уголовной ответственности» содержится в главе 12 (ст. 82) Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. Согласно уголовному закону, лицо, совершившее преступление, может быть освобожде-

но от уголовной ответственности или наказания либо досрочно освобождено от отбывания наказания лишь в случаях, предусмотренных УК [1, с. 54].

Изучение норм УК Республики Беларусь и Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок освобождения лица от уголовной ответственности, дает возможность сделать вывод о наличии как общих, так и особенных подходов в части закрепления рассматриваемого нами института. Безусловно, с точки зрения перспективного развития уголовного закона Республики Беларусь наибольший исследовательский интерес представляют те положения УК России, которые не имеют аналогов в отечественном законодательстве.

Первой отличительной характеристикой исследуемого института является тот факт, что УК Российской Федерации закрепляет институты освобождения от уголовной ответственности и наказания в отдельных структурно обособленных рубриках (главы 11 и 12 соответственно); УК Республики Беларусь объединяет оба института в одной главе (глава 12).

Еще одной особенностью российского уголовного закона является ст. 82 УК «Отсрочка отбывания наказания», где раскрывается сущность института освобождения от наказания в отношении беременных женщин, женщин имеющих детей в возрасте до 14 лет, причем акцент в данной статье делается на возраст ребенка до 14 лет. Что касается УК Республики Беларусь, то наш уголовный закон также содержит схожую норму, однако она имеет несколько иные пределы действия. В ст. 93 УК «Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет» уже из названия видно, что речь пойдет об отсрочке наказания в отношении женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет. Отсюда делаем вывод, что уголовные кодексы Беларуси и России преследуют одну цель, однако ключевым различием, как уже было выделено, является возраст ребенка. На наш взгляд, ст. 93 УК Беларуси, являясь достаточно рациональной с содержательной и технико-юридической точки зрения, в то же время заслуживает того, чтобы стать предметом изучения с позиции устранения отмеченного выше возрастного различия. Нельзя не упомянуть и ст. 82¹ УК РФ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией»: в данной статье очень подробно изложена информация относительно института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. В УК Беларуси подобной нормы не содержится, что является, с нашей точки зрения, некоторым пробелом.

Имеются также существенные различия в части закрепления сроков давности исполнения обвинительного приговора: данные вопросы регламентируются ст. 83 УК России и ст. 84 УК Республики Беларусь. Причем обращает на себя внимание тот факт, что в УК России основанием для вари-

ативности данных сроков является категория преступления; в Республике Беларусь срок давности исполнения обвинительного приговора зависит от вида и размера наказания, подлежащего назначению лицу, осуждаемому за совершение преступления.

Что касается акта амнистии и помилования, то здесь следует отметить тот факт, что УК Республики Беларусь предусматривает данные основания в общей главе, регламентирующей вопросы освобождения от уголовной ответственности, в то время как УК Российской Федерации акт амнистии и помилования выделяется в отдельную рубрику – главу 13 УК, что свидетельствует о более расширенном структурном определении.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь институт освобождения от наказания является достаточно рациональным и системным, однако это не исключает возможности и необходимости дальнейшего развития отечественного уголовного закона в рассматриваемой области. Направления такого развития, действительно, могут быть определены на основе сравнительно-правового исследования, в том числе наиболее близких по своей юридической природе зарубежных уголовных законов, к числу которых, несомненно, относятся и УК Российской Федерации, изучение которого особенно актуально в контексте развития современных интеграционных процессов.

Список источников

1. Уголовный Кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – 320 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 13.06.1996 N 63-ФЗ в последней редакции, действующей с 21.10.2018 года // Правовой центр Логос.

УДК 343.95

ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ЦЕЛИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Шелягина Анастасия Юрьевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Данная тема актуальна во все времена, особенно сегодня, так как возникает острая необходимость в регулировании общественных отношений, которые несут общественную опасность, а также возникает потребность предотвращать и предупреждать покушения на общественные и личные интересы граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Уголовная ответственность – один из видов юридической ответственности, основным содержанием которого выступают меры, применяемые государственными органами к лицу в связи с совершением им преступления [1].

В теории уголовного права многими авторами рассматривается уголовная ответственность в двух аспектах: позитивном и негативном [2].

Позитивная уголовная ответственность сводится к отсутствию нарушений запретов, установленных уголовным законом. Позитивная уголовная ответственность понимается как «обязанность соблюдать требования уголовного закона», «правовые требования», «выполнение должного», «социальный правовой долг». Правовым последствием данного вида ответственности является положительная уголовно-правовая оценка поведения лица со стороны государства, в том числе поощрение его действий. По мнению сторонников теории позитивной ответственности, она проявляется, например, в том, что исключается уголовная ответственность за преступление, которое лицо не совершало; в освобождении от ответственности лица, добровольно отказавшегося от совершения преступления и т. д.

Негативная (или ретроспективная) уголовная ответственность связана с совершением лицом преступления (нарушением уголовного закона) и заключается в применяемых государством репрессивных мерах.

Однако деление уголовной ответственности на негативную и позитивную не является общепринятым в науке уголовного права. Отмечается, что позитивная уголовная ответственность не имеет большого правового значения, поскольку «перенесение понятия ответственности в область должного, толкуемого не как объективная реальность, а как определенный психологический процесс, лишает ее правового содержания». Г. В. Назаренко указывает, что позитивная уголовная ответственность скорее является институтом морали, чем права [2].

Представляется, что именно негативная уголовная ответственность имеет наибольшее теоретическое и практическое значение.

В настоящее время наблюдается размежевание среди ученых, многие из которых делают упор на неблагоприятные последствия, которым обязан подчиниться правонарушитель, а некоторые уголовную ответственность связывают только лишь с наказанием.

Например, Н. Ф. Кузнецова отмечает, что «уголовную ответственность следует определить как предусмотренные законом негативные последствия, налагаемые судом на лицо, совершившее преступление, выраженные в самом факте осуждения и судимости, или осуждения, сопряженного с исполнением наказания и судимостью»[2].

Изложенное позволяет утверждать, что сторонники данной позиции отождествляют уголовную ответственность с реализацией санкции за со-

вершенное преступление, считая, что привлечение к уголовной ответственности происходит только при вынесении обвинительного приговора.

Одним из веских аргументов является, по их мнению, то, что уголовная ответственность наступает только при установлении вины лица. Согласно конституционным принципам и положениям международных документов вина лица устанавливается только судом.

Действительно, презумпция невиновности устанавливает, что лицо может быть признано виновным в совершении преступления только по вступившему в законную силу приговором суда. Это положение бесспорно. Но насколько уместно применение данного принципа уголовного закона в нашем случае? Ведь если исходить из такой точки зрения, то весь уголовный процесс, направленный на установление виновного, привлечение его в качестве обвиняемого, применение к нему мер процессуального принуждения, наложение других ограничений является незаконным?

К тому же, как быть с принципом неотвратимости ответственности? «С этим вряд ли можно согласиться, – пишет С. П. Ефимичев, – ибо в данном случае обвиняемый не будет знать, за что ему придется нести ответственность, вплоть до вынесения приговора. А это означает, что и право на защиту окажется беспредметным, оно не может быть в полную меру реализовано вплоть до вынесения приговора» [2].

Помимо того, что право на защиту оказывается нереализованным, под сомнение ставятся все нормы уголовного закона и процесса, следовательно, и деятельность органов уголовного преследования оказывается незаконной. Изложенное не может являться истиной, что доказывается нормами действующего уголовного закона, которые разграничивают понятия «наказание» и «уголовная ответственность».

Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь.

Осуждение лица создает для него правовое состояние судимости, заключающееся в возможности применения к осужденному наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с приговором и УК.

Целями уголовной ответственности являются исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденным, так и другими лицами.

Основная цель уголовной ответственности заключается в исправлении осужденного.

Вторая цель – предупреждение совершения новых преступлений осужденным (частное предупреждение). Она достигается посредством установ-

ления над осужденным в период судимости официального контроля, как в процессе исполнения наказания, так и после его отбытия.

Третья цель уголовной ответственности – предупреждение преступлений со стороны лиц, склонных к антиобщественному поведению (общее предупреждение). Данная цель достигается обеспечением неотвратимости уголовной ответственности и строгостью мер уголовно-правового воздействия. Недопустимо ради устрашения лиц, склонных к совершению преступлений, игнорировать принцип справедливости и наказывать отдельных преступников чрезмерно сурово.

Таким образом, лицо подлежит уголовной ответственности только за совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие опасные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении которых установлена вина, то есть умысел или неосторожность. Наказания и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, то есть устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения. Лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления. Наказания и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Список источников

1. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 2000 г., № 365-3 : принят Палатой Представителей 14 декабря 1999 г. : одобрено Советом Республики, 22 декабря 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2017 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2018.
2. Уголовная ответственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа : 06.10.2018.

УДК 343.3/7

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ МОШЕННИЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шнейдерова Дарья Игоревна,

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики
Беларусь (г. Могилев, Беларусь)

В статье рассмотрены распространенные схемы деятельности мошенников в области совершения обменных операций с криптовалютой на территории Республики

Беларусь, а также обозначены основные меры предосторожности, которые следует соблюдать при совершении сделок с криптовалютой.

После вступления в марте 2018 года в законную силу Декрета Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет) интерес простых граждан к покупке (продаже) цифровых валют на территории Беларуси значительно увеличился. Не остались в стороне и постоянно расширяющие границы своей деятельности мошенники.

Так, первый случай мошенничества с криптовалютой был зафиксирован еще в декабре 2017 года в Бресте, когда различными СМИ обсуждалась необходимость и результативность легализации цифровой валюты на территории Республики Беларусь, ввиду того, что многие мировые страны негативно высказываются в адрес криптовалюты как валюты будущего, позиционируя ее, скорее, как способ отмывания денег.

Ввиду вышеизложенного представляется необходимым рассмотреть основные схемы мошенничества с цифровой валютой и обозначить меры предостережения от него.

Если внимательно изучить положения Декрета, то нетрудно заметить, что криптовалюта с момента ее легализации потеряла некоторые присущие ей свойства, заложенные ее создателями. Среди таких свойств можно выделить децентрализацию сети и анонимность владельцев кошельков. Ведь первоначально любой вид криптовалюты, работа которого основана на технологии блокчейн, никем, кроме участников сети, не контролировалась, то есть не имела единого центра управления, способного отслеживать транзакции всех участников, в чем и заключалась ее уникальность. После легализации цифровой валюты все сделки с ней на территории Республики Беларусь официально осуществляются только через резидентов Парка высоких технологий, а на банки возложена обязанность мониторинга подозрительных сделок с криптовалютой своих клиентов путем свободного доступа к смарт-контрактам последних. Это обстоятельство исключает и анонимность, поскольку для регистрации в качестве резидента необходимо предоставить определенный пакет документов, содержащих данные о потенциальном резиденте.

Однако, несмотря на это, легализация все же имеет одно значительное преимущество как для владельцев криптовалюты, так и для посредников, осуществляющих сделки с ней через Парк высоких технологий, – защита их прав и законных интересов. Но, следует отметить, что мало кто из обычных граждан знаком с положениями Декрета и стремится к следованию им, на что и делают упор бдительные мошенники.

Так, одна из самых простых и достаточно распространенных схем по обману с криптовалютой базируется на полном отсутствии у граждан понимания того, что представляет собой криптовалюта и как она выглядит. Когда цифровая валюта только начала «завоевывать» мировой рынок, на просторах интернета в различных социальных сетях (Вконтакте, Инстаграм, Твиттер) появились объявления о продаже «криптомонет» за немалую сумму. По внешним признакам такие криптомонеты напоминали обычные монеты с изображением на них отличительных знаков отдельных видов криптовалют, например, хорошо известный всем знак биткоина.

Потенциальный покупатель связывался с продавцом через социальную сеть, договаривался о времени и дате сделки, после чего, при личной встрече, передавал продавцу определенную сумму наличных денег и взамен получал «криптомонету». Покупатель полагал, что когда такая монета еще больше вырастет в цене, то ее можно будет перепродать и получить неплохой доход, что, конечно же, оказывалось обманом. В данном случае следует помнить, что любая цифровая валюта представляет собой кодированную числовую запись в системе блокчейн и физического выражения в виде монет не имеет, так как существует только виртуально.

На сегодняшний день в Республике Беларусь не единичны случаи мошенничества с криптовалютой посредством использования ложных мобильных приложений. Рассмотрим реальный случай, имевший место в августе 2018 года в городе Борисове. Двадцатидвухлетний борисовчанин дал в одной из социальных сетей объявление о продаже биткоинов через мобильное приложение, суть которого заключалась в том, что покупатель передает установленную сумму наличных денежных средства продавцу при личной встрече, а последний через мобильное приложение в присутствии покупателя переводит ему биткоин на электронный кошелек. На данное объявление откликнулся житель города Гродно, который решил приобрести биткоины за 14 тысяч белорусских рублей. Все произошло согласно схеме, указанной в объявлении. После получения денежных средств продавец действительно продемонстрировал покупателю приложение и перевел ему на электронный кошелек определенное количество биткоинов, благополучно завершив этим сделку. Однако когда доверчивый покупатель вернулся домой, то обнаружил, что его электронный кошелек пуст и никаких биткоинов он не получил, а мобильное приложение действовало в тестовом режиме и было удалено создателем [1].

Еще один способ мошенничества – совершение сделок с криптовалютой через поддельные сайты и подставные кошельки. Так, мошенники создают поддельный сайт, который по своим внешним признакам полностью копирует сайт оригинального продавца. После чего активно его рекламиру-

ют на просторах Интернета путем размещения объявлений как в социальных сетях, так и на различных Интернет-ресурсах в виде всплывающего и привлекающего внимания рекламного табло с отсылкой на первоисточник. Кроме того, такие рекламные сообщения в большинстве случаев содержали очень выгодные для покупателя предложения, например: «Купи биткоин за полцены», «Купи сегодня один биткоин, завтра получи вдвое больше», «При покупке одного биткоина получи 50 % скидку на покупку второго» и многие другие. Также в качестве привлечения внимания и подкрепления доверия на сайте размещались положительные отзывы «несуществующих» приобретателей биткоинов о выгодной работе с данным продавцом и о правдивости и реальности всех заманчивых предложений.

В конечном итоге, доверчивые покупатели, мечтающие получить большой доход быстро и без особых усилий, попадались в «ловушку» злоумышленников и переводили им на электронные кошельки или счета в банках свои вполне реальные денежные средства, не получая взамен биткоинов. Мошенники, в данной ситуации, обналачивали полученные денежные средства, а сайт удаляли или блокировали. При этом негативные последствия наступали не только для покупателей, но и для реального продавца и владельца сайта по продаже криптовалюты, чья репутация в значительной степени снижалась вместе с уровнем продаж.

Следует обратить внимание и подробнее рассмотреть схему мошенничества, в рамках которой преступник рекламирует не приложения или сайты по продаже криптовалюты, а себя, как грамотного специалиста в сфере обменных операций с цифровой валютой. Так, мошенник предлагает гражданам, которые не желают тратить время на изучение рынка криптовалюты, но хотят получить прибыль от своих денежных вложений, услуги по ведению электронного кошелька и совершению операций по покупке (продаже) криптовалюты за их «потенциального» обладателя. При этом свои знания и многолетний опыт работы в данной сфере преступники подкрепляют оперированием большим количеством непонятных для простых граждан терминов, демонстрацией графиков и схем, положительных отзывов клиентов. В основе оплаты за предоставление таких услуг лежит определенный невысокий процент от общей прибыли. Доверившись такому агенту-посреднику, граждане, с полной уверенностью в правильности своих действий и без всяких сомнений, передают свои наличные денежные средства мошеннику, который впоследствии с ними скрывается.

Более того, некоторые мошенники, чтобы получить как можно больше денег с доверчивого покупателя, усложняют данную схему. После получения денежных средств от клиента, они демонстрируют ему процесс создания электронного кошелька, передают логин и пароль для доступа к

последнему, с помощью которых клиент сможет самостоятельно контролировать работу агента и свою прибыль. При этом сайт, на котором создается такой кошелек, является поддельным, а все данные о несуществующих транзакциях и «мнимой» прибыли вносятся туда самим мошенником. Так, клиент, убедившись в результативности работы агента, обнаружив увеличение вложенных им первоначальных средств за короткий период времени, уже полностью доверяет своему агенту-мошеннику и готов вложить еще больше реальных денег в прибыльное, на его взгляд, дело. На что и надеется мошенник, который после неоднократного получения наличных средств скрывается, а сайт удаляет, как и все рекламные данные о себе в социальных сетях.

Таким образом, представленные выше схемы работы мошенников с криптовалютой не единичны, они постоянно совершенствуются и усложняются, при этом, не теряя своей актуальности. Однако, в любом случае, перед тем как приобретать криптовалюту, следует помнить о некоторых мерах предосторожности, которые помогут гражданам сохранить свои денежные средства. В первую очередь, не следует принимать решения о покупке (продаже) криптовалюты за короткий срок, основываясь только на заманчивых предложениях и положительных отзывах «мнимых» покупателей сомнительных сайтов или форумов. В том числе следует быть осторожным, если вам предлагают купить криптовалюту при личной встрече за наличный расчет. Безопасной считается сделка с криптовалютой, совершенная на известных и проверенных биржах и обменных пунктах, с многолетним опытом деятельности. Кроме того, не следует доверять логин и пароль от своих электронных кошельков агентам, которое предлагают вести все сделки за вас, опираясь на свой многолетний опыт и квалификацию, так как в большинстве случаев за такими предложениями стоят мошенники.

Список источников

1. Астапкович, В. Борисовчанин продал жителю Гродно несуществующую криптовалюту [Электронный ресурс] / В. Астапкович // Новостной портал «Sputnik Беларусь». – Режим доступа: <https://sputnik.by/society/20180818/1037166660/borisovchanin-prodal-zhitelyu-grodno-nesushchestvuyushchuyu-kriptovalyutu.html>. – Дата доступа: 09.11.2018.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 347.472(476)

ДОГОВОР ДАРЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Воробьев Андрей Витальевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Институт дарения в цивилистике является одним из самых древних. Так в древнем римском праве договор дарения (*pactumdonationis*) являлся одним из видов императорских пактов (*pactalegittima*), которые получили юридическое признание в законодательстве позднейшей Римской империи.

Pactumdonationis – неформальное соглашение о дарении. Дарением называется договор, которым одна сторона, даритель, предоставляет другой стороне, одаряемому, какие-то ценности за счет своего имущества, с целью проявить щедрость по отношению к одаряемому (*animusdonandi*). Дарение может быть совершено в различных правовых формах: посредством передачи права собственности на вещь, в частности, платежа денежной суммы, в форме предоставления сервитутного права и т.д. Частным случаем дарения было обещание что-то предоставить, совершить известные действия и т.д. – дарственное обещание [4, с. 406–407].

Во времена развития и процветания Великого Княжества Литовского на территории белорусских земель имели место отношения, связанные с дарением, однако в основных законодательных актах того времени, а именно Статутах Великого Княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг., данные отношения закреплены не были ввиду развития обязательственного права, основные положения которого и были закреплены в Статутах Великого Княжества Литовского.

Во времена Российской империи вплоть до 1917 года, гражданско-правовая доктрина не давала четкого понятия договора дарения и не относило дарение к договорным отношениям, о чем свидетельствует закрепление положений о дарении среди положений о порядке приобретения и укрепления прав на имущество в Своде законов Российской империи, а не среди положений о договорных обязательствах.

20 мая 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР издали декрет «О дарениях», которым урегулировали договорные правоотношения того времени. Хотя конкретного понятия дарения закреплено не было, декрет устанавливал предельно допустимую сумму дара, форму договора дарения и последствия признания договора недействительным, что свидетельствует о государственном регулировании данных правоотношений во времена РСФСР.

Гражданский кодекс БССР от 11 июня 1964 г. посвятил договору дарения самостоятельную главу (глава 24 «Дарение»). Названная глава была включена в раздел 11 «Отдельные виды обязательств». Она включала в себя две статьи: ст. 254 «Договор дарения» и ст. 255 «Форма договора дарения». В первоначальной редакции ст. 254 ГК БССР 1964 г. под договором дарения понимался договор, в силу которого одна сторона передает безвозмездно другой стороне имущество в собственность. В последующих редакциях определение договора дарения трансформировалось и стало выглядеть следующим образом: «По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность, либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом». Приведенное определение договора дарения содержится в п. 1 ст. 543 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 [3, с. 80]. Вышеизложенное свидетельствует о том, что институт дарения является одним из самых древних и на протяжении всего периода своего существования он постоянно изменялся и развивался, что актуально и в настоящее время.

Выделение договора дарения в современном гражданском праве в отдельный тип договорных обязательств обусловлено наличием некоторых отличительных признаков, дающих возможность квалифицировать его в таком качестве. В числе таких признаков можно назвать: безвозмездность, безусловность, намерение одарить, уменьшение имущества дарителя, увеличение имущества одаряемого, согласие одаряемого на принятие дара. Для отнесения сделки к дарению необходимо одновременное наличие всех вышеперечисленных признаков [3, с. 80].

Договор дарения в Республике Беларусь является одним из видов договорных правоотношений, который регулируется гражданским законодательством, к основным из которых относится Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) и Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3

(с изменениями и дополнениями от 17 июля 2018 г.). Согласно ст. 22 Конституции Республики Беларусь все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [1]. Равенство сторон при договорных правоотношениях также закреплено в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь, а именно: «Субъекты гражданского права участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законом, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону, и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (принцип равенства участников гражданских отношений)» [2]. Однако, на наш взгляд, закрепленные положения в Гражданском кодексе Республики Беларусь, регулирующие дарственные правоотношения, не обеспечивают полное равноправие участников данных отношений. Так, в п. 3 ст. 544 Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплено право дарителя, в случае заключения договора в письменной форме, требования возмещения реального ущерба от одаряемого, если последний откажется принимать дар, а в п. 3 ст. 548 закреплено положение о том, что отказ дарителя от исполнения договора дарения по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 ст. 548, не дает одаряемому права требовать возмещения убытков. В данной ситуации, на наш взгляд, имеет место защищенность правового положения дарителя и пренебрежение правами одаряемого, что автоматически приводит к неравноправию в правоотношениях и нарушению вышеуказанных принципов, которые закреплены в Конституции Республики Беларусь и Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в правоотношениях в области дарения имеются актуальные проблемы, которые нуждаются в решении с целью обеспечения их законности и защиты прав их участников.

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 09.11.2018.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 09.11.2018.
3. Матузяник, Н. П. Некоторые проблемы правового регулирования договора дарения / Н. П. Матузяник, Н. С. Красовская-Фальковская // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2017. – № 1(6). – С. 79–83.
4. Римское частное право : учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. – М. : Юриспруденция, 2000. – 448 с.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Врублевская Ксения Владимировна,

Общество с ограниченной ответственностью «ФинансМаркет»
(Минский район, Беларусь)

В настоящее время не вызывает сомнений влияние субъектов хозяйствования на жизнь общества, поэтому правовое регулирование гражданско-правовой ответственности требует детального изучения. Активная деятельность многих юридических лиц регулярно приводит к нарушениям норм законодательства, прав и законных интересов граждан и иных субъектов хозяйствования, что часто исходит из противоправного поведения исполнительных органов этих организаций. В настоящей статье будет рассмотрена проблема привлечения к субсидиарной ответственности собственника имущества юридического лица, учредителя и иных лиц, определенных законодательством с точки зрения процедуры экономической несостоятельности (банкротства) юридических лиц, так как в последнее время повсеместно в практике встречаются дела о привлечении лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, а также вопросы исполнения решений судов, вынесенных в результате такого привлечения.

Ответственность в хозяйственных правоотношениях является, по мнению В. С. Гальцова, разновидностью юридической имущественной ответственности (так как законодатель относительно свободен в выборе мер принуждения и наказания, то определенные хозяйственные правонарушения влекут административную, а в некоторых случаях и уголовную ответственность). Имущественные же меры воздействия в хозяйственных правоотношениях предполагаются, исходя из их характера [3, с. 175].

Из ст. 52 Гражданского кодекса Республики Беларусь следует, что собственник имущества юридического лица, признанного экономически несостоятельным (банкротом), его учредители (участники) или иные лица, в том числе руководитель юридического лица, имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия, несут субсидиарную ответственность при недостаточности имущества юридического лица только в случае, когда экономическая несостоятельность (банкротство) юридического лица была вызвана виновными (умышленными) действиями таких лиц, если иное не установлено законодательными актами [1].

Как и в других отраслях права, ответственность в хозяйственных правоотношениях выполняет несколько функций. Во-первых, для нарушителя она выражается в имущественном наказании, т.е. является карательной.

Во-вторых, для потерпевшей стороны при наличии убытков она выполняет компенсационную функцию. В-третьих, ответственность выполняет предупредительно-воспитательную функцию, так как заставляет субъектов хозяйствования в своей деятельности воздерживаться от совершения противоправных деяний [3, с. 176].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что, субсидиарная ответственность – отдельный вид гражданско-правовой ответственности, который предоставляет право взыскать долг с дополнительного должника, если первоначальный должник не имеет возможности его погасить, что в свою очередь является определенным гарантом надлежащего исполнения требований кредиторов.

Правоприменительная практика недавно действовавшего законодательства Республики Беларусь шла по пути практически сплошного привлечения к субсидиарной ответственности исполнительных органов должников, их участников (учредителей). Это, в том числе, было связано и с тем, что к субсидиарной ответственности была возможность привлечь не только за активные действия, которые привели к банкротству юридического лица, но и за бездействие, при отсутствии которого банкротство в принципе не наступило бы.

В результате указанного, имело место немало количества дел и судебных решений, по которым исполнительные органы должников, их участники (учредители) привлекались к субсидиарной ответственности, в том числе, за бездействие, которое лишь косвенно могло способствовать предотвращению банкротства, без наличия прямых доказательств.

В итоге сформировавшейся ситуации принималось большое количество судебных решений, которые невозможно было исполнить, в результате чего действия кредиторов и управляющих, направленные на привлечение лиц к субсидиарной ответственности, выглядят напрасными и в итоге не привели к достижению предполагаемого результата по взысканию долга. Причинами невозможности исполнения судебных актов являлось, в том числе, отсутствие у судебных исполнителей необходимых ресурсов на розыск должников, их имущества при таком количестве судебных решений. Также, немаловажной причиной являлось и то, что у лиц, привлекавшихся к субсидиарной ответственности, не было имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание по исполнительным документам, и, даже если должник и работал, то суммы, удерживаемые у него из заработка, не шли ни в какое сравнение с долгами юридического лица и срок такого исполнения мог растянуться на годы.

После вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь № 7 от 23 ноября 2017 г. «О развитии предпринимательства» (далее – Де-

крет) в некоторой мере изменился подход к привлечению лиц к субсидиарной ответственности.

В соответствии с пунктом 5.6. Декрета собственник имущества юридического лица, признанного экономически несостоятельным (банкротом), его учредители (участники) или иные лица, в том числе руководитель юридического лица, имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным образом определять его действия, несут субсидиарную ответственность при недостаточности имущества юридического лица только в случае, если экономическая несостоятельность (банкротство) юридического лица была вызвана виновными (умышленными) действиями таких лиц [2].

Иными словами, исходя из указанной формулировки, можно сделать вывод, что в настоящее время привлечение к субсидиарной ответственности возможно лишь в том случае, если имели место именно виновные действия, а не любое поведение, и данные действия должны быть именно умышленными.

Помимо указанного, в каждом случае необходимо доказывать причинно-следственную связь между умышленными виновными действиями и наступлением экономической несостоятельности (банкротства) юридических лиц.

Предположительно, решение законодателя по пересмотру оснований привлечения к субсидиарной ответственности, было принято с целью сокращения количества дел о привлечении лиц к субсидиарной ответственности и исполнительных производств.

Однако, несмотря на некоторую либерализацию к потенциальным ответчикам по делам о субсидиарной ответственности, остается актуальным вопрос возможности реального удовлетворения требований кредиторов. На сегодняшний день видится необходимость в более детальной проработке мер, направленных именно на защиту интересов кредиторов и возможность их реализации в рамках дел о банкротстве. С другой стороны, данное «послабление» в отношении исполнительных органов, учредителей (участников) юридических лиц (должников), предусмотренное Декретом, вполне может дать толчок для того, чтобы кредиторы самостоятельно более активно проявляли свою позицию в процедуре экономической несостоятельности (банкротства), участвовали в собраниях кредиторов, интересовались действиями управляющего, в особенности касающимися выявления имущества должника, и направляли свои усилия для возврата долгов.

Список источников

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь 07 декабря 1998 года № 218-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. №7 «О развитии предпринимательства» // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018;
3. Гальцов, В. С. Хозяйственное право : курс лекций / В. С. Гальцов, В. С. Радоман, А. В. Сальников.

УДК 321 (091);349.2

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ

Демидов Николай Вольтович,

Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск, Россия)

Обосновывается решающая роль изменений общественного сознания и сознания политической элиты в генезисе фабричного права Российской империи. В качестве факкультативных причин приводятся рабочее движение, увеличение численности рабочих, рост экономического значения пролетариата как производителя материальных благ, рационализация сознания, утверждение конструктивного консьюмеризма в системе ценностей рабочих, рецепция зарубежного опыта, развитие законов о труде из промышленного и торгового права, становление юридической мысли, идеологическое противостояние государства и революционных партий. Причины, обусловившие зарождение норм о наемном труде, разделены по сущностному критерию на 5 категорий: психологические, экономические, социальные, технико-юридические, идеологические.

Причины зарождения трудового права представляли в советской юридической и исторической науке в сильно редуцированном виде. Обстоятельством, вызвавшим принятие системы нормативных актов о наемном промышленном труде, единодушно называлось рабочее движение последней трети XIX и начала XX в. Истоком такой теории стали взгляды В. И. Ленина [3, с. 269]. К концу советского периода лейтмотив пролетарских протестов как причины зарождения норм о труде становится общим местом [4, с. 327]. Тезисы и наработки 1920–50-х годов повторяются и в работах современных ученых [1, с. 699; 2, с. 5].

На фоне единообразной трактовки появления законов о труде наибольший интерес представляют не столь одномерные концепции. Е. Б. Хохлов ссылается на психологический фактор [7, с. 33], К. Л. Томашевский – на возросшую общественную значимость отношений по наемному труду [5, с. 11].

Существуют представления об определяющей роли роста численности рабочих в Российской империи. Однако в 1839 г. число рабочих в России, за вычетом царства Польского и Финляндии, а также без учета горных, вино-

куренных и пивоваренных заводов, без всей сферы обслуживания, транспорта и торговли, составляло 454 980 человек [6, с. 65]. При этом резкая активизация нормотворчества в послереволюционный период 1918–1922 гг., напротив, протекала в условиях резкого спада количества рабочих. Думается, важна не численность группы как таковая, а экономическая и социальная роль того или иного класса. Наконец, одни из первых трудовых актов XIX в. ограничивали труд малолетних и женщин. Перед нами нормативные правовые акты о труде лиц, которые не участвовали в стачках, не представляли опасности для режима.

Трудно представить, что фабричные законы принимались высшей государственной элитой полностью вынужденно, под внешним давлением, в порядке усиления над собой. Думается, должны были произойти существенные сдвиги в психологии государственного деятеля, чтобы он включился в разработку законодательства о труде.

Действительно решающее значение для принятия фабричных законов имели правовые взгляды политической элиты. До начала XX в. стереотипным ответом власти на вызовы рабочего вопроса были репрессии. К концу XIX в. в сознание политических элит все более прочно приходит осмысление прав работника как должного. Новому мировосприятию способствовали урбанизация, ежедневное сосуществование рядом с рабочими, диффузия культур дворянства, мещанства и пролетариата, размывание сословных перегородок, сближение информационного пространства. В мышлении подданных также постепенно укоренялось представление о праве рабочего на законодательные гарантии своих интересов. Движение в пользу социально-компромиссного фабричного законодательства прослеживается в программах партий, возникших после учреждения в 1905 г. Государственной Думы, включая такие, как «Союз 17 октября» и черносотенный «Союз русского народа».

Факультативной причиной становления законодательства о труде стал феномен рационализации и индивидуализации сознания. Постепенно выработывалась новая, критичная картина мира. Этот процесс затронул и правовую культуру. Требовались нормы писаного права, документальное оформление найма, возможность защищать свои права в споре.

Конструктивное потребительство стало для фабричных рабочих достаточно сильным мотивом к обогащению, труду и заработку через труд. Притязание на достойную оплату, несправедливость изъятия нанимателем частной собственности, несоблюдение договорных условий также влияла на рабочее движение.

В эпоху массового заводского производства материальных благ экономическая роль пролетариата возросла. Отныне стимулировать столь важ-

ного фигуранта общественной жизни насилием стало непродуктивно, а, главное, нерентабельно.

Одной из причин зарождения отечественного законодательства о труде стала группа факторов технического юридического рода. К ним можно отнести пять аспектов: влияние рецепции зарубежных наработок, развитие научной мысли, развитие трудового законодательства из промышленного, постепенность освоения законодателем общественных отношений, расширение публично-правовых начал в разных сферах общественной жизни.

Определенную роль в подвижках к разработке фабричного законодательства сыграла мотивация идеологического толка. В условиях активной революционной пропаганды конца XIX – начала XX в. власть нуждалась в идейном подкреплении. Помимо инспирации черносотенных монархических организаций, зубатовщины и религиозной проповеди формой привлечения умов стали законодательные гарантии рабочим.

В целом иерархическое соотношение причин видится следующим:

1. Психологические факторы. Гуманизация правосознания, рационализация и индивидуализация мышления.

2. Социальные факторы. Рабочее движение, рост количества рабочих.

3. Экономические факторы. Увеличение значимости рабочих в экономике, вытеснение фабрик и заводов из крепостного обеспечения рабочей силой в область найма.

4. Техничко-юридические факторы. Рецепция европейского опыта, развитие юридической науки, развитие трудового законодательства из торгового и промышленного.

5. Идеологический фактор. Противостояние революционной агитации путем закрепления трудовправовых гарантий.

Список источников

1. Касимов, А. С. Условия найма рабочих в конце XIX – начале XX в. (по материалам центрально-черноземного района) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. – 2012. – № 27. – С. 699–704.
2. Киселев, И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование : учебное пособие / И. Я. Киселев. – М. : Норма, 2001. – 384 с.
3. Ленин, В. И. Новый фабричный закон // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 2. – М. : Госполитиздат, 1958. – 677 с.
4. Струмилин, С. Г. Проблемы экономики труда / С. Г. Струмилин. – М. : Наука, 1982. – 472 с.
5. Томашевский, К. Л. Очерки трудового права (История, философия, проблемы систем и источников) / К. Л. Томашевский. – Минск : Изд-во БГУ, 2009. – 335 с.
6. Туган-Барановский, М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – Т. I.: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. – М. : Соцэргтиз, 1938. – 460 с.
7. Хохлов, Е. Б. Причины и значение возникновения трудового («фабричного») законодательства в России в конце XIX – начале XX века // Вестник Ивановского государственного университета. – 2010. – Вып. 4. – Право. Социология. Международные отношения. – С. 32–42.

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕДИАЦИИ

Зенчик Вероника Андреевна,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Данная статья посвящена рассмотрению понятия медиации с точки зрения современного законодательства и мнений различных авторов, раскрыто содержание принципов медиации.

Традиционно возникающие конфликты между людьми по гражданским, хозяйственным, семейным и иным делам разрешаются с помощью судов. Но не все разногласия целесообразно разрешать в суде, сложность судебного разбирательства, высокая стоимость, затягивание судебного рассмотрения и другие факторы, которые определяют необходимость применения новых методов урегулирования конфликтов.

В последние годы в Республике Беларусь возникает и развивается новая технология по разрешению конфликтов – медиация. В Республике Беларусь был принят Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 «О медиации». Медиация – переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Медиация проводится с участием медиатора, то есть незаинтересованным лицом» [1, ст. 1].

Как отмечает О. В. Ким в своей работе: «Медиация – одна из технологий альтернативного урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения» [2, с. 11].

Проанализировав понятия нескольких авторов, можно выделить два подхода к пониманию медиации. Первый подход, которого придерживается Г. Хесли и В. Ф. Яковлев, рассматривает медиацию как деятельность посредника (медиатора) по урегулированию спора. Второй подход основывается на акценте участия в процессе самих спорящих сторон, сторонниками данного подхода являются О. В. Александрова и Е. И. Носырева.

Выделяют четыре принципа медиации: добровольность, равноправие сторон, нейтральность и конфиденциальность.

Принцип добровольности – принуждение к участию медиации не допускается. Все решения принимаются по взаимному согласию и не являются обязательным, за исключением, если оно не закреплено в медиативном соглашении.

Принцип равноправия сторон – стороны в медиации наделены равным объемом права и обязанностей. Каждая из сторон вправе высказывать мнения, предлагать варианты разрешения конфликта, делать заявления, представлять документы, относящиеся к спору, преимуществ не имеет ни одна сторона.

Принцип нейтральности или беспристрастности медиатора – медиатор сохраняет независимое, беспристрастное отношение с каждой из сторон и обеспечивает им равное право участия в переговорах. Если медиатор чувствует, что ему трудно сохранить нейтральность и что ему не удастся избавиться от возникающих у него эмоциональных оценок, он должен отказаться от ведения процесса.

Принцип конфиденциальности означает, что все, о чем говорится или обсуждается в процессе медиации, остается внутри этого процесса. Медиатор не может выступать в качестве свидетеля, если дело все-таки будет передано в суд, и не сообщает одной стороне информацию, которую он получил от другой в процессе индивидуальной беседы, если не получил на это специального разрешения или просьбы от сообщившего информацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что медиация является альтернативным методом разрешения споров посредством переговоров с помощью третьей незаинтересованной стороны. Стороны инициируют процесс посредничества, в конечном счете, принимают или не принимают решение в результате переговоров. Медиация отличается быстротой, небольшими затратами и ориентацией на будущее.

Список источников

1. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г. № 58-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2016 г. № 355-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Ким, О. В. Медиация в Казахстане: актуальные проблемы и перспективы развития / О. В. Ким // Вестник КазНУ. – 2011. – № 5. – С. 11.

УДК 347.63

ОТОБРАНИЕ РЕБЕНКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кириллова Елена Юрьевна,

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

В работе сформулированы предложения по совершенствованию семейного законодательства Республики Беларусь, регламентирующего вопросы отобрания ребенка.

Ограничение родительских прав в Республике Беларусь реализуется в форме отобрания ребенка без лишения родительских прав по решению суда, органа опеки и попечительства (ст. 85 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС)) и отобрания ребенка по решению комиссии по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе (ст. 85¹ КоБС) [1]. Рассмотрим подробнее положения представленных статей.

Во-первых, необходимо отметить, что наименование ст. 85 «Отобрание ребенка без лишения родительских прав по решению суда, органа опеки и попечительства» КоБС не согласовано с ее содержанием. Так, ч. 2 ст. 85 КоБС устанавливает, что в исключительных случаях при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка орган опеки и попечительства вправе принять решение о немедленном отобрании ребенка у родителей или других лиц, на воспитании которых он фактически находится. В этих случаях орган опеки и попечительства обязан немедленно уведомить прокурора и в семидневный срок после принятия решения обратиться в суд с иском о лишении родителей или одного из них родительских прав или об отобрании ребенка [1]. В этой связи следует исключить из названия рассматриваемой статьи слова «без лишения родительских прав» и изложить его в следующей редакции: «*Статья 85. Отобрание ребенка по решению суда, органа опеки и попечительства*».

Во-вторых, при конструировании текстов ст. 85 и ст. 85¹ КоБС нарушен п. 48 Правил подготовки нормативных правовых актов, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359: терминология проекта акта должна быть единообразной. Для обозначения одних и тех же понятий должны использоваться одинаковые термины [2]. В частности, при регулировании исследуемых общественных отношений применяется различная терминология, не совпадающая по смысловой нагрузке: ст. 85 КоБС – «родители или один из них», ст. 85¹ КоБС – «родители (единственный) родитель». В связи с указанным следует привести к единообразию рассмотренную семейно-правовую терминологию, используемую в текстах ст. 85 и ст. 85¹ КоБС.

Виды решений, выносимых согласно ст. ст. 85 и 85¹ КоБС

№ п/п	Вид решения	Уполномоченный орган	Основание применения
1.	Решение об отобрании ребенка и передаче его на попечение органу опеки и попечительства без лишения родительских прав	суд	оставление ребенка у лиц, у которых он находится, опасно для него

№ п/п	Вид решения	Уполномоченный орган	Основание применения
2.	<u>Решение о немедленном отобрании ребенка</u> у родителей или других лиц, на воспитании которых он фактически находится (с последующим обращением в суд с иском о лишении родителей или одного из них родительских прав или об отобрании ребенка)	орган опеки и попечительства	в исключительных случаях при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка
3.	<u>Решение о возвращении ребенка</u> родителям	суд	по заявлению родителей и исходя из интересов ребенка, если, согласно заключению органа опеки и попечительства, отпали причины, послужившие основанием к отобранию ребенка
4.	<u>Решение о признании ребенка нуждающимся в государственной защите, об отобрании ребенка у родителей (единственного родителя), установлении ему статуса детей, оставшихся без попечения родителей, о помещении ребенка на государственное обеспечение</u>	комиссия по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка	родители (единственный родитель) ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка, являются хроническими алкоголиками или наркоманами либо иным образом ненадлежащее выполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, в связи чем он находится в социально опасном положении
5.	<u>Решение о возвращении ребенка</u> родителям – в шестимесячный срок после принятия решения об отобрании (в случае если не отпали причины, послужившие основанием для отобрания ребенка, указанные в ч. 1 ст. 85 ¹ КоБС – последующее обращение в суд с иском о лишении родителей (единственного) родительских прав))	комиссия по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка	если отпали причины, послужившие основанием для отобрания ребенка, указанные в ч. 1 ст. 85 ¹ КоБС

В-третьих, анализируя на основании критерия виновности поведение родителя (родителей), приведенные виды решений, связанные с отобранием ребенка, можно условно разделить на две группы:

1) решения, выносимые при наличии вины родителей или одного из них:

– решение о немедленном отобрании ребенка у родителей или других лиц, на воспитании которых он фактически находится;

– решение о признании ребенка нуждающимся в государственной защите, об отобрании ребенка у родителей (единственного родителя), установлении ему статуса детей, оставшихся без попечения родителей, о помещении ребенка на государственное обеспечение;

2) решения, выносимые как при наличии вины родителей или одного из них, так и ее отсутствии:

– решение об отобрании ребенка и передаче его на попечение органу опеки и попечительства без лишения родительских прав.

П. В. Рагойша подчеркивает, что вторая группа решений относится преимущественно к случаям невинного неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей вследствие болезни родителей или одного из них, а также других сходных обстоятельств [3].

Указанный аспект вызывает интерес, поскольку действующим законодательством предусмотрены одинаковые последствия для ограничения родительских прав не зависимо от характера поведения соответствующего субъекта – виновности, что, на наш взгляд, существенно ущемляет права «добросовестного» родителя, который и так попал в сложную жизненную ситуацию, например, серьезно заболел.

В этой связи интерес представляет соответствующий опыт Российской Федерации, в частности, ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) предусматривает деление оснований ограничения родительских прав в зависимости от фактора виновности поведения родителей (одного из них):

– невинное поведение родителей, являющееся основанием ограничения родительских прав – ч. 1 п. 2 ст. 73 СК РФ – ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие);

– виновное поведение родителей, являющееся основанием ограничения родительских прав – ч. 2 п. 2 ст. 73 СК РФ – ограничение родительских прав допускается в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав [4].

Однако ст. 74 «Последствия ограничения родительских прав» СК РФ, к сожалению, не учитывают приведенную специфику [4].

На основании изложенного представляется целесообразным провести четкое легальное деление с учетом характера виновности поведения роди-

телей или одного из них, во-первых, оснований ограничения родительских прав, во-вторых, последствий такого ограничения в зависимости от наличия вины в поведении субъекта.

Список источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 17.07.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359 : с изм. и доп. от 29.11.2013 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Рагойша, П. В. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье. Раздел III. Семья [Электронный ресурс] / П. В. Рагойша // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.
4. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный Закон РФ, 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ : с изм. и доп. от 29.07.2018 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

УДК 347.78

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ковалева Лариса Аркадьевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В настоящей статье рассматриваются проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в Гражданском Кодексе Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях и в Уголовном Кодексе Республики Беларусь.

Гражданско-правовые способы защиты нарушенных или оспоренных прав интеллектуальной собственности закреплены в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) и специальных законодательных актах, регулирующих общественные отношения по поводу отдельных результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов.

К гражданско-правовым способам защиты прав интеллектуальной собственности в соответствии со ст. 11 ГК в том числе относятся : признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; самозащита права; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда [1].

К гражданско-правовым способам защиты нарушенных прав интеллектуальной собственности согласно ст. 989 ГК также относятся изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушено исключительное право, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения, и обязательная публикация о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право [1, ст. 989].

Применение того или иного способа защиты нарушенных или оспоренных прав интеллектуальной собственности зависит от содержания нарушенного права и предоставляется характером нарушения, целью, которую преследует лицо, защищающее свое право, а также указаниями закона.

В отношении отдельных объектов права интеллектуальной собственности законодательные акты предусматривают специальные способы защиты нарушенных или оспоренных прав.

Так, в отношении нарушенного исключительного авторского права правообладатель в соответствии с п. 2 ст. 40 Закона «Об авторском праве и смежных правах» вместо возмещения убытков имеет право взыскать с нарушителя доход, полученный последним вследствие нарушенного авторского права, либо потребовать выплаты компенсации в сумме от 10 до 50 тысяч базовых величин, определяемой судом [4].

В отношении нарушенного исключительного права на товарный знак и знак обслуживания могут также применяться такие специальные способы защиты, как: арест или уничтожение товаров, в отношении которых был незаконно применен товарный знак (знак обслуживания); наложение штрафа в пользу потерпевшей стороны в размере стоимости товара, в отношении которого был незаконно применен товарный знак.

В отношении нарушенного права пользования географическим указанием в силу п. 2 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 года «О географических указаниях» также могут применяться такие способы защиты как: удаление с товара, его упаковки, бланков и иной документации незаконно используемого географического указания или обозначения, сходного с ним до степени смещения; уничтожение изготовленных изображений географического указания или обозначения, сходного с ним до степени смещения; если это невозможно, – изъятие и уничтожение товара и (или) упаковки [3].

Компенсация морального вреда за нарушение прав интеллектуальной собственности взыскивается только в том случае, если нарушенными являются права, относящиеся к группе личных неимущественных прав, например, право авторства, право на имя и др.

Учитывая роль, которую играет интеллектуальная собственность в развитии общества, государство не только предоставляет авторам и иным

правообладателям возможность защищать принадлежащие им права гражданско-правовыми способами, но и устанавливает административную и уголовную ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности.

Административная и уголовная ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности предусмотрена ст. 9.21 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) и ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) соответственно.

В соответствии со ст. 9.21 КоАП незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или права промышленной собственности влекут наложение штрафа в размере от 20 до 50 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации, а на юридическое лицо – до 300 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации [2].

Согласно ст. 201 УК присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них наказываются общественными работами или штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет [5]. Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или права промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере (размере дохода (ущерба) на сумму, в 500 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления), наказываются общественными работами, или штрафом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок до двух лет.

Действия, предусмотренные выше, совершенные повторно, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо повлекшие причинение ущерба в крупном размере, наказываются штрафом, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

Интеллектуальная собственность стала основным оружием в конкурентной борьбе на мировых рынках. Создаются организации, предметом деятельности которых становится торговля интеллектуальной собственностью. Крупные мировые компании провозглашают новые подходы к управ-

лению инновационной деятельностью, ставя во главу со своей стратегией охрану прав на объекты интеллектуальной собственности и их защиту от несанкционированного использования.

В связи с этим неотъемлемым элементом инновационной стратегии научных организаций, предприятий, предпринимательских структур должно стать обеспечение надежной охраны прав на создаваемые объекты интеллектуальной собственности, отслеживание и предотвращение нарушений своих прав и нарушений прав третьих лиц при реализации товаров на внутреннем и зарубежных рынках и прежде всего обеспечение патентной чистоты экспортной продукции.

Список источников

1. Гражданский кодекс Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1999 г. : в ред. Закона от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Кодекс Респ. Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г. № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О географических указаниях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2002 г, № 127 - 3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 июля 2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г, № 262 - 3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Уголовный кодекс Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона от 28.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347.44

ДОГОВОР О СОЗДАНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СИСТЕМЕ ДОГОВОРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Козыревская Лариса Анатольевна,

Белорусский государственный экономический университет

(г. Минск, Беларусь)

В работе дана общая характеристика договора о создании хозяйственного общества в системе додоговорных конструкций и внесено предложение классифицировать данное соглашение как относящееся к организационному типу договоров, к виду соли-

дарных договоров, подвиды – корпоративных, в числе которых в свою очередь могут быть выделены: учредительный договор; договор о создании юридического лица и договор о реализации корпоративных прав (акционерное соглашение).

Самой распространенной формой опосредования гражданско-правовых отношений в настоящее время является договор. При этом усложнение имущественных отношений, развитие цивилистической доктрины и практики правоприменения повлекли за собой появление новых договорных типов и видов. Неявным образом выраженная в структуре Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Беларуси) типологизация договорных конструкций уже не вполне отвечает современным реалиям. Нормативное закрепление новых договорных форм актуализирует правовую оценку этих форм с точки зрения традиционных признаков договоров и требует определение их места в сложившейся системе договорных типов. В частности, в законодательство Беларуси введен договор об учреждении хозяйственного общества [1, ст. 98; 2, ст. 11]. Относительно данного договора отсутствуют специальные нормы, позволяющие однозначно классифицировать его в системе известных договорных типов. Между тем, любая классификация выполняет не только гносеологические функции, но и решает конкретные практические задачи, например, установления круга обычных условий (т.е. восстановления, так называемых, «патологических договоров»), определения возможности аналогии закона или аналогии права и т.д. Таким образом, любая новая договорная конструкция должна получить соответствующую доктринальную оценку.

Как известно, договоры принято классифицировать двумя способами: в категориях дихотомии и комплексного критерия с выделением «неограниченного числа групп» [3, с. 383]. Структура ГК Беларуси отражает предложенную в учебной и научной литературе многоуровневую классификацию договоров, в которой в качестве первичного критерия использован юридический результат соглашения: договоры на передачу имущества; договоры на выполнение работ; договоры на оказание услуг и договоры о создании различного рода объединений [3, с. 383]. В рамках такой типологизации договорных форм договор о создании хозяйственного общества, безусловно, относится к четвертой группе. Но простая констатация направленности рассматриваемого договора на создание определенной организации не раскрывает его внутреннюю специфику и не позволяет сформировать определенный договорной тип.

Если оценить условия, которые, по мнению законодателя, должны быть включены в данное соглашение: порядок осуществления деятельности учредителей по созданию общества, распределение между ними обязанно-

стей по подготовке к государственной регистрации и т.д., то можно охарактеризовать его как организационный договор. Проводя разграничение между имущественными и организационными договорами Е. А. Суханов отмечал, что последние направлены «не на товарообмен, а установление взаимосвязей участников будущего товарообмена» [4, с. 158]. К такого рода договорам указанный автор отнес предварительный договор, соглашение о намерениях и учредительный договор. В связи с этим нужно отметить, что собственной компактной локализации данные договоры в ГК Беларуси не имеют, а рассредоточены по различным главам, что не позволяет нормативно определить их общие и особенные характеристики.

С учетом цели – организация совместной деятельности для достижения определенного результата, в рамках организационных договоров могут быть выделены в самостоятельную группу договоры о создании различного рода коллективных образований. В плане существенных отличий можно указать, что для всех подобных соглашений не характерно распределение прав и обязанностей как взаимных (или встречных), а соответственно и невозможно ставить вопрос об их классификации на односторонние и двусторонние (взаимные). Обязательства, возникающие между участниками названных договоров, носят солидарный характер.

В действующем ГК Республики Беларусь только договор о совместной деятельности (договор простого товарищества) носит солидарный характер. Видимо, именно данный признак был положен в основу классификации Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации договора о создании акционерного общества как договора о совместной деятельности [5, п. 6]. Однако между договором простого товарищества и договором о создании хозяйственного общества имеются принципиальные различия. Нужно отметить, что конституирующим признаком договора о совместной деятельности является объединение вкладов участников (в том числе и неимущественных). Что касается договора о создании хозяйственного общества, то никаких вкладов и создания общего имущества не предполагается. Иногда в этой связи указывают о необходимости внесения имущественных вкладов в случае, если законодательством установлена необходимость формирования уставного фонда до регистрации. Представляется, что взносы, производимые учредителями в уставный фонд – это имущество, передаваемое в пользу юридического лица, а не вносимое в общее имущество участников простого товарищества. Уже только поэтому данный договор не может быть классифицирован как договор о совместной деятельности. Кроме того, обязанность совместного покрытия расходов простого товарищества отсутствует у учредителей общества, в частности, потому, что общее имущество не создается. И в отличие, от участников простого товарищества,

ответственность которых в соответствии со ст. 916 ГК Беларуси по обязательствам этого объединения носит долевого характер (пропорционально их вкладам, если соглашением между ними не установлен иной порядок, исключение – коммерческий договор о совместной деятельности), учредители несут солидарную ответственность по обязательствам, возникшим до регистрации юридического лица. Думается, что можно согласиться с предложением В. А. Белова о выделении отдельной группы договоров – корпоративных, т.е. соглашений, опосредующих корпоративные отношения [6, с. 345].

Особенностями корпоративных договоров является, во-первых, специфика нормативного закрепления его условий, которые весьма затруднительно разделить на существенные и обычные. Строго говоря, обычные условия, т.е. те, содержание которых может быть восстановлено через обращение к соответствующим правовым нормам, в отношении данных договоров вообще отсутствуют. Например, перечень вопросов, которые должны найти разрешение в договоре о создании хозяйственного общества, носит императивный характер [2, ст. 11, 67], но при этом не установлено последствий отсутствия какого-либо из перечисленных условий. Поскольку целью заключения такого договора является распределение обязанностей учредителей по созданию юридического лица и его государственной регистрации, то ничто не препятствует заключению впоследствии дополнительного соглашения применительно к нераспределенной обязанности. Таким образом, условия корпоративных договоров можно поделить на императивные, обязательность включения которых в эти соглашения предусмотрена законодательством, и факультативные, которые включаются по желанию участников. Во-вторых, корпоративные договоры, так или иначе, затрагивают статус третьего лица – самой организации, в связи с созданием которой или в рамках которой они заключаются. К корпоративным договорам помимо договора о создании общества можно отнести договор о порядке исполнения прав и обязанностей участника общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью (акционерное соглашение) и учредительный договор.

Относительно специфики договора о создании хозяйственного общества по отношению к иным корпоративным договорам нужно отметить, что неисполнение возложенных обязанностей может повлечь весьма специфические последствия для учредителя – он может утратить свой статус. Понудить же его к исполнению взятых обязательств в натуре не возможно. Вряд ли можно предположить и взыскание неустойки. Что касается убытков, то думается, их возмещение будет скорее основываться на положениях гл. 58 ГК Республики Беларусь «Обязательства из причинения вреда».

Подводя итог краткому анализу свойств договора о создании хозяйственного общества в привязке к классификации договорных форм, можно

заклучить, что данный договор относится к легально не выделенному типу организационных договоров, подтипу солидарных, к виду корпоративных, одним из подвидов которых он и является. Предложенная типологизация позволит обоснованно строить систему правовых норм, отказаться от большинства дихотомических классификаций, как неприменимых к этим договорам и, одновременно, сформировать для них новые.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г. № 2020-ХП: в ред. Закона от 15.07.2010 г. : с изм. и доп. от 17.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2003. – 848 с.
4. Гражданское право : в 2 т. : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов – Т. 2. Полутом 1. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 704 с.
5. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федер., 18 ноября 2003 г. № 19 : с изм. и доп. от 16 мая 2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
6. Белов, В. А. Гражданское право : в 4 т. – Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы : в 2 кн. / В. А. Белов. – М. : Изд-во Юрайт, 2018. – Кн. 2: Иные (не являющиеся обязательствами) гражданско-правовые формы. – 403 с.

УДК 346.32

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ГРАЖДАНСКОГО ДОГОВОРОВ

Куницкая Юлия Николаевна,

Главное финансовое управление Минского областного исполнительного комитета (г. Минск, Беларусь)

Роль хозяйственного договора возрастает в сфере экономических отношений. Республика Беларусь в настоящее время ведет рыночную и смешанную экономику, исходя из этого, она нуждается в качественном договорном регулировании. Авторы не пришли к единому мнению по поводу места хозяйственного договора в системе права, в связи с чем возникают вопросы об разграничении гражданско-правовых и хозяйственных договоров.

Долгое время в гражданском праве все договоры подразделялись на две большие группы: общегражданские и хозяйственные. Затем в граждан-

ском законодательстве все чаще стали употребляться понятия «предпринимательская деятельность», «субъект предпринимательской деятельности», «предпринимательский договор» [1, с. 17].

Статья 390 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) дает понятие гражданского договора, под которым понимает соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [2].

Как и гражданско-правовой договор, договор в сфере хозяйствования, подчиняется общим принципам гражданско-правового регулирования. Вместе с тем, договор в сфере хозяйствования, как и договор в любой другой сфере общественных отношений обладает специфическими особенностями, поскольку, выступая правовой формой этих отношений, он не может не нести на себе их отражения. Характер опосредуемых хозяйственным договором отношений сказывается и на самом договоре (его субъектах, предмете, порядке заключения, содержании) [3, с. 216].

Таким образом, Особенная часть ГК регулирует деятельность всех гражданско-правовых договоров.

Так, например, правовое регулирование договора купли-продажи закреплено в главе 30 ГК, в которой видами данного договора являются: розничная купля-продажа, поставка товаров, поставка товаров для государственных нужд, энергоснабжение, контрактация, продажа недвижимости, продажа предприятия. Исходя из того, что нормы договора купли-продажи и его семи вышеуказанных видов регулируются нормами ГК, мы, как правило, утверждаем, что они относятся к разновидности гражданско-правовых договоров.

Однако, в правовой природе появляются договоры купли-продажи, которые вытекают непосредственно из хозяйственной или предпринимательской деятельности: договор купли-продажи товаров в кредит, договор купли-продажи товаров с условием оплаты в рассрочку, договор купли-продажи товаров с условием предварительной оплаты, договор купли-продажи автомобиля между юридическими лицами, договор купли-продажи строительных материалов.

Рассматривая вышеуказанные договоры, возникают следующие проблемы:

– данные разновидности договора купли-продажи относятся к гражданско-правовым договорам или их можно отнести к хозяйственно-правовым договорам;

– есть ли различие и необходимо ли разграничивать понятие гражданско-правового и хозяйственно-правового договоров.

В настоящее время в законодательстве не установлено критериев, по которым можно было бы утверждать, что какой-то конкретный вид догово-

ра, нормы которого регулируются гражданским законодательством, можно отнести к сфере хозяйственных. Но, если детально изучать признаки хозяйственной и предпринимательской деятельности и провести анализ понятия и признаков самого хозяйственного договора, то можно выделить критерии, по которым можно установить различие между хозяйственными и гражданско-правовыми договорами:

1. По субъектному составу:

субъектами хозяйственного договора являются субъекты хозяйствования (юридические лица всех форм собственности, индивидуальные предприниматели), в то время как участие в договоре физического лица (гражданина) придает договору гражданско-правовой характер. Так, М. И. Брагинский утверждает, что хозяйственными признаются только те договоры, которые заключены между организациями, независимо от того, являются ли они государственными или общественными. Если хотя бы одним контрагентом является гражданин, договор в круг хозяйственных не входит.

Несмотря на это В. С. Каменков считает, что этого критерия недостаточно для того, чтобы определить отнесения заключаемого договора к числу хозяйственных. Так, например, субъект хозяйствования в процессе осуществления им хозяйственной деятельности заключает кредитный договор с банком. Данный договор не связан с хозяйственной деятельностью его субъекта, т.к. ставит перед собой иные цели (например, предприятие заключает с банком кредитный договор с целью выдачи работникам безвозмездных займов на приобретение жилья) [4, с. 15].

2. Хозяйственный договор носит возмездный характер, в то время как гражданско-правовой договор может быть как возмездным, так и безвозмездным.

Главной целью хозяйственного договора является получение прибыли, иначе, что хозяйственный договор является коммерческим договором.

Например: договор купли-продажи автомобиля между юридическими лицами. Так, продавец обязуется продать, а покупатель обязуется принять автомобиль и выплатить за него вознаграждение. В итоге каждая из сторон получает выгоду. Продавец получает прибыль в виде стоимости автомобиля, которая должна быть оговорена в договоре, а покупатель автомобиль. В данном случае и продавец, и покупатель имеют взаимные права и обязанности.

Одновременно гражданско-правовые договоры могут быть как возмездными (купля-продажа, мена, аренда, прокат, подряд и т.д.), так и безвозмездными (дарение или договоры, заключаемые для благотворительных целей).

Например, в соответствии со статьей 543 ГК по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой

стороне (одаряемому) вещь в собственность, либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом [2].

В данном случае одаряемый получает так называемую «выгоду», а даритель осуществляет право дарения на добровольных началах, не получая взамен какого-либо награждения или взаимовыгодной услуги.

3. Цель заключения договора.

Как уже говорилось выше, в хозяйственном договоре основной целью является получение прибыли.

Определение цели позволяет установить связь договора с хозяйственной деятельностью юридического лица. Исходя из этого, для торгового предприятия хозяйственными будут являться договоры как непосредственно (прямо) направленные на достижение поставленных перед ним целей (договоры купли-продажи, поставки и т.д.), так и договоры, заключение которых служит достижению этих целей опосредованно, поскольку обеспечивает нормальное течение производственно-хозяйственной деятельности. К числу последних можно отнести договоры аренды складских помещений, договоры перевозки товара, а также кредитные договоры, которые торговое предприятие заключает с целью привлечения заемных средств, необходимых для закупки продукции [4, с. 15–16].

4. В хозяйственном договоре всегда указываются последствия ненадлежащего исполнения или неисполнения договора, которые могут выражаться в виде взыскания неустойки, убытков или упущенной выгоды.

5. Подведомственность споров.

Споры, возникающие между субъектами хозяйствования, которые являются сторонами хозяйственного договора, рассматриваются экономическими судами. Если же хотя бы одной из сторон договора является физическое лицо, данный спор будет адресован к деятельности судов общей юрисдикции.

Можно сделать вывод, что хозяйственный договор является гарантом отношений между субъектами хозяйствования, определяет их права и обязанности, устанавливает ответственность за невыполнение или некачественное исполнение договорных обязанностей, т.е. более детально чем гражданско-правовой договор регулирует деятельность субъектов хозяйствования.

Список источников

1. Каменков, В. С. Экономика и правосудие: Вопросы теории и практики / В. С. Каменков. – Минск : Харвест, 2006. – 688 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Респ.

- 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Парашенко, В. Н. Хозяйственное (предпринимательское) право / В. Н. Парашенко. – Минск : Право и экономика, 2010. – 512 с.
 4. Каменков, В. С. Хозяйственный договор: общие положения / В. С. Каменков. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. – 157 с.

УДК 316.334.3

СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Лихачев Николай Егорович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

На основе анализа результатов социологического исследования рассматриваются условия развития сельского самоуправления, его социальная база. Сельская община выполняет консолидирующую роль в поселенческой общности, способствует сохранению социальной солидарности и взаимопомощи.

Важнейшей составляющей формирования гражданского общества в Республике Беларусь является развитие института общественного самоуправления как субъекта политического пространства. Этим термином принято обозначать способность населения к реальной локальной самоорганизации по месту проживания для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения. Закрепился ли как самостоятельный статус института сельского самоуправления субъект политического процесса? Ответ на вопрос можно получить с помощью социологических исследований, использующих изучение общественного мнения для анализа современных тенденций социально-политических и экономических трансформаций в сельской местности.

Специфику образа жизни сельского населения определяет трудовая деятельность в окружении природы и животного мира, особая бытовая сфера, общение на уровне соседства и родства. На всем протяжении своего жизненного пути сельчанин включается в деятельность различных социальных групп или сообществ. Наиболее значимые из них – семейные, родственные, соседские и трудовые коллективы. Но особо значима для сельского жителя такая социально-территориальная общность как соседско-родственная об-

щина. Принцип сельской общинности, имея многовековые корни в аграрных расселениях, и в наше время исполняет существенную роль в социальной консолидации сельчан.

Основным атрибутом сельской общинности является локальная территория, на которой протекает жизнедеятельность сельчан. Вторым важным признаком выступают родственные и соседские связи, обеспечивающие взаимодействия между индивидами. Третий – трудовые, хозяйственно-экономические и духовно-культурные отношения. На основе сельской социальной общности функционирует соседско-родственная община, представляющая собой относительно устойчивое социальное сообщество, члены которого находятся в регулярном взаимодействии друг с другом, имеют схожие интересы, связаны узами родства или землячества, а также традициями взаимопомощи. В отличие от городской общинности (на уровне улиц, микрорайонов, микрорайонов) сельская формируется на принципах соседства и родства, возникает естественным путем и, нередко, носит неформальный характер. Здесь в пределах ограниченного территориального пространства каждый житель взаимодействует с другими, как в процессе труда, так и быта, то есть общается со своей стабильной социальной средой. Сельскую общину можно обозначить следующим образом. Это сообщество людей, проживающих в естественном природном окружении на определенном локальном пространстве, объединенных соседско-родственными связями и отношениями, живущих в соответствии со своими традициями и обычаями.

Главной особенностью сельской общины в дореволюционное время являлось то, что власть в ней принадлежала всем, а не какому-либо отдельному лицу или группе лиц. Свою волю народ осуществлял непосредственно, на общем собрании. Сход общинников, где решались все важнейшие вопросы внутренней жизни, – главная черта общины, ее существенный признак, без которого она не могла существовать. В настоящее время такого типа общины, как формы самоуправления в сельской местности нет, однако ее черты солидарности и взаимопомощи присутствуют на уровне межличностных отношений.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Оказываете ли Вы какую-либо помощь соседям по месту жительства?», %

Варианты ответов	Общее распределение	Мужчины	Женщины
Да, всегда просят	36,8	32,7	39,7
Иногда оказываю	36,6	35,9	37,2
Нет, никогда	24,9	29,6	21,6

Соседская взаимопомощь в сельской местности по-прежнему остается на достаточно высоком уровне, что свидетельствует о сохранении способности к реальной местной самоорганизации. Однако субъективность процесса проявляется в непосредственном участии и готовности сельчан участвовать в местном самоуправлении.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Насколько часто Вы участвуете в решении общинных (не семейных) проблем в деревне?», %

Варианты ответов	Общее распределение	Мужчины	Женщины
Всегда	6,6	5,8	7,2
Часто	8,7	9,9	7,8
Иногда	20,8	17	23,4
Почти никогда	33,1	37,2	30,3
Затруднились ответить	17,5	18,4	16,9

Степень активности сельских жителей в решении проблем собственного населенного пункта невысока: преимущественно участвуют эпизодически, либо не участвуют вообще. Преобладает социальная пассивность сельчан, имеется дефицит активности, слабая готовность к участию в местном самоуправлении.

Социологическое исследование дало возможность выявить, какие формы местного самоуправления практикуются в сельской местности.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Существуют ли в Вашем населенном пункте следующие формы местного самоуправления?», %

Наименование формы	Да	Нет	Не знаю
Местное собрание	36,2	35,4	28,4
Местный референдум	8,3	53,4	38,3
Самоорганизация по месту жительства (наличие старосты)	37,5	32,1	30,4
Дни депутата	35,1	33,0	31,9

Итоги опроса показывают, что многие отрицают наличие или не сформированы об обозначенных формах самоуправления. На социально-психологической позиции сельчан все еще сказывается влияние колхозно-совхозной системы в производственной и житейской сферах, когда самоуправление строилось не на основе инициатив местного населения, а на партийно-государственном диктате. При этом отмечается пассивность сельского населения, отсутствие желания участвовать в местном самоуправлении, неразвитость стремления к реализации своих прав, а также брать ответственность за их реализацию.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Насколько активно принимают участие в местном самоуправлении жители Вашего поселения?», %

Наименование формы	Участвует почти все взрослое население	Участвуют представители домохозяйств	Участвуют только некоторые	Никто не участвует
Местное собрание	22,4	9,6	44,4	22,4
Местный референдум	9,8	7	27,2	55,9
Самоорганизация по месту жительства (наличие старосты)	14	12,8	42,1	31,1
Дни депутата	13	12,1	40,6	34,3

Приведенные данные свидетельствуют, что отсутствие желания участвовать в решении вопросов местного значения, есть основная причина неостребованности социального потенциала сельского населения. Причины сложившейся ситуации сельчане обозначили следующие: не видят пользы для себя от участия – 50,4%, не уверены в успешности общего дела – 16,3%, не знают, как это сделать – 6,4%, имеется настороженное отношение со стороны местных властей – 5%, затруднились ответить – 21,9%. Таким образом ведущей причиной социальной пассивности является отсутствие гражданской активности у значительной части современных сельчан. Несомненно, здесь сказывается привычка надеяться только на административные решения государственной власти, а также отсутствие интереса и недостаточность самоорганизации. Среди причин можно также назвать имеющую место депопуляцию сельских территорий, отток наиболее дееспособной части населения в города и превращение села в анклав социально нуждающихся. Еще одним важным моментом является нужда сельского населения в решении всех вопросов организации самоуправления со стороны государственной власти и депутатского корпуса.

Можно констатировать, что субъектность сельского местного самоуправления в политическом пространстве еще находится в стадии становления, и требуется немало усилий для вовлечения сельчан в управление своей повседневной жизнью.

УДК 316.354

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА
КАК АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ**

Лихачева Светлана Николаевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Изучены основные направления социальной политики в отношении молодежи, связанные с ее занятостью и жизненными перспективами. Различные категории этой социально-демографической группы рассмотрены как объекты и субъекты социальной защиты.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» от 7 декабря 2009 года к молодежи относятся граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от четырнадцати до тридцати одного года [1]. На сегодняшний день эта группа составляет почти 2 млн человек, т.е. примерно каждый пятый [2].

Степень интегрированности молодых людей в сферу экономической жизни напрямую связана с их способностью решать свои материальные проблемы посредством профессиональной деятельности. Выбор профессии или профессиональное самоопределение – основа самоутверждения человека в обществе, одно из главных решений в жизни. Выбор профессии определяет очень многое, а именно: кем быть, к какой социальной группе принадлежать, где и с кем работать, какой стиль жизни выбрать. По данным Министерства труда и социальной защиты населения Республики Беларусь на конец марта 2018 года молодежь среди безработных составляла 20,9% (4786 чел.) [3].

Проблемы трудоустройства молодежи и привлечения квалифицированных специалистов для восполнения кадров и развития кадрового потенциала предприятий региона взаимосвязаны и относятся к числу тех проблем, которые в современных условиях непосредственно влияют на конкурентоспособность и экономическое благополучие страны. Определенные проблемы имеются и в несогласованности действий разного уровня учебных заведений и потребностей рынка труда.

По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь именно выпускники ПТУ, ССУЗов, вузов составляют 1,6% в общем числе безработных, школ – 1 %, также уволенные со срочной службы составляют 1,4 % [3]. Ситуация с выпускниками в общем составе безработных не выглядит критической, но это именно те, кто уже закончил учебу, службу в армии и готов работать, однако испытывает невостребованность. Можно предположить, что молодежная безработица является более многочисленной, так как не все молодые люди регистрируются в службе занятости, у них имеется возможность пожить пока за счет родителей. Социологические исследования позволяют посмотреть на ситуацию и с субъективной стороны. Опрос проводился Отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости».

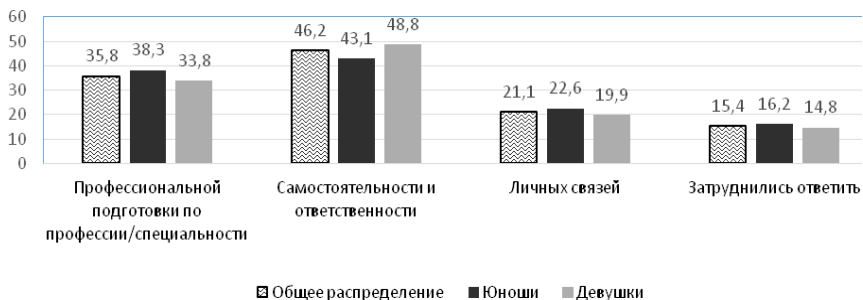

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Чего, по вашему мнению, не хватает молодым людям для начала самостоятельной трудовой жизни?», %

В первую очередь молодые люди указывают на недостаточность самостоятельности и ответственности. В настоящее время много говорится о социальной пассивности молодежи, исследователи называют данное явление социальным инфантилизмом, когда человек не желает принимать на себя новые обязанности и обязательства в связи со взрослением, что считается результатом нарушений в процессе социализации. Это выражается в неосознанности значимости удовлетворения разного рода потребностей через трудовую деятельность в том числе и для личного благополучия. Возможно, по этой же причине мы можем наблюдать достаточно большое количество затруднившихся ответить на этот актуальный для молодежи вопрос. Примерно треть указывает на проблемы с профессиональной подготовкой, т.е. молодежь ощущает недостаток знаний, навыков, компетенций после учебных заведений, требуемых для начала самостоятельной работы. Не утрачивают своей значимости и личные связи, т.е. идет не только конкуренция за счет способностей и трудолюбия, но и применяются так называемые каналы неинституциональной мобильности, т.е. трудоустройство через родственников, знакомых. Результаты показывают почти полное отсутствие различий в ответах юношей и девушек, хотя, как известно, специфика гендерной социализации может сказываться на шансах на рынке труда, а также на представлениях и установках в отношении трудовой деятельности.

Ускоренные темпы научно-технического прогресса заставляют задумываться о перспективности получаемой или уже имеющейся профессии. Закономерно возникает вопрос: кто может оказаться в привилегированном положении на рынке труда в ближайшие годы? В связи с производственными изменениями в таких классических отраслях, как металлургия, текстильная, машиностроение и т.д., возможно сокращение потребности в профессиях, обслуживающих эти отрасли. Мировой рынок заставляет нашу страну считаться с конкуренцией товаров иностранного производ-

ства, например, в легкой промышленности, производстве электронной и бытовой техники, продуктов питания. С определенной долей уверенности специалисты утверждают, что в ближайшем будущем, вероятно, большим спросом будут пользоваться профессии, связанные с информационными технологиями, разными видами связи, транспортной инфраструктурой, формирования структур регулирования рынком. В принципе, значительные перспективы на рынке профессий у тех, кто посвятил свою жизнь строительству, особенно индивидуально жилищному строительству, а также сельскому хозяйству. Большинство из этих сфер активно осваиваются молодыми. Молодежь довольно чутко реагирует на изменения в экономической ситуации, и ее интересы направлены, в первую очередь, в те сферы занятости, в которых выше престиж и уровень доходов. Это обстоятельство может вызывать определенные перекосы на рынке труда, что влечет трудности с молодежным трудоустройством. В качестве основной причины респонденты указали требование работодателей иметь опыт работы.

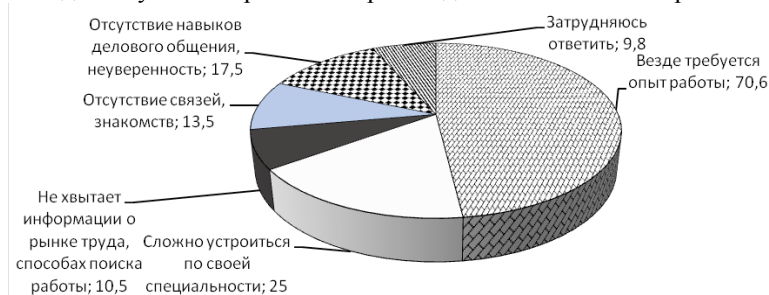

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В чем, на ваш взгляд, заключаются основные трудности молодежи при трудоустройстве?», %

Необходимость наличия опыта работы нередко – противоречие между оценкой работодателем молодого начинающего работника и самооценкой последнего, а результатом этого противоречия очень часто становится невозможность трудоустройства. В условиях рыночной экономики наниматель несет ответственность за производственный процесс, коллектив поэтому заинтересован в опытных и надежных работниках. В этой ситуации молодые серьезно проигрывают другим возрастным группам. Каждый четвертый указал, что имеются сложности с трудоустройством именно по своей специальности. Можно предположить, что это результат того, что еще на стадии профессионального определения срабатывают мотивы ориентации на модные, престижные специальности, а как следствие, возникают перекосы на рынке труда – в каких-то сферах переизбыток, а в каких-то нехватка кадров. Неуверенно чувствуют себя молодые и в своих компетенциях, т. е.

навыках коммуникации, способах поиска работы и трудоустройства. Наниматели отмечают, что для молодых работников характерно сочетание высокого уровня теоретической подготовки и отсутствия практических навыков и производственного опыта. В то же время осознание молодым человеком своей хорошей подготовленности, наличие определенных профессиональных амбиций и честолюбия, стремление к успехам в карьере являются положительным фактором, но могут сформировать у молодежи завышенные требования к будущему рабочему месту как с точки зрения характера, условий и содержания труда, так и с точки зрения его оплаты. Стоит отметить, что значительная часть молодого поколения не желает устраиваться на непрестижную, низкооплачиваемую работу, что говорит о неготовности к складывающейся в условиях рыночной экономики ситуации.

Список источников

1. Об основах государственной молодежной политики: Закон Респ. Беларусь, 7 декабря 2009 г. № 65-З : в ред. Законов Республики Беларусь от 10.01.2011 № 242-З, от 10.07.2012 № 426-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Численность населения по областям и г. Минску / Национальный статистический комитет РБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/chislnnost-naseleniya-po-oblastyam-i-g-minsku/. – Дата доступа: 08.11.2018.
3. Ситуация в сфере занятости и безработицы в Республике Беларусь / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mintrud.gov.by/ru/sostojanie>. – Дата доступа: 08.11.2018.

УДК 340.612.476.

ДОГОВОР ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Лукашук Татьяна Васильевна,

Оперативная таможня, старший оперуполномоченный по особо важным делам ОПО № 2 (г. Минск, Беларусь)

Рассматриваются вопросы квалификации договорных отношений с участием экспедитора в сфере перевозок грузов. Раскрывается понятие «нахождение груза в ведении экспедитора». На основании исследования научных и нормативных правовых источников, анализа практики экономических судов по рассмотрению споров, вытекающих из неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по перевозке грузов с участием экспедитора, вносятся предложения, направленные на совершенствование правоприменительной практики в рассматриваемой области.

Глобализация экономики и сопровождающие ее процессы расширения внешнеторгового оборота, реализация мощного транзитного потенциала Беларуси требуют новых подходов к развитию транспорта, новых высокоэффективных технологий оказания транспортных услуг на территории Республики Беларусь. Процесс транспортно-экспедиционного обслуживания основан в настоящее время на создании и использовании логистических транспортно-распределительных сетей, которые создаются между производителями продукции, экспедиторами и торгующими организациями и составляют основу рациональной системы товародвижения.

Понимая важность транспортно-экспедиционной деятельности для экономики, наше государство, как и некоторые соседние, постоянно совершенствует ее правовое регулирование. Несмотря на происходящие изменения, некоторые противоречия и пробелы в использовании договора транспортной экспедиции в логистической деятельности все-таки сохраняются. Нами были предприняты попытки выявить данные проблемы и предложить пути их решения.

Во-первых, требует решения вопрос о возможности заключения договора транспортной экспедиции между двумя экспедиторами. Пункт 1 ст. 755 ГК Республики Беларусь устанавливает, что по договору транспортной экспедиции одна сторона (экспедитор) обязуется за вознаграждение и за счет другой стороны (клиента – грузоотправителя или грузополучателя) выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой грузов. Таким образом, ГК сужает субъектный состав лиц, которые могут являться клиентами экспедитора. Данная проблема может быть решена только внесением соответствующих изменений в ст. 755 ГК Республики Беларусь.

Во-вторых, необходимо законодательно закрепить определение понятия «нахождение груза в ведении экспедитора». Экспедитор несет ответственность за причиненный ущерб в связи с утратой или повреждением груза, а также за задержку в доставке груза, если обстоятельства, вызвавшие эту утрату, повреждение или задержку, имели место во время нахождения груза в его ведении и если экспедитором не будет доказано, что он принял все необходимые меры для избежания таких обстоятельств и их последствий. Мы считаем, что необходимо использовать при составлении договора транспортной экспедиции следующую формулировку: «Груз считается находящимся в ведении Экспедитора с момента, когда в накладной «CMR» сделана отметка о принятии груза Экспедитором или привлеченным им перевозчиком». Доказательством принятия груза в ведение Экспедитора является товарно-транспортная накладная (накладная «CMR») с отметкой Экспедитора или его представителя [1, с. 148].

В-третьих, практически не изучен вопрос о разграничении договора транспортной экспедиции с непоименованными транспортными договорами. Данный вопрос нуждается в изучении, как на практическом, так и на теоретическом уровне. Перечень услуг, связанных с перевозкой груза, довольно неопределенный. В связи с этим обосновывается вывод о необходимости определить, какие услуги составляют конструктивную часть договора транспортной экспедиции, без наличия которых он теряет свою правовую природу, а также какие услуги, например, погрузка и выгрузка груза, являются лишь логическим завершением хозяйственной деятельности экспедитора и включаются в договор транспортной экспедиции как случайные условия. Это позволит окончательно выделить договор транспортной экспедиции из обширной группы возмездно оказываемых услуг, особенно из группы непоименованных транспортных договоров.

В-четвертых, необходимо также обратить внимание на срок исковой давности, по требованиям, вытекающим из договора транспортной экспедиции, который составляет десять месяцев. До вступления в силу Закона применительно к отношениям, вытекающим из договора транспортной экспедиции, действовал общий срок исковой давности – три года. Если договор транспортной экспедиции содержит в себе иностранный элемент (например, одна из сторон – иностранный субъект), к договору может применяться иностранное право и срок исковой давности может быть, соответственно, иным. Для сравнения отметим, что, например, российским законодательством для требований, вытекающих из договора транспортной экспедиции, установлен срок исковой давности в один год. Причем указанный срок исчисляется со дня возникновения права на предъявление иска. В соответствии с вышесказанным, мы считаем, что срок исковой давности в соответствии со ст. 32 Женевской конвенции о договоре международной перевозки грузов 1956 г. (Конвенция КДПГ) составляет один год, однако в случае злоумышленного поступка или вины, которая согласно закону, применяемому разбирающим дело судом, приравнивается к злоумышленному поступку, предельный срок давности устанавливается в три года. Если исходить из того, что договор транспортной экспедиции связан с перевозкой груза, то и сроки исчисления исковой давности должны быть увязаны со сроками исковой давности по договорам перевозки грузов. Статьей 751 ГК Республики Беларусь предусмотрено, что сроки исковой давности по требованиям, вытекающим из перевозки груза, устанавливаются в один год с момента, определяемого законодательством. А поскольку договор транспортной экспедиции имеет много общего с договором перевозки, то в связи с этим хотелось бы высказать предложение о внесении изменений в ст. 31 Закона и продлить срок исковой давности до одного года. А также дополнить ст. 755 ГК Республики Беларусь сходным положением.

В-пятых, в законодательстве не приводится различие между экспедиционными и экспедиторскими услугами: 1) экспедиционные – сопровождение груза; 2) экспедиторские – более широкое понятие и включает в себя помимо экспедиционных, множество иных связанных с перевозкой услуг.

Отсутствие легальных оснований различения о трудности толкования закона при неразличении терминов «экспедиторские» и «экспедиционные» допускает в настоящее время использовать их как тождественные. Хотелось бы высказать предложение о внесении изменений в ст. 1 Закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» и, обратившись к мировой практике, разграничить данные термины.

Приведенные выше факты еще раз подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования национального законодательства о транспортной экспедиции, сближению его с аналогичным законодательством соседних государств.

Список источников

1. Лукашук, Т. В. Отдельные аспекты совершенствования договора транспортной экспедиции / Т. В. Лукашук // Тезисы докладов межвузовской научной конференции студентов и аспирантов: 20 апр. 2011 г.; под ред. Т. Д. Автухович. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2011.

УДК 347.961

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ НОТАРИУСА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВЗЫСКАНИЯ БЕССПОРНОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Медведев Игорь Владимирович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Совершение исполнительной надписи нотариусом – это внесудебная процедура взыскания задолженности, которая предполагает отсутствие спора между кредитором и должником.

Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок совершения исполнительных надписей, являются Закон Республики Беларусь от 18.07.2004 № 305-3 «О нотариате и нотариальной деятельности», Инструкция о порядке совершения нотариальных действий, утвержденная постановлением Министерства юстиции от 23.10.2006 № 63, Указ Президента Республики Беларусь от 11.08.2011 № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» (далее – Указ № 366), а также по-

становление Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2006 № 1737 «Об утверждении перечня документов, по которым взыскание производится в беспорном порядке на основании исполнительных надписей».

Исполнительная надпись в соответствии с ч. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 24.10.2016 № 439-3 «Об исполнительном производстве», а также ч. 3 п. 2 Указа № 366 является исполнительным документом. Перечень документов, представляемых нотариусу для совершения исполнительной надписи, зависит от вида беспорного требования.

После получения исполнительной надписи кредитор, как и в случае с судебным приказом (определением о судебном приказе), предъявляет ее в банк для списания с должника денежных средств в беспорном порядке. При отсутствии денежных средств на расчетном счете должника на основании данного исполнительного документа возбуждается исполнительное производство.

Следует отметить, что п. 1 Указа № 366 не предусматривает возможность совершения нотариусами исполнительных надписей о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в рамках ст. 366 Гражданского кодекса Республики Беларусь. При этом, по мнению Верховного Суда Республики Беларусь, препятствий для взыскания процентов по беспорным требованиям нет [1, п. 7]. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что нотариусы отказывают в совершении исполнительной надписи по указанному требованию.

В соответствии с ч. 1 ст. 54 Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» исполнительная надпись совершается в день обращения кредитора за ее совершением. Для выполнения большого объема работы, необходимой при совершении исполнительной надписи, данный срок продлевается до 3 дней. Как показывает практика, прибегая к взысканию задолженности путем совершения исполнительной надписи, следует ориентироваться именно на 3-дневный срок ввиду необходимости проверки нотариусом предоставленных ему документов.

Среди преимуществ совершения исполнительной надписи следует отметить то, что исполнительная надпись вступает в силу в день ее совершения; сумма издержек по исполнительной надписи значительно меньше по сравнению с затратами в случае обращения в суд; снижение временных затрат сторон по доставке документов в суд; обращаться можно к любому нотариусу вне зависимости от нахождения должника или кредитора; взыскание по исполнительной надписи может осуществляться сразу после ее совершения (то есть должник не успеет продать имущество и уйти от ответственности, в отличие от длительных судебных процессов).

Выделяя определенные преимущества, следует обратить внимание на некоторые недостатки, присущие этой процедуре. В первую очередь, за со-

вершением исполнительной надписи нельзя обратиться, если со дня возникновения права на иск прошло более трех лет [2, ст. 95], также следует отметить, что законодательством не предусмотрено возмещение расходов по оплате юридических услуг.

Несмотря на все отмеченные достоинства и недостатки исполнительной надписи, на практике возникает вопрос о том, стоит ли извещать должника об обращении к нотариусу с заявлением о совершении исполнительной надписи. Нормы законодательства не содержат условия о необходимости извещения, при этом на практике по этому поводу также возникает ряд вопросов. Ввиду этого целесообразно предусмотреть в законодательстве норму о необходимости извещения должника об обращении кредитора к нотариусу за совершением исполнительной надписи.

Список источников

1. Об отдельных вопросах судебной практики при взыскании денежных сумм [Электронный ресурс] : разъяснения Верховного суда Республики Беларусь от 07 апр. 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О нотариате и нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г., № 305-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О некоторых вопросах нотариальной деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 11 авг. 2011 г., № 366 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г., № 439-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347.454.3

К ВОПРОСУ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Рачковская Екатерина Андреевна,

Филиал № 2 ОАО «Белсвязьстрой» (г. Витебск, Беларусь)

В условиях развития конкурентной среды в строительной деятельности самостоятельное значение приобретают договорные отношения. В настоящее время договор строительного подряда является основным юридическим документом, регулирующим отношения, связанные с выполнением строительных и монтажных работ. Тем не менее, стороны нередко допускают ошибки при его заключении. Недостаточно внимательное отношение сторон к содержанию договора может повлечь негативные последствия, в том числе стать причиной признания такого договора незаключенным.

По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить строительные и иные специальные монтажные работы и сдать их заказчику, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять результаты этих работ и уплатить обусловленную цену [1].

Недостаточно внимательное отношение к процессу заключения договора может стать причиной признания его в дальнейшем незаключенным, повлечь установление факта ничтожности сделки, признания договора недействительным в судебном порядке либо возникновения иных негативных последствий, касающихся выполнения сторонами договорных обязательств.

Незаключенность договора, по своей правовой природе означает отсутствие сделки как таковой. Естественно, что договор, признанный незаключенным, не влечет для сторон никаких правовых последствий. Чаще всего незаключенными признаются договоры, в которых между сторонами не достигнуто соглашение в отношении существенных условий договора.

При заключении договора строительного подряда можно выделить как минимум следующие блоки вопросов, требующих особого внимания:

а) предварительные требования, предъявляемые к заказчику и подрядчику;

б) требования к форме и условиям договора, в том числе существенным;

в) требования, связанные с прилагаемой к договору документацией. [2, с. 5].

Таким образом, в соответствии с п. 8 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда № 1450 (далее – Правила) договор заключается при наличии у заказчика:

- разрешительной документации на проектирование, возведение, реконструкцию, реставрацию объекта, выданной местным исполнительным и распорядительным органом в установленном порядке (кроме объектов, при строительстве которых в соответствии с законодательством получение разрешительной документации не требуется или договором предусматривается строительство объекта «под ключ»);

- выписки из регистрационной книги о правах, ограничениях (обременениях) прав на земельный участок, на котором будет осуществляться строительство, выданной не ранее чем за 30 дней до даты заключения договора;

- проектной документации на возведение, реконструкцию, реставрацию, капитальный ремонт, благоустройство объекта, прошедшей государственную экспертизу в случаях и порядке, установленных законодательством, и утвержденной в установленном порядке (далее – проектная доку-

ментация), если обязанность по обеспечению проектной документацией не возлагается договором на подрядчика;

- протокола о результатах проведения подрядных торгов и выбора их победителя, если проведение подрядных торгов является обязательным;

- документов, подтверждающих право на осуществление архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, в случаях, предусмотренных законодательством;

у подрядчика:

- документов, подтверждающих право на осуществление архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, в случаях, предусмотренных законодательством;

- в штате аттестованных специалистов [3].

Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит обязательные нормы, регулирующие договорные отношения. Так, согласно ч. 1 ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [1].

В соответствии с п. 10 Правил к существенным условиям договора строительного подряда относятся:

- предмет договора (наименование и местонахождение объекта, виды строительных работ, подлежащих выполнению, и их объемы);

- указание на выполнение строительных работ собственными силами подрядчика либо с привлечением субподрядчиков;

- сроки (число, месяц и год) начала и завершения строительства объекта (выполнения строительных работ). По согласованию сторон могут быть предусмотрены также сроки начала и завершения отдельных видов (этапов) строительных работ (промежуточные сроки);

- договорная (контрактная) цена или способ ее определения;

- порядок и сроки представления проектной документации, ее содержание и состав, количество представляемых экземпляров;

- порядок расчетов за выполненные строительные работы;

- источники и объемы финансирования по каждому из источников, в том числе с выделением суммы обязательств на текущий финансовый год;

- ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств;

- обязанности заказчика и подрядчика при исполнении договора;

- форма обеспечения исполнения подрядчиком обязательств по устранению результата строительных, специальных, монтажных работ ненадлежащего качества, выявленного в период гарантийного срока эксплуатации объекта строительства жилищного, социально-культурного, коммунально-бытового назначения, в соответствии с законодательством [3].

Под условием выполнения работ следует понимать способ выполнения работы: лично либо с привлечением других лиц (субподрядчиков). В целях исключения негативных последствий условие о привлечении субподрядчиков должно быть согласовано в письменной форме. Данное согласие необходимо согласовать в договоре либо оформить дополнительным соглашением к договору строительного подряда.

Также срок начала и окончания выполнения работ следует указать конкретной датой: день, месяц, год.

В соответствии с п. 17 Правил сроки строительства объекта (выполнения строительных работ), устанавливаемые в договоре, не должны превышать продолжительности строительства, определенной проектной документацией и условиями подрядных торгов [3].

Сторонам следует помнить о том, что если источником финансирования является бюджет, то каждый год необходимо вносить дополнения (изменения) в договор с учетом размера финансирования.

В соответствии с п. 87 Правил по соглашению сторон, установленные настоящими Правилами размеры ответственности могут быть увеличены. Стороны вправе установить в договоре за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств иные, не предусмотренные настоящими Правилами виды и размеры ответственности, не противоречащие законодательству [3].

Таким образом, по соглашению сторон размер ответственности, установленный Правилами, может быть лишь увеличен.

Каждая из сторон, на стадии заключения договора имеет право указать условия, которые по ее мнению должны быть указаны в договоре, как существенные. В целях избежания возможных споров необходимо такие условия направлять в письменной форме заказной корреспонденцией или иным способом, позволяющим установить получение данного условия контрагентом.

Таким образом, отсутствие согласования сторонами какого-либо из существенных условий договора, влечет признание данного договора незаключенным. В этом случае для сторон возникнут следующие негативные последствия: заказчик не сможет потребовать от подрядчика выполнения работы, а подрядчик не сможет взыскать стоимость выполненных работ. Также заказчик/подрядчик не смогут применить нормы о неустойке либо иной ответственности [4].

Во избежание последствий признания договора строительного подряда незаключенным, сторонам следует внимательно подходить к содержанию договора строительного подряда и наличию в нем существенных условий, установленных действующим законодательством Республики Беларусь.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Телегин, А. Особенности заключения договора строительного подряда / А. Телегин // Библиотечка журнала юрист в строительстве. – 2013. – № 1. – С. 5–14.
3. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 сентября 1998 г., № 1450: в ред. от 10.04.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. О некоторых вопросах рассмотрения споров, возникающих из договора строительного подряда [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 19 сентября 2012 г. № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347.62

УСЛОВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Орловская Дарья Романовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования института брака, в частности, проведен анализ условий заключения брака, особенностей снижения брачного возраста, а также обстоятельств препятствующих заключению брака по семейному законодательству Республики Беларусь.

Брак – добровольный союз мужчины и женщины, который заключается в порядке, на условиях и с соблюдением требований, определенных законодательством Республики Беларусь, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности.

Условиями заключения брака являются обстоятельства (юридические факты), закрепленные в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 года (далее – КоБС), и необходимые для государственной регистрации заключения брака, признания брака действительным. Так, согласно

статье 17 КоБС условиями заключения брака являются: взаимное согласие лиц, вступающих в брак, достижение ими брачного возраста и отсутствие препятствий к заключению брака, предусмотренных настоящим Кодексом.

По мнению В. Г. Тихины В.Г. термин «взаимное согласие лиц, вступающих в брак» означает, что при заключении брака имеет значение только свободное волеизъявление самих лиц, вступающих в брак, которые отдают себе отчет в своих действиях, понимают смысл и последствия регистрации брака. Желание стать мужем и женой должно исходить непосредственно от жениха и невесты. В Республике Беларусь нельзя заключить брак заочно или по доверенности с помощью представителя. Никто не может быть принужден к заключению брака под влиянием насилия, угрозы или иного противоправного воздействия на психику лиц, вступающих в брак. Согласие на вступление в брак, сопровождаемое какими-либо оговорками, следует рассматривать как отказ от заключения брака [4, с. 79].

Кроме того, по закону требуется не только взаимное согласие вступающих в брак, но и достижение ими брачного возраста. По законодательству Республики Беларусь брачный возраст устанавливается в возрасте восемнадцати лет. Совершеннолетие является той возрастной границей, при достижении которой молодые люди становятся полноправными гражданами: они обретают гражданскую дееспособность, становятся субъектами избирательного права, на них возлагается военная обязанность и тому подобное. Предельного возраста для вступления в брак или предельной разницы в годах между вступающими в брак закон не устанавливает.

Достижение брачного возраста требуется не на момент подачи заявления в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, а на момент регистрации заключения брака. Поэтому заявление о вступлении в брак может быть принято и от лица, которое достигает брачного возраста в день регистрации заключения брака.

В основном, на практике брак заключают лица, которые уже достигли совершеннолетнего возраста, как и установлено законом, но встречаются и ситуации, когда брачный возраст, то есть восемнадцать лет, еще не достигнут лицами, вступающими в брак, но у них существует ряд причин, по которым им необходимо создать семью. В Республике Беларусь, как и во многих государствах мира, лицам, которые решили вступить в брак, разрешено снизить брачный возраст. Однако не любая пара может прийти в государственные органы и получить разрешение на снижение брачного возраста, поскольку законодатель предусмотрел исключительные случаи, которые и будут являться основанием для снижения брачного возраста. Такие положения законодательно закреплены в статье 18 КоБС, вступление в брак допускается по достижении гражданами восемнадцатилетнего воз-

раста, а к упомянутым исключительным случаям относятся: беременность, рождение ребенка (причем, не имеет значения факт родства ребенка по отношению к будущему супругу) либо приобретение несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия [2].

В соответствии со статьей 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года лицо, которое достигло шестнадцатилетнего возраста, может быть объявлено полностью дееспособным, если оно работает по трудовому договору (контракту), или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью [1].

При наличии таких обстоятельств лицам, желающим вступить в брак, необходимо обратиться в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, с заявлением о снижении брачного возраста, при этом согласия родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется. Однако и здесь существуют ограничения, а именно: брачный возраст можно снизить не более чем на три года (для сравнения – в Российской Федерации брачный возраст можно снизить только на два года). Следовательно, только по достижении пятнадцати лет можно заключить брак при условии снижения брачного возраста. Решения других органов или должностных лиц о снижении брачного возраста не имеют юридической силы и не являются основанием для регистрации брака несовершеннолетнего. Это правило необходимо для обеспечения равноправия супругов в браке, что является одним из основных принципов семейного права, а также для осуществления лицом, вступившим в брак до восемнадцати лет, прав и обязанностей по воспитанию детей в полном объеме.

Наряду с условиями вступления в брак законодательством предусмотрены обстоятельства, создающие препятствия для заключения брака. Препятствия к заключению брака – это обстоятельства, при которых заключение брака не допускается. Они являются правопрепятствующими юридическими фактами [4, с. 82].

Законодатель устанавливает исчерпывающий перечень препятствий к заключению брака. Так, не допускается заключение брака:

- во-первых, между лицами, из которых хотя бы одно лицо состоит уже в другом браке, зарегистрированном в установленном порядке. Никто не вправе заключить новый брак до тех пор, пока заключенный ранее брак не прекратился в связи со смертью супруга, объявлением одного из супругов умершим, разводом или с признанием его недействительным. Когда прекращение брака соответствует закону, никаких ограничений для вступления в повторный брак закон не устанавливает (например, «запретительных сроков» после развода, «траурных сроков» после смерти супруга). Однако если кто-то из них (жених или невеста) находится в фактических

брачных отношениях, то есть без регистрации брака, они не могут служить препятствием к заключению брака;

- во-вторых, не допускается заключение брака между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, к которым относятся родители, дети, внуки, дед и бабушка, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными. Родство отдаленных степеней не является препятствием к заключению брака.

Запрет на заключение брака между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными имеет биологическое и нравственное значение. Согласно с мнением М. П. Короткевич, браки между близкими родственниками существенно повышают вероятность передачи по наследству многих наследственных заболеваний [3, с. 126].

Во многих зарубежных странах заключение кровосмесительных браков влечет уголовную ответственность, однако Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 такого состава преступления не предусматривает. Исходя из морально-этических соображений, не могут заключить брак между собой усыновитель и усыновленный (до тех пор, пока существует усыновление), поскольку усыновленный полностью приравнивается законом к родным детям усыновителя. Не содержится в статье 19 КоБС и прямого запрета на заключение брака между усыновленными детьми и родными детьми усыновителя, а также усыновленными детьми между собой;

- в-третьих, запрещаются браки между лицами, если одно из них является недееспособным, вследствие душевной болезни или слабоумия, поскольку недееспособный гражданин не в состоянии осознанно решить вопрос о вступлении в брак, с душевнобольным невозможна нормальная семейная жизнь, рожденные в таком браке дети могут также оказаться умственно неполноценными. Однако в этом случае необходимо признание данного лица недееспособным в судебном порядке.

Скрытие лицом, вступающим в брак, обстоятельств, препятствующих его заключению, является основанием для признания брака недействительным.

Исходя из вышеизложенного, условиями заключения брака являются определенные законодательством обстоятельства, наличие которых необходимо, для того чтобы брак имел юридическую силу. Их соблюдение свидетельствует о законности заключенного брака, поэтому, придавая большое значение государственной регистрации брака, закон устанавливает обязательные условия его заключения. Приведенный перечень обстоятельств, препятствующих заключению брака, является исчерпывающим, иных ограничений и запретов к вступлению в брак закон не предусматривает.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 135-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 135-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Короткевич, М. П. К вопросу об условиях заключения брака по законодательству Республики Беларусь / М. П. Короткевич // Проблемы управления. – 2010. – № 4 (37). – С. 123–129.
4. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С. М. Ананич [и др.] ; под ред. В. Г. Тихини, В. Г. Голованова, С. М. Ананич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с.

УДК 347.67

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНСТИТУТОВ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Свиридова Елена Александровна,

Брянский филиал ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г. В. Плеханова»

(г. Брянск, Россия)

В статье рассматриваются отдельные аспекты использования в российской и белорусской правоприменительной практике гражданско-правовой юридической терминологии. Автором выделены особенности терминологической системы институтов наследственного права и ее использования в процессе преподавания дисциплин гражданско-правового цикла российским и белорусским студентам направления «Юриспруденция».

Необходимость исследования специфики использования в образовательном процессе специальной юридической терминологии студентами вуза обусловлена усилением внимания к самим терминам, во-первых, как средствам вербализации научного понятия, и, во-вторых, как средствам научного познания.

Терминология (терминологическая система) любой отрасли права строится на основе понятийных связей профессиональных знаний, выраженных языковыми средствами. Терминология наследственного права представляет собою замкнутую систему, в которой каждый термин зани-

мает определенное место по соподчиненности с другими терминами. Подобная система создается в ходе классификации, систематизации и определения научных понятий.

Приступая к анализу особенностей использования в образовательном процессе терминологической системы институтов наследственного права, стоит обратиться непосредственно к понятию терминологии. По мнению В. М. Лейчика терминологию стоит понимать, как «совокупность лексических единиц естественного языка, обозначающих понятия определенной специальной области знаний или деятельности, стихийно складывающуюся в процессе зарождения и развития этой области» [4, с. 65]. Д. С. Лотте, впервые поставивший вопрос о системности терминов, обозначил требование обязательной принадлежности терминологической единицы к терминологической системе [6, с. 48–57].

В своей научной работе «Место терминологии в системе современных наук (к постановке вопроса)» В. М. Лейчик подчеркивает, что словом «терминология» обозначают как совокупности терминов различных областей производства, техники, науки, искусства, общественной жизни и прочее, так и науку о них [5, с. 5–7]. В указанной работе автором отмечается, что системность терминологии требует соблюдения определенных условий:

- а) терминологическая система должна основываться на классификации понятий;
- б) необходимо выделять терминируемые признаки и понятия, основываясь на классификационных схемах;
- в) слова должны отражать общность терминируемого понятия с другими и его специфичность.

По мнению ученых, терминология формируется стихийно, отображая в себе объективный процесс формирования некоей отрасли деятельности, и ее системность может быть частичной. Терминологическая система, в свою очередь, формируется искусственно, представляя собой языковую модель определенной специфической области знаний и отражая ее структуру.

Современными исследователями принято разделять совокупности терминов на два вида: собственно терминология и терминологические системы.

Термины наследственного права формируют свои системы, определяемые, в первую очередь, понятийными связями профессионального знания при стремлении выразить эти связи языковыми средствами. Таким образом, можно утверждать, что язык в определенной степени является структурным элементом научного знания. Стоит отметить, что важнейшим средством разделения терминов и нетерминов служит проверка на дефинитивность, т.е. установление, поддается ли конкретный термин строгому научному определению. Дефиниция термина должна давать общее представление о

каком-либо объекте, устраняя при этом возможную неоднозначность, которая свойственна одноименному слову [7, с. 163–168].

В ходе исследования терминологической системы институтов наследственного права России и Беларуси, стоит отметить, что в тексте Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ), а именно в разделах, регулирующих наследственные правоотношения, используются три вида терминов:

1) общеупотребляемые, т.е. такие термины, которые по смыслу известны всем (например, «документ», «имущество», «гражданин» и т.п.);

2) специально-технические, т.е. такие термины, которые имеют смысл, принятый в определенной области специальных знаний (например, «имущественный комплекс», «чрезвычайные обстоятельства» и т.п.);

3) специально-юридические, т.е. термины, имеющие особый юридический смысл, отражающий специфику того или иного правового понятия (например, «душеприказчик», «наследственная трансмиссия», «коммоиенты», «отказополучатель» и т.п.). Необходимо обратить внимание на тот факт, что специально-юридическая терминология ни в коем случае не ограничивается набором сложных юридических слов. По сути дела, в нормативно-правовых актах выражения и слова, которые, на первый взгляд, относятся к общеупотребляемым терминам, в действительности имеют специфическое правовое содержание, причем в ряде случаев глобально отличающееся от общеупотребляемого [3, с. 493–495].

Обратимся к значимому термину наследственного права – «недействительность завещания». При буквальном толковании статьи 1131 ГК РФ и статьи 1052 ГК РБ «Недействительность завещания» приходим к выводу, что завещание признается судом недействительным по иску лица, чьи права и законные интересы нарушены таким завещанием, при несоблюдении правил о форме, содержании завещания и иных условий, установленных ГК РФ [1; 2].

Хотелось бы отметить, что терминология наследственного права отличается богатством, своеобразием и древним происхождением понятий. Почти все определения данной подотрасли гражданского права являются аналогами или дословным переводом древнеримских терминов.

По мнению автора, в процессе преподавания гражданско-правовых дисциплин, в частности «Наследственного права», а также изучения отдельных наследственных правоотношений, значимость терминологии нельзя недооценивать. Студенты российских и белорусских вузов должны усвоить, что от точности употребления терминов в Гражданском кодексе Российской Федерации и Гражданском кодексе Республики Беларусь, а также иных отраслевых нормативных актах во многом зависит точность выражения воли законодателя, отсутствие неоднозначного толкования правовых

норм, а, следовательно, и результативность того или иного закона. Исследователи закономерностей развития государственно-правовых явлений отмечают, что терминологическая развитость законодательства свидетельствует об уровне культуры законотворчества. Чем богаче терминологический фонд, подробнее отработана и шире используется законодательная терминология, тем в большей мере достигается устойчивость, эффективность и лаконичность закона. Существует научное мнение о том, что употребление в законе исключительно терминов – это идеал, к которому право стремится и которого оно никогда не достигнет из-за сложности самой действительности, составляющей предмет права и его цель.

Думается, что юридическая терминология и, в частности, терминология институтов наследственного права в российском и белорусском образовательном процессе должна презентоваться студентам направления «Юриспруденция» на занятиях в разных блоках информации: лекционном материале, текстах учебников и учебных пособий по праву, статьях энциклопедических и толковых словарей, тематических справочниках, учебных словарях терминов и понятий и пр.

В преподавании «Наследственного права» перед изучением любого института необходимо ознакомить студентов с используемой в нем терминологией. Понимая значение термина, обучающийся значительно легче освоит взаимозависимость научных понятий. При этом методика использования в образовательном процессе терминологии институтов «Наследственного права» должна быть усовершенствована до такой степени, чтобы не приводить к перенасыщению информацией и потере интереса у обучающихся. Учебный материал данной дисциплины необходимо разбить на отдельные темы (институты «Наследственного права»), последовательность освоения которых не должна быть хаотична, а подчинена принципам информативной преемственности, т.е. каждый последующий изучаемый институт должен являться логическим продолжением предыдущего. Можно сказать, что одной из главных задач преподавания дисциплины «Наследственное право» является создание у студентов при помощи юридической терминологии гибкой системы знаний, способствующих их саморазвитию.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001г. № 146-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7.12.1998 г. № 218-3 // Ведомости Национального собрания РБ, 1999 г., – № 7–9 – ст. 101.
3. Венгеров, А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – 6-е изд., стер. – М. : Омега-Л, 2009. – 607 с.
4. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 4-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 256 с.

5. Лейчик, В. М. Место терминологии в системе современных наук (к постановке вопроса) / В. М. Лейчик // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 1969. – № 8. – С. 5–8.
6. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.
7. Мамедов, Э. Ф. Язык закона: к вопросу о значении терминов и дефиниций в текстах нормативных правовых актов / Э. Ф. Мамедов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – № 1(26). – 2014. – С. 163–168.

УДК 346.543.4

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕССИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Становая Ольга Владимировна,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассмотрены основные этапы развития концессионного законодательства в Республике Беларусь. Дана краткая характеристика недостатков и достоинств правового регулирования концессионных отношений на каждом этапе, предложены изменения нормативного регулирования концессионных отношений в гражданском законодательстве Республики Беларусь.

Изучение истории становления и развития концессии как инструмента привлечения инвестиций, способствующего развитию инфраструктуры государства, позволяет установить определенные тенденции и закономерности в развитии концессионных отношений, а использование как позитивного, так и негативного опыта внедрения концессий в Республике Беларусь, в различных условиях социально-политического и экономического развития, позволит усовершенствовать законодательство о концессиях на современном этапе.

В суверенной Республике Беларусь условия сотрудничества между государством и частным бизнесом подразделяются на три этапа: первый связан с принятием Закона Республики Беларусь от 29 мая 1991 года № 824-ХІІ «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» [1] (далее – Закон об ИД) и Закона Республики Беларусь от 14 ноября 1991 года № 1242-ХІІ «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь» [2] (далее – Закон об ИИ), которыми регулировались вопросы осуществления инвестиций в том числе в форме концессий; второй этап развития правового регулирования концессионных отношений определялся вступлением в действие 22 июня 2001 года Инвестиционного кодекса

Республики Беларусь [3] (далее – ИК); правовое регулирование концессионных отношений на современном (третьем) этапе осуществляется на основании Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 63-З «О концессиях» [4] (далее – Закон о концессиях).

Рассматривая принятые на первом этапе законы, которые регулировали концессионные отношения в Республике Беларусь, необходимо отметить, что несмотря на наличие большого опыта использования концессий в годы НЭПа на территории Российской Федерации с достаточно эффективным результатом, а также имеющуюся, «исторически выверенную», нормативно-правовую базу в сфере регулирования концессионных отношений, Республика Беларусь, как суверенное государство, все же пошла иным путем. Сказать, что вышеуказанные законы осуществляли всестороннее и полное регулирование концессионных отношений, невозможно. Так, в Законе об ИД регулированию концессионных отношений была посвящена всего одна статья, в которой была названа форма инвестиционной деятельности – на основе концессий, порядок выдачи концессий, под которым понималось разрешение на осуществление деятельности с объектом исключительной собственности государства, определялся Верховным Советом Республики Беларусь. Говорить о недостатках правового регулирования на данном этапе не имеет смысла, так как анализ вышеуказанных норм говорит скорее об отсутствии правового регулирования концессионных отношений как такового. Однако данный Закон продемонстрировал возможность существования государственно-частного партнерства на основе концессии. Как показала практика, в период действия Закона об ИИ и Закона об ИД не было заключено ни одного концессионного соглашения, более того, не было подготовлено ни одного концессионного предложения.

Необходимость притока иностранного капитала для инвестирования в экономику страны побудила искать формы и методы государственно-частного партнерства, которые являлись бы взаимовыгодными как для государства, так и для самих инвесторов. Таким образом, через 10 лет, с учетом пробелов и недоработок в вышеуказанных законах, 22 июня 2001 года в Республике Беларусь принимается ИК, закрепивший особенности правового регулирования инвестиционной деятельности на основе концессий. Принятию данного нормативного акта предшествовала огромная работа по анализу исторического опыта использования концессий, научных исследований в данной сфере, исследовались мнения специалистов-практиков.

ИК ввел относительно новое понятие концессионных отношений на основе договора, однако, ст. 50 ИК признала тождественными понятие «концессии» и «концессионного договора», что является недопустимым с точки зрения теории правовой науки. Нормами ИК РБ закреплялись виды

концессионных договоров и существенные условия, но подобная правовая конструкция не позволила определить концессионный договор как гражданско-правовой, а, следовательно, применять нормы частного права к проблемным вопросам в области концессионных отношений, которые не были урегулированы ИК. В связи с чем отдельные вопросы по урегулированию концессионных отношений должны были разрешаться путем принятия соответствующего административного акта, что все же говорит о публично-правовом характере концессионного соглашения в период действия ИК.

Тем не менее необходимо отметить и положительные моменты во вновь введенном правовом регулировании концессий. Прежде всего отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении предварительного обеспечения иска и исполнения судебного или арбитражного решения при сотрудничестве с иностранными инвесторами (ст. 75 ИК РБ), т.е. частичный уход от административных методов регулирования; наличие преимущественного права на перезаключение договора (ст. 72 ИК РБ), что обеспечивало гарантию стабильного и долгосрочного сотрудничества государства и частного сектора; изменение условий допускалось только с взаимного согласия сторон, если иное не предусмотрено концессионным договором (ст. 76 ИК), что все же являлось элементом гражданско-правового регулирования концессионных отношений.

Первый для Республики Беларусь опыт привлечения инвестиций на основе концессий удачным назвать нельзя, так как подобное реформирование законодательства произошло в неудачное время, с 2000 года по 2013 год падение мировых цен на нефть происходило пять раз (самый большой в 2008 году, связан с началом глобального экономического кризиса и банкротством банка «Lehman Brothers»), последнее стало шоком для многих инвесторов), инвестиционный климат во всем мире, в том числе и в Республике Беларусь не являлся благоприятным. Смешанная правовая природа концессионного соглашения также негативно влияла на динамику концессионных отношений, так как присутствие властного элемента, вместо договорного, отталкивало потенциальных инвесторов. Но, необходимо отметить, что наличие отдельных положений в ИК, определяющих правовое регулирование концессионных отношений сделали открытой Республику Беларусь для иностранных инвесторов, готовых сотрудничать с белорусской стороной при реализации значимых проектов. Однако нормативная база требовала значительной доработки.

В дальнейшем Республика Беларусь не оставляла попыток привлечь инвесторов в различные проекты, возлагая большие надежды на концессию. В рамках программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011–2015 годы, определившей формирование государственно-частного

партнерства, вместо ИК были разработаны и приняты Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 53-3 «Об инвестициях», определивший общие условия осуществления инвестиционной деятельности, и Закон о концессиях, которым установлены условия заключения и исполнения концессионных соглашений в Республике Беларусь. Таким образом, в Республике Беларусь концессия как способ осуществления инвестиций получила развитие.

Закон о концессиях призван стимулировать привлечение инвестиций в национальную экономику, активизировать деятельность государственных органов в этом направлении, а также обеспечить права и законные интересы как инвестора, так и непосредственно Республики Беларусь. Концессионная деятельность согласно принятому закону должна основываться на концессионном соглашении. Очевидные достоинства концессионных соглашений заключаются в следующем: снятие финансовой нагрузки с государства, т.к. концессионер берет на себя обязательства по финансированию, строительству и обслуживанию объекта, переданного в концессию; между государством и концессионером устанавливаются долгосрочные, стабильные, юридически оформленные отношения; для государства концессия – это возможность привлечения частного капитала без потери стратегического контроля над объектом.

Учитывая такие достоинства, необходимо отметить все же о слабом развитии института концессий в Республике Беларусь. Концессия является новым видом правоотношений, законодательная база разработана не достаточно корректно, имеется ряд пробелов, которые не позволяют отработать концессионную схему на практике. Внесение норм, регулирующих концессионное соглашение, как отдельного института в Гражданский кодекс Республики Беларусь позволит применить нормы частного права к концессионным отношениям, так как исторически доказано, «гражданско-правовой» концессионный договор является экономически более эффективным, чем публично-правовая форма управления концессиями. На основании вышеизложенного необходимо определить правовую сущность концессионного соглашения, разграничить предмет и объект концессионного соглашения, что является пробелом действующего Закона о концессиях, закрепить существенные условия соглашения, права и обязанности сторон исключая нормы административного характера, но соблюдая баланс интересов государства и частного инвестора.

Список источников

1. Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 29 мая 1991 г. № 824-ХП // Белзакон.net. – Режим доступа: http://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/1994/2121. – Дата доступа: 20.10.2018.

2. Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 ноября 1991 г. № 1242-ХП // Информационный портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://naviny.org/1991/11/14/by77587.htm>. – Дата доступа: 20.10.2018.
3. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 22 июня 2001, № 37-3 : Принят Палатой представителей 30 мая 2001 г. : одобр. Советом Респ. 8 июня 2001 г. // Белзакон.net. – Режим доступа: <http://belzakon.net/Кодексы>. – Дата доступа: 05.04.2018.
4. О концессиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347.65/.68

О МЕТОДЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Халецкая Татьяна Михайловна,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

(г. Минск, Беларусь)

В статье исследуется проблема определения понятия «метод наследственного права»; на основе анализа мнений ученых цивилистов делается вывод о том, что метод наследственного права характеризуется диспозитивностью, императивностью, юридическим равенством наследников.

Метод правового регулирования – одна из основополагающих категорий правовой науки. К сожалению, методу наследственного права уделено недостаточно внимания в цивилистической литературе. Данный вопрос либо исследуется в учебниках и учебных пособиях, посвященных наследственному праву, фрагментарно, либо не исследуется вообще. Вместе с тем метод правового регулирования наследственных отношений является наряду с предметом и принципами наследственного права тем характерным признаком наследственного права, который позволяет выделить его в рамках отрасли гражданского права в самостоятельную подотрасль.

Содержащиеся в научной литературе определения понятия «метод наследственного права» не отличаются разнообразием. Так, например, под методом наследственного права Р. Ю. Закиров понимает «систему способов, приемов и средств воздействия на наследственные правоотношения» [8, с. 8]. Методом наследственного права И. Л. Корнеева считает «систему способов, средств и приемов, с помощью которых регулируются наследственные отношения» [10, с. 15]. Системой «способов, приемов и средств, с помощью которых регулируются наследственные отношения», называет метод наследственного права М. Б. Смоленский [11, с. 6]. По мнению С. З. Же-

нетль, под методом наследственного права следует понимать «способ и особенности воздействия норм данной подотрасли» на поведение участников наследственных отношений [7, с. 30]. Не трудно заметить, что во всех приведенных определениях под методом понимается совокупность способов, средств и приемов. Полагаем, что каждый из указанных терминов несет свою смысловую нагрузку и включение их в определение понятия «метод наследственного права» ошибочно. О том, что понятия «метод» и «способ» хотя и близки по своему содержанию, но не совпадают полностью, писал С. С. Алексеев. Способами правового регулирования С. С. Алексеев называл «те пути юридического воздействия, которые выражены в юридических нормах» [1, с. 225]. По мнению ученого, понятие «способ» употребляется только для обозначения строго определенной группы правовых явлений – обязанностей, дозволений и запретов [1, с. 225]. Правовые средства С. С. Алексеев определял как «объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу» [1, с. 223]. Правовые средства – это «инструменты юридического воздействия» [1, с. 223]. Метод правового регулирования С. С. Алексеев определял как приемы юридического воздействия [1, с. 224]. Развивая идеи С. С. Алексеева, В. В. Груздев отмечает: «... метод правового регулирования, с одной стороны, и средства, способы правового регулирования – с другой, различные, но в то же время взаимосвязанные понятия: известные средства и способы обязательно задействуются методом, который иначе оказался бы бессильным. По этой причине средства и способы правового регулирования в их конкретном сочетании выступают своего рода "лакмусовыми бумажками", которые позволяют определить приемы, образующие данный правовой метод» [5, с. 191]. Таким образом, опираясь на идеи С. С. Алексеева и В. В. Груздева, позволим себе утверждать, что метод правового регулирования наследственных отношений должен исчерпываться совокупностью приемов, осуществляемых с использованием определенных средств и способов. При этом к приемам, составляющим частноправовой метод регулирования, относятся координация общего правового положения субъектов, правонаделение, общее дозволение и конкретное дозволение [5, с. 193]. Несомненно, что в наследственном праве используются частноправовые приемы и на эту особенность методов наследственного права указывает Ю. Ф. Беспалов [2, с. 9].

Относительно того, какие именно приемы (а в терминологии большинства авторов – приемы, способы и средства) относить к методам наследственного права, в литературе нет единства мнений. Например, А. Е. Казанцева утверждает, что метод наследственного права может быть определен как «метод универсального правопреемства на базе общеправового ме-

тогда юридического равенства сторон» [9, с. 13]. По мнению С. С. Желонкина и Д. И. Ивашина, методами наследственного права являются: сочетание императивности и диспозитивности; метод юридического равенства наследников при наследовании по закону; метод контроля за осуществлением последней воли наследодателя заключается в наличии специальных субъектов, определяющих правильность приобретения наследственных прав наследниками [6, с. 24]. Метод наследственного права, как утверждает М. Б. Смоленский, характеризуется равенством участников правоотношений, автономией воли участников, обладающих имущественной самостоятельностью [11, с. 6]. В наследственном праве С. З. Женетль выделяет диспозитивный, императивный методы и метод равенства сторон [7, с. 30].

Полагаем, что в свете сказанного выше о методе регулирования наследственных отношений, многое из того, что в литературе относится к методам наследственного права, следует признать не самим методом наследственного права, а его признаками. Именно так поступает В. В. Долинская, которая, рассматривая метод гражданского права, утверждает, что он является дозволительным, диспозитивным, инициативным, обеспечивающим установление гражданских правоотношений на основе правовой и имущественной самостоятельности сторон. При этом к чертам метода гражданско-правового регулирования В. В. Долинская относит: равенство участников гражданских правоотношений; автономию воли участников гражданских правоотношений, а также их имущественную самостоятельность; защиту гражданских прав от правонарушений; имущественный характер гражданской ответственности [8, с. 8].

Бесспорным, на наш взгляд, является выделение таких характеристик метода наследственного права, как диспозитивность и императивность. Диспозитивность метода наследственного права находит свое проявление, например, в праве завещателя распорядиться своим имуществом путем составления завещания, в праве наследников принять наследство или отказаться от него. Императивность же проявляется в установлении требований к форме завещания, в праве на обязательную долю в наследстве, в невозможности принятия лишь части наследства. Не таким однозначным представляется нам выделение такой характеристики метода наследственного права, как равенство сторон. Данный признак выделяется большинством исследователей, однако, встречается и противоположное суждение. Так, И. Л. Корнеева утверждает, что из характеристик метода наследственного права следует исключить «равенство участников наследственных правоотношений» в связи с тем, что наследодатель и наследник очевидно неравны, «поскольку один из них обладает правами и имуществом, а другой их не имеет и зависит исключительно от воли и расположения к нему наследо-

дателя в случаях, когда наследование осуществляется по завещанию» [10, с. 16]. В выводе, сделанном И. Л. Корнеевой, в целом, есть рациональное зерно, однако с обоснованием данного вывода согласиться нельзя. Юридическое равенство, по мнению В. Ф. Чигира, выражается в том, «что ни один из субъектов гражданско-правовых отношений не осуществляет функций власти по отношению к другому» [3, с. 24]. Субъекты гражданских правоотношений «строят свои отношения, как правило, на основе договоров и других волевых актов ... участник правоотношения вправе требовать от другого (других) выполнения определенных действий» [3, с. 24]. Такая трактовка юридического равенства предполагает наличие в правоотношениях как минимум двух субъектов, а в наследственных правоотношениях участник один – наследник, поскольку по справедливому замечанию Ю. К. Толстого «покойники субъектами правоотношений быть не могут» [4, с. 541]. Некоторыми авторами высказывается точка зрения о том, что о юридическом равенстве участников наследственных правоотношений можно говорить и применительно к нотариусу. Так, если завещатель, наследники или заинтересованные лица обращаются к нотариусу, то «их отношения строятся на паритетных началах, не допускающих власти и подчинения» [9, с. 13]. Однако полагаем, что нотариуса нельзя относить к участникам наследственных правоотношений, поскольку ни наследник, ни завещатель, ни заинтересованные лица не вступают с ним в имущественные отношения по поводу наследства, а сам нотариус не имеет никаких имущественных прав в отношении наследства.

Принимая во внимание сказанное выше, полагаем, что о юридическом равенстве, как характерной черте методов наследственного права, можно говорить лишь в части равенства наследников, в том смысле, что они обладают равными правами и обязанностями, как в момент принятия наследства, так и после вступления в наследство.

Список источников

1. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
2. Беспалов, Ю. Ф. Наследственное право / Ю. Ф. Беспалов. – М. : Юнити-Дана, 2010. – 127 с.
3. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / А. В. Каравай [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.
4. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / Е. Ю. Валявина [и др.]. – М. : Проспект, 1999. – Т. 3. – 624 с.
5. Груздев, В. В. О методе гражданского права / В. В. Груздев // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 417. – С. 191–194.
6. Желонкин, С. С. Наследственное право : учеб. пособ. / С. С. Желонкин, Д. И. Ивашин. – М. : Юстицинформ, 2014. – 134 с.
7. Женетль, С. З. Наследственное право / С. З. Женетль. – М. : РИОР : Инфра-М, 2011. – 181 с.

8. Закиров, Р. Ю. Наследственное право / Р. Ю. Закиров, Я. С. Гришина, М. М. Махмутова. – М. : Дашков и К, 2013. – 287 с.
9. Казанцева, А. Е. Наследственное право / А. Е. Казанцева. – М. : Норма, 2013. – 351 с.
10. Корнеева, И. Л. Наследственное право / И. Л. Корнеева. – М. : Юрайт, 2016. – 357 с.
11. Смоленский, М. Б. Наследственное право / М. Б. Смоленский, С. Ю. Аюпян. – Ростов-н/Д : Феникс, 2007. – 254 с.

УДК 347. 64

ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Чечкова Светлана Петровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Данная статья посвящена характеристике различных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, поэтому при выборе форм устройства детей на воспитание предпочтение отдается прежде всего семейным формам воспитания, к числу которых отнесены: усыновление (удочерение), опека (попечительство), приемная семья, детский дом семейного типа, а при отсутствии такой возможности – в детские интернатные учреждения [3, с. 345].

В 2017 году на семейные формы устройства передано – 2 169 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2016 году – 2 324, 2015 году – 2 541, 2014 году – 2 543, 2013 году – 3 819 детей. Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях составило: в 2017 году – 26 840, в 2016 году – 27 264, в 2015 году – 27 541, в 2014 году – 27 712, в 2013 году – 28 639 детей [1, с. 64].

Усыновление является наиболее предпочтительной формой воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в результате чего между усыновителями и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком – с другой, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению.

Опека (попечительство) представляет собой такую форму устройства ребенка в семью с целью его содержания, воспитания и образования, а также для защиты его прав и интересов (как имущественных, так и личных неимущественных), которая в будущем не порождает между опекунами

(попечителями) и подопечными никакой правовой связи. Обязанности по опеке и попечительству выполняются безвозмездно, однако опекуны (попечители) имеют право на получение пособий на несовершеннолетних подопечных, а также на возмещение расходов, которые они понесли из собственных средств на ремонт, содержание имущества подопечного, другие необходимые нужды [6, с. 140].

Приемная семья – это форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью на основании трудового договора и договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью, заключаемыми между приемными родителями и органом опеки и попечительства. Общее число детей в приемной семье, включая родных и усыновленных, не должно превышать, как правило, четырех человек. В договоре указывается срок, на который ребенок помещается в семью, а также предусматривается возможность досрочного расторжения договора как по инициативе приемных родителей, так и органа опеки и попечительства. Приемные родители получают вознаграждение за выполнение своих обязанностей, а также денежные средства на содержание каждого ребенка. В отношении к принятому на воспитание ребенку приемные родители обладают правами и обязанностями опекуна, попечителя.

Детский дом семейного типа – семья, принявшая на воспитание от пяти до десяти детей-сирот и (или) детей, оставшихся без попечения родителей (далее – воспитанники), в рамках которой супруги или отдельные граждане (далее – родители-воспитатели) выполняют обязанности по воспитанию детей на основании договора об условиях воспитания и содержания детей и трудового договора [4, п. 1].

Орган опеки и попечительства, которому принадлежит исключительная компетенция выбора формы устройства детей, обязан принимать все необходимые меры для устройства ребенка на воспитание в семью, и лишь при отсутствии такой возможности ребенок устраивается в учреждения для детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей: детские интернатные учреждения (дома ребенка, социально-педагогические учреждения, школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вспомогательные школы-интернаты, специальные общеобразовательные школы-интернаты, специальные учебно-воспитательные учреждения, специальные лечебно-воспитательные учреждения и иные учреждения, обеспечивающие условия для проживания и содержания детей), а также на патронатное воспитание.

Патронатное воспитание является формой участия граждан в воспитании детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в детских интернатных учреждениях, учреждениях профессионально-тех-

нического, среднего специального, высшего образования. Опека, попечительство над детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей, переданными на патронатное воспитание, сохраняются за руководителями детских интернатных учреждений, учреждений профессионально-технического, среднего специального, высшего образования. Обязанности патронатного воспитателя выполняются на безвозмездной основе.

Контроль за условиями воспитания и содержания детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на патронатное воспитание, осуществляется органами опеки и попечительства, детскими интернатными учреждениями, учреждениями профессионально-технического, среднего специального, высшего образования. Органы опеки и попечительства информируют и консультируют граждан об условиях патронатного воспитания, организуют подбор патронатных воспитателей, а также детей, передаваемых на патронатное воспитание [5, с. 61].

Таким образом, обеспечение прав и законных интересов детей и их правовая защита являются основной задачей современного общества. Обеспечение прав и интересов детей – право и обязанность в первую очередь их родителей. Если же родительское попечение по тем или иным причинам отсутствует, заботу о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, берет на себя государство, предоставляя им особые гарантии по социальной защите. Дети, оставшиеся без родительской опеки, подлежат устройству на воспитание в семью (на усыновление, в детский дом семейного типа, опекунскую семью, приемную семью), а при отсутствии такой возможности – в детские интернатные учреждения.

Закрепление приоритета семейных форм воспитания детей обусловлено как более выгодными материально-бытовыми условиями жизни ребенка, так и соблюдением иных его интересов, именно семейное воспитание дает возможность воспитания ребенка с учетом его личностных, психических, национальных и иных особенностей.

Список источников

1. Дети и молодежь : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 133 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 278–З : принят Палатой представителей 03 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 17 июля 2018 г. // Эталон–Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С. М. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В. Г. Тихини, В. Г. Голованова, С. М. Ананич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с.
4. Об утверждении Положения о детском доме семейного типа [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 28 фев. 2006 г., № 289 :

- в ред. от 25.04.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Чечкова, С. П. Институт опеки и попечительства в семейном праве Республики Беларусь / С. П. Чечкова, А. В. Радовская // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. статей Международной научно-практической конференции, 27 октября 2017 года / под ред. О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 59-62.
 6. Чечкова, С. П. Опекa и попечительство над несовершеннолетними в Республике Беларусь / С. П. Чечкова // X республиканская научно-методическая конференция молодых ученых : сб. тезисов докладов, Брест, 15–16 мая 2008 г. / под общ. ред. К. К. Красовского. – Брест : БрГУ имени А. С. Пушкина, 2008. – С. 140.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (на примере законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации)

Иванчикова Людмила Дмитриевна,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

В статье проводится сравнительный анализ белорусского и российского законодательства, регулирующего вопросы административной ответственности несовершеннолетних. По итогам проведенного исследования автором обоснованы и сформулированы предложения о необходимости внесения изменений и дополнений в действующий Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В советский и современный периоды белорусская наука административного права развивалась в тесном взаимодействии с республиками бывшего Союза ССР, и в первую очередь с Россией. Значительный вклад в понимание института административной ответственности внесли такие ученые, как Д. Н. Бахрах, И. Л. Бачило, Д. А. Гавриленко, А. Н. Крамник, Л. М. Рябцев, А. Б. Тиковенко, О. И. Чуприс, К. В. Хомич и другие, но, как справедливо отмечает Т.В. Телятицкая, «проблематика правовой регламентации ответственности остается малоисследованной» [1, с. 192–198].

Следует отметить, что проблема административной ответственности лиц, не достигших возраста совершеннолетия, является актуальной в настоящее время. Это связано с ростом количества административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, при этом процент совершения правонарушений повторно остается по-прежнему высоким, что предопределяет целесообразность проведения научных исследований в данной сфере.

Если рассматривать понятие административной ответственности несовершеннолетних, то она представляет собой форму реагирования государства на административные правонарушения, выраженную в применении к

субъекту правонарушения административного взыскания в соответствии с административно-деликтным законом.

Основу национального законодательства составляют: Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ), который по своему содержанию состоит исключительно из материальных норм административно-деликтного права, и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП РБ), который включает все процессуальные нормы, регулирующие порядок привлечения к административной ответственности.

На территории Российской Федерации действует Кодекс об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), который включает в себя как материальные, так и процессуальные нормы. Согласно ст. 2.3 КоАП РФ лица, не достигшие на момент совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет, не являются субъектами административной ответственности [2].

По нашему мнению, позиция белорусского законодателя по поводу снижения возраста административной ответственности до четырнадцати лет за наиболее социально значимые правонарушения, указанные в ст. 4.3 КоАП, вполне оправдана, поскольку в данном возрасте несовершеннолетних в состоянии оценивать отрицательный характер своих действий и предвидеть неблагоприятные последствия такого поведения [3].

Неоспоримым является тот факт, что оставление без внимания случаев нарушения закона порождает у несовершеннолетних чувство безнаказанности, что способствует в дальнейшем совершению ими повторных, причем наиболее существенных, правонарушений. Проанализировав правоприменительную практику, можно сделать вывод, что обязанность претерпевать неблагоприятные последствия, связанные с применением мер административной ответственности, позволяет в целом снизить количество административных правонарушений, и в частности, совершаемых несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, что является немаловажным результатом для общества и государства [4].

Рассматривая вопрос о мерах административной ответственности несовершеннолетних, необходимо подчеркнуть, что административно-правовые нормы не предусматривают применение к ним специальных видов административных взысканий (наказаний), а набор применяемых санкций к несовершеннолетним ограничивается лишь предупреждением или штрафом.

Одной из особенностей применения мер государственного принуждения в российском законодательстве является то обстоятельство, что согласно ст. 2.3 КоАП РФ лицо в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, совершившее административное правонарушение, по решению комиссии

по делам несовершеннолетних и защите их прав может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему иных мер воздействия, предусмотренных «Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних», утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 года [5].

Однако в условиях формирования правового государства вопросы правового воздействия на личность должны определяться только законом, и вполне справедливо, что 27 июня 2018 года вышеуказанное Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних утратило силу, поскольку такой подход к построению законодательства об административной ответственности несовершеннолетних противоречил административно-деликтному закону, который четко определяет необходимость привлечения виновного лица к административной ответственности. Таким образом, полагаем, что именно кодифицированный закон необходимо считать единственным законодательным актом, который должен регулировать вопросы административной ответственности лиц, совершивших правонарушения в возрасте до восемнадцати лет.

Остановившись на анализе мер воздействия, выражающих административную ответственность несовершеннолетних, отметим, что они обладают меньшим объемом степени лишения или ограничения прав и свобод и не всегда позволяют достичь своих целей, ведь в большинстве случаев, при привлечении к административной ответственности они не имеют собственных средств, и административный штраф взыскивается с родителей. В КоАП РФ этот вопрос регламентируется четко, так, статьей 32.2 установлено, что при отсутствии самостоятельного заработка у несовершеннолетнего штраф взыскивается с его родителей или иных законных представителей. Однако, в отличие от России, в Республике Беларусь до настоящего времени вопрос об исполнении постановлений о взыскании штрафа с родителей, при отсутствии доходов у несовершеннолетнего, решается в порядке Гражданского кодекса на основании статей 942 – 943 [6, с. 232–138]. Вместе с тем, как следует из содержания статьи 7.8 КоАП РБ лицо, совершившее административное правонарушение, обязано возместить вред, причиненный административным правонарушением, но возложение обязанности возместить причиненный вред не является мерой административной ответственности.

Таким образом, на основании проведенного анализа отдельных положений законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, регулирующих вопросы административной ответственности несовершеннолетних, можно сделать следующие выводы:

1) правовые системы этих двух стран в исследуемой сфере развиваются с учетом социокультурных и экономических особенностей;

2) в российском и белорусском законодательстве существуют различные взгляды на возраст субъектов административно-деликтного права;

3) полагаем, что необходимо на законодательном уровне, путем внесения изменений и дополнений в Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, дополнив статью 15.3 новой нормой, предусматривающей в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка, стипендии и (или) иного собственного дохода, штраф взysкивать с его родителей (законных представителей).

Список источников

1. Телятицкая, Т. В. Некоторые вопросы административно-деликтного законодательства Республики Беларусь и за рубежом / Т. В. Телятицкая // Право.by. – 2008. – № 1. – С. 192–198.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195 : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 07.02.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобрен Советом Республики 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Статистические отчеты о работе комиссии по делам несовершеннолетних Администрации Ленинского района г. Могилева за 2016–2017 г., архив – Дело № 4–8.
5. Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 03 июня 1967 г. (в ред. от 25.02.1993) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru>. – Дата доступа: 05.11.2018.
6. Кодексы об административных правонарушениях Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительный анализ : учеб. пособие / под общ. ред. И. Ш. Киясханова. – Брянск ; М. : Моск. ун-т МВД России, 2005. – 350 с.
7. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Республики 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // Консультант плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.95

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Казеко Валерия Евгеньевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Писарева Дарья Александровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Актуальность поставленной темы обусловлена возрастающим количеством объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения вследствие ускоряющихся темпов научно-технического и промышленного развития государства, а также возрастания количества преступлений, совершаемых в отношении объектов животного мира и окружающей среды в целом. В статье произведен анализ нормативных правовых актов, содержащих конкретные меры ответственности за данные правонарушения. Выделены проблемы в регулировании природоохранной деятельности, касающейся объектов животного мира, а также предложены способы решения данной проблемы.

По законодательству Республики Беларусь охрана объектов животного мира представляет собой деятельность (в том числе воспроизводство, вселение (включая расселение), интродукцию, реинтродукцию, акклиматизацию, скрещивание и защиту диких животных), направленную на сохранение пространственной, видовой и популяционной целостности объектов животного мира, их численности, ресурсного потенциала и продуктивности, предотвращение их уничтожения или иного вредного воздействия на них. Охрана объектов животного мира является одним из стратегических направлений политики Республики Беларусь. В связи с чем правовое регулирование данного вопроса является актуальным.

Следует отметить, что животный мир является составной частью природной среды и выступает неотделимым ядром в цепи экологических систем. Вместе с тем животный мир обладает большим экономическим значением как источник получения пищевых продуктов, промышленного, технического, лекарственного сырья и других материальных ценностей и поэтому выступает как природный ресурс для зверобойного, китобойного, рыболовного и других видов промысла.

Также следует отметить, что данный объект возобновляем, но для этого следует придерживаться определенных условий, непосредственно связанных с охраной животных. При истреблении животных, нарушении условий их существования определенные виды могут всецело исчезнуть, и их возобновление будет невозможно. И, напротив, регулирование численности животных, принятие мер к разведению исчезающих видов, поддержание условий существования животного мира, способствует их возобновлению и восстановлению.

Следует иметь в виду, что в Республике Беларусь предусмотрена административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность за нарушение законодательства об охране животного мира.

В соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь от 21 апреля 2003 года № 194-З (в редакции от 8 января 2018 года) (далее – КоАП) административная ответственность наступает за правонарушения, предусмотренные следующими статьями: статья

15.8 (нарушение требований по охране и использованию диких животных и дикорастущих растений, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, мест их обитания и произрастания); статья 15.32 (нарушение требований законодательства об охране и использовании животного мира); статья 15.33 (незаконные вывоз из Республики Беларусь или ввоз в нее диких животных и дикорастущих растений); статья 15.35 (нарушение правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, добычи других водных животных); статья 15.37 (нарушение правил ведения охотничьего хозяйства и охоты); статья 15.39 (нарушения правил воспроизводства животных); статья 15.40 (нарушение правил учета племенных животных); статья 15.44 (выпас домашних животных в неустановленных местах); статья 15.45 (жестокое обращение с животными); статья 15.46 (уклонение от проведения мероприятий по предупреждению болезней животных); статья 15.47 (нарушение правил содержания домашних и (или) хищных животных) [1].

К этому следует добавить, что независимо от назначенного административного взыскания за ряд административных правонарушений в данной сфере может применяться специальная конфискация, которая состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства незаконных орудий и добычи рыб и других водных животных в качестве орудий или средств совершения административного правонарушения. В соответствии со ст. 7.1 КоАП специальная конфискация применяется независимо от того, указана ли она в санкции соответствующей статьи КоАП [3, с. 156].

Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (в редакции от 18 июля 2017 года) (далее – УК) уголовная ответственность наступает за следующие преступления: экоцид (статья 131); незаконная добыча рыбы или водных животных (статья 281); незаконная охота (статья 282); незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных (статья 282¹); нарушение правил охраны рыбы и других водных животных (статья 283) [2].

Обратим внимание, что вред, причиненный окружающей среде физическими или юридическими лицами в результате незаконного изъятия или уничтожения диких животных и вредного воздействия на среду их обитания, подлежит возмещению лицом, его причинившим, в размере, определенном по таксам, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими», а при невозможности такого определения – по фактическим затратам на воспроизводство объектов животного мира и (или) на восстановление нарушенного состояния среды их обитания.

Необходимо выделить также гражданско-правовую ответственность, которая выражается в обязанности юридических и физических лиц возмещать вред, причиненный нарушением законодательства об охране и использовании животного мира [3, с. 157].

Согласно статистике, предоставленной Государственной инспекцией охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, в Республике Беларусь в период с 1 января 2017 года по 31 декабря 2017 года выявлено 448 правонарушений, связанных с нарушением Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, добычи других водных животных, которые были совершены в Могилевской области. По сравнению с тем же периодом 2016 года, число правонарушений возросло на 23%.

Важно отметить, что численность животных уменьшается не только в результате прямого истребления, а также вследствие ухудшения экологических условий на территориях и ареалах. Антропогенные изменения ландшафтов неблагоприятно сказываются на условиях существования большинства видов животных. Сведение лесов, осушение болот, регулирование стока, загрязнение вод рек, озер и морей – все это, вместе взятое, мешает нормальной жизни диких животных, приводит к снижению их численности даже при запрете охоты.

Также следует сказать, что необходимо комплексное решение проблемы борьбы с противоправными деяниями в сфере экологии. Для решения данной проблемы каждый гражданин обязан поддерживать условия существования животного мира, а государство – принимать меры к разведению исчезающих видов, что будет способствовать их восстановлению и возобновлению.

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что правоотношения в области охраны животного мира носят нравственный характер, должна быть разработана система информационного обеспечения формирования в гражданах Республики Беларусь определенных моральных качеств, которые в совокупности с мерами правового воздействия помогут сохранить и приумножить животный мир страны, ее природные ресурсы.

Список источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. от 08.01.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. от 05.08.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Шингель, Н. А. Природоресурсное право : учеб. пособие / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. – Минск : Высшая школа, 2017 – 399 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА: ИМЕЮЩИЕСЯ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Сергеев Иван Алексеевич,

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Борейко Николай Николаевич,

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

Рассмотрены отдельные проблемные вопросы, касающиеся применения законодательства Республики Беларусь о Государственной границе при наложении административных взысканий за нарушения пограничного режима, и предложены пути их разрешения.

В соответствии с пунктом 52 части 1 статьи 3.30 и частью 1 статьи 3.11 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [1] должностные лица органов пограничной службы Республики Беларусь уполномочены вести административный процесс и рассматривать дела об административных правонарушениях по статье 23.30 «Нарушение пограничного режима» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2] (далее – органы пограничной службы и КоАП соответственно). Указанная статья является бланкетной, отсылающей к законодательству Республики Беларусь о Государственной границе.

Ежегодно ведомством выявляется значительное количество правонарушений указанной категории: в 2015 году – 4 826, 2016 году – 3 934, 2017 году – 2 209, за 9 месяцев 2018 года – 1 674 [3–5].

По смыслу определения, изложенного в Законе Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-3 «О Государственной границе» (далее – Закон о Государственной границе) [6, ст. 1 ч. 1 абз. 19], пограничный режим включает в себя комплекс правовых предписаний, всесторонне регулирующих поведение физических и юридических лиц в пределах пограничной зоны (пограничной полосы). Помимо прочего, пограничный режим устанавливает правила въезда (входа), временного пребывания, передвижения физических лиц и транспортных средств на указанной территории. Они определены статьей 37 Закона о Государственной границе и, по общему правилу, заключаются в обязательном наличии у граждан Республики Беларусь документов, удостоверяющих личность, а также квитанции об уплате государственной пошлины.

Однако вступивший 1 января 2017 года в силу Закон Республики Беларусь от 18 октября 2016 г. № 432-З «О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь» [7] исключил необходимость приобретения квитанции об уплате государственной пошлины как основания для законного основания въезда (входа), временного пребывания, передвижения в пограничной зоне.

В целях устранения возникшей коллизии правовых норм, содержащихся в Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь [8, ст. 249, п. 1.40] и Законе о Государственной границе, Государственным пограничным комитетом Республики Беларусь подготовлен законопроект, который находится на рассмотрении в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь [9].

Что касается документов, удостоверяющих личность, то их исчерпывающий перечень определен в подпункте 1.1. пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь» [10]. К ним относятся паспорт гражданина Республики Беларусь, вид на жительство в Республике Беларусь и удостоверение беженца.

Вместе с тем в ходе выполнения задач по контролю за соблюдением гражданами пограничного режима, возложенных Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2008 г. № 454-З «Об органах пограничной службы Республики Беларусь» [11, ст. 16, абз. 10], сотрудниками органов пограничной службы выявляются лица, у которых вышеуказанные документы отсутствуют, однако имеются иные, выданные официально, в установленном порядке. К ним, например, относятся служебные либо водительские удостоверения, военные билеты и т.п.

Несмотря на возможность идентификации по ним личности предъявителя, действия лиц, у которых отсутствуют документы, удостоверяющие личность, квалифицируются по части первой либо второй (в случае повторности правонарушения) статьи 23.30 КоАП, что создает конфликтные ситуации, а также обжалование действий пограничников.

Помимо этого, необходимость постоянного ношения паспорта гражданина Республики Беларусь жителями населенных пунктов, входящих в пограничную зону, через непродолжительное время приводит документы в состояние, негодное для использования, в том числе и при пересечении Государственной границы, что опять же влечет жалобы со стороны населения приграничья.

Не способствуют единообразному пониманию гражданами порядка и оснований для въезда в пограничную зону, а также полномочий органов пограничной службы по проверке документов и отдельные положения Правил дорожного движения, утвержденных Указом Президента Республики

Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 «О мерах по повышению безопасности дорожного движения» [12]. В соответствии с подпунктом 12.2 пункта 12 указанных Правил водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе и передавать для проверки должностным лицам органов пограничной службы документ, удостоверяющий его личность, или водительское удостоверение.

В связи с изложенным, помимо приведения норм в соответствие с положениями Налогового кодекса, предлагается внести изменения и дополнения в часть 1 статьи 37 Закона о Государственной границе, изложив ее в следующей редакции:

«Въезд (вход), пребывание и передвижение в пограничной зоне граждан Республики Беларусь и постоянно проживающих в Республике Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, которые достигли четырнадцатилетнего возраста, осуществляются на основании документов, удостоверяющих личность, либо военного билета, водительского удостоверения, служебного удостоверения, выданного уполномоченным государственным органом (организацией), содержащего фотографию, позволяющую идентифицировать личность его владельца».

По нашему мнению, с одной стороны, это упростит порядок въезда (входа), временного пребывания и передвижения граждан в пограничной зоне, минимизирует возникновение конфликтных ситуаций, а с другой – не скажется на эффективности выполнения задач, возложенных на органы пограничной службы.

Список источников

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апреля 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Отчеты управления предварительного расследования и правового обеспечения главного управления оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь – 2017. – Д. 8-1. Т. 1. Л. 36–181.
4. Отчеты управления предварительного расследования и правового обеспечения главного управления оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь – 2018. – Д. 8-5, т. 1. – С. 42–60.
5. Отчеты управления предварительного расследования и правового обеспечения главного управления оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь – 2018. – Д. 8-1, т. 3. – С. 1–35.

6. О Государственной границе Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 янв. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 окт. 2016 г., № 432-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Налоговый кодекс Республики Беларусь (особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 окт. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
9. О повестке дня пятой сессии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва [Электронный ресурс] : пост. Палаты Предст. Нац. Собрания Республики Беларусь, 2 окт. 2018 г., № 292-П6/V// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
10. О документировании населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 июня 2008 г., № 294 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
11. Об органах пограничной службы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2008 г., № 454-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 янв. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
12. Правила дорожного движения [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2005 г., № 551 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 34.02(476)

ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ИНФОРМАЦИИ

Лясковский Иван Иванович,

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Беларусь)

Рассматривается вопрос развития теоретических основ правовых режимов информации, обобщения и разработки предложений о совершенствовании правового регулирования оборота информации в Республике Беларусь.

Во все времена информация оставалась одним из основных предметов социального взаимодействия. Она неотъемлема от повседневной жизни человека, поскольку создается, применяется, хранится и приумножается в процессе его деятельности. Информацию как знание можно представить одновременно и отражением бытия общества и человека, и его цель. Как цель и средство полу-

чения знаний (образования), направляет деятельность субъектов в гражданском обороте, в хозяйственных отношениях, в решении споров, удостоверении сделок, фактов. Она же обеспечивает функции управления в масштабах деятельности юридических лиц, государственных структур и иных сложных систем.

На современном этапе развития человечества значение информации существенно возросло, в первую очередь, благодаря тому, что усилилось влияние на жизнь общества массовых коммуникаций, образования и науки, экономических и политических институтов. Информация становится важным ресурсом развития, поскольку способности к созданию мощной информационной инфраструктуры, позволяющей в краткие сроки обработать большие массивы данных, наладить качественную связь в реальном времени с субъектами, находящимися в других странах, разработать, внедрить и управлять сложными системами, стали весомым фактором успешности многих стран в международном разделении труда.

В условиях, когда информация становится одной из главных ценностей (наряду с материальными ценностями), возрастает степень включения физических и юридических лиц в информационный оборот. Согласно типичной для правоведения формулировке, удовлетворение потребностей субъекта осуществляется путем реализации соответствующих прав. Применительно к объекту исследования – это право на информацию, которое предусматривает и гарантирует возможность получения, хранения и распространения полной, достоверной и своевременной информации. Статья 34 Конституции Республики Беларусь распространяет это право на информацию о деятельности государственных органов, общественных объединений; о политической, экономической, культурной и международной жизни; о состоянии окружающей среды, формируя, таким образом, основу правового режима общедоступной информации [6].

Стоит отметить, что возможность реализовать право на информацию де-факто обеспечивается не только введением соответствующей нормы в законодательный акт, но созданием действенного организационно-правового механизма, который предусматривает права, обязанности и ответственность субъектов отношений, предметом которых является информация. В этой связи не теряет своей актуальности проблема разработки системы нормативных предписаний, отвечающих потребностям общества и государства, развития действующего законодательства в направлении качественного обеспечения возможностей для полноценной реализации права на информацию каждого физического и юридического лица.

Несмотря на то, что информация сопровождает жизнедеятельность общества, попытки ее осмысления как научной категории предприняты относительно недавно, и связаны, в первую очередь, с научно-техническим

прогрессом, и, в частности, решением заданий по развитию технологий связи и передачи информации. Так, основы научного понимания информации заложены в середине XX в. исследованиями в сфере математических и философских наук. В трудах таких ученых, как И. Бар-Хиллел, В. М. Глушков, Р. Карнап, А. А. Харкевич, К. Шеннон, Ю. А. Шрейдер и др., были обоснованы пути решения актуальных проблем теории информации – понятия, свойств, классификации, ее значения в научной и повседневной деятельности. Изучение информации на поприще общественных наук, и в частности права началось несколько позже. В трудах таких ученых, как Н. Н. Ковалева [5], В. П. Мозолин [8], М. М. Рассолов [10], В. А. Копылов [7], В. А. Дозорцев [4] и многих других, были предприняты попытки теоретического обоснования природы и свойств информации в контексте отраслей науки права.

Новым этапом развития теории информационного права в отечественной науке стало обсуждение разных аспектов информационного законодательства как в преддверии, так и после принятия Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» [9]. Это событие правовой жизни вызвало возрастание интереса к данной проблематике, нашедшего свое отражение в трудах таких белорусских ученых, как С. С. Вабищевич [1], Г. А. Василевич [2], Д. В. Вершок [3] и др. Тем не менее, ввиду того, что исследователи преимущественно склоняются либо к решению «узкоспециализированных» проблем, либо к исследованию понятийно-категориального аппарата, институт информационного права Республики Беларусь до сих пор не поддавался глубокому теоретико-правовому анализу.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации теоретических и правовых основ режимов информации, установленных отечественным законодательством.

Рассмотрение информации как объекта общественных отношений обращает внимание на одно из ее важнейших свойств – динамизм, которое раскрывается в том, что информация и ее значение (ценность) могут изменяться с течением времени. Информация обретает собственную субъективную стоимость, которая зависит от ее содержания, полноты, новизны, количества. Ценность информации как объекта общественных отношений отображает изменение ее полезности во временном пространстве, связывает ее нематериальную природу и применение в практической деятельности, определяет ее значимость для субъектов правоотношений (учитывая особенности способа передачи информации пользователям), позволяет различать виды информации в контексте интересов тех или иных субъектов информационных отношений.

В отечественном законодательстве установлено, что оборот каждого из видов информации регулируется соответствующим правовым режимом. Таким образом, правовое регулирование информационных отношений в Республике Беларусь строится на выделении следующих классификационных признаков информации: по характеру доступа; по содержанию; по значению сведений для субъектов правоотношений. Более детальное изучение правовых режимов позволяет выделить подвиды информации: общедоступная и открытая информация; государственные секреты; служебная тайна; конфиденциальная информация. Конститутивные признаки этих видов информации раскрываются в содержании соответствующих правовых режимов.

В современной правовой науке обоснованы несколько подходов к трактовке сущности правового режима. Это понятие определяют как систему правового регулирования и как результат регулятивного воздействия, как порядок регулирования и как средство защиты установленного порядка общественных отношений и т.д. Общей чертой этих подходов является то, что правовым режимом обеспечивается легитимность применяемых средств правового регулирования, определяются параметры нормального состояния социально-правовой системы, формируется содержание правоотношений, задается характер и интенсивность их осуществления. Правовой режим вводится относительно предметов, общественное значение которых требует особого правового урегулирования правоотношений как в обычном, так и в исключительном состояниях социально-правовой системы. Правовой режим обуславливается потребностями субъектов права, статусом объекта правоотношений, свойствами конкретного предмета правового регулирования. В этой связи правовые режимы предполагают особую структуру, позволяющую достигать цели регулирования с учетом многообразия социальных процессов в данной сфере отношений.

Список источников

1. Вабищевич, С. С. Информация в системе объектов гражданских прав / С. С. Вабищевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 10. – С. 205–208.
2. Василевич, Г. А. Возможности реализации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Конституционного суда Республики Беларусь и национальных судов : материалы конференции «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод как важнейший документ в сфере защиты гражданских и политических прав и свобод человека», 13 июня 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/502/53/>. – Дата доступа: 17.10.2016.
3. Вершок, Д. В. Правовой режим радиоэлектронной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 [Электронный ресурс] / Д. В. Вершок. – Минск, 2003. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=124340>. – Дата доступа: 14.05.2015.

4. Дозорцев, В. А. Информация как объект исключительного права / В. А. Дозорцев // Дело и право. – 1996. – № 4. – С. 27–38.
5. Ковалева, Н. Н. Информационное право : учеб. пособие / Н. Н. Ковалева. – М. : Дашков и К, 2007. – 359 с.
6. Конституция Республика Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принят на респ. референд. 24 ноября 1996 г. и 17 окт. 2004 г. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101>. – Дата доступа: 17.10.2016.
7. Копылов, В. А. Информационное право: вопросы теории и практики / В. А. Копылов. – М. : Юристъ, 2003. – 621 с.
8. Мозолин, В. П. Информация и право / В. П. Мозолин, Ю. В. Петрови́чева // Журнал российского права. – 2004. – № 8. – С. 54–64.
9. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. N 455-З: в ред. Закона от 4 янв. 2014 г. N 102-З // База данных «Законодательство стран СНГ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=25309. – Дата доступа: 21.03.2015.
10. Рассолов, М. М. Правовая информатика: управление в сфере предпринимательства / М. М. Рассолов, В. Д. Элькин, И. М. Рассолов. – М. : Юристъ, 1996. – 480 с.

УДК 349.6

ЗАХОРОНЕНИЕ ОТХОДОВ КАК НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ НЕДР

Слепцов Андрей Витальевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье охарактеризованы особенности правового регулирования захоронения отходов в подземных пространствах недр. Автор приходит к выводу, что при осуществлении деятельности в сфере обращения с отходами необходимо соблюдать как требования, установленные в области охраны окружающей среды, в целом, так и требования, установленные законодательством о недрах, в частности.

В следствии изменения характера воздействия человека на окружающую природу все заметнее проявляются противоречия в развитии науки и техники, которые несут с собой как полезные моменты, так и негативные последствия, которые являются по своей сути разрушительными, как в отношении природы, так и человека.

Как отмечает А. Д. Амиров, перед современным обществом все настойчивее встает проблема сознательного регулирования своих отношений с природой, поддержание экологического баланса, благоприятного для человека и обеспечивающего возможность самого существования будущих поколений [1, с. 18–19].

Однако недра это не только кладовые минерального сырья. Уровень современных технологий позволяет использовать недра способами, не только связанными с добычей и переработкой полезных ископаемых. Хотя уже с древнейших лет человечество пользовалось подземным пространством, сооружая в нем жилища, укрытия, в настоящее время «строятся и эксплуатируются различного рода подземные сооружения, например, метро, тоннели, водохранилища. Недра используются для захоронения вредных веществ» [2, с. 20], радиоактивных отходов.

Согласно ст. 1 Закона «Об обращении с отходами» [3] от 20.07.2007 № 271-3 (в ред. от 13.07.2016 № 397-3), захоронение отходов – изоляция отходов на объектах захоронения отходов в целях предотвращения вредного воздействия отходов, продуктов их взаимодействия и (или) разложения на окружающую среду, здоровье граждан, имущество, находящееся в собственности государства, имущество юридических и физических лиц, не предусматривающая возможности их дальнейшего использования.

Огромная масса отходов требует захоронения и для этого как нельзя лучше подходит подземное пространство.

Согласно п. 1 ст. 27 Кодекса Республики Беларусь о недрах [4] от 14 июля 2008 г., № 406-3 (в ред. от 18.07.2016 г. № 400-3), подземные пространства включают в себя естественные или искусственно созданные полости недр, которые используются или могут быть использованы в целях... размещения, строительства и (или) эксплуатации объектов хранения и захоронения отходов.

В соответствии со ст. 50 Закона «Об охране окружающей среды» [5] от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ (в ред. от 17 июля 2017 г. № 51-3) (далее – Закон об охране окружающей среды), юридические лица и граждане, хозяйственная и иная деятельность которых связана с обращением с отходами, обязаны соблюдать требования в области охраны окружающей среды, а также санитарные, противопожарные и иные требования, установленные законодательством Республики Беларусь.

Отходы атомной энергетики, биотехнологии и химической промышленности оказывают самое длительное воздействие на окружающую среду, причем самое неблагоприятное. Практика захоронения таких отходов в могильниках на поверхности не оправдала себя из-за ненадежности. Имеются факты нарушения герметичности могильников и захоронения [6].

В соответствии со ст. 47 Закона об охране окружающей среды, юридические лица и индивидуальные предприниматели обязаны соблюдать правила захоронения радиоактивных веществ (источников ионизирующих излучений), не допускать превышения нормативов предельно допустимого уровня радиационного воздействия, а в случае их превышения немедленно

информировать специально уполномоченные республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы о повышенных уровнях радиации, опасных для окружающей среды и здоровья граждан, принимать меры по ликвидации очагов радиационного загрязнения.

Законом «О радиационной безопасности населения» [7] от 5 января 1998 г. № 122-3 (в ред. от 4 января 2014 г. №106-3) установлено, что при хранении и (или) захоронении радиоактивных отходов должны быть обеспечены их надежная изоляция от окружающей среды, защита населения от вредного воздействия ионизирующего излучения в соответствии с техническими нормативными правовыми актами (статья 16-1).

Выбор способа захоронения радиоактивных отходов (приповерхностное захоронение или захоронение в глубокие геологические формации), конструкции хранилища и свойств барьеров должен определяться и обосновываться в проектной документации Пункта захоронения радиоактивных отходов в зависимости от характеристик радиоактивных отходов с учетом природных условий размещения пункта захоронения.

Захоронение источников ионизирующего излучения на поверхности земли и в недрах без принятия мер по исключению возможности случайного попадания источников ионизирующего излучения или их отдельных компонентов в окружающую среду запрещается.

Таким образом, исходя из того, что недра являются составной частью природной среды, при осуществлении деятельности в сфере обращения с отходами необходимо соблюдать требования по условиям и порядку захоронения отходов законодательно установленные как в области охраны окружающей среды, в целом, так и требования, установленные законодательством о недрах, в частности.

Особую опасность для окружающей среды и недр представляет такой вид деятельности, как захоронение радиоактивных отходов. На законодательном уровне устанавливаются нормативы предельно допустимого уровня радиационного воздействия. Изоляция радиоактивных отходов считается безопасной только в том случае, когда в момент герметизации пункта захоронения и, в дальнейшем, в самих недрах в течение установленного периода времени отходы не будут оказывать негативного воздействия на человека и окружающую среду.

Список источников

1. Амиров, А. Д. Охрана недр и окружающей среды от загрязнения : конспекты лекций) / А. Д. Амиров. – Баку : Азинефтехим, 1981. – 76 с.
2. Осмонбетов, К. О. Недра Киргизии, их рациональное использование и охрана / К. О. Осмонбетов. – Фрунзе : Кыргызстан, 1983. – 26 с.

3. Об обращении с отходами [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 20.07.2007 № 271-З: в ред. Законов Респ. Беларусь от 13.07.2016 № 397-З // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Кодекс Республики Беларусь о недрах [Электронный ресурс] : 14 июля 2008 г., № 406-З : принят палатой представителей 10 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 20 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 400-З // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2017 г. № 51-З // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Малкин, А. С. Актуальные задачи проектирования и использования объектов при освоении подземного пространства недр [Электронный ресурс] / А.С. Малкин, В. В. Мясников, В. В. Агафонов. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-zadachi-proektirovaniya-i-ispolzovaniya>. – Дата доступа: 25.10.2018.
7. О радиационной безопасности населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 января 1998 г. № 122-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 января 2014 г. № 106-З // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

УДК 378 + 334.7

БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Балашова Тамара Федоровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Кузьмичева Светлана Ивановна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассмотрены проблемы развития бизнес-образования в Восточном регионе Республики Беларусь.

Высшее экономическое образование в Восточном регионе Беларуси осуществляется в нескольких вузах: Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, Белорусско-Российском университете, Могилевском государственном университете продовольствия, Могилевском филиале Белорусского института правоведения и Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова. Только в последнем из них ведется подготовка по специальности «Бизнес-администрирование» со специализацией «Бизнес-администрирование в сфере производства и услуг», что позволяет учесть потребность в образованных предпринимателях для различных отраслей и сфер национальной экономики. Вместе с тем это не всегда учитывается местными и республиканскими органами управления при формировании планов приема на данную специальность.

Анализируя структуру и содержание учебного плана по специальности 1-26 02 01 «Бизнес-администрирование» в государственном компоненте цикла социально-гуманитарных дисциплин, не предусмотрено изучение дисциплины «Экономическая теория», которая является базовой для всех специальностей экономического профиля, что затрудняет в дальнейшем изучение более сложных специальных дисциплин: микроэкономика, макроэкономика и т.д. Включение этой дисциплины в интегрированный модуль «Экономика» не способствует повышению качества знаний студентов.

В цикл специальных дисциплин целесообразно включить предмет «Отраслевая экономика», позволяющий студентам учитывать особенности разных отраслей экономики при организации своего дела в будущем.

Поскольку в современных условиях сделан акцент на практико-ориентированное обучение, считаем необходимым разработку типовой программы производственной практики для студентов специальности «Бизнес-администрирование», а также формирование баз практик на основе договоров, подписанными с передовыми частными предприятиями и индивидуальными предпринимателями при содействии и поддержке местных органов управления.

Большое значение в подготовке грамотных предпринимателей имеет организация студенческих научных объединений, в частности, положительные результаты этой работы достигнуты в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова. Это дипломы лауреата в номинации «Самое свежее решение», «Чисто бизнес» на Международном чемпионате «Молодежь в предпринимательстве-2014» в номинации «Инновации в сфере велотуризма», на III Международной студенческой олимпиаде по менеджменту и экономике «Бизнес-проект»; в номинации «Лучшая старт-идея» на IV Могилевском Инвест-Уикенде [1, с. 25].

На наш взгляд для стимулирования развития студенческой науки необходимо предусмотреть финансирование студенческих научных объединений и преподавателей, осуществляющих руководство ими.

Развитию предпринимательства будет способствовать проведение конкурсов на лучшего предпринимателя года среди молодежи (до 31 года).

Необходимо также создание информационного сайта, связывающего все университеты с органами местного управления, по проблемам предпринимательства. Также целесообразно проводить общереспубликанские конференции и круглые столы по обмену опытом между вузами республики.

В перспективе целесообразно создание в каждом регионе биржи инновационных идей студентов, по информации которой можно формировать кадровый резерв [2, с. 14].

Открытие магистратуры на факультете экономики и права по специальности «Бизнес-администрирование» в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова позволит поднять развитие предпринимательства на качественно новый уровень, так как данная специальность охватывает все отрасли и сферы национальной экономики.

Список источников

1. Балашова, Т. Ф. Проблемы бизнес-образования и некоторые пути их решения : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 24-25 апр. 2014 г. // Т. Ф. Балашова, С. И. Кузьмичева / редкол.: В. В. Апанасович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 25–26.

2. Балашова Т. Ф. Опыт развития бизнес-образования в регионе: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы бизнес-образования», Минск, 16-17 апр. 2015 г. // Т. Ф. Балашова, С. И. Кузьмичева / редкол.: В. В. Апанасович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – С. 14–15.

УДК 336.663

РАЗРАБОТКА РЕГЛАМЕНТА ПО УПРАВЛЕНИЮ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ

Довыденко Иван Иванович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Довыденко Ольга Геннадьевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье дано понятие «управление дебиторской задолженностью», рассмотрены основные аспекты разработки регламента управления дебиторской задолженностью, предложены основные параметры составления регламента дебиторской задолженностью.

Каким бы бизнесом ни занимался субъект хозяйствования, он вынужден в большинстве случаев работать на условиях отсрочки платежа. Предоставление отсрочки платежа обусловлено, во-первых, выживанием на рынке с высокой степенью конкуренции, во-вторых – получить клиента, предоставив ему условия эксклюзивной оплаты, в-третьих – завоеванием нового потребительского сегмента при выходе на новый рынок. Отсрочка платежа, предоставленная контрагенту, укрепляет партнерские отношения. Но если субъект хозяйствования кредитует всех или почти всех своих клиентов, то это неизбежно приводит к просроченным платежам и в конечном итоге – к банкротству еще недавно перспективного бизнеса.

Управление дебиторской задолженностью – отдельная функция субъекта хозяйствования, основной целью которой является уменьшение убытков за счет эффективного использования дебиторской задолженности, оптимизации ее размера, своевременной инкассации и последующего возврата на расчетный счет предприятия. Управление предполагает комплекс мер, направленных на предотвращение появления безнадежной задолженности путем тщательного анализа и ранжирования контрагентов, и охватывает весь процесс финансового администрирования получения своевременной оплаты за товары, работы, услуги, а также последующих мер по принудительному взысканию.

Дебиторская задолженность составляет определенную часть активов субъекта хозяйствования в современной экономике.

Систему экономического управления дебиторской задолженностью условно можно разделить на два больших направления:

- 1) выработка и поддержание в актуальном состоянии кредитной политики;
- 2) комплекс мер, направленный на снижение риска возникновения безнадёжной дебиторской задолженности.

При *разработке кредитной политики* оценивается конъюнктура рынка, определяется, насколько выгодно придерживаться либеральной или жесткой политики. В последующем проводят:

- определение лимита дебиторской задолженности;
- оценку надёжности и выгодности покупателей;
- определение срока платежей по отдельным покупателям;
- оценку эффективности кредитной политики.

Кредитная политика строиться на следующих условиях коммерческого кредитования:

- стоимости коммерческого кредита;
- сроке кредитования;
- размере дебиторской задолженности.

Одним из экономически эффективных способов оценки платежеспособности покупателя является анализ опыта работы с ним. Далее следует анализ статистики по объемам отгрузки в кредит.

Исходя из анализа причин возникновения просроченной дебиторской задолженности, необходимо разработать регламент работы по управлению дебиторской задолженностью, направленный на управление дебиторской задолженностью, снижение риска возникновения просроченной или безнадежной ко взысканию дебиторской задолженности.

Регламент управления дебиторской задолженностью должен включать:

- методику оценки финансового состояния контрагентов;
- формирование условий договоров;
- планирование объема дебиторской задолженности;
- мотивацию сотрудников предприятия, вовлеченных в управление дебиторской задолженностью;
- конкретные права и обязанности сотрудников;
- разработку и/или приобретение информационной системы по управлению задолженностью;
- сбор и изучение информации о финансовом положении должника;
- ранжирование покупателей (например: ABC – анализ);
- реструктуризацию дебиторской задолженности;
- претензионную и исковую работу.

Исходя из любой структуры, алгоритм работы такого подразделения или специалиста по правовой работе и контролю за дебиторской задолженностью складывается из определенных этапов, которые прописываются в регламенте работы.

Опыт работы по управлению дебиторской задолженностью показывает, что превентивные меры по возврату задолженности входят в структурную группу наиболее действенных мер повышения эффективности внутренних резервов предприятия. Возврат задолженности в сжатые сроки – это прежде всего реальная возможность пополнения дефицитных оборотных средств.

Список источников

1. Довыденко, И. И. Проблемы развития информационных технологий в рамках стратегического планирования на предприятиях Республики Беларусь / И. И. Довыденко, Е. А. Калиниченко // Молодые ученые – будущее России : материалы Всероссийской научной недели (18-20 апреля 2016 г.). – 2016. – С. 114–117.
2. Довыденко, И. И. Содержание и роль антикризисной диагностики в системе антикризисного управления / И. И. Довыденко // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2015. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова. – 2016. – С. 270–271.
3. Довыденко, О. Г. Устойчивое развитие предпринимательского сектора / О. Г. Довыденко, И. И. Довыденко / Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 284–286.
4. Довыденко, О. Г. Необходимость разработки антикризисной программы для предупреждения риска банкротства / О. Г. Довыденко // Экономика. Бизнес. Финансы. – № 5. – 2017. – С. 3–5.
5. Довыденко, О. Г. Использование различных моделей диагностики банкротства / О. Г. Довыденко // Экономика. Бизнес. Финансы. – № 11. – 2017. – С. 5–8.

УДК 346.2

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: ПРИЗНАКИ И ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Дудкина Ольга Владимировна,

отдел принудительного исполнения Управления принудительного исполнения Главного управления юстиции Могилевского облисполкома
(г. Могилев, Беларусь)

Данная статья посвящена раскрытию понятия хозяйственного договора и вопросам его правовой регламентации.

Так, правовое регулирование заключения, исполнения и прекращения хозяйственного договора осуществляется многочисленными нормативными правовыми актами. В ст. 13 Конституции Республики Беларусь (далее –

Конституция) закреплено: «Государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Необходимым условием реализации данных конституционных положений является наличие совершенного законодательства, регулирующего хозяйственную и предпринимательскую деятельность. В частности, отношения, складывающиеся в области хозяйственных соглашений, регламентируют ГК, декреты и указы Президента Республики Беларусь, законы, постановления правительства и других государственных органов, включая органы местного управления и самоуправления, а также постановления высших судебных органов, которыми обобщается практика заключения, изменения и расторжения договоров.

Между тем, Н. Л. Бондаренко, В. Г. Тихиня утверждают, что именно хозяйственное законодательство на сегодняшний день является «самой отстающей» отраслью права Республики Беларусь [1, с. 29]. Одним из его наиболее слабых мест является отсутствие законодательно закрепленного понятия «хозяйственный договор». В правовой доктрине Республики Беларусь хозяйственный договор не рассматривается как самостоятельный вид договора. Поэтому ученые-цивилисты и субъекты правоприменительной практики отталкиваются от понятия «договор», закрепленного в ГК. Вместе с тем хозяйственный договор имеет свои специфические особенности. В этой связи Н. Л. Бондаренко, В. Г. Тихиня считают, что четкое определение понятия хозяйственного договора необходимо для того, чтобы, с одной стороны, отмежевать его от общегражданского договора и не допустить вмешательства публичного интереса в частноправовую сферу, а с другой – чтобы определить основные направления совершенствования правового регулирования хозяйственных договоров [1, с. 30].

Таким образом, несмотря на широкий круг нормативных источников, в правоприменительной практике все-таки возникают коллизии законодательного характера, которые необходимо разрешать.

Термин «хозяйственные договоры» впервые использован в нормативных актах, принятых в связи с проведением кредитной реформы, которая была призвана создать определенные предпосылки для укрепления хозяйственного расчета на предприятиях (в организациях) и в отношениях между ними [2, с. 6].

В нормах ГК и другого ныне действующего законодательства содержится прямое указание на хозяйственную, в том числе предприниматель-

скую, деятельность участников договора. Этот фактор оказывает непосредственное влияние на построение модели (формы и содержания) соответствующего договора, определение прав и обязанностей сторон, установление особенностей их ответственности и т.д.

При этом действующее законодательство, используя понятие «хозяйственный договор», не раскрывает его содержания и не называет критерии, которые позволили бы относить те или иные гражданско-правовые договоры к числу хозяйственных. Однако при рассмотрении данного понятия можно выделить следующие основные критерии.

В качестве первого критерия, необходимо рассматривать сферу тех отношений, в которой заключается договор. Из самого понятия «хозяйственный договор» следует, что он заключается, как правило, в сфере хозяйственной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Однако для отнесения договора к числу хозяйственных этого критерия еще недостаточно. Поэтому вторым критерием может быть цель, для достижения которой и заключается договор. Определение цели позволяет установить связь договора с хозяйственной деятельностью юридического лица. Указанная связь может быть прямой и косвенной. Исходя из этого, для торгового предприятия хозяйственными будут являться договоры как непосредственно (прямо) направленные на достижение поставленных перед ним целей (договоры купли-продажи, поставки и т.д.), так и договоры, заключение которых служит достижению этих целей опосредованно, поскольку обеспечивает нормальное течение производственно-хозяйственной деятельности. К числу последних можно отнести договоры аренды складских помещений, договоры перевозки товара, а также кредитные договоры, которые торговое предприятие заключает с целью привлечения заемных средств, необходимых для закупки продукции.

В условиях рыночных отношений особое значение приобретает свобода договора, поскольку товарно-денежный механизм создает, с одной стороны, необходимость использования договорной формы в деятельности независимых и юридически равноправных субъектов, а с другой – наделяет их свободой осуществления прав и обязанностей в гражданском обороте. В связи с этим договор как правовое явление служит основной формой организации и регулирования имущественных отношений между равноправными и независимыми партнерами. Он не только юридически закрепляет складывающиеся между сторонами имущественные отношения, но и служит средством выявления реальных потребностей рынка в товарах, работах и услугах. Общие положения принципа свободы заключения договора содержатся в ст. 2 ГК, где говорится, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не

допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством.

Принцип свободы договора включает в себя: свободу лица иметь свою волю на вступление в договорные отношения; самостоятельный выбор контрагента; самостоятельное формирование вместе с ним договорной структуры и вида договорной связи; изъявление своей воли при формировании условий договора.

Следовательно, хозяйственный договор – это договор, устанавливающий отношения, возникающие в сфере осуществления субъектами хозяйствования экономической (хозяйственной, предпринимательской) деятельности, направленные на получение прибыли и достижение целей такой деятельности.

Список источников

1. Бондаренко, Н. Л. Правовое регулирование хозяйственной деятельности / Н. Л. Бондаренко. – М. : Юридическая литература, 1968. – 648 с.
2. Брагинский, М. И. Хозяйственный договор: каким ему быть? / М. И. Брагинский. – М. : Экономика, 1990. – 175 с.

УДК 346.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА): ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Дьячкова Наталья Анатольевна,
инспекция МНС Республики Беларусь по Ленинскому району
г. Могилева (г. Могилев, Беларусь)

Данная статья посвящена теоретическим аспектам правового регулирования экономической несостоятельности (банкротства).

К основным нормативным правовым актам, которые регулируют вопросы экономической несостоятельности (банкротства) в Республике Беларусь относятся:

1. Положение о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, утвержденное Декретом Президента Республики Беларусь № 1 от 16.01.2009 г. (с изменениями и дополнениями) (основополагающий документ, который содержит в себе все процедуры, связанные с окончанием бизнеса в Беларуси).

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) регулирует общие вопросы экономической несостоятельности (банкротства). Статья 61 ГК предусматривает, что юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, за исключением казенного предприятия, а также юридическое лицо, действующее в форме потребительского кооператива либо благотворительного или иного фонда, в судебном порядке может быть признано экономически несостоятельным (банкротом), если оно не в состоянии удовлетворить требования кредиторов. Признание юридического лица экономически несостоятельным (банкротом) влечет его санацию, а при невозможности или отсутствии оснований продолжения деятельности – ликвидацию. В любом случае законодатель стоит на позиции первостепенного финансового оздоровления должника, и только при невозможности осуществления этого – прекращения его деятельности.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь регулирует вопросы:

- прекращения деятельности должников юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- расчетов с бюджетом;
- начисления государственной пошлины и вопросы предоставления льгот, например, при подаче юридическими лицами в процессе производства по делу об их экономической несостоятельности исков. Заявлений и жалоб в суды и т.д.

4. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (всцело регулирует вопросы экономической несостоятельности и банкротства компании, в том числе с применением процедуры ликвидации).

5. Указ Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)» (далее – Указ № 63).

6. Иные нормативные правовые акты национального законодательства.

Так, в целях правового регулирования процедур экономической несостоятельности Указ № 63 содержит нормы, не являющиеся предметом законодательства о банкротстве, но направленные на обеспечение исполнения этих процедур. В частности, это нормы, устанавливающие особенности государственной регистрации реализуемого в процедурах банкротства недвижимого имущества без правоустанавливающих документов, а также освобождение от налогообложения сделок по продаже имущественных комплексов в этих процедурах.

Процедуры в отношении несостоятельности весьма разнообразны. Национально-правовое регулирование в отношении состояния неплатежеспособности, как правило, носит строго императивный характер и относится к публичному порядку. Поэтому если в ходе рассмотрения вопроса о неплатежеспособности должника возникает иностранный элемент, то обычные механизмы международного частного права зачастую не позволяют эффективно разрешить возникающие вопросы.

Как раз трансграничные банкротства подразумевают наличие иностранного элемента, который может выражаться, например, в том, что:

- должник не является резидентом страны суда – имущество должника находится в целом или в части на территории другого государства;
- кредиторы не являются резидентами страны суда, находятся за границей;
- в иностранном государстве и в государстве страны суда в отношении того же должника или того же имущества осуществляются процедуры банкротства;
- иностранный управляющий принимает участие в отечественной процедуре банкротства.

В этой связи при определении надлежащей юрисдикции трансграничного банкротства предпочтение, как правило, отдается стране, в которой находится основное место деятельности должника. Что касается применимого права, то поскольку процедуры банкротства по большей части представляют собой вопросы процесса, право страны суда регулирует большинство возникающих в ходе рассмотрения дела проблем. Однако право страны суда, рассматривающего дело о банкротстве, не всегда адекватно может решить такие проблемы, как: основания для признания статуса и круг полномочий управляющего, отнесение имущества, находящегося за границей, к конкурсной массе, очередность в удовлетворении кредиторов. Как указывает Е. Б. Леонович, сложности и пробелы правового регулирования трансграничных банкротств в международном частном праве объясняются тем, что, во-первых, по многим вопросам нет специальных правовых положений в национальном и в международном праве; во-вторых, имеющиеся положения недостаточно исследованы в доктрине и судебной практике, поэтому их толкование остается довольно неопределенным. Ситуации несостоятельности, выступающие за рамки одного государства, требуют устранения разобщенности национально-правовых систем [1].

С целью унификации национальных законов в отношении трансграничных банкротств, а также для налаживания механизмов правовой

помощи и прямого сотрудничества между органами, рассматривающими соответствующие дела, международным сообществом предпринимаются различные попытки найти эффективные и адекватные механизмы. Международные универсальные соглашения по вопросам трансграничных банкротств отсутствуют из-за слишком больших разногласий между национально-правовыми системами в этой области. Наиболее значительным достижением универсальной унификации в рассматриваемой области является Европейская конвенция о некоторых международных аспектах банкротства, подписанная в Стамбуле в 1990 г., которая пока не вступила в силу.

Некоторые проблемы транснациональных банкротств в белорусском праве упомянуты. В частности, признается возможность иностранных кредиторов заявлять свои требования. Экстерриториальный же эффект белорусских процедур о банкротстве всецело относится к действию механизмов взаимности и правовой помощи. Введение в законодательство Республики Беларусь понятия «трансграничное банкротство» и участие нашей страны в международных договорах по этим вопросам позволили бы существенно защитить права белорусских кредиторов в иностранных процедурах банкротства, а также значительно повысить рейтинг Беларуси в оценке стабильности и предсказуемости инвестиционно-хозяйственных условий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт банкротства является важнейшим элементом механизма рыночной экономики. Его назначение состоит в добровольной или принудительной ликвидации несостоятельных юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, когда проведение мер по предупреждению банкротства, осуществления досудебной санации, либо наблюдения, либо внешнего управления не обеспечили уровень платежеспособности законодательством.

Список источников

1. Леонович, Е. Б. Развитие международно-правового регулирования трансграничных банкротств / Е. Б. Леонович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28970/1/2004_3_JLIR_leanovich_r.pdf. – Дата доступа: 5.10.2018.
2. О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования : Декрет Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 г. № 1, с изменениями и дополнениями от 23.07.2018 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства) : Указ Президента Республики Беларусь от 05.02.2013 № 63, с изменениями и дополнениями от 31.03.2018 [Электронный ресурс] // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об экономической несостоятельности (банкротстве) : Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 414-3, с изменениями и дополнениями от 16.05.2017 [Электронный ресурс] // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАДБАВКИ ЗА РИСК ПРИ РАЗРАБОТКЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Жесткова Елена Сергеевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Рассмотрен метод оценки рисков, позволяющий определить величину надбавки за риск при разработке инвестиционных проектов.

В современных экономических условиях для развития предпринимательства важнейшим вопросом является привлечение инвестиций и разработка инвестиционных проектов. В Постановлении Министерства экономики Республики Беларусь от 31 августа 2005 г. № 158 «Об утверждении Правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов» указано, что при составлении инвестиционного проекта необходимо проведение анализа и оценки рисков, связанных с проектом. Влияние факторов риска данное Постановление рекомендует учитывать с помощью надбавки за риск, которая добавляется к ставке дисконтирования для безрисковых вложений при определении средневзвешенной нормы дисконта. Но метод определения величины этой надбавки не предложен, поэтому чаще всего она устанавливается экспертным путем.

В процессе оценки рисков инвестиционного проекта и определения величины надбавки за риск лицо, принимающее решение (ЛПР), должно изучить достаточно большое количество разнообразных факторов риска. В частности, в упомянутом выше Положении перечисляется 10 свойственных для проектов рисков:

- организационные риски (недостаток квалифицированных менеджеров и иного управленческого персонала, обеспечивающего выработку стратегии развития организации, а также мониторинг реализации проекта);
- маркетинговые риски (недооценка перспектив развития рынков сбыта, вероятность снижения спроса и цен на выпускаемую продукцию, неотлаженность либо отсутствие собственной сбытовой сети);
- технические и технологические риски (просчеты при определении мощности создаваемого производства и инфраструктуры, выборе места расположения объекта, технологии и оборудования, фирм-изготовителей оборудования, неудовлетворительное качество приобретаемого оборудования, невозможность оперативного устранения неполадок при его эксплуатации, отсутствие у работников опыта работы с высокотехнологичным

оборудованием, импортозависимость при закупке запасных частей, дополнительной оснастки, инструментов);

- инвестиционные риски (вероятность корректировок проектной документации, увеличения стоимости строительно-монтажных работ и оборудования, срыва сроков их выполнения и поставок, дефицит работников строительных и иных профессий);

- финансовые риски (отсутствие собственных средств для начала реализации проекта, высокая стоимость заемных средств, проблемы по привлечению финансовых ресурсов из-за неплатежеспособности организации либо иных факторов, вероятность неисполнения участниками проекта, включая инвесторов и кредиторов, своих финансовых обязательств);

- экологические риски (вероятность нанесения вреда окружающей среде, применения мер ответственности);

- юридические риски (нарушение требований законодательства по процедуре разработки и реализации проекта, ошибки при заключении договоров с кредиторами (заимодавцами), инвесторами, проектировщиками, поставщиками, подрядчиками и иными исполнителями);

- производственные риски (высокая сырьевая импортозависимость, вероятность повышения цен и тарифов на материальные ресурсы, увеличения транспортных расходов на их доставку, недостаток собственных оборотных средств, низкое качество продукции, простои оборудования, вероятность снижения объемов производства и реализации продукции);

- экономические риски (ухудшение налогового климата, экономической ситуации в стране и мире в целом);

- иные риски [1].

Эти показатели могут задаваться как в качественном, так и в количественном виде. Чтобы адекватно учесть все эти показатели, следует использовать такие методы, как теория нечетких множеств и метод анализа иерархий. Для оценки рисков инвестиционного проекта можно применить предлагаемую ниже методику.

На первом этапе процесса оценки риска инвестиционного проекта необходимо выявить факторы риска, характерные для данного проекта, и проинвестировать их группировку по каким-либо признакам [2].

На втором этапе производится оценка каждого фактора риска в инвестиционном проекте, для чего определяется вероятность наступления неблагоприятного события. Вероятность может быть задана на базе имеющихся статистических данных или с применением суждений эксперта.

На третьем этапе выявляется степень влияния факторов риска на проект. Для этого определяется величина потерь от наступления неблагоприятного события. Так как потери могут быть не только финансовыми, но и материальными (потери сырья, полуфабрикатов и т.п. в натуральном выражении), трудовыми (потери рабочего времени), то возникает проблема их сопоставления. Эту проблему можно решить, используя элементы метода анализа иерархий. Опираясь на данные о потерях, возникающих при наступлении неблагоприятного события, эксперт или ЛПР заполняет матрицы парных сравнений для каждой группы рисков и определяет вес каждого фактора риска, который соответствует его влиянию на проект [2].

На четвертом этапе производится оценка каждой группы факторов риска, для чего вычисляется взвешенное среднеарифметическое значение вероятностей наступления факторов риска, входящих в группу. В результате каждая группа фактов риска будет оцениваться значениями от нуля до единицы, так как вероятности и степени влияния факторов риска задаются в этих же пределах. Чем ближе к нулю оценка группы факторов, тем меньше рисков связано с этой группой. Если же оценка группы факторов риска близка к единице, значит, эта группа вносит в проект очень значительный риск.

На пятом этапе оценивается степень риска по инвестиционному проекту в целом. Для этого нужно определить вес каждой группы факторов риска с помощью матриц парных сравнений, как на третьем этапе. Для заполнения матриц можно опираться на данные об общей сумме потерь по группе факторов риска, либо использовать суждения экспертов о важности той или иной группы факторов для проекта. Обобщенная оценка рисков по проекту может быть получена путем расчета взвешенного среднеарифметического значения оценок каждой группы факторов риска, полученных на четвертом этапе.

Так как общая оценка степени риска по инвестиционному проекту будет принимать значения от 0 до 1, ЛПР может определить величину надбавки за риск, устанавливая ее пропорционально оценке степени риска по проекту.

Список источников

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W20513184>. – Дата доступа: 10.11.2018.
2. Жесткова, Е. С. Методика оценки риска инвестиционных проектов / Е. С. Жесткова // Материалы, оборудование и ресурсосберегающие технологии : материалы Международной научно-технической конференции (г. Могилев, 16–17 апреля 2015 г.) / Белорусско-Российский университет. – Могилев, 2015. – С. 354–355.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРАУНДФАНДИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Карпович Екатерина Сергеевна,

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(г. Гродно, Беларусь)

В данной статье рассматривается такой вид деятельности, как краундфандинг, который является весьма популярным и актуальным способом инвестирования в зарубежных странах. В Республике Беларусь также можно принять участие в краундвестировании как в качестве реципиента, так и в качестве инвестора.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 12.07.2013 г. № 53-З «Об инвестициях» [1] предусмотрены такие способы инвестирования, как: создание коммерческой организации; приобретение, создание, в том числе путем строительства объектов недвижимого имущества, за исключением случаев, определенных абзацем четвертым ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь; приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности; приобретение акций, долей в уставном фонде, паев в имуществе коммерческой организации, включая случаи увеличения уставного фонда коммерческой организации; на основе концессии; иными способами, кроме запрещенных законодательными актами Республики Беларусь.

В настоящее время существует еще один способ инвестирования, так называемый краундфандинг, который все более стремительно развивается в современном гражданском обществе. Его популярность в качестве эффективного инструмента привлечения стартового капитала возрастает с каждым днем все больше и больше. На данный момент насчитывается более 1250 краундфандинг-платформ, имеющих разную направленность, большинство которых находятся в США – 30% и Европе – 48%. Началом развития краундфандинга можно считать 2009 год [2, с. 40].

Принято считать, что сам термин «краундфандинг» появился в 2006 году, а автором его является журналист Джефф Хауи. Первым примером интернет-краундфандинга является сбор средств на организацию гастрольного тура рок-группы «Marillion», которой удалось собрать в 1997 году 60 000 долларов. Первой краундфандинговой платформой, работающей по принципу кредитования, стала британская Зора.

Однако система краудфинансов в Республике Беларусь только начинает зарождаться. Краудфинансирование в нашей стране явление сравнительно новое и в недостаточной степени развитое как по количеству платформ, так и по масштабам реализованных проектов. Это связано безусловно с

тем, что для белорусов более привычно не вкладывать деньги в незнакомые и рискованные проекты, а хранить деньги в банке или дома, чаще всего не инвестируя их вовсе. Одной из причин такого поведения населения является низкий уровень осведомленности о возможностях, предлагаемых финансовым рынком.

ЗАО «Белгазпромбанк» без сомнения можно считать настоящим первопроходцем на рынке краудтехнологий в Республике Беларусь, который в феврале 2015 г. использовал технологию краудсорсинга, предложив своим клиентам высказать мнение о работе своего мобильного приложения и оставить свои замечания и пожелания. После успешной реализации банк стал партнером первой в Беларуси краудфандинговой платформы Ulej.by, а также запустил банковский краудфандинговый онлайн-сервис WikiBank, где вкладчик сам может выбрать бизнес, на финансирование которого будет направлен его депозит.

На сегодняшний день в республике функционируют такие краудфандинговые площадки, как Maesens.by (с 2011 г., благотворительный аукцион встреч, где деньги от продажи встречи идут на финансирование благотворительных мероприятий), Talaka.by-Talacosht (с 2013 г., принцип «все или ничего», вознаграждение за участие в виде подарка или благодарности, проекты в сфере образования, национальной культуры, социальной помощи, искусства и технологий), Ulej.by (с 2015 г., принцип «все или ничего», вознаграждение за участие в виде подарка или благодарности, проекты в сфере образования, социальной помощи, искусства и технологий), Investo.by (с 2015 г., инвестиционные проекты – краудинвестинг – выплата дивидендов участникам, принцип «все или ничего», вознаграждение за участие в виде подарка или благодарности, коммерческие проекты). Необходимо отметить, что благодаря проекту который набрал 20 тысяч долларов при участии в нем только 16 человек, в было открыто кафе «DOEAT» в Новополцке [2, с. 44–45].

Однако в Республике Беларусь существуют пробелы в законодательстве, устранение которых позволило бы решить вопросы сбора средств через электронные площадки. Но при этом частичное регулирование краудфандинга осуществляется: Гражданским кодексом Республики Беларусь, в части регулирования пожертвований и иных гражданских отношений (ст. 553), Налоговым кодексом Республики Беларусь, в части налоговых отношений, Банковским кодексом Республики Беларусь, Указом Президента Республики Беларусь от 01.07.2005 г. № 300 «О безвозмездной (спонсорской) помощи», законодательством о бухгалтерском учете и отчетности и т.п.

Так, из-за отсутствия норм законодательства, которые регулировали бы вопросы, связанные с организацией краудфандинга в Республике Бе-

ларусь, осуществление данной деятельности сталкивается с рядом проблем.

1. Риск неверной идентификации.

Поскольку площадкой для краудфандинга является Интернет, то существует возможность столкнуться с реальными мошенниками, которые могут использовать информацию о третьих лицах, без уведомления последних.

2. Качество проверки бизнес-проекта.

Инвесторы, вкладывая свои деньги в какой-либо проект, никак не вовлечены в процесс проверки качества документов, плана и реализации проектов, данная обязанность полностью осуществляется краудфандинговой площадкой.

3. Отсутствие контроля за инвестированием.

В законодательстве Республики Беларусь не указаны методы, которые смогут гарантировать передачу средств непосредственно в данный проект. Риск увеличивается, если краудфандинговая площадка работает с проектами различных направленностей [3, с. 24–25].

Следует отметить, что уже осуществляется работа над проектом нормативного правового акта по вопросам краудфандинговой деятельности финансовых интернет-площадок, которые предлагают услуги по организации привлечения и выдачи займов между физическими лицами, а также от физических лиц юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на финансирование бизнес-проектов, а данной работой занимается непосредственно Национальный банк Республики Беларусь [2, с. 45].

Полагаем, что краудфандинг можно сравнить с таким правовым институтом, как купля-продажа, которая осуществляется между инвестором и реципиентом. Но в данном случае речь идет о купле-продаже товара, который будет создан реципиентом в будущем на условиях предварительной оплаты, а данные отношения регулируются п. 2 ст. 425 и ст. 457 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Однако цели купли-продажи отличаются [4].

На данный момент такую деятельность можно отнести к способам инвестирования, а именно к иным способам инвестирования, кроме запрещенных законодательными актами Республики Беларусь. Но, не смотря на это, данное правовое регулирование не является достаточным, и существует необходимость выработать наиболее подходящие правовые нормы, регулирующие правоотношения в области краудфандинга с учетом всех особенностей законодательства нашего государства.

Так, краудфандинг, несмотря на все недостатки, связанные с недостаточным правовым регулированием, имеет большие плюсы, в частности данная деятельность способствует развитию многих успешных бизнес-проектов без первоначальных вложений, что еще больше подталкивает предпринимателей на развитие малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь.

В связи с чем полагаем, что в настоящее время существует необходимость полноценного правового регулирования краундфиндинга в Республике Беларусь. В связи с чем считаем необходимым разработать, принять и внедрить специальные нормы законодательства, которые позволят в полной мере краудфандинг как способ успешного инвестирования и развития бизнеса на территории нашего государства.

Список источников

1. Об инвестициях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 53-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Клещева, С. А. Краундфинансирование как инструмент инвестирования инновационного предпринимательства / С. А. Клещева. – 2017. – С. 40–45.
3. Крыж, У. С. Проблемы и развитие краундфиндинга в Республике Беларусь / У. С. Крыж. – 2017. – С. 24–25.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г., № 14-3 // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 347.734

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Полякова Любовь Григорьевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В условиях развития информационного общества для любого субъекта предпринимательской деятельности, в том числе банка, одним из важнейших ресурсов ведения бизнеса является информация, которая имеет высокую экономическую ценность. Обеспечение безопасности информационных ресурсов и информационных систем в банковской сфере рассматривается как один из важнейших факторов эффективной деятельности банков.

С развитием информационного общества появилась потребность в защите его главного движущего фактора – информации. Опыт эксплуатации информационных систем и ресурсов в различных сферах жизнедеятельности общества показывает, что существуют различные и весьма реальные угрозы потери информации, приводящие к негативным последствиям. А развитие информационных технологий и их активное внедрение создает качественно новые угрозы несанкционированного воздействия на информационные ресурсы и информационные системы.

Осуществление банковской деятельности напрямую связано с получением, переработкой, хранением и использованием информации, имеющей высокую экономическую ценность. При этом следует заметить, что банковская информация может иметь разные правовые режимы в зависимости от содержания и назначения ее использования и затрагивает интересы, не только самого банка, но и его клиентов [1, с. 217]. Данная информация используется при работе с клиентами, партнерами, внутри банка, к ней имеет непосредственный доступ персонал банка, а так же существует множество внешних злоумышленников, заинтересованных в организации несанкционированного доступа к интересующей их информации. Любые действия пользователей на компьютерах и в сетях приводят к перемещению или к обработке информации. Кроме того, информация находится в стадии хранения на информационных ресурсах.

В этих условиях информационная безопасность банков становится важнейшим элементом безопасности банка в целом.

Под информационной безопасностью принято понимать защищенность информации и поддерживающей ее инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, которые могут нанести неприемлемый ущерб субъектам информационных отношений [2, с. 23].

Информационная безопасность не сводится исключительно к защите информации. Субъект информационных отношений может пострадать (понести убытки) не только от несанкционированного доступа, но и от поломки системы, вызвавшей перерыв в обслуживании клиентов.

В качестве стандартной модели безопасности информационных ресурсов банков используется модель из трех категорий: конфиденциальность – состояние информации, при котором доступ к ней осуществляют только субъекты, имеющие на него право (исключение доступа к информации несанкционированных пользователей); целостность – избежание несанкционированной модификации информации (свойство сохранять неизменность или обнаруживать факт несанкционированного изменения информации); доступность – свойство своевременно и достоверно представлять требуемую информацию в соответствии с установленными правилами и правами доступа [3, п. 2].

Соответственно в банковском законодательстве под информационной безопасностью понимается многоуровневый комплекс организационных мер, аппаратно-программных и технических средств, обеспечивающих защиту от случайных и преднамеренных угроз, в результате реализации которых возможно нарушение свойств доступности, целостности, подлинности или конфиденциальности обрабатываемой, хранящейся или передаваемой информации [3, п. 2].

Основными целями обеспечения информационной безопасности банка являются повышение надежности защиты информации в процессе ее обработки, хранения и передачи; выявление уязвимостей системы обеспечения информационной безопасности, предупреждение реализации угроз, минимизация ущерба от реализации угроз информационной безопасности, повышение деловой репутации банка, которые достигаются при соблюдении правил и требований информационной безопасности, необходимых для получения оптимального баланса между надежностью и оперативностью функционирования банка.

В соответствии с нормами действующего законодательства в системе мер по защите информационной безопасности реализуются правовые, организационные (административные), технические (программно-технические) меры [4, ст. 29].

Правовые меры защиты носят в основном упреждающий, профилактический характер и требуют постоянной разъяснительной работы с пользователями и обслуживающим персоналом информационной системы банка. В качестве правовых мер следует рассматривать действующие в Республике Беларусь нормативные правовые акты, регламентирующие правила обращения с информацией, закрепляющие права и обязанности участников информационных отношений в процессе ее обработки и использования, а также устанавливающие ответственность за нарушения этих правил. Следует указать на необходимость постоянного совершенствования нормативной базы, регуливающей вопросы безопасного функционирования критически важных объектов информатизации [5, с. 17].

Обеспечение информационной безопасности банка достигается реализацией комплекса необходимых мер. Кроме правовых мер защиты, система обеспечения безопасности информации банка должна предусматривать организационные и программно-технические меры и средства защиты информации в процессе ее обработки и хранения, при передаче информации по каналам связи, при ведении конфиденциальных переговоров, раскрывающих сведения с ограниченным доступом, при использовании технических и программных средств.

Национальный банк Республики Беларусь устанавливает для банков и небанковских кредитно-финансовых организаций обязательные требования к безопасному функционированию объектов и безопасности оказания банковских услуг, защите информационных ресурсов и информации, распространение и (или) предоставление которых ограничено и осуществляет контроль за обеспечением безопасности и защиты информационных ресурсов в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях [6, ст. 26].

Для обеспечения защиты информационных ресурсов в банках разрабатывается политика информационной безопасности, включающая в себя обязательные требования по защите информации, распространение и предоставление которой ограничено, а также требования к контролю за обеспечением безопасности и защиты информационных ресурсов в банках.

Политика информационной безопасности банка представляет собой официально принятую руководством банка систему взглядов на проблему обеспечения информационной безопасности банка.

Политика информационной безопасности разрабатывается в соответствии с законодательством по информационной безопасности Республики Беларусь, требованиям нормативных документов Национального банка Республики Беларусь.

К направлениям политики информационной безопасности относят: защиту помещений и объектов от несанкционированного доступа; защиту информации в бумажном документообороте; защиту информации от утечки по техническим каналам; возможные угрозы при проведении мероприятий и эксплуатации технических средств; обеспечение информационной безопасности в компьютерных сетях; обеспечение информационной безопасности в платежных системах, в том числе с использованием банковских платежных карточек и др.

Таким образом, информационная безопасность банков – один из важнейших факторов их эффективной деятельности. Информационная безопасность банка – это состояние защищенности объектов защиты (информационных ресурсов, технических и программных средств информационных технологий и т.д.), при котором обеспечивается их конфиденциальность, доступность и целостность. Безопасность информации определяется отсутствием недопустимого риска, связанного с несанкционированными и непреднамеренными воздействиями на информацию и на другие ресурсы информационной системы, используемые в банке. Неотъемлемым элементом информационной безопасности в банковской сфере является состояние защищенности сбалансированных интересов самого банка и его клиентов, взаимодействующих в области создания, обращения, пользования, сохранения информационных ресурсов.

Список источников

1. Полякова, Л. Г. Банковская информация: терминологический аспект / Л. Г. Полякова // THESAURUS : зб. навук. пр. / УА «Магілёўскі інстытут Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь». – Магілёў, 2016. – Вып. 2. – С. 215–219.
2. Агамов, А. Н. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности : учеб. пособие / А. Н. Агамов, А. А. Шмелев. – М. : НЦПИ, 2002. – 126 с.
3. Об утверждении Инструкции об организации системы внутреннего контроля в банках, открытом акционерном обществе «Банк развития Республики Беларусь», небанковских кредитно-финансовых организациях, банковских группах и банковских

- холдингах [Электронный ресурс] : постановление Правления Национального банка Респ. Беларусь, 30 нояб. 2012 г., № 625 : в ред. постановления Правления Национального банка Респ. Беларусь от 29.06.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
 5. Матвеев, А. А. Направления развития законодательства в сфере информационной безопасности // А. А. Матвеев, А. Ю. Чернолевский // Промышленно-торговое право. – 2017. – № 9. – С. 17–21.
 6. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-З : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 339.137:346.61

ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ АНТИКОНКУРЕНТНОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Симаков Дмитрий Анатольевич,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

В статье рассмотрены правовые конструкции ценового сговора как незаконной формы антиконкурентного ценообразования и проявления монополистической деятельности. Установлены экономические основы возникновения и целевой направленности ценовых соглашений и согласованных действий хозяйствующих субъектов, условия их возникновения и методы поддержания.

Карл Маркс, анализируя производственные отношения капитализма свободной конкуренции, выделил монополию как неотъемлемый элемент этой системы хозяйствования. Им было раскрыто противоречивое единство монополии и конкуренции: «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу» [3, с. 166]. Каждый производитель (продавец) конкурирует с другими за деньги покупателя, но в то же время каждый из них стремится быть единственным в своей сфере деятельности и контролировать рынок данного товара.

Согласно организации отраслевых рынков, в условиях олигополии совокупная прибыль отрасли меньше монопольной, поскольку олигополист максимизирует собственную прибыль частично за счет прибыли конкурентов. Альтернативным решением, позволяющим всем фирмам увеличить свою рыночную власть, а значит, и устанавливать цену, превышающую предельные издержки, является сговор [2, с. 158]. Это объективно объясняет научный и практический интерес со стороны антимонопольной политики к основаниям, условиям и пределам действия запретов на сговоры хозяйствующих субъектов о разделе рынков и согласовании цен.

В качестве субъектов ценового сговора выступают хозяйствующие субъекты – конкуренты, взаимодействующие на олигополистическом рынке. Именно олигополистическая структура рынка приводит к взаимозависимости маркетинговых стратегий его участников и создает необходимые условия для возникновения сговора.

Поведение хозяйствующих субъектов, вступивших в антиконкурентные соглашения (сговор), по результатам тождественно поведению хозяйствующих субъектов, занимающих на рынке доминирующее положение, но его сложно обнаружить: каждый участник сговора имеет «обычные» экономические характеристики. Вот почему выявление и пресечение ценового сговора является важной и наиболее проблемной областью антимонопольного регулирования.

Известны две формы ценового сговора – явный и молчаливый. Правовыми конструкциями для отражения понятий явного и молчаливого сговора являются соответственно ценовые соглашения и согласованные действия. Будучи инструментом ограничения конкуренции, ценовые соглашения и согласованные действия участников рынка приводят к значительным потерям для покупателей. Стимулом для заключения соглашений выступает возможность повысить цену выше того уровня, который сложился бы в ходе конкуренции между продавцами. Особенность согласованных действий в отличие от соглашений – параллельное повышение цен при отсутствии явной договоренности между участниками рынка. Причем для координации цен и других условий сделок между компаниями им не нужно заключать тайное соглашение, достаточно взаимного понимания тех выигрышей, которые получают участники рынка в случае отказа от конкуренции между собой [4, с. 32].

В соответствии с национальным законодательством Республики Беларусь согласно подпункту 1.19. ст. 1 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) соглашение определено как договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также как договоренность в уст-

ной форме. Сторонами соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, согласно пункту 1 статьи 13 Закона могут быть только хозяйствующие субъекты – конкуренты, т.е. хозяйствующие субъекты, действующие на одном товарном рынке. Результатом таких соглашений они имеют или могут иметь:

- раздел товарного рынка по территориальному принципу, объемам сделок, видам, объемам, ассортименту товаров и их ценам (тарифам), кругу продавцов либо потребителей;

- исключение или ограничение доступа на товарный рынок других хозяйствующих субъектов;

- установление, повышение, снижение или поддержание цен (тарифов), в том числе различных цен (тарифов) на один и тот же товар;

- повышение, снижение или поддержание цен на торгах;

- экономически или технологически не обоснованное сокращение и (или) прекращение производства товаров;

- экономически или технологически не обоснованный отказ от заключения договоров с определенными продавцами или потребителями.

Согласованными действиями, подпадающими под запрет п. 2 ст. 13 Закона, являются действия хозяйствующих субъектов на товарном рынке, удовлетворяющие в совокупности следующим условиям:

- действия хозяйствующих субъектов заранее известны каждому из них;

- результат таких действий соответствует интересам каждого из таких хозяйствующих субъектов;

- действия каждого из указанных хозяйствующих субъектов вызваны действиями иных хозяйствующих субъектов, участвующих в согласованных действиях, и не являются следствием обстоятельств, в равной мере влияющих на все хозяйствующие субъекты на соответствующем товарном рынке. Такими обстоятельствами могут быть изменение регулируемых цен (тарифов), изменение цен на сырье, изменение цен на товар на мировых товарных рынках, существенное изменение спроса на товар в течение не менее одного года или в течение срока существования соответствующего товарного рынка, если такой срок составляет менее одного года, и иные обстоятельства.

По существу, осуществление согласованных действий, в отличие от соглашений, ограничивающих конкуренцию, не предполагает наличие правового обязывающего действия и не основывается на заключении участниками данных действий гражданско-правового соглашения. Правовая интерпретация участия хозяйствующих субъектов в согласованных действиях, имеющих своей целью ограничение конкуренции, допускает, что сам характер таких действий (необоснованное повышение цен, необоснованное

установление ценовых зон и др.) предполагает предоставление иным хозяйствующим субъектам достаточного количества информации о возможности (успешности) согласованных действий.

В этой связи можно сделать вывод, что согласованные действия осуществляются хозяйствующими субъектами, которые изначально обладают информацией (принцип осведомленности), на основании которой они принимают решение осуществлять согласованные действия (принцип умышленности действий). Таким образом, данные действия основаны на одностороннем самостоятельном решении хозяйствующих субъектов осознанно подчинить свое экономическое поведение на рынке поведению конкурентов и координировать свои действия с их действиями.

Вместе с тем в отсутствие письменной договоренности очень сложным является доказательство того, что в действиях субъектов действительно имеется взаимосогласованность и взаимообусловленность.

В условиях молчаливого сговора для его установления и поддержания участники придерживаются стратегии «сознательного параллелизма», при которой фирмы как бы случайно выбирают одинаковые рыночные цены, используя для этого разные способы. Во-первых, это лидерство в ценах, гарантирующее, что остальные участники рынка будут придерживаться той цены, которую назначит фирма-лидер. Во-вторых, это фокальные точки, которые выбираются по принципу аналогии, симметрии, на основе предшествующего опыта. Назначая цену на уровне фокальной точки, фирма показывает свое намерение не развязывать ценовой войны, молча призывая других рыночных агентов к координации. В-третьих, это система ценообразования по базисным пунктам, при которой цена товара определяется суммированием продажной цены и издержек транспортировки от условного места («базисного пункта») до покупателя. Другим инструментом координации на основе единой системы ценообразования является так называемое «эвристическое ценообразование»: цена устанавливается исходя из оценочных средних издержек и нормальной нормы прибыли к ним. Если все участники отрасли характеризуются одинаковыми издержками и претендуют на одинаковую норму прибыли, предлагаемые ими цены будут идентичны, даже при отсутствии формального сговора между ними [1, с. 120–122]. Необходимым условием для участников молчаливого сговора при координации действий является информационная прозрачность рынка, обеспечиваемая путем раскрытия информации о ценах.

Таким образом, в ходе исследования правовых аспектов антиконкурентного ценообразования раскрыта негативная сторона антиконкурентных отношений хозяйствующих субъектов, вступающих в сговор. Такое их поведение на рынке (и явный, и молчаливый сговор) с юридической точ-

ки зрения является противозаконным, поскольку имеет своим следствием ограничение конкуренции, ущемление интересов других хозяйствующих субъектов, а также потребителей. С экономической точки зрения ценовой сговор неэффективен, поскольку, как правило, приводит к потере аллокативной и производственной эффективности, а также изменению динамической эффективности отрасли.

Список источников

1. Авдашева, С. Б. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения / С. Б. Авдашева, Н. М. Розанова // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – Том 2. – № 2. – С. 112–127.
2. Кабраль, Луис, М. Б. Организация отраслевых рынков: вводный курс / Луис М. Б. Кабраль ; пер. с англ. А. Д. Шведа. – Минск : Новое знание, 2003. – 356 с.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – М. : Гос. изд. полит. лит-ры, 1955. – Т. 4.
4. Юсупова, Г. Ф. Проблемы противодействия ограничивающим конкуренцию соглашениям в российской антимонопольной политике / Г. Ф. Юсупова // Современная конкуренция. – 2009. – № 2 (14). – С. 31–43.

УДК 346.2

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ФОРМА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН

Таланов Алексей Александрович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Пантелеева Наталья Викторовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Тезисы посвящены понятию, признакам и правовому регулированию осуществления предпринимательской деятельности физическим лицом. Делается упор на невозможность осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации и рассматривается вероятность осуществления такой деятельности как таковой.

Наиболее простой формой осуществления предпринимательской деятельности является использование статуса индивидуального предпринимателя. Возможность осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности вытекает из общей правосубъектности гражданина. Статья 17 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) включает в содержание правоспособности граждан право заниматься предпринимательской

и любой иной, не запрещенной законодательными актами деятельностью. Ограничение указанного права возможно только по основаниям, предусмотренным законодательством. Так, в соответствии со ст. 17 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 «О борьбе с коррупцией» государственное должностное лицо не вправе заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через доверенных лиц, оказывать содействие близким родственникам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя служебное положение, быть представителем третьих лиц по вопросам, связанным с деятельностью государственного органа (иной государственной организации), служащим которого (которой) оно является, либо подчиненного и (или) подконтрольного ему (ей) государственного органа, государственной организации, а также выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением трудовых обязанностей по месту основной работы (кроме преподавательской, научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики), если иное не установлено Конституцией Республики Беларусь.

Индивидуальная предпринимательская деятельность без образования юридического лица имеет ряд преимуществ перед использованием статуса юридического лица для осуществления предпринимательской деятельности. Наиболее важными среди них являются:

- во-первых, упрощенный порядок регистрации и прекращения деятельности,
- во-вторых, упрощенный порядок ведения бухгалтерского учета и отчетности,
- в-третьих, возможность только судебного порядка наложения взыскания на имущество, в том числе и на денежные средства, и, наконец, выгодный налоговый режим.

Однако, несмотря на положительные стороны, ведение предпринимательской деятельности без образования юридического лица имеет и существенный недостаток, а именно полную имущественную ответственность индивидуального предпринимателя: по решению суда взыскание может быть обращено на все имущество, принадлежащее гражданину-предпринимателю за некоторым исключением [3].

В то же время статус индивидуального предпринимателя вызывает ряд принципиальных вопросов. Предпринимательская деятельность как экономическое явление может осуществляться физическим лицом и без государственной регистрации. Под индивидуальными предпринимателями понимаются не только физические лица, зарегистрированные в установленном порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, но и частные охранники, частные «врачи»

и т.д. Поэтому, во-первых, необходимо всесторонне оценить предложение рассматривать в качестве индивидуальных предпринимателей физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации. Действительно, с экономической точки зрения такая деятельность является предпринимательской, поскольку имеет все необходимые свойства. Во-вторых, такая деятельность является незаконной (отсутствует государственная регистрация субъекта предпринимательской деятельности). Правовой режим незаконного предпринимательства порождает различные правовые последствия.

В соответствии со ст. 22 ГК гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Количество физических лиц, привлекаемых индивидуальным предпринимателем на основании гражданско-правовых и (или) трудовых договоров для осуществления предпринимательской деятельности, а также количество имущества, используемого для этих целей, может быть ограничено законодательными актами. К предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила ГК, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из законодательства или существа правоотношения. Гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица с нарушением требований п. 1 ст. 22 ГК, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является индивидуальным предпринимателем. К таким сделкам применяются правила, установленные законодательством для предпринимательской деятельности.

Только формально юридический признак государственной регистрации до конца четко позволяет отделить предпринимательскую деятельность гражданина от его обычного повседневного выступления в имущественном обороте в качестве потребителя. Естественно, что сам индивидуальный предприниматель не будет спешить с государственной регистрацией во избежание повышенного налогообложения. В связи с этим законодатель вынужден предусмотреть жесткие последствия осуществления предпринимательской деятельности без регистрации: все доходы от такой деятельности могут быть в судебном порядке взысканы в соответствующий бюджет. В то же время ГК не проводит четкого разграничения обязательств личного и предпринимательского характера у индивидуального предпринимателя, а поэтому неопределенно влияние регистрации гражданина как предпринимателя на его ответственность перед кредиторами. Весьма логичным представляется в разделе о гражданах как субъектах права выделить в особую

группу нормы о гражданах-предпринимателях и указать на особенности их правосубъектности, в отношении которых общие нормы действуют в части, не противоречащей им. Это объясняется тем, что в формировании и реализации правосубъектности граждан-предпринимателей раскрываются принципиально иные правовые закономерности, чем те, которые заключены в правоспособности и дееспособности обычных граждан. Можно пойти и по иному пути, приняв отдельный закон о статусе индивидуальных предпринимателей, в котором исходя из конституционных положений, а также общих положений о право- и дееспособности граждан всесторонне урегулировать их деятельность. Принятие такого нормативного акта представляется тем более актуальным, что до настоящего времени нет четкого определения, какую деятельность граждан включать в сферу предпринимательства, а какую признавать обычными действиями граждан по распоряжению объектами своей собственности (общие признаки предпринимательской деятельности в ряде случаев не позволяют с достаточной уверенностью ответить на этот вопрос).

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г., одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. [Электронный ресурс] // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Гражданско-правовая ответственность субъектов хозяйствования // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.
3. Добродей, А. Незаконная предпринимательская деятельность / А. Добродей // Юрист. – 2009. – № 8. – С. 78–80.
4. Жук, А. В. Хозяйственное право : общая часть / А. В. Жук. – Минск : БГУ, 2009. – 53 с.

УДК 311.17

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИКТИВНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ В ПРИКЛАДНОМ РЕГРЕССИОННОМ АНАЛИЗЕ ВТОРИЧНОГО РЫНКА АВТОМОБИЛЕЙ

Чегерова Татьяна Ивановна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Ливинская Виктория Александровна,

Белорусско-Российский университет
(г. Могилев, Беларусь)

Рассматриваются возможности применения фиктивных переменных в качестве регрессоров, участвующих в формировании цены подержанного автомобиля. На примере информации, собранной с сайта объявлений о продажах в интернете, получены коэффициенты регрессионной модели, описывающей зависимость логарифма цены от возраста, пробега, объема и типа двигателя, технического состояния, количества владельцев и мощности.

Развитие современных информационных технологий, все большее дружелюбие к пользователю компьютерных приложений в последние годы способствовало широкому использованию статистического инструментария, в частности регрессионного анализа как одного из основных методов прикладной статистики, не только узкими специалистами в этой науке, но и пользователями-аналитиками в бизнесе, медицине, социологии, маркетинге [1; 2]. Во всех сферах человеческой деятельности, где возникает необходимость проанализировать влияние изменения одного или нескольких факторов (предикторов) на изменение интересующего исследователя результативного фактора, такая необходимость может быть реализована с помощью регрессионного анализа.

Основная идея данного инструмента состоит в определении наилучшей функциональной зависимости между результативным и факторными признаками. Если есть основания предполагать линейную зависимость (как самую простую с точки зрения интерпретации), то задача состоит в нахождении коэффициентов b_i в модели:

$$Y = b_0 + b_1x_1 + b_2x_2 + \dots + b_kx_k,$$

где Y – результативный показатель;

x_i – факторные признаки; $i = 1 \dots k$;

b_0 – свободный параметр уравнения;

b_i – коэффициенты регрессии, подлежащие оценке.

В случаях, когда факторные признаки могут быть измерены количественно, зависимость оценивается непосредственно по эмпирическим данным с помощью метода наименьших квадратов (МНК).

Если же факторные признаки являются качественными (т.е. описываемые вербально и принимаемые ограниченное число значений), необходимо выполнить преобразование исходной информации, так называемую «кодировку» значений признаков, относящихся к различным объектам или периодам времени (в случае моделирования сезонности). Далее использование метода наименьших квадратов становится возможным.

Такие модели могут содержать одновременно как количественные, так и качественные переменные (модели ковариационного анализа- ANCOVA), либо только качественные переменные (модели дисперсионного анализа-

ANOVA). Чаще всего применяются бинарные фиктивные переменные (D), принимающие два значения, 0 и 1, в зависимости от определенного условия [3]. Существенность влияния качественного признака на результативный оценивается по классической схеме с помощью статистики Стьюдента. Если гипотеза о равенстве нулю коэффициента при фиктивной переменной отвергается, то считается, что фактор оказывает влияние на результат.

Рассмотрим примеры введения в модель фиктивных переменных. Иллюстрацией такой задачи может быть моделирование цены автомобиля на вторичном рынке, при этом были использованы объявления о продаже на интернет-ресурсе Авито-Авто.

На изменение цены автомобиля BMWX-5 изучалось влияние следующих факторов: возраст (лет), пробег (км), объем двигателя (литры), тип двигателя, состояние (требуется/не требует ремонт), владельцы (1, 2, 3, более 3), мощность (л.с.). Рассматриваемые факторы представлены как количественными, так и качественными показателями. Поэтому целесообразно использовать ANCOVA – модель ковариационного анализа.

Самый простой случай, когда признак является альтернативным и для его описания достаточно одной бинарной фиктивной переменной, которая принимает значение, равное единице, если объект обладает признаком, и нулю, если нет. Тот факт, что автомобиль попал в аварию до момента продажи и требует вследствие этого ремонта, может быть описан с помощью фиктивной переменной $Dstatus$:

$$Dstatus = \begin{cases} 0, & \text{автомобиль был в аварии (требуется ремонт);} \\ 1, & \text{автомобиль не был в аварии (не требует ремонта).} \end{cases}$$

В случае, если качественный признак имеет N состояний, принято ввести N-1 фиктивную переменную. Так, если двигатель в выборке представлен тремя модификациями: бензин, дизель, газ/бензин, используются две фиктивные переменные.

$$Dtype1 = \begin{cases} 1, & \text{бензин;} \\ 0, & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

$$Dtype2 = \begin{cases} 1, & \text{дизель;} \\ 0, & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

Все возможные значения признака представлены в таблице.

Задание фиктивной переменной «Тип двигателя»

Тип двигателя	$Dtype1$	$Dtype2$
бензин	1	0
дизель	0	1
газ/бензин	0	0

Таким же образом для фактора «Количество владельцев», который имеет четыре состояния, были сконструированы три фиктивные переменные ($Down_i, i=1, \dots, 3$):

$$Down1 = \begin{cases} 1, & \text{два владельца;} \\ 0, & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

$$Down2 = \begin{cases} 1, & \text{три владельца;} \\ 0, & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

$$Down3 = \begin{cases} 1, & \text{более трех владельцев} \\ 0, & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

Для улучшения качества модели рекомендуется использовать вместо реальных значений количественных переменных, когда они принимают значения десятков или сотен тысяч, их натуральные логарифмы. В нашем исследовании мы прологарифмировали значения цены и пробега, в результате была получена наиболее приемлемая, описывающая изменение цены модель:

$$\text{LN(Цена)} = 14,67 - 0,12 \times \text{возраст} + 0,1 \times Dtype2 - 0,037 \times Down1 - 0,04 \times Down2 - 0,39 \times Down3 + 0,49 \times Dstatus - 0,13 \times \text{LN(пробег)} + 0,0076 \times \text{мощность} - 0,04 \times \text{Объем_двиг.}$$

Уравнение статистически значимо ($F = 10,4, p < 0,0005$). Коэффициент детерминации $R^2 = 0,92$, таким образом, полученное уравнение объясняет 92% вариации цены в зависимости от изменения выделенных факторов.

Для определения индекса изменения цены в зависимости от изменения i -го фактора на единицу (для факторов, входящих линейно в модель) нужно рассчитать значение e^{bi} .

Таким образом, с каждым годом, цена на автомобиль BMWX-5 падает на 11,3%. Увеличение объема двигателя на 1 л снижает цену автомобиля на вторичном рынке, так как это вызывает увеличение потребления топлива. Машины с дизельным топливом на 11% дороже, чем машины с комбинированным двигателем (газ/бензин), машины, не попадавшие в аварии дороже на 64% тех, что требуют ремонта. Если машина принадлежала не одному, а нескольким владельцам, то это вызывает снижение ее цены от 3,6% до 4,4%.

Следует заметить, что одно уравнение с фиктивными переменными позволяет на самом деле описывать разные части одной выборки, что весьма удобно для представления результатов исследования.

Список источников

1. Социальные риски и принципы эффективного управления человеческими ресурсами в Белоруссии / Н. В. Маковская, Т. И. Чегерова // Менеджмент в России и за рубежом. – № 1. – 2018. – С. 42–48.

2. Эконометрический подход к совершенствованию методики оценки рыночной стоимости объектов / В. А. Ливинская, В. А. Григорьев, А. Д. Сыромолотова // Материалы Международной научно-технической конференции «Материалы, оборудование и ресурсосберегающие технологии», Могилев, 26–27 апреля 2018 г. – С. 455–456.
3. Магнус, Я. Р. Эконометрика. Начальный курс : учеб. / Я. Р. Магнус, П. К. Кагышев, А. А. Пересецкий. – 8-е изд., испр. – Москва : Дело, 2007. – 504 с.

УДК 347.4

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ СМЕШАННЫХ И НЕПОИМЕНОВАННЫХ ДОГОВОРОВ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В XXI в.

Янчуревич Константин Викторович,

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

(г. Гродно, Беларусь)

В статье рассматривается ряд проблем в сфере развития договорного права в Республике Беларусь, а также изменения, происходящие в предпринимательской сфере по мере совершенствования законодательства в данной области. Предлагаются способы решения данных проблем.

На современном этапе развития существующего общества, а также экономических и правовых отношений постоянно возникает значительное количество проблемных ситуаций, требующих быстрого урегулирования. В качестве примера подобного рода проблемных ситуаций можно привести необходимость совершенствования законодательства Республики Беларусь в области договорного права. Рассматривая данную ситуацию, можно отметить, что особого внимания заслуживает вопрос необходимости развития законодательства в области смешанных и непоименованных договоров.

На ряду с уже получившими свое законодательное закрепление в Гражданском кодексе Республики Беларусь (поименованными) договорами, нередко применяются договорные конструкции, известные мировой предпринимательской практике, но не получившие своего законодательного закрепления в Гражданском кодексе Республики Беларусь (непоименованные договоры). В связи с тем, что в белорусском законодательстве практически отсутствуют нормы, регулирующие отношения, возникающие в сфере применения непоименованных для Республики Беларусь договоров, нередко возникают споры, в том числе и судебные. Отсутствие подобного рода правовых норм может привести к таким значительным негативным

последствиям для представителей предпринимательского сектора экономики, как потери существенных финансовых средств, простой производства, недопоставка необходимых товаров, и даже банкротство.

Исследованием проблем, возникающих в сфере применения смешанных и непоименованных договоров, в разное время занимались ученые ряда стран, в том числе: Г. Н. Богдановская [1], Н. Л. Бондаренко [2], М. Брагинский [3], А. И. Бычков [4; 5], М. Н. Илюшина [6], Р. А. Лидовец [7], В. Л. Магда [8], К. В. Янчуревич [9; 10].

Среди множества непоименованных договоров особого внимания заслуживают следующие: аутстаффинг, агентский договор, товарный кредит, дилерский договор, дистрибьюторское соглашение. Вышеуказанные договоры уже достаточно давно применяются на практике и получили свое закрепление в законодательстве многих развитых стран, а также стран, граничащих с Республикой Беларусь.

Использование на практике данных договоров позволит в значительной степени улучшить положение в сфере белорусского предпринимательства и создаст новые возможности для его развития.

Кроме того, отдельного внимания заслуживает проблема развития белорусского законодательства в сфере смешанных договоров, позволяющих в одной договорной конструкции использовать элементы нескольких договоров, в том числе и еще неизвестных белорусскому законодательству (непоименованных договоров).

Применение на практике смешанных договоров позволит в значительной степени снизить затрачиваемое время на документооборот, и тем самым даст возможность получать прибыль быстрее и в большем объеме.

В качестве примера смешанного и в то же время непоименованного для белорусского законодательства можно привести агентский договор, который уже достаточно давно используется как в Российской Федерации, так и в Польше, США, Великобритании, а также многих других странах ближнего и дальнего зарубежья.

Развитие законодательства регулирующего отношения в сфере смешанных и непоименованных договоров способно значительно улучшить экономическое положение предпринимателей, в особенности среднего его звена. Кроме того, по мере развития предпринимательской сферы в Республике Беларусь станет возможным создание новых дополнительных рабочих мест, что снизит уровень безработицы в стране и позволит увеличить поступление налоговых платежей в государственный бюджет. В свою очередь, пополнение бюджета страны позволит осуществить новые инвестиционные и социальные проекты.

Для успешного развития законодательства в вышеуказанной области целесообразно использовать опыт других стран, уже создавших правовые нормы, регулирующие данную сферу.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- во-первых, развитие законодательства в области смешанных и непоименованных договоров поможет значительно расширить предпринимательский сектор;
- во-вторых, применение смешанных договоров позволит сократить объем документооборота и в связи с этим сократить затраты предпринимателей, и в следствии этого создать дополнительные рабочие места и увеличить поступление налоговых платежей в бюджет страны.

Список источников

1. Богдановская, Г. Н. Смешанный договор как системное правовое явление / Г. Н. Богдановская // Актуальные проблемы частноправового регулирования : материалы Всероссийского VIII научного форума (Самара, 24–25 апреля 2009 г.). – Самара : Изд-во Самар. ун-та. – 2009. – С. 307–310.
2. Бондаренко, Н. Л. Непоименованные и смешанные договоры в гражданском праве и гражданском обороте Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко // Экономика и упр. – 2006. – № 2. – С. 43–47.
3. Брагинский, М. Непоименованные (безымянные) и смешанные договоры / М. Брагинский // Хозяйство и право. – 2007. – № 9. – С. 36–49.
4. Бычков, А. И. Изменение и расторжение смешанного договора / А. И. Бычков // Юрист. – 2011. – № 12. – С. 24–27.
5. Бычков, А. И. Правовая природа соглашения о разделе продукции: смешанный или самостоятельный договор? / А. И. Бычков // Юрист. – 2011. – № 20. – С. 12–17.
6. Илюшина, М. Н. Применение смешанных и комплексных договоров в коммерческом обороте / М. Н. Илюшина // Вестник Российской правовой академии. – 2006. – № 2. – С. 22–25.
7. Лідовець, Р. А. Змішані договори в цивільному праві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. А. Лідовець. – Львів, 2005. – 19 с.
8. Магда, В. Л. Договор управления как смешанный договор / В. Л. Магда // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации : сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской ежегодной научной студенческой конференции, Саратов, 16 апреля 2010 г.). – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права». – 2010. – С. 78–80.
9. Янчуревич, К. В. Смешанные и непоименованные договоры как необходимый инструмент для современного инвестора / К. В. Янчуревич // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2016. – Т. 6. – № 4. – С. 61–66.
10. Янчуревич, К. В. Совершенствование законодательства в области смешанных и непоименованных договоров как фактор современного экономико-правового развития Республики Беларусь / К. В. Янчуревич // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 4. Правазнаўства. – 2017. – Т. 7. – № 5. – С. 33–40.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 34

ЯВЛЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Балабкина Анна Игоревна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной статье раскрывается сущность дискриминации, ее виды и принципы. Целью статьи является то, как дискриминация проявляет себя в обществе в трех направлениях (расовая дискриминация, гендерная дискриминация, дискриминация в сфере труда).

Явление дискриминации – это целая теория или даже наука. В условиях прогрессивного развития демократического мирового сообщества XXI в. остается актуальной проблема негативного отношения и ограничения прав и свобод людей в связи с их принадлежностью к определенной социальной группе. Поэтому ликвидация всех форм дискриминации определена первоочередной задачей ООН и других международных и национальных организаций [1].

Выделяют некоторые признаки дискриминации:

- 1) предвзятое отношение;
- 2) наличие оскорблений, хамского поведения, унижения и насилия;
- 3) необоснованный отказ в приеме на работу, в обучении и развитии профессиональных навыков;
- 4) неуважение чужого мнения, религиозных, политических, нравственных взглядов;
- 5) преувеличение собственных достижений перед окружающими, принижение чужих достоинств.

Сложностью является то, что дискриминация обретает различные формы, виды и может наблюдаться в самых разных сферах деятельности общества, как на государственном, так и межличностном уровнях.

Выделяют виды дискриминации:

- 1) неофициальная или законодательно обоснованная;
- 2) прямая или косвенная;

3) по виду деятельности и сфере проявления;

4) по признакам той социальной группы, к которой она применима.

Однако как бы законодательно не запрещалось нарушение личных прав, все же есть виды дискриминации, которые находят место в современном мире и устранение этих видов приводит в затруднение современные организации по защите прав, государство и само человечество.

О каждом из видов можно сказать очень много и непременно каждый из них должен ставиться на первый план по решению, однако в современном мире, в большей степени, выделяют проблемы *гендерной, расовой дискриминации и дискриминации в сфере труда*. Гендерная дискриминация – разновидность дискриминации, основанная на притеснении по половому признаку. Согласно тексту Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1979), «дискриминация женщин нарушает принципы равноправия и уважения человеческого достоинства, препятствует участию женщины наравне с мужчиной в политической, социальной, экономической и культурной жизни своей страны, мешает росту благосостояния общества и семьи и еще больше затрудняет полное раскрытие возможностей женщин на благо своих стран и человечества». Однако неравенство женщины и мужчины обусловлено их природной неравноценностью, продиктованную биологическими различиями. Главная роль женщины – продолжение рода, поэтому для достижения гендерного равенства обществу придется осознать значение материнства и возложить одинаковую ответственность за воспитание детей на обоих родителей. На данный момент государства обязуются предпринять меры по решению данной проблемы и в какой-то мере проблема решается, но есть противоречия, которые слаживаются в данном вопросе, и, следовательно, из-за этого происходит расхождение мнений в обществе, а значит, сложность решения проблемы находится на максимальном уровне.

Следующий вид дискриминации находит себя практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Расовая дискриминация – дискриминационное или оскорбительное поведение по отношению к людям, принадлежащим к другой расе. Расовая дискриминация зачастую скрывает в себе и дискриминацию по полу и возрасту. Считается, что Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 20 ноября 1963 г. торжественно подтверждает необходимость скорейшей ликвидации расовой дискриминации во всем мире, во всех ее формах и проявлениях, и обеспечения понимания и уважения достоинства человеческой личности. Абсолютное большинство убеждено в том, что всякая теория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном — предосудительна и в социальном — не-

справедлива и опасна, и что не может быть оправдания для расовой дискриминации, где бы то ни было, ни в теории, ни на практике.

Непосредственно дискриминация в сфере труда тесно связана со всеми видами дискриминации, ведь где, как не в этой сфере все люди соединяются в одно целое под средством общих интересов, но так отличаются друг от друга из-за чего и возникает проблема неравенства. Однако иногда люди ошибаются, если относят к дискриминации различия в обращении и вознаграждении, если они основаны на различии в производительности труда. Некоторые работники и определенные виды занятий отличаются большей, по сравнению с остальными, производительностью. Это объясняется уровнем умений, квалификацией и способностями. Различные обращения, направленные на удовлетворение особых потребностей отдельных лиц, при условии, что им обеспечиваются равные возможности, не является дискриминационным. Выделяются виды дискриминации в трудовой сфере:

1) существуют наиболее дискриминируемые по уровню зарплаты группы работников: женщины по сравнению с мужчинами, местные жители по сравнению с приезжими;

2) дискриминация при найме на работу, увольнении с работы. Подобной дискриминации, помимо вышеназванных групп, обычно подвержены люди, освобожденные из мест лишения свободы, заключенные, инвалиды, некавалифицированная молодежь. Их последними принимают на работу и первыми увольняют. Неравные возможности при трудоустройстве могут возникнуть в связи с возрастом работника, расовой и этнической принадлежностью;

3) профессиональная сегрегация проявляется в устойчивом разделении профессий и должностей между разными группами работников (например, мужские и женские профессии).

Однако слово дискриминация не подразумевает собой только негативное значение. Существует и позитивная дискриминация — это предоставление особых возможностей и квот тем группам, которые находятся в меньшинстве. Преимущество позитивной дискриминации состоит еще и в том, что она гарантирует, что люди будут обеспечены всеми общественными благами вне зависимости от пола, расы или физических особенностей. Однако с первого взгляда можно подумать, что позитивная дискриминация носит в себе только позитивный характер и возможно устранил негативный, но позитивная дискриминация — это по-прежнему дискриминация. Даже при создании положительных условий, акцент смещен на пол, расу или происхождение человека.

Можно сделать вывод, что, несмотря на гарантии, закрепленные в международных актах и конвенциях, национальном законодательстве, проблема дискриминации носит особый характер и требует комплекса мер для

ее решения. Дискриминация же создает неустойчивое состояние в обществе, снижает мораль и мотивацию людей, затрагивает самоуважение и создает условия для существования предрассудков в современном мире.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. – Минск: Представительство ООН в Республике Беларусь, 2000. – III, 30 с.

УДК 347.214.2 (476)

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бураков Виктор Николаевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Доклад раскрывает международные стандарты по обеспечению гендерного равенства в социальном обеспечении и их имплементацию в национальном законодательстве Республики Беларусь.

Республика Беларусь, как демократическое социальное правовое государство, выступает авангардом международного сообщества, который определяет универсальные стандарты в обеспечении прав и свобод человека. Руководящим принципом политики белорусского государства выступает положение, которое обеспечивает создание условий для достойного уровня жизни каждому гражданину, гарантию со стороны государства в социальной защите лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Механизмом реализации данного принципа является социальное обеспечение.

В политике социального обеспечения Республики Беларусь важную роль выполняют международные стандарты прав человека, включая фундаментальный принцип гендерного равенства. Данные стандарты представляют собой минимальный уровень правовых гарантий лицам, относящимся к социально незащищенной категории населения, с целью восстановления условий для полной реализации личности.

Республика Беларусь занимает позицию активного участника основных международных актов, закрепляющих принцип гендерного равенства в социальном обеспечении как на универсальном, так и на региональном

уровнях. В международной системе защиты прав человека определяющее значение занимает Устав Организации Объединенных Наций, который не только провозглашает необходимость всеобщего уважения и соблюдения прав и основных свобод человека, но и осуществляет содействие повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития (ст. 55) [1].

Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г., в числе фундаментальных прав человека закрепляет право на социальное обеспечение каждого индивида. Согласно ст. 25 Декларации «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам» (ст. 25) [2]. Следует отметить, что Декларация относит право на социальное обеспечение к правам человека, то есть которым обладает каждый, в то время как Конституция Республики Беларусь в ст. 47 гарантирует право на социальное обеспечение только своим гражданам [3]. Статья 2 Всеобщей декларации закрепляет фундаментальный принцип равенства тем, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии или иного положения. Таким образом, принцип гендерного равенства в социальном обеспечении закреплен в одном из основных международных документов о правах человека. Республика Беларусь имплементирует данный принцип в ст. 32 Конституции положением о том, что женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования, в труде, в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а ст. 22 устанавливает равенство всех перед законом в праве без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

К числу основных международных актов универсального характера, в которых участвует Республика Беларусь, относится Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., который является обязательным для исполнения странами-участниками. Статья 3 Пакта закрепляет принцип гендерного равенства следующим положением: участвующие в настоящем Пакте государства обязуются обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования экономическими, социальными и культурными правами, предусмотренными настоящим Пактом, а ст. 9 Пакта признает право каждого человека на социальное обеспечение [4].

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. в ст. 11 обязывает государства-участников обеспечить на основе равенства мужчин и женщин равные права на социальное обеспечение, в частности в случае ухода на пенсию, безработицы, болезни, инвалидности, по старости и в других случаях потери трудоспособности, а также право на оплачиваемый отпуск [5].

Универсальные принципы гендерного равенства и социального обеспечения закреплены и развиты в документах региональных систем. Республика Беларусь в своей внутренней и внешней политике в сфере защиты прав человека относится к региональной системе Содружества Независимых Государств. Декларация глав государств – участников Содружества Независимых Государств о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод 1993 г. [6] подтвердила их приверженность целям и принципам, закрепленным в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, а также других международных соглашениях в области прав человека.

26 мая 1995 г. в Минске страны-участники СНГ подписали Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, которая заложила стандарты и гарантии в области прав и свобод человека в рамках региональной системы. В частности, ст. 16 Конвенции устанавливает, что «каждый человек имеет право на социальное обеспечение, включая социальное страхование по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, воспитания детей и в других случаях, установленных национальным законодательством». Статья 20 определяет равенство в пользовании правами и свободами, изложенными в Конвенции, и гарантии без дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то: пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного и должностного положения, места рождения или иного обстоятельства [7]. Данные обязательства обеспечиваются соглашениями стран-участников СНГ, которые устанавливают гарантии социального обеспечения граждан в случае их переезда из одного государства СНГ в другое.

На национальном уровне в Республике Беларусь целенаправленно принимаются правовые и организационные меры, направленные на повышение статуса женщин, обеспечение равных прав и возможностей мужчин и женщин. Национальное законодательство, в том числе в сфере социального обеспечения, в основном является гендерно нейтральным и не содержит норм, которые бы являлись дискриминационными в отношении к

женщинам. В то же время в рамках развития отраслевого законодательства закреплены специальные дополнительные нормы и меры, направленные на обеспечение фактического равенства мужчин и женщин. Правительством разработаны комплексные программы, среди которых Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 гг., который является уже шестым программным документом в этом направлении [8]. И в настоящее время осуществляется развитие институционального механизма по учету интересов и возможностей всех гендерных групп в сфере социального обслуживания, содействию занятости населения, противодействию нарушений в сфере труда и домашнему насилию.

Таким образом, международные стандарты прав и свобод человека в сфере социального обеспечения основаны на принципе гендерного равенства. Республика Беларусь обеспечивает и гарантирует равные права и равные возможности мужчин и женщин в сфере социального обеспечения, проводя опережающую политику, задавая темп и пример мировому сообществу.

Список источников

1. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. – Дата доступа: 9.11.2018.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://un.by/dokumenty/prava-cheloveka/65-pravozashchitniki/2507-vseobshchaya-deklaratsiya-prav-cheloveka>. – Дата доступа: 9.11.2018.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2011. – 48 с.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon. – Дата доступа: 8.11.2018.
5. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon. – Дата доступа: 7.11.2018.
6. Декларация глав государств – участников Содружества Независимых Государств о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=11326>. – Дата доступа: 9.11.2018.
7. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=11326>. – Дата доступа: 5.11.2018.
8. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017-2020 гг. : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 17.02.2017 г., № 149 [Электронный ресурс] // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Ламкина Ирина Николаевна,

Филиал БНТУ «Минский государственный политехнический колледж»
(г. Минск, Беларусь)

Для понимания сути проблем обеспечения гендерного равенства необходимо дать определение понятию «гендер», которое определяется, во-первых, как конструируемая обществом социальная модель отношений между полами, которая определяет положение и социальные роли полов в различных институтах и областях; во-вторых, как инструмент решения гендерных проблем.

Гендерная политика определяется как целенаправленная деятельность органов государственной власти с привлечением институтов гражданского общества, направленная на решение гендерных проблем и создание технологий их разрешения.

Гендерная ситуация представляет собой совокупность проблем, которые существуют в обществе в области гендерного равенства и выносятся на политическую повестку.

Можно прийти к выводу, что планируемая гендерная политика направлена преимущественно на женщин и на решение их проблем. Однако любая гендерная проблема касается всего общества, поскольку оказывает воздействие на всех его членов независимо от пола.

Далеко не во всех странах мира идеи гендерного равенства оформлены законодательно. Понятно, что юридические нормы исламских стран или нормы африканских государств не могут не отличаться от европейских норм и законов. Отсюда – особое, унифицирующее значение норм международного права, которые разрабатывают и предлагают на утверждение государствам-участникам международного сообщества такие структуры, как Организация Объединенных Наций, Международная организация труда и др.

О приверженности принципу равенства мужчин и женщин перед законом ООН впервые заявила в своем главном документе – во Всеобщей декларации прав человека. Всеобщая декларация прав человека провозгласила: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Вспомним, это происходит в 1948 году, сразу после катастрофы всемирного масштаба – Второй мировой войны. Международное сообщество пытается найти способы устойчивого развития человечества. И в этот

момент оно признает равноправие мужчин и женщин одним из главных факторов стабильности в мире.

После этого ООН принимает более 100 документов, направленных на обеспечение гендерного равенства. В их числе: Конвенция о политических правах женщин (1952); Конвенция о гражданстве замужней женщины (1957); Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960); Международные пакты об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах (1966) и др.

Международно-правовое обеспечение гендерной политики включает в себя систему международных документов, которые, с одной стороны, устанавливают права и свободы (т.е. являются материальными), с другой – закрепляют процедуры и механизмы обеспечения этих прав (т.е. носят процедурный характер).

Принятые ими международные правовые документы – Конвенции – имеют статус законов, обязательных для исполнения теми государствами – членами этих структур, которые их подписали и ратифицировали, то есть одобрили в своих парламентах. Другие формы международных документов – Декларации, Обращения – имеют рекомендательный характер.

К числу важнейших международных документов в этом ряду следует отнести Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятую ООН в 1979 г. Она впервые поставила вопрос о правах женщин как неотъемлемой части прав человека.

Актуальные рекомендации Конвенции.

Конвенция обязывает все государства, которые в ней участвуют:

- 1) включить принцип равноправия мужчин и женщин в Конституции и другие законодательные акты и добиваться его практической реализации;
- 2) в случае необходимости использовать специальные санкции, запрещающие дискриминацию в отношении женщин;
- 3) принимать меры, чтобы изменить действующие законы, обычаи, практику, которые представляются дискриминационными в отношении женщин;
- 4) обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными, культурными, гражданскими и политическими правами.

Международное право в области гендерного равенства является универсальным, всесторонним и выступает ориентиром для государств. Эффективность реализации международных норм по достижению гендерного равенства во многом зависит от степени реализации этих норм в национальном законодательстве.

Специфика гендерной ситуации в Республике Беларусь состоит в том, что наблюдается разрыв между реальной и «понимаемой» гендерными ситуациями: данные исследований свидетельствуют о существовании гендерного неравенства; в то же время наблюдается общественное непонимание, и замалчивание гендерных проблем.

Таким образом, решение гендерных проблем невозможно без целенаправленного воздействия на «понимаемую» ситуацию и, соответственно, без трансформации общественного сознания.

Правовой основой для реализации гендерной политики, кроме международных правовых документов, являются Конституция, законы, указы и распоряжения Президента Республики Беларусь, постановления и распоряжения Совета Министров Республики Беларусь, иные нормативно-правовые акты Республики Беларусь.

Существенное значение имеют Национальные планы, поскольку анализ планируемых мероприятий позволяет выявить те гендерные проблемы, которые признаются приоритетными в Республике Беларусь, а также технологии их решения.

Можно выделить основные области, в которых существуют гендерные проблемы в Республике Беларусь:

- 1) участие женщин в процессе принятия решений;
- 2) экономика и социальная защита;
- 3) здравоохранение;
- 4) образование;
- 5) насилие.

На основе анализа правового регулирования гендерной политики можно прийти к выводу, что подходы к гендерной политике на международном и национальном уровне не совпадают.

В рамках международного права гендерные проблемы рассматриваются в контексте прав человека; в национальном законодательстве – в контексте семейной, демографической или социальной политики: в национальном законодательстве прописаны лишь отдельные аспекты равноправия мужчин и женщин, однако это не создает основу для комплексного решения проблем правового и социального равноправия мужчин и женщин.

Несмотря на правовое регулирование гендерной политики в рамках отдельных нормативных правовых актов и отраслевого законодательства, на практике существующие права и гарантии реализуются не в полной мере. Национальное законодательство Республики Беларусь не содержит определений основных категорий, таких как прямая и скрытая дискриминация, отсутствуют специальные механизмы защиты прав, а также ответственность за дискриминацию по половому признаку.

В связи с этим возникает необходимость разработки специального закона, который предполагает установление признаков дискриминации по полу и закрепление механизма реализации гарантий гендерного равенства, включая контроль за исполнением законодательства о гендерном равенстве и ответственность за его неисполнение.

Мероприятиями в области гендерной политики Республики Беларусь могут быть:

- 1) принятие законов по искоренению домашнего насилия и установлению гендерного равенства;
- 2) освещение гендерной проблематики в СМИ и разрушение гендерных стереотипов, увеличение количества тематических статей, передач по гендерной тематике;
- 3) повышение осведомленности граждан Республики Беларусь о существующих гендерных проблемах.

Список источников

1. Волина, Л. Г. Гендерная политика в Республике Беларусь: процессы и механизмы реализации : автореф. канд. дис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.bs.u.by/bitstream/123456789/151130/1/k_Volina.pdf. – Дата доступа: 2018.
2. Айвазова, С. Гендерное равенство в контексте прав человека : пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1758149/>. – Дата доступа: 2018.
3. Международно-правовые документы в области прав женщин и гендерного равенства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://revolution.allbest.ru/law/00317866_0.html#text. – Дата доступа: 2018.

УДК 342.1

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО И РАСОВОГО РАВЕНСТВА В США В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЮГА (1865–1877 гг.)

Латыпова Наталья Сергеевна,
Башкирский государственный университет
(г. Уфа, Россия)

Статья посвящена исследованию правовой политики США после Гражданской войны (1861–1865 гг.), направленной на регулирование правового положения женщин, а также афроамериканцев в новых реалиях расового и гендерного равенства, формально установившихся в США после принятия Тринадцатой, Четырнадцатой и Пятнадцатой поправок к Конституции.

В 1990-е гг. исследования, посвященные анализу причин и последствий Гражданской войны в США, получили новое развитие в связи с расширением границ трактовки политической деятельности, которая рассматривала властные отношения в их связи с гендерным фактором, ранее не рассматривавшимся. Несмотря на новые источники и методы, использованные в ходе данного исследования, в его основу была положена та же посылка модернизации о том, что регионы развивались различными темпами, и что рабство тормозило экономическую эволюцию на Юге. В своем исследовании мелкого фермерства Южной Каролины Стэфани МакКарри связала гендерную идеологию с социальной историей южных домохозяйств, не в каждом из которых были рабы, но во всех из них были женщины. Переоценивая положение о том, что сецессия – это демократия «расы господ», МакКарри указала в качестве причины единства белых южан именно экономический характер домовладения, который породил патриархальное мировоззрение «в отличие от буржуазной гендерной идеологии». Используя гендерную идеологию, защитники рабства обратились с призывом к главам домовладений с тем, чтобы «каждый белый человек признал свой собственный вклад в дело сохранения рабства» [3, с. 70]. Другие исследования обнаружили среди небогатых белых женщин тех, которых не устраивал патерналистский порядок, но, что касается представительниц плантаторских семей, то они «не могли пренебрегать преимуществами своего положения как представительниц класса аристократии, хотя и зависимых» [1, с. 35].

Домашний уклад среднего класса, против которого боролись патриархальные южане, также сыграл свою роль в истории гендерной и секционной политики на Севере. Ученые отметили взаимосвязь между буржуазной и традиционной гендерными идеологиями и приверженностью к одной из сторон в конфликте между северянами и южанами [4, с. 7]. Демократы поддерживали традиционное, патриархальное видение роли мужчин и женщин в обществе, у республиканцев модель семьи ассоциировалась с новым средним классом, сформировавшимся в городах и тех сельских хозяйствах, которые были вовлечены в капиталистический рынок. Развитие гражданского общества и укрепление семейных ценностей среднего класса повысили значимость таких понятий, как «домашний очаг и материнство», и позволили активным представительницам феминистского движения привлечь северян к борьбе против рабовладения, а позднее к сецессии.

Крах рабовладения повлек за собой столь же глубокий кризис правовой системы. По закону, рабовладение было частью системы управления, которая связывала индивидуальные лица с государством и определяла их юридические права через положение в рамках домовладения. Главы домовладений принимали на себя моральную, экономическую и юридическую

ответственность за всех зависимых от них лиц, в том числе афроамериканских рабов, белокожих жен и детей. Положение глав домашних хозяйств, таким образом, было непосредственно связано с получением гражданских и политических прав. Обычно во главе домовладения находился белокожий взрослый мужчина, имеющий определенную собственность. В устоявшемся правопорядке Юга считалось, что только такие люди были способны справиться с управленческими обязанностями, как в частных имениях, так и в общественной сфере. Напротив, белокожие женщины и дети, а также все афроамериканцы, по общему мнению, нуждались в защите и руководстве, осуществляемыми белокожими мужчинами, из-за недостатка самообладания и умения рационально мыслить. Рабы, бежавшие к границам Союза, угрожали существованию логической структуры этого правопорядка. В случае неспособности хозяев контролировать своих домочадцев, которые могли в любой момент уйти и самостоятельно строить свою жизнь, вся эта система теряла стабильность, а также подрывались основы прав белокожих мужчин.

Положение усугублялось тем, что в сентябре 1862 г. Конгресс Конфедерации поднял возрастную планку призыва в армию с 35 до 45 лет. Такая мера привела к тому, что многие главы семей вынуждены были уйти в армию, и пребывание дамы одной на плантации с большим количеством рабов было не совместимо с устоявшимся правопорядком в южном обществе. К тому же, Конгресс еще больше усилил недовольство мужской части населения, приняв «Закон о двадцати неграх», согласно которому с целью сохранения порядка на плантациях, от службы освобождалось по одному белокожему мужчине-надсмотрщику на плантациях, где трудились не менее двадцати рабов [6, с. 601]. Особая привилегия, дарованная прослойке, составлявшей всего 5% населения Конфедерации, сделала данный закон крайне непопулярным.

Говоря об ограничениях прав чернокожего населения, которые были установлены в период послевоенной Реконструкции, в частности в «Черных кодексах» (нормативных актах, принятых в южных штатах, с целью установить расовую сегрегацию и ограничить действие Конституционных поправок на территории Юга), следует отметить, что подробную регламентацию в них получили брачно-семейные отношения, так как именно иерархия в семье исконно определяла правовое положение каждого из ее членов.

Однако нельзя не отметить, что законы «Черных кодексов» отличались от законов северных штатов только частично. В конце Гражданской войны лишь незначительная часть американцев действительно обладала теми же законными правами, что и белокожие мужчины. Афроамериканцы, также как и все свободные женщины, независимо от их расовой принадлежности

и семейного статуса все еще не обладали в полной мере всеми гражданскими и политическими правами.

Позднее федеральное законодательство отменило положения «Черных кодексов», но, несмотря на это, закон все еще предоставлял гражданские и политические права в зависимости от того, какое положение житель штата занимал в рамках домовладения. Активисты в борьбе за права женщин пытались изменить данную ситуацию. Многие из них участвовали в аболиционистском движении и теперь стремились улучшить правовое положение женщин в обществе. Активисты надеялись, что после окончания Гражданской войны данной проблеме будет уделяться такое же большое внимание, как и расовой дискриминации. Однако, несмотря на то, что борцы за равноправие женщин воевали на стороне Союза и имели тесные связи с конгрессменами-республиканцами, их активное лоббирование данного вопроса не принесло желаемого успеха. Республиканская партия отказалась расширять права женщин, ссылаясь на то, что это было бы неразумно с политической точки зрения.

Необходимо отметить, что после того как республиканцы ограничили женщин в гражданских правах, обосновывая свой шаг политической целесообразностью и необходимостью сохранения правового статуса афроамериканских мужчин, женское движение разделилось на два лагеря: одни выступали за дальнейшее расширение прав афроамериканцев, другие видели в этом препятствие для борьбы за права женщин. Критики аболиционистов, большинство из которых составляли белокожие мужчины, стали публично выражать свою негативную оценку в отношении афроамериканцев. Они подвергли сомнению логику, согласно которой претендовать на гражданские и политические права могли только мужчины. «Почему гражданские права должны быть привилегией мужчин? Что делает их более достойными этих прав?» [5, с. 212]. В особенности, участников женского движения волновал вопрос о том, почему бедные, невежественные чернокожие мужчины, нравственность которых подвергалось сомнению, могли пользоваться правами более ответственно, по мнению республиканцев, чем состоятельные и образованные белокожие женщины? [2, с. 275]. Подобные высказывания основывались на глубоко укоренившихся расовых предрасудках, которые оправдывали отказ в предоставлении прав афроамериканцам. Следует отметить, что вплоть до начала XX в. феминистское движение продолжало рассматривать неравенство между полами с позиции расового подхода.

Говоря об ограниченности правового статуса американцев в зависимости от их гендерной принадлежности, следует подчеркнуть, что мужчины, несмотря на то, что их положение в обществе значительно отличалось от

положения женщин, также не имели всех прав. Очень ограниченным был правовой статус освободившихся от рабства афроамериканцев: многие штаты, которые не выходили из состава Союза, имели идентичные «Черным кодексам» законы. Гражданство свободных афроамериканцев также оставалось неопределенным, в связи с действием противоречивых законов в пределах отдельных штатов и спорным решением американского Верховного Суда по делу Дреда Скотта.

Список источников

1. Bunum E. Unruly Women: The Politics of Social and Sexual Control in the Old South. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992. – 311 p.
2. Farmer-Kaiser M. Freedwomen and the Freedmen's Bureau: Race, Gender, and Public Policy in the Age of Emancipation. New York: Fordham University Press, 2010. – 275 p.
3. McCurry S. Masters of Small Worlds: Yeoman Households, Gender Relations, and the Political Culture of the Antebellum South Carolina Low Country. New York: Oxford University Press, 1995. – 270 p.
4. Pierson M. D. Free Hearts and Free Homes: Gender and American Antislavery Politics. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003. – 357p.
5. Samito G. Changes in law and society during the Civil war and Reconstruction. Southern Illinois University press, 2009. – 212 с.
6. Макферсон, Д. Боевой клич свободы. Гражданская война 1861–1865 гг. – Екатеринбург : Гонзо, 2012. – 601 с.

УДК 342.4

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Макштарева Алина Игоревна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Вопрос о представленности обоих полов на руководящих должностях является актуальным для современного общества, в котором высокий процент вовлеченности женщин в экономическую и общественную жизнь подтверждается многочисленными ежегодными исследованиями. Так, воплощение инициативы известной под названием «Европейское обязательство обеспечить присутствие женщин на руководящих постах» на практике осуществляется с переменным успехом и по данным The Global Gender Gap Report – «от окончательного равенства нас отделяет 217 лет».

Стоит отметить, что открытое движение к женскому лидерству явление достаточно молодое и неравномерное. Тема гендерного равенства ши-

роко начала обсуждаться на мировом уровне в сентябре 2010 года, когда Европейская комиссия приняла новую стратегию поддержки равенства женщин и мужчин с перспективами ее реализации в последующие пять лет. Также было объявлено о необходимости «обеспечить присутствие женщин на высших уровнях принятия решений». Первые шаги в этом направлении были сделаны уже в марте 2011 года, когда по итогам диалога с крупнейшими предпринимателями и представителями социальных партнеров, вице-президент Европейской комиссии и комиссар Европейского Союза по юстиции, фундаментальным правам и гражданству Вивиан Реддинг призвала зарегистрированные европейские компании подписать добровольное обязательство увеличить присутствие женщин в их руководстве до 30% к 2015 году и до 40% – к 2020 году [1, с. 2].

С целью эффективного использования квалифицированных специалистов в топ-менеджменте государственные власти и частные компании Евросоюза и стран СНГ стали постепенно вводить меры по достижению гендерного баланса среди профессионалов. В течение многих лет большинство выпускников высших учебных заведений составляют женщины, а значит, на профессиональный рынок они приходят с более высокой квалификацией, чем мужчины. В Беларуси достигнут высокий показатель средней продолжительности обучения – 11,5 года и один из самых высоких показателей ожидаемой продолжительности обучения (15,7 года) среди 28 стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских стран. На начало 2015/2016 учебного года коэффициент охвата населения первым этапом среднего образования составляет 95,5 % для женщин и 95,4 % для мужчин [3].

Несмотря на это, доля женщин, участвующих в принятии решений на высшем уровне, остается низкой. В Республике Беларусь обеспечено декларируемое международными документами 30-процентное представительство женщин на уровне принятия решений. По результатам выборов в 2016 году в Национальное собрание Республики Беларусь доля женщин возросла и составила 33,7 % от общей численности депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. В то же время, по данным Межпарламентского союза, в регионе стран – участниц ОБСЕ с учетом стран Северной Европы представительство женщин в двухпалатных парламентах составляет (на 1 августа 2016 г.) 25,6 %, в мире – 22,8 % [3].

Все больше стран – участниц ЕС прибегают к законодательным мерам, чтобы увеличить присутствие женщин в советах директоров. Для реализации этой задачи устанавливаются гендерные квоты и целевые показатели представленности обоих полов в советах директоров. Такая работа начала проводиться недавно, поскольку практически все рассматриваемые государства-члены ЕС приняли соответствующие законодательные акты лишь в 2011 году.

Так, из стран СНГ, в России, по данным Федеральной службы государственной статистики, уровень экономической активности женщин в трудоспособном возрасте составляет 77 %, доля занятых женщин в общей численности занятого населения – 49 % (при условии, что на начало 2016 года в РФ проживали 146,5 млн человек, из них 78,6 млн составляли женщины). В Декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 г. № 70/1, предусматривается обеспечение к 2030 году всестороннего и эффективного участия женщин в принятии решений в политической, экономической и общественной сферах жизни общества [2].

В некоторых европейских государствах введены гендерные требования к составу руководства не всех компаний, а только тех, которые находятся под контролем государства. Например, в Дании, Финляндии и Греции такие требования прописаны в законодательстве о гендерном равенстве; в Австрии и Словении они установлены нормами административного права. Например, по относительной доле женщин в руководстве ключевыми сегментами деятельности мировых компаний наблюдается некоторое снижение – с 25% в 2017 году против 24% в 2018 году, а в России поэтому же критерию даже с 23% до 21%. Для сравнения, в числе государственных служащих женщины в Беларуси составляют 70,1 %, в том числе на должностях руководителя организации и его заместителей – 54,7 %. Женщины также составляют около 68 % государственных служащих, занятых в органах судебной власти.

Таким образом, последовательная реализация масштабных направлений Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства, утвержденного на 2017–2020 годы, а также отдельных региональных мероприятий государственных программ по различным аспектам улучшения положения женщин в Республике Беларусь может поспособствовать существенному продвижению в решении вопросов равных прав и возможностей для женщин как внутри страны, так и на международной арене.

Список источников

1. Евросоюз: женщины должны руководить крупными компаниями // Бюллетень «Гендерное равенство». – 2013. – № 2. – 8 с.
2. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/647900e93e6b68b5770bca253de3c639d8719f8f/. – Дата доступа: 05.10.2018 г.
3. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file59fe04a05ce85ea9.PDF>. – Дата доступа: 03.10.2018 г.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Процанова Галина Сергеевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Москва, Россия)

В статье исследуется понятие «гражданское общество» с правовой точки зрения, дается краткая историческая справка об истории развития законодательства в области устранения дискриминации женщин по половому признаку, дается оценка нынешнего положения женщин в стране, в результате чего автор приходит к выводу, что устранение гендерного неравенства возможно только в условиях создания развитого гражданского общества.

За почти тридцать лет, прошедших после распада Советского Союза, Российская Федерация успела построить не только новое государство, обладающее сильной и слаженной системой институтов, но и пройти начальные этапы развития гражданского общества.

Здесь необходимо сделать оговорку и обратиться к самому понятию «гражданское общество», применимому в данном исследовании.

Гражданское общество принято понимать в основном с точки зрения позитивного права как форму самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерческих организаций, огражденных от прямого вмешательства со стороны государственной власти и бизнеса, а также других внешних факторов. Приведенное определение сформулировано на основе трудов Девида Истона, который, как и большинство ученых, рассматривает его с точки зрения политических наук. Исследователи, занимающиеся проблематикой гражданского общества, рассматривают его институты как социальный субъект в политическом процессе, деятельность которого направлена на осуществление политической власти либо как средство оказания политического влияния на государственные органы.

Между тем гражданское общество является одним из гарантов соблюдения прав человека, сутью которого являются интересы отдельной личности. Поскольку, только соблюдая баланс интересов человека и государства, повышая уровень взаимонаправленных связей, возможно достичь уровня демократии, отвечающего современным требованиям.

Как отмечал в своем послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В. В. Путин, «чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, укреплять институ-

ты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру» [1].

Именно для соблюдения интересов человека создаются институты гражданского общества, и не рассматривать названное явление через призму права, ставить его на второй план перед политическим или философским пониманием было большой ошибкой, поскольку от этого напрямую зависит реализация идеи правового государства.

Задумайтесь, невозможно поставить знак равенства между понятиями «общество» и «гражданское общество», потому что (даже в самом упрощенном виде) общество есть совокупность индивидов, объединенных какой-либо сферой, а гражданское общество есть сообщество людей, объединенных сферой права. То есть общество, где соблюдаются и уважаются интересы человека и гражданина. Это совокупность личностей с определенным уровнем сознания и включенности в процесс жизни общества, это совокупность людей, имеющих определенную активную гражданскую позицию.

Таким образом, с точки зрения автора, гражданское общество есть юридически независимая от государства сфера (пространство) для реализации прав и свобод человека, основанная на принципах реальной демократии. При этом формальное декларирование в законодательстве страны широкого спектра прав и свобод граждан без возможности их фактической реализации ничтожно. Эффективный механизм реализации указанных прав возможно создать только в условиях развитого гражданского общества.

В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. Одним из основополагающих конституционных принципов является принцип равенства и отсутствия дискриминации по половому признаку, признание того, что права женщин являются неотъемлемой частью прав человека. В Российской Федерации указанное положение закреплено в ст. 19 Конституции, которая гласит, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, и декларирует тот факт, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации [2].

На первый взгляд, Конституция РФ однозначно решает вопрос равенства полов, и проблем в этой сфере жизни современного общества возникать не должно. Однако заметим, что вышеуказанная норма уже не первая попытка решить гендерный вопрос со стороны государства.

Если обратиться к истории, то мы увидим, что для проживающих в Восточной Европе женщин ситуация складывалась весьма своеобразно. Если женщинам Европы пришлось активно бороться за свои права, то советские женщины весь спектр прав получили от самого же государства. Со-

ветская власть с первых лет своего существования объявила о равенстве в правах мужчин и женщин. И хотя формально Конституция СССР 1918 года не содержала положений относительно решения советов по гендерному вопросу, первые же Декреты советской власти существенно расширяли права женщин, как в сфере семьи, так и в трудовых отношениях. Идея всеобщего равенства стала своеобразным идолом советской эпохи, и вопрос дискриминации по полу признаку не был обойден стороной. В Конституции СССР 1936 года принцип равенства женщины и мужчины впервые получил свое закрепление на конституционном уровне. Статья 122 указывала, что женщине в СССР предоставляются «равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» [3]. Аналогичное положение содержалось в Конституции РСФСР 1937 года, в статье 126 [4]. Статья 33 Конституции РСФСР 1978 года также провозглашала, что женщина и мужчина имеют равные права [5].

Но, фактически, гендерного равенства власти советов достичь не удалось. Несмотря на все усилия и попытки советской власти уравнивать мужчин и женщин в правах, создать полное гендерное равенство, мир для советских, а теперь уже и постсоветских, женщин остается патриархальным.

Чтобы не быть голословным, достаточно посмотреть на гендерный состав представительных (законодательных) органов власти государств Восточной Европы: сразу становится ясно, что роль женщины в этих странах ничтожно мала. И это не государственное давление – указанные органы являются выборными.

В действующий состав Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации входит 31 женщина, что от общего числа сенаторов (170 человек) составляет 18%. В Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации нынешнего (седьмого) созыва женщины составляют около 30% депутатов, что хоть и в два раза больше, чем в прошлой, но все равно не является отражением гендерного состава нашей страны.

Одной из причин вышеописанного явления можно назвать отсутствие желания государства предпринимать реальные меры по решению гендерного вопроса на законодательном уровне. Согласно Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы [6], в планах законодателя не присутствует каких-либо мер по введению квот для регулирования числа женщин в высших органах государственной власти, а также установления реальных преференциальных режимов, способствующих решению гендерного вопроса.

С другой стороны, если женщина не может в полной мере реализовать себя на почве государственного управления, где мужчины занимают доминирующую

нирующее положение, это не означает, что она не может влиять на жизнь общества и страны в целом.

Учитывая специфику сферы гражданского общества, у его субъектов нет ограничений в степени активности, в отличие от государственного аппарата. Один сенатор (депутат) – это один голос. И степень его влияния не зависит от гендерного фактора, кредита доверия населения, либо политического влияния его обладателя. В иных сферах жизни общества возможности человека не имеют формально определенных границ.

Искусственно навязанное со стороны государства положение о необходимости представительства женщин в высших органах власти не способно решить проблему дискриминации. В сознании граждан женщина так и останется неполноценным участником жизни общества, неспособным решать задачи государственного масштаба.

Как уже подчеркивалось выше, причиной гендерного неравенства является не тормоз со стороны государства, а менталитет его населения и то, что в сознании граждан не происходит изменений. По мнению автора, единственное, что может в данной ситуации изменить существующее положение вещей – активная деятельность женщин в негосударственной сфере. В сфере гражданского общества, где личный фактор имеет зачастую решающее значение. Настолько активно его институты реализуют свои возможности, насколько включены они в отношения с государством – от этого зависит его влияние на жизнь общества. В сфере гражданского общества степень влияния лица (физического или юридического) на жизнь общества не имеет юридических ограничений. И в данном случае для женщин открывается возможность реализации своего потенциала в полной мере.

Отношение к равенству по какому-либо признаку очень много говорит об обществе в целом, о его зрелости и возможностях дальнейшей эволюции. И в первую очередь по тому, какое положение занимает женщина в обществе, можно судить о степени его развитости. Однако решение задачи преодоления дискриминации нельзя возлагать только на государство. Основная роль в решении данного вопроса зависит от самих женщин, их активной позиции.

Список источников

1. Послание к Федеральному собранию Президента Российской Федерации В.В. Путина от 1 марта 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru. – Дата доступа: 18.11.2018.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 23 декабря 1993 г.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек. – № 237.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // СС «КонсультантПлюс : Комментарии Законодательства Российской Выпуск»

- [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. РФ. – Москва, 2018.
4. Конституция (Основной Закон) РСФСР (утв. Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года) // СС «КонсультантПлюс : Комментарии Законодательства Российский Выпуск» [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. РФ. – Москва, 2018.
 5. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России : принята ВС РСФСР 12.04.1978 : с изм. от 10.12.1992 // Свод законов РСФСР. – Т. 1. – 1988. – С. 13.
 6. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р. – СЗРФ. – 13.03.2017. – № 11. – ст. 1618.

УДК 342.7

УЧЕТ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Соловьев Павел Витальевич,

Полоцкий государственный университет

(г. Новополоцк, Беларусь)

В статье рассматривается нормотворческий принцип гуманизма. Предлагается такой инструмент реализации принципа гуманизма в нормотворческой деятельности, как учет правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Закона «О нормативных правовых актах» 2018 г. [1], гуманизм является одним из основных принципов нормотворческой деятельности в Республике Беларусь. Содержание данного принципа Закон «О нормативных правовых актах» определяет следующим образом: *принцип гуманизма выражается в признании неотъемлемых фундаментальных прав граждан на человеческое достоинство и свободное развитие личности, самоопределение, личной и общественной (солидарной) ответственности граждан за свое нравственное и материальное благополучие* (п. 4 ст. 6). Здесь важно понимать: принцип гуманизма не предполагает неограниченный приоритет интересов личности, он также включает в себя определенные обязанности и ограничения прав человека перед обществом и государством, которые позволяют обществу и государству обеспечивать социальный прогресс и благо каждого человека.

Закон «О нормативных правовых актах», определяя содержание нормотворческого принципа гуманизма, не закрепляет каких-либо специальных механизмов по его реализации в нормотворческом процессе как это

характерно для других принципов нормотворчества, например, принципа демократизма, который имеет специальный инструмент – публичные обсуждения проектов нормативных правовых актов. Вероятно, предполагается, что гуманизм в нормотворческой деятельности реализуется в общем контексте нормотворческой работы. Подобное положение дел объясняется тем, что воплощение принципа гуманизма в конкретных нормативных правовых актах, т.е. создание условий для свободного и достойного развития личности, отличается достаточной сложностью, поскольку содержание принципа гуманизма необходимо реализовывать в широкой системе норм, регулирующих политическую, экономическую, социальную, культурную сферы общества. Эти сферы различны по своему характеру, в каждой из этих сфер категория «условия для свободного и достойного развития личности» имеет свое содержание, обеспечивается своеобразным набором прав, обязанностей, гарантий, и законодатель в каждом конкретном случае, работая с проектом какого-либо нормативного правового акта, воплощает в статьях акта принцип гуманизма.

Однако, на наш взгляд, можно предложить и самостоятельный инструмент реализации принципа гуманизма в нормотворческом процессе – учет правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека. Данный механизм может реализовываться через анализ правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека (решений Комитета ООН по правам человека, Европейского суда по правам человека и др.) и их учет при подготовке нормативных правовых актов в сфере конституционных прав и обязанностей человека.

На данный момент при подготовке нормативных правовых актов в качестве самостоятельного мероприятия проводится анализ международных договоров и иных международно-правовых актов. Здесь ориентиром в понимании принципа гуманизма становятся общепризнанные международные стандарты в сфере прав и свобод человека: Международный Билль о правах человека, который включает Всеобщую декларацию прав человека [2], и принятые на ее основе Международный пакт о гражданских и политических правах [3] и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4]. Для Республики Беларусь, входящей в систему координат общеевропейских ценностей, пониманию принципа гуманизма также должна служить Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [5].

Как представляется, в качестве самостоятельного мероприятия при подготовке нормативных правовых актов в сфере конституционных прав и обязанностей человека необходимо проводить анализ и учет правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека по

толкованию и применению международных актов-стандартов в сфере прав человека.

Здесь необходимо отыскивать, обобщать и учитывать при разработке нормативных правовых актов решения Комитета ООН по правам человека и Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Именно решения по конкретным делам, индивидуальным жалобам позволяют находить разнообразные грани принципа гуманизма, предвидеть всевозможные правовые конфликты в этом вопросе, и, в конечном счете, обеспечивать соответствие национальных нормативных правовых актов принципу гуманизма.

Отдавая отчет тому факту, что Республика Беларусь не является участником Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и не подпадает под юрисдикцию ЕСПЧ, отметим следующее. Практика ЕСПЧ значительна и разнообразна, она позволяет при подготовке нормативного права акта учесть различные правовые угрозы принципу гуманизма, предусмотреть соответствующие гарантии. Практика ЕСПЧ авторитетна, она признается представительным составом участников Конвенции и что немаловажно, имеет не только европейское признание: «Межамериканский суд по правам человека в своих делах ссылается на практику Европейского Суда по правам человека, признавая значимость его выводов по некоторым категориям дел» [6, с. 41]. Конституционный Суд Республики Беларусь также использует в своих решениях отсылку к правовым позициям ЕСПЧ. В свою очередь, реализацию данного механизма мы видим в незыблемости национальной конституционной идентичности и конституционных ценностей.

Проиллюстрируем возможное применение учета правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека при подготовке нормативных правовых актов. Например, Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы и мерами по ее реализации (п. 329) предусмотрена реализация положений Конвенции о правах инвалидов, ратифицированной Республикой Беларусь в 2016 году [7].

Например, анализ решений ЕСПЧ по делам, связанным с правами инвалидов, позволяет обратить внимание на ряд вопросов принципа гуманизма, которые следует учесть при подготовке нормативных правовых актов, связанных с правовым статусом инвалидов:

– законодательство о содержании лиц под стражей и уголовно-исполнительное законодательство, связанное с исполнением наказаний в виде лишения свободы и аналогичных наказаний, должны включать специальные положения в отношении инвалидов-колясочников, т.к., например, невозможность инвалидом-колясочником без посторонней помощи пользоваться санитарным оборудованием, одеваться или раздеваться в камере является

унижающим достоинство обращением, или передача инвалида-колясочника на попечение сокамерникам также является унижающим достоинство обращением (дело «Энгель против Венгрии» [8]);

– процессуальное законодательство о рассмотрении уголовных, административных, гражданских и иных дел (аналогично законодательство об административных процедурах и об обращениях граждан) должно предусматривать различные гарантии на свободную реализацию инвалидом своих прав, т.к. не предоставление в таких ситуациях ассистивных мер (например, слухового аппарата) людям с инвалидностью нарушает свободу на реализацию своих прав (дело «Тимергалиев против России» [9]);

– и другие аспекты.

Таким образом, в качестве специального механизма реализации принципа гуманизма в нормотворчестве можно предложить учет правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека. Данный механизм может реализовываться через анализ правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека (решений Комитета ООН по правам человека, Европейского суда по правам человека и др.) и их использование при подготовке нормативных правовых актов в сфере конституционных прав и обязанностей человека. В этой связи необходимо закрепить в ст. 42 Закона «О нормативных правовых актах» в качестве самостоятельного мероприятия, проводимого при подготовке нормативных правовых актов в сфере конституционных прав и обязанностей гражданина, анализ и учет правовых позиций международных и региональных систем защиты прав человека (решений Комитета ООН по правам человека, Европейского суда по правам человека и др.).

Список источников

1. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля. 2018 г. № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [принята в г. Нью-Йорке 10.12.1948] // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : [принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966] // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Международный пакт Организации Объединенных Наций об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] : [принят в г. Нью-Йорке 16.12.1966] // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключена в г. Риме 04.11.1950] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

6. Сидоренко, А. И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. И. Сидоренко. – М., 2016. – 183 л.
7. Об утверждении комплекса мер по реализации Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 янв. 2017 г., № 18 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. Case of Engel v. Hungary: Judgment of 20 May 2010, № 46857/06 [Electronic resource] // UNESCO, World Heritage Centre. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98814>. – Date of access: 21.05.2018.
9. Case of Timergaliyev v. Russia: Judgment of 14 January 2009, № 40631/02 [Electronic resource] // UNESCO, World Heritage Centre. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88888>. – Date of access: 21.05.2018.

УДК 364.4

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Ставский Владимир Николаевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье дан анализ проведения социальной работы в сельской местности.

Организация и проведение социальной работы на селе является важной составляющей государственной политики Республики Беларусь по возрождению села. Приоритетом осуществления социальной политики является оказание помощи гражданам, оказавшимся в непростой жизненной ситуации. Поддержка малообеспеченных граждан слоев населения является основой социальной политики государства. Государство делает все от него зависящее, чтобы поддерживать социальную сферу села на должном уровне.

При осуществлении социальной работы в сельской местности необходимо учитывать сложности ее организации: удаленность сел и деревень от городов, состав населения, где проживает большое количество пенсионеров. На селе более ограничен доступ к услугам, таким как образовательные, культурные, многие села не газифицированы, в них нет водопровода, не развита инфраструктура связи. Также в сельской местности проживает большое количество пожилых людей, нуждающихся в квалифицированной медицинской помощи, социальном обслуживании. Все эти обстоятельства требуют применения особых технологий и методов при проведении социальной работы.

В каждом районном центре Республики Беларусь существуют территориальные центры социального обслуживания населения, которые являются головными организациями по оказанию социальной помощи населению района. Территориальные центры социального обслуживания населения оказывают большой перечень услуг населению, в первую очередь пожилым людям и гражданам, находящимся в трудной материальной ситуации. В сельской местности действуют отделения центров социального обслуживания населения. Также для одиноких людей создаются дома совместного проживания, представляющие собой новую форму организации социальной работы на селе. В социальных центрах населению оказывают большой спектр услуг, таких как информационно-консультационные, социально-бытовые, социально-медицинские, социально-педагогические и т.д.

При всем этом необходимо подчеркнуть, что экономические проблемы страны, сельхозпредприятий не дают возможности в полной мере реализовать социальную работу в сельской местности. В настоящее время происходит сокращение ФАПов, учреждений образования и культуры. Получается, что граждане, проживающие в сельской местности охвачены социальной работой меньше, чем горожане. Государству необходимо скорректировать социальную политику в отношении сельских граждан, сделать ее более эффективной, для того, чтобы реализовать права сельского населения.

УДК 378.14:37.042

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ИНВАЛИДОВ В ОЦЕНКАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Ярошевич Евгения Александровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Рассматриваются опыт получения формального образования, образовательные достижения, практики и потребности в молодых людях с инвалидностью.

Государственная политика Республики Беларусь в области прав инвалидов и их социальной интеграции направлена на создание доступной среды, преодоление социальной изоляции и дискриминации людей с инвалидностью, расширение возможностей для их трудовой занятости, реализации профессионального и социального потенциала на основе всеобщего и равного доступа к образованию, труду, информации, технологиям.

Для реализации данной задачи необходимо знать реальное положение различных категорий людей с инвалидностью, в том числе молодого возраста: основные потребности и проблемы, с которыми они сталкиваются в попытках интегрироваться в активную социальную жизнь, а также определить факторы, которые могли бы способствовать в преодолении социальной изоляции.

В рамках междисциплинарного исследования «Теоретические и прикладные аспекты обеспечения и защиты прав людей с инвалидностью в Республике Беларусь» при поддержке Центра по правам человека при факультете международных отношений Белорусского государственного университета проведено разведывательное социологическое исследование, нацеленное на получение актуальной информации об опыте интеграции молодых людей с инвалидностью в различные сферы жизнедеятельности. В исследовании приняли участие 90 молодых людей с инвалидностью старше 18 лет, проживающих в г. Могилеве и г. Гомеле.

Одной из важнейших сфер жизнедеятельности человека в современном обществе является образование. Приобретение знаний, умений и практических навыков является не столько важным для практической деятельности человека в настоящем, сколько становится необходимым для обеспечения гарантии устойчивости положения в обществе в будущем. Молодые люди по окончании школы, выстраивая свою жизненную перспективу, задумываются о выборе профессии и получении дальнейшего образования. При этом образование выступает как ценность, средство индивидуального развития и самореализации в обществе, уровень и качество которого определяется не только документом, но, прежде всего, образованностью.

Возможность получения образования гарантируется всем членам общества, однако инвалидность становится серьезным барьером в доступе к образованию. Только 37,7% молодых людей с инвалидностью имеют высшее образование, 20% – профессионально-техническое, 13,8% – среднее специальное. 17,5% – закончили школу на уровне общего среднего образования, 13,8% – базового. Следует отметить, что только 5,7% женщин завершили свое образование на базовом уровне, тогда как среди мужчин – 20%.

Чем выше степень утраты здоровья, тем ниже шансы на получение профессионального, в том числе высшего образования. Отсутствие профессионального образования существенно снижает шансы молодых людей на рынке труда и ставит перед органами социальной защиты и службами занятости задачу помощи в получении профессии или умений, которые помогут человеку с инвалидностью заниматься трудовой деятельностью. Для данной категории молодежи инклюзия в образовании приобретает особое значение.

Большинство респондентов получали образование в обычном классе общеобразовательной школы – 65,9%. В школе-интернате обучались 13,6% опрошенных, на дому – 10,5%, в интегрированном классе – 5,7%, вспомогательной школе – 4,5%. Так как в исследовании принимали участие лица старше 18 лет, эти данные отражают практику эксклюзии детей с инвалидностью в ретроспективном аспекте.

Изучая мнение данной категории молодежи о различных формах получения общего среднего образования, обращает на себя внимание тот факт, что в наибольшей степени молодые люди с инвалидностью являются сторонниками специального образования (69,6%). Обучение детей в системе общего среднего образования выбрали 21,5%. Вариант домашнего обучения предпочли 7,6%. Можно указать на то, что существенных отличий в ответах опрошенных, обучавшихся в различных типах учреждений образования и формах организации обучения нет.

Ряд респондентов выбрали вариант другое. Если сгруппировать их ответы, то выделяются варианты «в обычной школе, но с индивидуальным подходом в обучении», «индивидуальный подход к выбору типа учреждения образования в соответствии с медицинскими показаниями». При этом совместное обучение детей только 23,9% считают полезным, тогда как 44,3% указали на двойственность своей позиции.

Дети с особенностями психофизического развития, обучающиеся в специальных или интегрированных группах в учреждениях образования общего типа, рассматриваются как группа риска [1]. Они могут столкнуться с рядом трудностей: дискриминирующим отношением, насилием со стороны различных субъектов образования; отсутствием безбарьерной среды в учреждениях образования; пропусками занятий из-за болезни и др. В числе трудностей респонденты (46,6% отметили их наличие в период обучения) указали на частые пропуски занятий из-за болезни – 22,7%; продолжительность учебных занятий – 11,5% и, как следствие, трудности в овладении содержанием учебных предметов – 11,4%. На неприспособленность школьной среды указали 6,7% молодых людей, на негативное отношение обучающихся – 5,7%, обучающихся – 4,5%.

Участникам опроса было предложено не только указать проблемы, но и оценить в какой мере учреждениям образования присущи те или иные характеристики образовательной среды. По мнению большинства опрошенных, для учреждений образования, в которых они обучались, характерны: готовность педагогов работать с учащимися с ограниченными возможностями – 64%, возможность получения помощи медиков и других специалистов – 62,7%, возможность получения индивидуальной помощи педагогов – 61,6%, доброжелательное отношение сверстников – 59,7%, удобная и

приспособленная среда – 48,2%. Представленные данные отражают усредненную позицию, без учета вида заболевания и степени утраты здоровья в период обучения.

Обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам людей с инвалидностью – одно из ключевых условий их социальной интеграции. Однако барьеры в получении образования могут быть не только объективными. В их основе может лежать субъективное восприятие доступности образования и желание человека повышать свой уровень образования. Почти половина респондентов (47,2%), независимо от пола и степени утраты здоровья, считают, что пройти повышение квалификации, переподготовку или получение профессионального образования для них доступно. Отрицательная позиция характерна для 24,7% опрошенных. Можно указать то, что почти треть молодых людей с инвалидностью затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Восприятие доступности образования связано и с планами на продолжение его в дальнейшем. Так, из числа тех, кто планирует в жизненной перспективе повышение уровня образования, 78,8% считают это реалистичным. 18,2% – несмотря на то, что не уверены в доступности достижения данной цели, рассматривают подобную возможность.

В числе направлений продолжения образования респонденты чаще всего указывают на желание получить высшее образование на первой ступени – 32,5%, продолжить образование в магистратуре – 25%, пройти переподготовку по другой профессии – 15%, посещать специализированные курсы – 12,5%, а также получить профессионально-техническое (7,5%) и среднее профессиональное образование (7,5%). Еще 2 человека хотели бы продолжить образование в аспирантуре (3 группа инвалидности).

Среди тех, кто не рассматривают перспективу продолжения образовательной деятельности, в числе причин отмечают достаточный уровень достигнутого образования – 40,8%, отсутствие желания учиться – 30,6%, отсутствие средств – 26,5%, плохое состояния здоровья – 22,4%, отсутствие возможностей из-за работы – 10,2%. Такие причины, как необходимость сопровождающего (4,1%), удаленность от дома (2%), выбрало меньшинство респондентов. Варианты отсутствия условий для дистанционного обучения и негативное отношение окружающих не выбрал никто.

Испытывая трудности в поиске работы и трудоустройстве респонденты отмечают, что хотели бы получить помощь, в том числе, службы занятости, по направлениям, предусматривающим профессиональную ориентацию и переподготовку: подбор профессии – 34,7%; профессиональная

ориентация – 18,9%; помощь в открытии собственного дела – 28%; профессиональная подготовка и переподготовка – 22,7%; тренировка профессионально значимых навыков – 12%.

Доступ к информации, предоставляемый сетью Интернет, расширяет возможности молодых людей в удовлетворении своих образовательных потребностей. Если проанализировать качественную сторону «сетевой жизни», то полученные данные свидетельствуют об однозначной и безусловной доминанте информационного применения Интернета (45,6%). В то же время почти четверть респондентов использует сети для расширения возможностей для самообразования (22,2%), что необходимо учитывать для расширения возможностей неформального образования в области прав инвалидов, в сфере хобби интересов, профессиональной ориентации и подготовки.

Подводя итоги, отметим, что молодые люди с инвалидностью реализуют свое право на образование. Однако практика сегрегации, ограничения в выборе профилей профессиональной подготовки, в дальнейшем профессиональной деятельности повышает их социальную уязвимость. Целесообразно больше внимания уделять программам переобучения людей с инвалидностью, обучения их по требующимся работодателям специальностям, в том числе на рабочем месте, использовать Интернет как пространство для расширения образовательных возможностей данной категории молодежи в сфере как формального, так неформального образования.

Список источников

1. Дети группы риска в общеобразовательной школе / под ред. С. В. Титовой. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО, ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ТЕХНИЧЕСКОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аленькова Юлия Васильевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена интерпретации понятия «правовая культура» как органической части духовной культуры общества. Рассматриваются универсалистский и релятивистский подходы к правовой культуре, к трактовке прав человека. Акцентируется внимание на изменениях правовой культуры общества и личности в условиях глобализации и информатизации общества.

Правовая культура является неотъемлемой частью духовной культуры социума и личности. Ее составными элементами являются общий уровень правосознания общества, существующая правовая система, а также сложившиеся правовые традиции, юридическая грамотность населения и т.д. Но необходимо отметить, что все эти элементы складываются исторически, их состояние и развитие органично вписано в социокультурный контекст, вне которого правовая культура сама по себе сложиться не может. И изменение состояния правовой культуры связано с общими тенденциями социокультурной динамики. Таким образом, состояние правовой культуры определяется целым комплексом социокультурных оснований.

В культурологии сложилось множество подходов к анализу развития правовой культуры, которые в целом можно свести к двум основным: универсализм и релятивизм.

Универсалистский подход к культуре (частью которой является и правовая культура) предполагает культурное единство мира, наличие общих явлений, присущих всему человечеству на разных этапах развития. В основе этой концепции лежит идея создания мировой культуры на основе универсальных, общечеловеческих ценностей. Она ведет свое начало из греческой философии, но особенно активно развивалась в Новое время. (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, И. Гете, В. С. Соловьев и др.). В рамках универсалистской концепции утверждается, что в основе культуры лежат культур-

ные универсалии – типовые аспекты жизни, которые проявляются во всех известных обществах, независимо от их географического местоположения и исторического периода (например, возрастная градация, общинная организация, нателные украшения, календарь, приготовление пищи, кооперация труда, разделение труда и т.д.). Культурные универсалии, в свою очередь, являются своеобразным системообразующим каркасом правовой культуры любой общности, поскольку формируют отношение к праву как способу регуляции человеческого поведения.

Культурный релятивизм исходит из тезиса об уникальности каждой культуры. Релятивистские концепции утверждают: универсальных ценностей вообще нет. Существующие в мире культурное многообразие порождает и разные модели отношения к праву и соответственно правовые культуры. Так, западная модель культуры, сформированная в эпоху Нового времени, основана на фундирующих ее принципах, которые не утратили своего значения и по сей день: *в экономике – право частной собственности; в политике – право личного участия в осуществлении государственной власти; в религии – свобода совести; в идеологии – свобода слова; в праве – неотъемлемые права человека и гражданина*. Большинство ученых полагают, что истоки связаны с эпохой Реформации, когда были провозглашены в качестве духовных ценностей *политическая свобода, свобода совести, формирующие идею прав человека и гражданина*.

Релятивистские концепции подчеркивают относительность этих ценностей (это именно западные ценности, а не универсальные) и противопоставляют им модели культуры восточных стран, России и иных народов.

Если, например, взять российскую культурную традицию, внутри которой формировалось правосознание россиянина, то здесь можно обнаружить иные принципы. В российской традиции очевидна *этикоцентристская* установка и приоритет регулятивных функций морали над такими же функциями права. Свойственная русской культуре антиномичность породила противостояние в ней двух понятий – «Право» и «Правда», что нашло свое отражение в русской литературе, философии, особенно в ее славянофильских ориентациях. Так, в известном сборнике «Вехи» Богдан Кистяковский, автор статьи «В защиту права», приводит пародию поэта Б. Н. Алмазова на славянофильские воззрения относительно права:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки природы русские,
Нашей правды идеал

Не влезает в формы узкие
Юридических начал... [2, с. 110]

Нужно отметить, что правовой нигилизм, свойственный российской культуре, многие философы считали не недостатком, а даже преимуществом духовной культуры России: русское сознание не испорчено прагматичностью Запада, его индивидуализмом, приведшим к кризисному состоянию культуры, в русском человеке живы трансцендентные устремления – стремления к высшим понятиям Правды, Справедливости, Блага, Истины и пр., заглушенные тенденциями социокультурного развития на Западе.

Подобный принцип анализа правовой культуры можно применить и относительно восточных стран, где не право, а религия исторически выступала важнейшим рычагом регуляции и нормирования социальных отношений и формирования идеологии и пр.

Особенно остро спор универсализма и релятивизма ощущается в условиях современного социокультурного развития мира, в условиях глобализации. Универсалисты утверждают, что идея права универсальна, она единая для всех культур. Релятивисты, отстаивающие идею множественности и разнородности культур, утверждают, что идея права не универсальна и характерна лишь для западной культуры, другим же культурам она чужда.

Наиболее остро этот спор ощущается в разных оценках понятия прав человека. Сегодня мировое сообщество ориентируется на международные нормы о правах человека, которые по мнению определенного круга теоретиков, имеют универсальный характер. На этом убеждении строится деятельность ООН и все мероприятия по защите прав человека. Однако далеко не все соглашаются с оценкой подобного понимания прав человека, в частности оппозицию западной либеральной трактовке прав человека составляет РПЦ, не признающая концепцию естественного права (оформившуюся в западноевропейской культуре Нового времени) в качестве основания, из которого можно выводить правовые нормы.

Спор об основании прав человека сегодня столь важен, поскольку именно понятие «права человека», отношение к ним и реальные формы их реализации в обществе, являются основой правосознания, на которой базируется вся правовая культура.

В современном мире, в условиях глобализации, мы можем наблюдать действие дух разнонаправленных тенденций развития правовой культуры. С одной стороны, глобализация несет идею универсализма, пытающегося унифицировать правовое сознание человечества на основе идеи прав человека. С другой стороны, мы наблюдаем стремление национальных культур к сохранению собственной культурной идентичности, что оказывает влияние и на формирование правосознания.

Универсалистская модель распространяется благодаря СМИ, Интернету. Сегодня гражданин любой страны может получить доступ к основным документам ООН и других международных организаций. В рамках национальных государств существуют электронные платформы, где граждане могут ознакомиться с законодательством (например, НЦПИ в Республике Беларусь), получить консультацию юристов. Это позитивно влияет на формирование правосознания, повышает уровень правовой культуры.

Нужно отметить, что многие сторонники концепции универсализма предпринимают попытки обосновать универсальность прав человека, сохраняя при этом идею культурного многообразия человечества, утверждая, что сама идея прав человека присуща всем культурам, но воплощается во множестве уникальных вариантов социокультурного развития.

Но, с другой стороны, появляются общие проблемы, характерные для большинства стран. Электронные масс-медиа и Интернет усиливают свое влияние как агенты «стихийной» социализации личности, становятся трансляторами антиправовой информации и отрицательного отношения к закону и праву. Это обостряет существующие в обществе тенденции *правового нигилизма*, отрицания права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей.

Глобализация, информатизация, виртуализация общества и иные тенденции развития современного социума порождают причины деформации правосознания [3]. Одна из них связана со всеобщей тенденцией инфантилизации культуры, проявляющейся на социальном, психологическом, профессиональном и прочих уровнях существования личности [1]. Инфантилизм рассматривается учеными не просто как психологическая особенность – остановка развития на ювенильной ступени, но и как социальная характеристика современного человека, его нежелание и неспособность брать на себя ответственность.

Правовой инфантилизм можно определить не только как недостаточность правовых знаний, низкий уровень правового сознания, но и как отсутствие чувства ответственности относительно поведения в рамках права, несформированность правовых установок внутри личности, на ее экзистенциальном уровне. И эту проблему вряд ли может решить расширение правового просвещения. Это – проблема ценностных оснований современного общества, в котором право и правосознание должно занять одну из высших ступеней мировоззренческой иерархии.

Таким образом, правовая культура – неотъемлемая часть духовной культуры общества. Она предопределяет для каждой личности формы правового поведения, а для общества – систему правовых ценностей, правовых идеалов, которые в свою очередь создают условия для обеспечения единства и взаимодействия правовых институтов и учреждений.

Список источников

1. Аленькова, Ю. В. Homo infantilis в антропологической модели современной культуры / Ю. В. Аленькова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2018. – № 1(51). – С. 51–54.
2. Кистяковский, Б. А. В защиту права / Б. А. Кистяковский // Вехи ; Интеллигенция в России : сб. ст., 1909–1910 / [сост., коммент. Н. Казаковой ; предисл. д-ра ист. наук В. Шелохаева]. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 109–135.
3. Yulia Alenkova The End of Globalization or the Return to History // ISUD XII World Congress: Book of Abstracts. – С. 179–180.

УДК 340.1

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Бекета Вячеслав Мечиславович,

заместитель директора Национального центра правовой
информации Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

В статье отражаются основные направления научной и практической деятельности Национального центра правовой информации Республики Беларусь, их роль в развитии права и правовой информатизации, а также обеспечении доступа граждан к государственным информационно-правовым ресурсам, содержащим полную, достоверную и актуальную правовую информацию.

Праву, правовой науке и практике отводится особая роль в рамках функционирования правового государства и гражданского общества. Перевод экономики на рыночные отношения, реформы, информатизация общества требуют полноценного правового обеспечения названных процессов, что обуславливает необходимость совершенствования законодательства в соответствии с современными концепциями.

Законодательством Республики Беларусь закреплено право доступа к информации. В ст. 34 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует гражданам право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации. В целях реализации закрепленной гарантии установлено, что «государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданам Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы» [1].

Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712 «О совершенствовании государственной системы правовой информации Ре-

спублики Беларусь» (далее – Указ № 712) установлено, что ГСПИ – «организованная совокупность эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь, государственных информационно-правовых ресурсов и информационных технологий, обеспечивающая взаимодействие государственных органов, Национального центра правовой информации и иных государственных организаций по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации, а также официальному опубликованию правовых актов» [2].

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524 «О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации» НЦПИ определен как «центральное государственное научно-практическое учреждение, осуществляющее сбор, учет, обработку, хранение, систематизацию и актуализацию эталонной правовой информации, ее распространение (предоставление), экспертно-аналитическую деятельность в указанных сферах, а также официальное опубликование правовых актов» [3].

Исходя из официального определения, НЦПИ осуществляет как научную, так и практическую деятельность в области права и правовой информатизации. Таким образом, перед НЦПИ поставлены следующие задачи:

1) обеспечение функционирования и развития государственной системы правовой информации Республики Беларусь;

2) формирование и ведение государственных информационно-правовых ресурсов (далее – ГИПР), к которым относятся Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (далее – Портал), информационно-поисковые системы (далее – ИПС) «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE», Правовой форум Беларуси, Детский правовой сайт, автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь;

3) распространение (предоставление) эталонной правовой информации, а также информации правоприменительного характера;

4) участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, развитии и совершенствовании юридической терминологии на русском и белорусском языках и ее переводе на иностранные языки;

5) создание информационно-поисковых систем и распространение правовой информации;

6) официальное опубликование правовых актов;

7) обеспечение межгосударственного обмена правовой информацией;

8) проведение научных исследований в области правовой информатизации [3].

Указом Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2018 г. № 135 «Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных пра-

вовых актов» на НЦПИ возложена задача проведения обязательной юридической экспертизы технических нормативных правовых актов [4].

Для выполнения поставленных задач НЦПИ осуществляет сбор всех правовых актов в Республике Беларусь, поступающих от государственных органов и уполномоченных должностных лиц, корректорско-редакторскую обработку указанных актов, их опубликование на Портале, включение документов в эталонный банк данных правовой информации и последующее доведение до пользователей.

НЦПИ является единственным в Республике Беларусь научно-практическим учреждением, осуществляющим научно-техническую деятельность в области правовой информатизации, что отражается в количестве проведенных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (более 40), а также подготовленных научных публикаций (более 500). Данные результаты направлены на решение теоретических и практических задач развития правовой информатизации. Они выражаются в виде концепций, программ, проектов нормативных правовых актов, программных комплексов и технологий обработки правовой информации и формирования государственных информационно-правовых ресурсов, автоматизированных систем, баз и банков данных правовой информации.

НЦПИ также развивает сотрудничество с отечественными и зарубежными научными организациями в сфере научно-технической деятельности.

Для повышения эффективности образовательных процессов в сфере правовой информатизации в 2003 году на базе НЦПИ создана Кафедра ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву НЦПИ. Она действует на общественных началах и осуществляет свою деятельность под эгидой Секретариата ЮНЕСКО и научно-технического совета НЦПИ.

Основной целью создания и деятельности кафедры ЮНЕСКО является обеспечение интегрированной системы исследований, подготовки, обучения, информации и документации в области информационного права и правовых информационных технологий (правовой информатизации), а также содействие сотрудничеству между специалистами НЦПИ и высококвалифицированными, имеющими международное признание учеными и преподавателями других стран [7].

В целом, деятельность НЦПИ носит практикоориентированный характер, разработки и результаты исследований в области права и правовой информатизации используются как при совершенствовании действующих продуктов и проектов, так и при создании новых. Каждому гражданину указанные разработки становятся доступными посредством ГИПР.

Портал (pravo.by) создан на основании Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 609 «О Национальном правовом Интер-

нет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524», в соответствии с которым названный ресурс определен как «основной государственный информационный ресурс глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информатизации» [8]. Функционирование Портала обеспечивает эффективность использования информационных технологий в области права и правовой информатизации, решение вопросов сотрудничества государственных органов, иных организаций и граждан в правовой сфере, гарантирует гражданам получение полной и достоверной правовой информации.

С учетом требований времени разработаны и применяются пользователями мобильные приложения ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE» для устройств с операционными системами Android и iOS.

Свободный доступ к актуальному законодательству с помощью ИПС граждане могут получить в публичных центрах правовой информации (далее – ПЦПИ) и центрах эталонной правовой информации (далее – ЦЭПИ).

ЦЭПИ, в свою очередь, представляют собой «пункты доступа к эталонной правовой информации, создаваемые государственными органами или иными организациями совместно с НЦПИ для обеспечения научного, учебного, воспитательного, информационно-просветительского процессов» [2].

Общее количество ПЦПИ и ЦЭПИ на сегодняшний день составляет более 700 центров.

Деятельность НЦПИ направлена на дальнейшее развитие информационно-правового пространства Республики Беларусь и совершенствование возможностей доступа всех заинтересованных субъектов к эталонной правовой информации, в том числе за рубежом. В настоящее время ЦЭПИ, обеспечивающие беспрепятственный доступ граждан к белорусскому законодательству, функционируют в Польше, Латвии, Литве, Италии, России, Венгрии, Пакистане, Чехии, Сербии, Китае, Кыргызстане, Казахстане, Таджикистане, Молдове и Украине.

Таким образом, НЦПИ на практике обеспечивает реализацию конституционного права граждан Республики Беларусь на получение полной, достоверной и своевременной правовой информации, вносит свой вклад в повышение качества нормотворческой и правоприменительной деятельности, способствует росту правовой культуры белорусского общества.

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=V19402875#lo_ad_text_none_1_1. – Дата доступа: 24.10.2018.

2. О совершенствовании государственной системы правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 712 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12 апр. 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 окт. 1998 г., № 524 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12 апр. 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 апр. 2018 г., № 135 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Коваленко, Е. И. Юбилей Национального центра правовой информации Республики Беларусь: 20 лет мы делаем право доступным для всех [Электронный ресурс] / Е. И. Коваленко // ЭТАЛОН. Правоприменительная практика / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Шаршун, В. А. 15 лет Кафедре ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву Национального центра правовой информации Республики Беларусь: итоги и перспективы [Электронный ресурс] / В. А. Шаршун // ЭТАЛОН. Правоприменительная практика / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. О Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и о внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524 [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 609 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12 апр. 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 32

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Вологина Наталья Владимировна,

Белорусско-Российский университет (г. Могилев, Беларусь)

В представленных тезисах автор рассматривает особенности влияния гражданской политической культуры на формирование правового сознания как в индивидуальном аспекте (человека, гражданина), так и социальном (всего общества в целом).

Современные политические процессы, протекающие в Республике Беларусь, направлены на укрепление основ гражданского общества и формирования политической культуры, соответствующей базовым принципам функционирования белорусской политической системы, закрепленных в Конституции Республики Беларусь. Одной из теоретических дилемм, переходящих в область политической практики, выступают проблемы, харак-

тер и особенности взаимодействия гражданской политической культуры и правового сознания, которое выступает в заявленном нами контексте как имманентная характеристика политической культуры гражданского типа. Попытаемся более подробно рассмотреть основные линии взаимодействия между этими общественными феноменами.

Концепт «гражданская политическая культура» возник в 50–60-е годы XX века в американской политической науке в работах Г. Алмонда и С. Вербы. Согласно их авторитетному мнению, гражданская культура – это особый тип политической культуры, способствующий эволюционному развитию демократического общества и его политической системы. Она носит смешанный характер и синтезирует в себе элементы патриархальной культуры, ведущим компонентом которой выступает приверженность традициям и невысокая осведомленность о государстве и политике в целом; подданнической культуры, где люди являются политически сознательными, но ведут себя пассивно по отношению к государству и политической системе; культуры участия, в которой граждане «заряжены» на политическую активность, пытаясь посредством собственного участия воздействовать на процесс принятия политических решений, направлять и изменять политическую действительность. Другими словами, в гражданской политической культуре новые элементы культуры модифицируют старые, адаптируя их к изменившимся условиям жизни людей, сохраняя в наследии прошлых эпох то, что представляет ценность сегодня. Отсюда разнородный характер элементов гражданской культуры, баланс активности и пассивности, согласия и разногласия, включенности и индифферентности, заинтересованности и аполитичности, приверженности и недоверия.

Гражданская культура поддерживает в политической системе три баланса: а) между политическим участием и неучастием граждан, их влиянием и невлиянием на важные политические решения; б) между властью и ее ответственностью; в) между общим согласием и разногласиями политических элит.

Гражданская политическая культура формируется в результате постепенной эволюции самой политической системы, государства как ее основополагающего института, положительной динамики экономического развития, направленного в сторону повышения материального благосостояния общества и, конечно же, соответствующего ценностно-нормативного общественного фона. Причем надо подчеркнуть, что гражданская политическая культура **уже!** есть результат развития гражданского общества.

Гражданское общество представляет собой комплексное явление, регламентированное как нормами права, так и нормами морали, традициями, содержание которого определяется историческим опытом, национальными традициями, уровнем развития демократии и культуры. Как отмечал Ф. Шмиттер, гражданское общество само по себе не может породить демократию или

обеспечить существование уже возникших демократических институтов и норм. В демократическом процессе гражданское общество действует наряду с другими институтами, процессами и мотивациями, оно содействует консолидации демократии, но не является ее непосредственной причиной.

В свою очередь, развитое гражданское общество в стране является важнейшей предпосылкой построения правового государства и его равноправным партнером. Существование одного без другого невозможно. В государстве благодаря гражданскому обществу осуществляется основная нормотворческая деятельность, происходит регулирование и выполнение правовых нормативных актов. Взаимосвязь между государством и гражданским обществом обеспечивается на основе положений Конституции Республики Беларусь о свободе, равенстве и справедливости, правах и свободах человека, особенностях формирования органов политического управления. Статья 1 Конституции Республики Беларусь декларирует статус нашего государства как демократического социального правового государства. Эффективное сотрудничество правового государства и гражданского общества возможно только в случае успешного взаимодействия основных институтов политической системы, обеспечения общественного контроля со стороны гражданского общества за деятельностью органов государственной власти. Благодаря таким организациям гражданского общества, как профсоюзы, студенческие объединения, ассоциации адвокатов, происходит непосредственная защита личных и социальных прав человека и гражданина в государстве. Правовое государство обеспечивает соблюдение правил общежития гражданами, создает социально дружественную среду обитания.

Провозглашение Республики Беларусь правовым государством означает, что правовая система должна быть, прежде всего, ориентирована на понимание права как наивысшей ценности, как обязательной формы общественной свободы, равенства и справедливости.

Право является необходимым элементом современной культуры, оно полностью укоренено в ней и, следовательно, способно стать ценностью в той степени, в какой ценностью является культура как таковая.

Одним из признаков правового государства выступает высокий уровень правовой культуры, которая включает в себя: а) духовные характеристики (систему ценностей, представлений, идей, знаний); б) различные правовые институты; в) поведенческие отношения. Современная правовая культура – это культура развитого и эффективно функционирующего гражданского общества и правового государства. Она должна: 1) закреплять определяющее значение прав и свобод человека в правовой организации общественной и государственной жизни; 2) утверждать в массовом право-

сознании чувства уважения к закону и правопорядку, идеи и ценности верховенства права; 3) практически реализовывать принципы конституционализма; 4) обеспечить согласованное и эффективное функционирование всех источников позитивного права и всех ветвей государственной власти; - поощрять правовую активность граждан и их общественных объединений в осуществлении своих прав и надлежащем исполнении своих юридических обязанностей [1, с. 84]. Правовая культура носит позитивный характер, она не может существовать в негативном аспекте. Это во многом аксиологическая категория, потому что она подразумевает качественное состояние правовой действительности гражданского общества.

Между правовой культурой гражданского общества (общественной) и правовой культурой личности (индивидуальной) существует прямая и обратная связь. Правовая культура индивида и правовая культура социума неотделимы, они взаимодополняют друг друга и определяют общее содержание.

Важнейшей частью правовой культуры выступает правовое сознание. В политической науке правовое сознание рассматривается в его гносеологической связи с другими основными политико-правовыми и политико-психологическими понятиями и категориями – политической культурой, политическим поведением – и трактуется как результат восприятия субъектом той части окружающей действительности, которая связана со сферой политики и права, в которую включен сам субъект, а также его действия и состояния, связанные с политико-правовой сферой.

Правосознание как особая форма общественного сознания, характеризующая способность человека к существованию в правовом пространстве, его умение следовать нормам права, нести ответственность за реализацию своих прав и свобод, является важной предпосылкой качественного и результативного функционирования правовой и политической систем, реализации основных принципов правового государства, укрепления законности и правопорядка в социуме.

Правовое сознание объединяет отношение субъекта как к правовым ценностям, так и самому себе (правовое самосознание). Правосознание, наряду с правом (и вместе с ним), играет активную роль в общественной жизни, ведь правовые взгляды и правовые нормы, в которых они воплощаются, детерминируют поведение людей, влияя на весь ход общественно-исторического развития.

Рассмотрение сущности понятия «правосознание» дает возможность выделить ряд его характерных особенностей. Во-первых, правосознание определяется как самостоятельная форма общественного сознания, тесно взаимодействующая с моральными, религиозными, политическими и другими формами сознания. Во-вторых, в правовом сознании отражается

отношение субъекта к праву, юридической практике, поведению других субъектов правоотношений, их оценка. Особенность правосознания выражается также в способе отражения правовых явлений общественной жизни. В-третьих, правосознание как целостное понятие охватывает волю, чувства, мысли и всю сферу бессознательного духовного опыта, дает представление о прошлом, настоящем и будущем права [2, с. 206].

Правовое сознание человека представляет собой совокупность представлений, знаний, чувств, выражающих его отношение к праву и оценку значимости правовых явлений в обществе. На формирование нормального позитивного отношения к праву влияет система ценностей как социокультурных детерминант позитивного реалистического правосознания. Негативное отношение к праву связано с отрицанием значимых человеческих ценностей.

От уровня, качества, характера, содержания правосознания в значительной степени зависит то, каким будет поведение человека в обществе – правомерным или социально опасным. В современном обществе нередко наблюдаются различные деформации в правосознании как личности, так и различных социальных групп. Деформация правосознания проявляется в правовом нигилизме, инфантилизме и перерождении (цинизме).

Таким образом, подводя некий итог под вышесказанным, следует отметить, что гражданская политическая культура формируется на основе устойчивых демократических институтов, таких как правовое государство и развитое гражданское общество. Ведущей ценностью правового государства выступает позитивная правовая культура и как ментальная ее часть – правовое сознание, в котором укрепляются нормы, установки и поведенческие стереотипы гражданской политической культуры.

Список источников

1. Абызов, Р. М. Правовая культура и правовое сознание как признаки правового государства / Р. М. Абызов, Е. Р. Абызова // Философия права. – 2012. – № 4. – С. 84–87.
2. Жидовцева, О. А. Правовое сознание: основные подходы к определению и классификации / О. А. Жидовцева // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 204–208.

УДК 372.83

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

Копейченко Андрей Иванович,

ГУО «Средняя школа № 25 города Могилева» (г. Могилев, Беларусь)

Правовая воспитанность личности связана с наличием и степенью сформированности правовых знаний и убеждений в правильном правовом поведении, отвечающим

требованиям общества. Содержание правового воспитания сочетается с требованием общества к формированию личности, уважительно относящейся к закону, умеющей не только использовать правовые знания в своей деятельности, но и защищать их.

На современном этапе развития отечественной системы образования одной из главных задач школы является создание условий для формирования личности, что предполагает ее правовое воспитание.

Школьный возраст является значимым периодом формирования правовой культуры в силу того, что у учащихся школы возникает осознание себя субъектом права.

Структурными компонентами правового воспитания выступают:

1) учебные дисциплины, включающие элементы права, экономики, прав человека, направленные на правовое обучение;

2) внеурочная и внешкольная деятельность (участие учащихся школы в детских общественных объединениях), направленная на формирование умений и навыков, необходимых для жизни в обществе.

Правовое воспитание учащихся школы осуществляется поэтапно:

первый этап – формирование интереса к нормам и правам человека;

второй этап – знакомство с объективно существующими нормами и правами, формирование представления о них;

третий этап – организация деятельности учащихся, направленной на приобретение соответствующего опыта поведения;

четвертый этап – осмысление процесса, имеющих учащихся правовых представлений, знаний, понятий, собственного жизненного опыта.

Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь определяет, что воспитание – целенаправленный процесс формирования духовно-нравственной и эмоционально-ценностной сферы личности обучающегося. Воспитание отражает интересы личности, общества и государства.

Назначение воспитания состоит в обеспечении успешной социализации личности в современном обществе, подготовке к самостоятельной жизни.

Достижение целей воспитания предполагает решение множества задач, в том числе формирование нравственности, создание условий для успешного саморазвития и самореализации личности [1].

Правовое воспитание учащихся школы должно быть:

1) конкретным – ориентировать учащихся на существующую правовую ситуацию, во всем многообразии ее проявления;

2) целенаправленным – отвечать интересам общества и государства;

3) деятельностным – выполнять функцию правовой социализации личности;

4) действенным и эффективным – формировать правовую культуру личности [2].

Правовая культура личности – совокупность правовых знаний, способность их полной и правильной реализации в различных видах деятельности. Правовая культура предполагает сочетание правовых знаний с нравственными идеалами и ценностными ориентациями личности.

Содержание воспитательной работы по формированию правовой культуры личности направлено на усвоение систематизированных знаний о праве, основах законодательства Республики Беларусь, формирование законопослушного поведения, которое проявляется в реализации своих прав и свобод, ответственном отношении к выполнению своих обязанностей – гражданина Республики Беларусь, в готовности в различных жизненных ситуациях действовать юридически грамотно, целесообразно ориентируясь на существующие законы [1].

Процесс формирования правовых знаний складывается на основе коммуникативного взаимодействия участников этого процесса, посредством теоретического осмысления права формируется культура человеческих взаимоотношений и развивается понятийное мышление.

Изучение вопросов права связано с развитием у учащихся навыков исследовательской деятельности, выполнением нестандартных заданий. Формирование умений делать самостоятельный выбор и быть ответственными за принимаемые решения является важным фактором правового воспитания и обучения школьников.

В процессе изучения теоретических вопросов правового содержания школьники учатся анализировать, синтезировать, сравнивать, обобщать полученную информацию.

Однако в основе указанных мыслительных навыков лежат мыслительные навыки первого порядка: знание, понимание и применение. Если данные навыки у школьников не сформированы, то в ходе воспитания и обучения учащихся школы достаточно сложно будет усвоить вопросы правовой направленности.

В то же время увлечение теоретическими аспектами права в школе нецелесообразно в силу того, что:

- 1) в системе общего школьного образования учащиеся постигают лишь основы правовых знаний;
- 2) возрастные психолого-педагогические особенности учащихся школы не позволяют глубоко и основательно осознать некоторые теоретические проблемы права [3, с. 45–50].

Содержание воспитания учащихся реализуется в соответствии с программно-планирующей документацией воспитания, программами воспитания, утвержденными Министерством образования Республики Беларусь, а также путем использования потенциала учебных дисциплин, факультативных занятий [1].

С учетом данных условий целесообразно определить задачи правового воспитания. Задачами правового воспитания выступают:

1) формирование у учащихся необходимого уровня правовых знаний о сущности и назначении закона, основных нормах административного и уголовного законодательства, обстоятельствах отягчающих вину, порядке реализации права человека на защиту от преступных посягательств;

2) формирование у школьников уважительного отношения к закону;

3) формирование у школьников положительного отношения к законопослушному человеку, отрицательного отношения к преступнику и сочувственного отношения к объекту преступного посягательства;

4) формирование у учащихся школы положительного отношения к законопослушному поведению и отрицательного отношения к противоправному поведению;

5) формирование у учащихся школы уважительного отношения к охраняемым правом социальным ценностям (жизнь, здоровье, достоинство, права и свободы человека, общественная нравственность, природная среда, общественные и государственные интересы) основано на привлечении внимания к нравственным и социально-правовым вопросам общественной жизни [4].

Полученные учащимися правовые знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную правовую установку строго следовать правовым предписаниям, внутренне соблюдать правовой закон и проявлять правовую активность [2].

Учащиеся 5–9 классов общеобразовательной школы имеют общее представление об основных правах и свободах человека. В курсе истории изучаются вопросы формирования гуманистических идей, естественных прав человека. В курсе обществоведения в 9 классе внимание уделяется вопросам: человек, индивидуальность, личность, гуманизм, межличностное общение, свобода, ответственность. Изучение данных вопросов содействует пониманию учащимися того, что права имеют непосредственное отношение к их жизнедеятельности.

В данной ситуации учитель использует методы работы, связанные с тем, что учащиеся должны задуматься над проблемами взаимоотношений между собой, а также между гражданами и государством, учатся общаться друг с другом, решать конфликты, возникающие вследствие противоречий между правами и интересами отдельных людей в обществе.

Таким образом, в средней школе учащиеся знакомятся с системой общечеловеческих ценностей и установок правомерного поведения.

В старшей школе учащиеся совершенствуют готовность и умения защищать свои права, изучая механизмы реализации и защиты прав человека, что определяет гражданскую позицию личности. В 10–11 классах изучение

учащимися вопросов права осуществляется в интеграции с экономическими и политическими составляющими изучения общественной жизни.

Знания и умения, усвоенные в базовой школе, приобретают наибольшую актуальность в старшей школе. Именно поэтому работа по правовому воспитанию важна в 10–11 классах, поскольку в этот период у учащихся формируется единая система знаний, складывающаяся затем в систему убеждений, правовую культуру личности. Сформированность морально-го и правового сознания учащихся старших классов является критерием успешности социализации личности, связанной в том числе и с процессом воспитания правовой культуры личности.

Правовые отношения связаны с деятельностью людей. Поэтому для формирования правовой культуры личности необходимо включать ее в соответствующие виды деятельности и использовать их для выработки и воспитания правовой культуры.

Содержательный компонент правового воспитания учащихся определяет приоритетные ценности воспитания и основные направления воспитательной работы по формированию правовой культуры учащихся. Воспитание правовой культуры учащихся основывается на системе ценностей, действующих в сфере права и морали.

Список источников

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adu.by/wp-content/uploads/2015/umodos/koncept-vospit-detej-i-molodioji.doc>. – Дата доступа: 31.10.2018.
2. Дербина, А. В. Правовое воспитание как важный педагогический процесс формирования правового сознания личности / А. В. Дербина, З. Н. Каландаришвили // Образование и общество. – 2015. – № 4. – С. 50–55.
3. Певцова, Е. А. Теория и методика обучения праву / Е. А. Певцова. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 400 с.
4. Стуканов, В. Г. Содержание нравственно-правового воспитания / В. Г. Стуканов // Народная асвета. – 2017. – № 4. – С. 15–19.

УДК 343.85; 373.035:340

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК МЕРА ОБЩЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Лобанова Елена Николаевна,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Усиленное внимание к вопросам правового воспитания обусловлено возросшей криминализацией общества, прогрессирующим правовым нигилизмом и пренебрежением

подростков к законам государства и общества. Решение задач правового воспитания в школе способствует укреплению дисциплины и организованности, формированию ответственности и предупреждению правонарушений.

На 1 января 2018 г. в Беларуси проживает 1 млн 921 тыс. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет (или 20% от общей численности населения), из них несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет около 540 тыс. Это определяет значимость проводимой государственной молодежной политики, которая представляет систему социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, направленных на поддержку молодых граждан Беларуси [4].

Актуальность данной темы обусловлена, с одной стороны, существенной ролью, занимаемой подростковой преступностью в общей структуре преступности, с другой – необходимостью коренного пересмотра концептуальных подходов к профилактике противоправных явлений среди несовершеннолетних, а также усилением роли правового воспитания в образовательном процессе, главной целью которого является формирование ответственности и предупреждение различных правонарушений среди несовершеннолетних.

По данным судебной статистики в первом полугодии 2018 года осуждено за совершение различных преступлений 485 несовершеннолетних (в первом полугодии 2017 года – 558, то есть судимость несовершеннолетних снизилась на 13%). Причем 121 из них совершили преступление, находясь в состоянии алкогольного опьянения (в первом полугодии 2017 года – 138), 10 – в состоянии наркотического (в первом полугодии 2017 года – 24) [2].

Возросла общественная опасность преступлений несовершеннолетних: они стали более дерзкими, циничными, опасными для жизни и здоровья не только сверстников, но и взрослых. Отмечается ухудшение мотивации правонарушений несовершеннолетних: опережающими темпами растет число преступлений, особенно с проявлениями корысти, стремлением обеспечить себя деньгами, наркотиками, контролировать определенную территорию (за совершение преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности осуждено 275 несовершеннолетних – то есть большинство из осужденных лиц в первом полугодии 2018 года) [2]. В подростковой среде получили распространение совершенно новые и необычные для них преступления: участие в торговле оружием, в изготовлении, сбыте наркотических и психотропных веществ, а также в целом ряде других тяжких преступлений. Особенно возросла криминальная активность несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, которая не учитывается действующей государственной статистикой.

Значительное место в формировании личности подростка занимает обучение в школе. Недостатки в воспитательной работе в сфере образования и досуга, безнадзорность подростков нередко приводят их к общению с группами подростков, лишенных четких нравственных ориентиров. Отдельные группировки молодежи формируются на основе культа силы, стремления самоутвердиться за счет унижения слабых, пренебрежения к морально-этическим нормам поведения в обществе, а иногда и на основе криминальных интересов [3].

В связи с этим правовое воспитание особенно актуально в подростковом и юношеском возрасте (в средней и старшей школе), когда формируются личностные установки человека, именно в этом возрасте школьники могут осознанно воспринимать информацию о правах, свободах и законах [5]. Правовое воспитание способствует формированию социальной активности обучающихся, дает возможность правильно ориентироваться в жизни. Знание своих прав и обязанностей дает возможность молодежи чувствовать себя увереннее, помогает отстаивать свои интересы в образовании и в личной жизни.

Высокий уровень правовой сознательности служит гарантией поддержания законности и соблюдения правопорядка. Правовое воспитание школьников, мероприятия по реализации которого должны проводиться регулярно, требует использования методов личного примера, принуждения, поощрения, анализа правовых норм. Сценарии по правовому воспитанию школьников должны учитывать особенности возраста объектов воздействия [1].

В каких направлениях необходимо осуществлять реализацию программ правового воспитания несовершеннолетних?

В социально-педагогическом: осуществление мероприятий, в которых участвуют не только ученики, но и их законные представители, учителя; анализ и выявления возможных отклонений от нормы в правовом воспитании – для этого проводится мониторинг. Целью мониторинга является не только выявление возможных проблем, но и их коррекция.

В управленческом: курирование реализации программ правового воспитания; накопление опыта в осуществлении правового воспитания; организация сотрудничества с различными органами власти и специализированными учреждениями, которые также ответственны за реализацию и профилактику воспитательных мер по правовому воспитанию.

В содержательном: главная цель – разработка эффективных методик правового воспитания и внедрение их в педагогическую практику.

Основными методами правового воспитания являются:

беседа: проводится в рамках урока, на внеклассных мероприятиях, в индивидуальной или групповой формах. Таким образом, ученики накапливают теоретические знания;

внеклассные мероприятия: конкурсы, викторины, практикумы способствуют глубокому усвоению знаний;

пропаганда права: с использованием средств массовой информации (журналы, радио, телевидение, интернет);

издание печатных материалов по юридической проблематике (стенгазеты, информационные листы, брошюры, комментарии к законам);

совместное изучение произведений литературы и искусства, посвященных правовым проблемам – кинофильмов, театральных постановок, романов и повестей;

проведение ролевых и деловых игр, создание проектов, экскурсии в государственные учреждения.

рекомендуется проводить плановые тестирования учащихся средней школы на предмет склонности к правонарушениям.

Отдельное место в образовательном процессе должно быть уделено правовому просвещению родителей (законных представителей) учащихся. Отношение к праву в семье, правовая грамотность родителей помогает ребенку осознать важность права в его жизни, воспитывает законопослушание, и наоборот, низкий уровень правовой культуры родителей, отсутствие опыта правового воспитания отрицательно влияют на осознание важности права в жизни ребенка. Видя пример жизни в обход закона или в ситуации его нарушения, ребенок не воспринимает право как ценность общества, как его основу, сам может своими делами и поступками тоже нарушать закон. Правовое просвещение нацелено на повышение правовых знаний и правовой культуры родителей, ориентированных на обеспечение защиты прав ребенка и обеспечение его безопасности.

Работа с родителями по правовому просвещению организуется с учетом возраста ребенка и может проводиться в виде: консультаций – бесед; лекций; диагностического анкетирования родителей; посещения семей с целью оценки взаимодействия взрослых с ребенком; ознакомление родителей с нормативно-правовыми актами, затрагивающими охрану прав и законных интересов несовершеннолетних; родительских собраний.

На родительских собраниях родителям предоставляется необходимая информация об изменениях в законодательстве, касающаяся процесса обучения и воспитания их детей. С этой целью рекомендуется приглашать специалистов органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, юристов [3].

Немаловажным является и правовое просвещение педагогов, которое направлено на повышение компетентности в области прав ребенка, в частности, в образовании, чтобы не допускать их нарушения в ходе организации педагогического процесса, и может быть реализовано на педагогических

советах, семинарах, лекциях по вопросам профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Рекомендуется устраивать круглые столы с участием педагогического коллектива и представителей специализированных субъектов профилактики преступлений (органов прокуратуры, суда, МВД), с целью освещения вопросов о состоянии правопорядка в подростковой среде, видах преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, данных судебной статистики об осужденных несовершеннолетних, изменениях действующего законодательства и т.д.

Список источников

1. Кондрашина, Е. Н. Активные методы правового воспитания учащихся подросткового возраста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://infourok.ru/aktivnie-metodi-pravovogo-vospitaniya-411796.html>. – Дата доступа: 05.11.2018.
2. Верховный Суд Республики Беларусь «Данные судебной статистики за 1-е полугодие 2018 года об осужденных несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2018.
3. Федотова, Н. В. Модуль к работе дистанционного методического объединения классных руководителей по теме «Правовое просвещение семей, имеющих детей, в работе классного руководителя».
4. Князев, С. Н. Национальная безопасность Республики Беларусь : курс лекций / С. Н. Князев, А. В. Гулякевич. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2012. – 178 с.
5. Официальный сайт Минского городского исполнительного комитета [Электронный ресурс] – Минск, 2018. – Режим доступа: https://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2018/inf_material_2018_08.shtml. – Дата доступа: 08.11.2018.
6. Педагогика : учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / под ред. П. И. Пидкасистого. – М. : Педагогическое Общество России, 2012. – 608 с.

УДК 343.95

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОЛЛЕДЖАХ

Мулерова Ирина Казимировна,
Социально-гуманитарный колледж
(г. Могилев, Беларусь)

Ярошева Наталья Аркадьевна,
Социально-гуманитарный колледж
(г. Могилев, Беларусь)

Актуальность проблемы формирования предпринимательской активности будущего педагога. Правовые аспекты формирования основ предпринимательской компе-

тентности в процессе оказания образовательных услуг в учреждениях дошкольного образования. Разработка модели формирования предпринимательской компетентности учащихся Социально-гуманитарного колледжа – будущих воспитателей дошкольного образования.

Одним из приоритетных направлений в области образования и молодежной политики в Республике Беларусь является реализация потребности общества в подготовке инициативной, энергичной, целеустремленной молодежи, способной к предпринимательской активности, созданию и реализации инновационных идей.

В системе среднего специального и высшего образования сделаны акценты на необходимость подготовки будущего педагога как конкурентоспособного специалиста, способного вырабатывать собственную стратегию профессионального роста, обладающего предпринимательскими качествами и профессиональной мобильностью. Современный педагог должен уметь не только предоставлять качественные образовательные услуги, но и создавать новые, соответствующие потребностям рынка, общества, государства; быть успешным менеджером образования, владеющим основами управления образовательными системами.

Современная система дошкольного образования Республики Беларусь представлена различными формами дошкольного образования, внедряются модели групп кратковременного пребывания воспитанников в зависимости от запросов их законных представителей и ресурсных возможностей учреждения дошкольного образования. Учреждениями дошкольного образования оказываются платные дополнительные образовательные услуги по развитию творческих способностей, совершенствованию коммуникативных навыков детей. Для их эффективного управления необходимо учитывать все особенности правового регулирования сферы дошкольного образования, в том числе и реализацию права на получение образовательных услуг для всех категорий воспитанников (из многодетных семей, малообеспеченных семей, воспитанников с особенностями психофизического развития и др.).

Поэтому педагогам учреждений дошкольного образования важно владеть основами предпринимательской компетентности в оказании образовательных услуг, в том числе и на платной основе: в изучении спроса родителей, проведении широкой рекламной деятельности, заключении договоров с законными представителями по оказанию платных образовательных услуг, изучении степени удовлетворенности родителей результатами образовательного процесса в них [1, с. 5].

В системе подготовки будущих педагогов дошкольного образования в Социально-гуманитарном колледже особое внимание уделяется формированию предпринимательской компетентности.

Творческая группа педагогов колледжа участвовала в реализации республиканского экспериментального проекта «Апробация педагогической системы формирования предпринимательской компетентности будущих педагогов дошкольного образования в колледжах». В ходе его реализации были изучены:

- теоретические аспекты формирования предпринимательской компетентности будущих педагогов дошкольного образования;
- перечень нормативного правового обеспечения организации услуг в сфере дошкольного образования на платной основе;
- примерные модели кратковременного пребывания детей в учреждении дошкольного образования;
- виды групп кратковременного пребывания детей;
- порядок создания групп кратковременного пребывания детей;
- алгоритм действий по созданию группы кратковременного пребывания.

Педагогами колледжа разработаны:

- критерии определения способностей к предпринимательской деятельности;
- учебно-методические комплексы для проведения факультативных курсов «Основы предпринимательской деятельности в образовании», «Правовое регулирование бизнеса», «Информационно-рекламная деятельность»;
- предложения поэтапного формирования предпринимательских компетенций у будущих педагогов дошкольного образования.

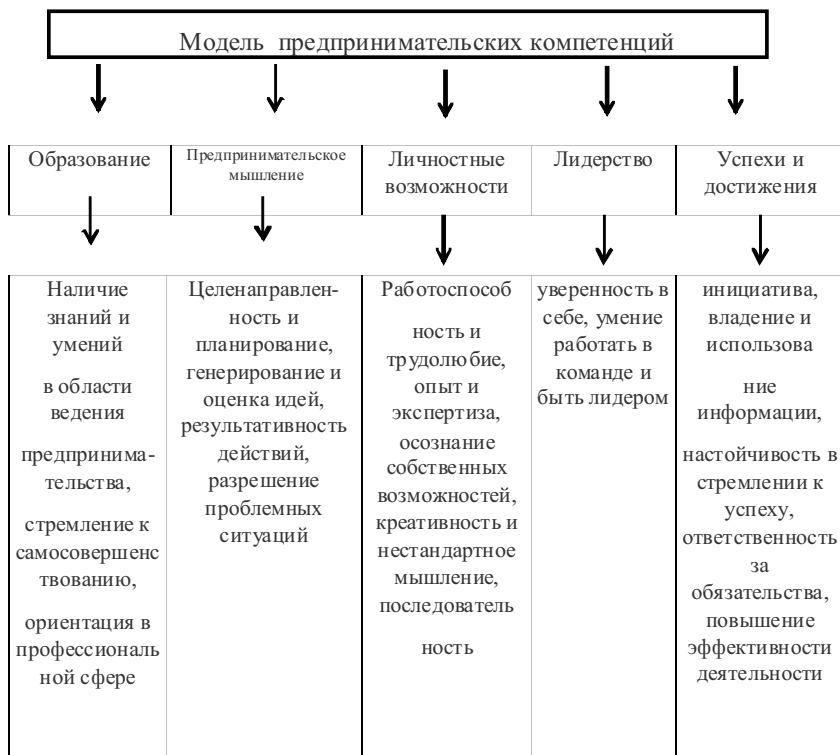
В типовые учебные планы специальности «Дошкольное образование» включены учебные дисциплины «Основы экономики образования», «Методика применения информационно-коммуникативных технологий в образовательном процессе».

В этом учебном году в рамках реализации инновационного проекта «Внедрение педагогической системы формирования предпринимательской компетентности будущих педагогов дошкольного образования в колледжах» предстоит:

- внедрить в образовательный процесс экспериментально апробированную педагогическую систему формирования предпринимательской компетентности будущих педагогов дошкольного образования в колледжах;
- изучить уровень сформированности предпринимательской компетентности будущих педагогов дошкольного образования в колледжах в процессе их подготовки по специальности «Дошкольное образование»;
- совершенствовать разработанное учебно-методическое обеспечение, реализующее эффективное формирование предпринимательской компетентности будущих педагогов дошкольного образования;

- разработать методические рекомендации по внедрению педагогической системы формирования предпринимательской компетентности будущих педагогов дошкольного образования в колледжах.

В ходе инновации предполагается повышение престижа специальности «Дошкольное образование», выработка нового подхода в подготовке педагога дошкольного образования.

Список источников

1. Бизнес-план учреждения образования : пособие для руководителей, их заместителей, педагогов учреждений общего среднего образования / сост.: А. М. Городович, Т. В. Куратник. – Мозырь : Белый ветер, 2014. – 121 с.
2. Ванькина, И. В. Маркетинг образования: учеб. пособие / И. В. Ванькина, А. П. Егоршин, В. И. Кучеренко. – М. : Логос, 2007. – 336 с.
3. Об организации образовательного процесса в учреждениях дошкольного образования в 2018/2019 учебном году : Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь. // СС «КонсультантПлюс : Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск» [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Оленюк Галина Анатольевна,

Средняя школа № 1

г. Бельничичи имени Н. И. Пашковского

(г. Бельничичи, Могилевская обл., Беларусь)

В данной статье рассматривается формирование социально значимой личности в рамках правового воспитания школьников.

Система образования является одним из главных компонентов социальной сферы нашего государства, перед которой стоят важные задачи формирования знаний, умений, навыков, интеллектуальное, правовое, нравственное, творческое и физическое развитие личности обучающегося. Образовательное пространство как социокультурный феномен отражает задачи гражданско-патриотического, правового, социального развития с целью активного социального взаимодействия. Правовое воспитательное пространство формируется под воздействием социально-педагогических условий, которые возникают благодаря организованной работе педагогического коллектива школы, учащихся и родителей или законных представителей учащихся, где приоритет за сотворчеством всех субъектов образовательного процесса. Самое важное в таком правовом воспитывающем пространстве – это ощущение каждым участником себя свободным, полноправным, активным гражданином.

Учащийся вступает постоянно в межличностные отношения с родителями, сверстниками, учителями, знакомыми и незнакомыми. Поэтому мы, учителя, должны научить школьников навыкам установления контакта, эффективного общения, научить слушать себя и других. Каждый человек должен с уважением и терпимостью относиться к тем, кто рядом, видеть в другом человеке равного себе. Необходимо научиться правильно оценивать окружающую обстановку, принимать решение в возникших ситуациях. А уметь самоопределяться, ориентироваться в окружающем мире, делать самостоятельный выбор можно только при условии, когда ты обладаешь высокой правовой культурой. В нашем современном обществе это особенно важно, поскольку воспитание социально значимого активного гражданина должно быть направлено на развитие личности.

Личность учащегося формируется под воздействием определенной среды. Под средой обычно подразумевается совокупность природных и

социальных (в данном случае именно педагогических) условий, а также людей, предметов, явлений, которые определяют и характеризуют жизнедеятельность общества, его субъектов. Разумеется, именно среда представляет собой главное условие формирования, развития личности в целом и социально значимой личности учащегося в частности. Особый интерес представляют социальные (педагогические) условия, которые реализуются во время образовательного процесса. Именно школа призвана воспитать интеллектуально, эмоционально и духовно развитую личность с нравственно-правовой самооценкой, глубоко гуманистическим и демократическим мировоззрением, самостоятельным мышлением, настоящего гражданина своей родной земли.

В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь формирование правовой культуры личности утверждается как одно из основных составляющих воспитания. Концепция ориентирует организацию образовательного процесса с учетом усвоения учащимися систематизированных знаний о праве, основах законодательства Республики Беларусь, формирования у них законопослушного поведения, понимания ответственности за противоправные действия [1, с. 18]. Правовое воспитательное пространство школы формируется под воздействием всей совокупности социально-педагогических условий, сложившихся в данной среде. Здесь идет слаженная организованная работа по обучению и воспитанию подрастающего поколения, основанная на выполнении нормативно-правовых актов, законодательства Республики Беларусь.

Реализовывая стоящие перед учреждением образования задачи по правовому воспитанию несовершеннолетних, на классных часах педагоги проводят беседы «Права и обязанности обучающихся», где знакомят учащихся с Кодексом Республики Беларусь об образовании (Раздел II глава 5 статья 31. Основные права обучающихся; статья 32. Основные обязанности обучающихся; статья 36. Социальная защита обучающихся; статья 37. Принципы социальной защиты обучающихся и др.). С целью формирования навыков правомерного поведения, понимания учащимися ответственности за содеянные проступки проводятся часы правовых знаний «Дисциплинарная ответственность обучающихся» (по разделу V «Дисциплинарная ответственность обучающихся» Кодекса Республики Беларусь об образовании), «Правонарушение и ответственность», «Знакомство с правилами школьной жизни», «Ответственность. Мораль и законы».

В вестибюле школы располагается информационный стенд «Уголок правовых знаний», где размещены материалы по вопросам моральной и правовой ответственности несовершеннолетних за противоправные действия; информация об обязанностях и правилах поведения детей в семье,

школе, обществе, о правилах личной безопасности. В формировании правовой культуры школьников важное значение имеет популяризация идей нормативных и правовых документов, которая реализуется в рамках проведения конкурсов-викторин по Всемирной Декларации прав человека, устного журнала «Конвенция о правах ребенка», конкурса рисунков «Конвенция о правах ребенка», круглых столов «Конституция Республики Беларусь», «Права человека и порядок в обществе», конкурс проектов «Твой вариант декларации прав человека». Проводимые мероприятия способствуют усвоению учащимися системы знаний по вопросам государства и права, воспитывают уважительное отношение школьников к законам и убеждают в необходимости их выполнения.

С целью привития учащимся навыков правомерного поведения, потребности активно защищать в установленном порядке интересы и права, личные, государственные и общественные, в школе проходят Дни правовых знаний, в рамках которых проводятся вернисаж газет «Я имею право...», литературно-правовая викторина «Знай свои права», игра-ситуация «Я и конфликты», диспут «В мире прав и обязанностей», тренинг «Жить в мире с собой и с другими», брейн-ринг «Твои права, подросток», тренинг практического самопознания. Вырабатывать активную гражданскую позицию у школьников, нетерпимость к нарушениям правопорядка призваны проводимые в учреждении образования пресс- конференции «Гражданские права несовершеннолетних», «Уголовный кодекс Республики Беларусь», информационная беседа «Как государство может защитить права ребенка», «Ответственность за употребление алкогольной продукции и наркотических веществ», дискуссия «От безответственности до преступления один шаг».

Педагогический коллектив школы готовит подрастающее поколение к выполнению гражданских функций по отношению к государству, семье, труду и личной, частной и общественной собственности. Каждый выпускник должен твердо знать нормы и правила поведения в обществе, свои права и обязанности, законодательство в разных сферах жизни, заботиться о своем здоровье. Эти задачи решаются при проведении учебных занятий и внеурочных мероприятий. Непосредственно на занятиях по учебному предмету «Обществоведение» учащиеся формируют культуру правового мышления, осознают правовые и нравственные нормы общества. На уроках белорусского и русского языков и литератур, изучая правила на основании определенных тематических текстов гражданско-патриотического, нравственно-правового содержания, анализируя поступки и действия героев литературных произведений, учитель всегда выходит на воспитательный момент, и школьники самостоятельно оценивают с правовой точки зрения

правильность поведения. Этот момент имеет важное значение в формировании правовой культуры учащихся. Нельзя не отметить роль и факультативного занятия по обществоведению «Основы права» для учащихся 11-х классов, который вносит существенный вклад в гражданское становление личности, приобщая учащихся к представлениям об отношениях между гражданином и государством, правам и обязанностям гражданина, моделям гражданского поведения, одобряемым обществом.

С целью формирования представления об особенностях труда и трудовых правах несовершеннолетних, роли профсоюзов в регулировании трудовых отношений проводим цикл лекций с обратной связью «Трудовые права несовершеннолетних» для учащихся 10-х классов. Ребята знакомятся с основами отраслевого законодательства Республики Беларусь, правовыми документами, порядком и ограничениями трудоустройства, учатся анализировать трудовые договоры с целью выявления нарушений требований законодательства в них. Правовое воспитание очень удачно реализуется при проведении деловых игр («Я поступаю на работу», «Являюсь ли я капитаном своей жизни?»). Чтобы активизировать деятельность учащихся в получении знаний по вопросам правового законодательства проводятся школьные и районные олимпиады по правовым знаниям учащихся.

Чтобы помочь детям и подросткам получить юридические знания, ответить на интересующие вопросы, дать совет в сложных ситуациях, рассказать о законодательстве Республики Беларусь и правах граждан нашей страны, учащиеся школы постоянно посещают Детский правовой сайт. Основная цель проекта Детского правового сайта – развить морально-нравственные качества ребят, сформировать у подрастающего поколения позитивный образ права как государственного института, воспитать чувство важности прав ребенка, а также последовательно выработать у них не только знания и навыки, но и ценностные установки, которые будут необходимы им для жизни и деятельности в обществе.

Достигнуть необходимых результатов по правовому воспитанию школьников можно только в тесном сотрудничестве с органами исполнительной власти, образования, милиции, комиссией и инспекцией по делам несовершеннолетних. С этой целью в школе планируются и проводятся «Недели правовых знаний», родительские собрания, в ходе которых предусмотрены беседы работников правоохранительных органов, военкоматов и других структурных подразделений.

В школе проводится систематическая и целенаправленная информационно-просветительская, коррекционно-развивающая работа по профилактике противоправного поведения несовершеннолетних.

Организована занятость несовершеннолетних в свободное время (посещение занятий по интересам, школьного лагеря с дневным пребыванием учащихся, шестого школьного дня). Оперативно решаются вопросы, рассматриваемые на совете школы, по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, с целью недопущения противоправных действий учащихся.

На социальную адаптацию обучающихся и содействие в создании условий для полноценного личностного развития, профессионального становления и жизненного самоопределения учащихся в школе, семье и социальном окружении направлена работа специалистов социально-педагогической и психологической службы.

Таким образом, мы видим, что в учреждении образования создана эффективная система правового воспитания учащихся, способствующая формированию ответственного отношения к человеку, его правам и свободам как высшей ценности.

Список источников

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь: сб. нормативных документов. – 2007. – С. 9–39.

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРЕРЫВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сухондяева Татьяна Юрьевна,

Вологодский государственный университет (г. Вологда, Россия)

В работе поставлены проблемы современной системы юридического образования в России. На основе опыта работы в системе образования приводятся конкретные примеры нарушения прав человека на непрерывность и преемственность в реализации права на образование. Предлагаются пути совершенствования.

В последние годы в Российской Федерации проводится планомерная замена образовательных стандартов, последние приводятся в соответствии появляющимся профессиональным стандартам. В связи с этим потребители образовательных услуг не всегда понимают, какое образование актуально получать в настоящее время. Работодатели также поставлены в тупик перед выбором между специалистами с дипломами старого образца и бакалаврами/магистрами с новыми дипломами.

В данном контексте представляет интерес нормативно закреплённый принцип непрерывности образования. Согласно ФЗ № 273 «Об образо-

вании», условия для непрерывного образования создаются с учетом уже имеющегося образования, квалификации и опыта работы человека [2, ч. 7 ст. 10], а система образования должна быть адаптирована к уровню его подготовки [2, п. 8 ч. 1 ст. 3].

Федеральный закон предполагает, что человек, обучаясь на протяжении всей своей жизни, имеет право на зачет уже имеющихся у него знаний, умений и навыков при получении последующего образования.

Часть 4 статьи 10 Закона установила уровни профессионального образования: среднее профессиональное (СПО), высшее (ВО) – бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура. Необходимо отметить, что в эту систему внедрены две самостоятельные вертикали уровней обучения: специалитет-аспирантура и бакалавриат-магистратура. При этом не все работодатели в России признают бакалавриат достаточным высшим образованием (например, органы прокуратуры, суда), и если не отказывают в приеме на работу, то, как минимум, тормозят продвижение сотрудника по карьерной лестнице.

При разработке Закона об образовании одной из задач была обозначена необходимость принять к руководству «принцип преемственности профессиональных образовательных программ, что предполагает наличие их стыковки и согласования между собой, для чего необходима стандартизация профессиональных образовательных программ» [1, с. 49].

Часть 7 статьи 10 Закона определила, что «система образования создает условия для непрерывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования».

Однако на практике этого не произошло. Зачастую человек, имеющий диплом специалиста неюридического профиля, желающий сделать карьеру в прокуратуре или суде, поступает одновременно на две программы юриспруденции – бакалавриат и магистратуру, поскольку бакалавриата не достаточно, а магистратуру без бакалавриата не признают полноценным высшим юридическим образованием.

Кроме внедрения новых стандартов высшего образования, активно пополняются стандарты среднего профессионального. При этом выстраивается новый уровень в вертикали юридического образования: среднее профессиональное – высшее (специалитет) – аспирантура. Для примера можно сравнить стандарты СПО и специалитета, названия которых соответствуют друг другу.

Стандарты СПО:

- 40.02.01 Право и организация социального обеспечения;
- 40.02.02 Правоохранительная деятельность;
- 40.02.03 Право и судебное администрирование.

Стандарты ВО (специалитет):

- 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности;
- 40.05.02 Правоохранительная деятельность;
- 40.05.03 Судебная экспертиза;
- 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность.

Однако, как бы ни красиво эта система выглядела, реальность такова, что в большинстве юридических вузов России реализуются программы бакалавриата, и лица, окончившие СПО, вынуждены поступать на бакалавриат. Как правило, лица со средним профессиональным образованием уже работают, но и здесь государство преподнесло им сюрприз – с 1 сентября 2017 г. заочно учиться по программе бакалавриата «Юриспруденция» можно только имеющим высшее образование. Человека поставили перед выбором: работой или учись.

Следует отметить, что при освоении всех этих программ Стандарт не гарантирует обучающемуся сокращение сроков обучения. Даже получая образование СПО 40.02.02 Правоохранительная деятельность и 40.05.02 Правоохранительная деятельность. Поэтому совокупный срок обучения может составить до 8 лет 10 мес.

При выборе программы бакалавриата лица, получившие СПО, должны учиться очно, при этом срок обучения составит до 6 лет 10 мес.

Законом об образовании предусмотрена не только преемственность, но и вариативность содержания образовательных программ [2, п. 2, 3 ч. 1 ст. 11], что реализуется сегодня. Так, согласно п. 6.1, вступившего в силу 1 сентября 2017 г. ФГОС ВО 40.03.01 Юриспруденция «структура программы бакалавриата включает обязательную и вариативную части». Вариативность по замыслу разработчиков обеспечивает возможность реализации программ, имеющих различную направленность образования в рамках одного направления подготовки.

В стандарте перечислены 24 дисциплины, которые должны быть изучены обязательно, общее количество зачетных единиц (з.е.) базовой части установлено 150-153 з.е. (в том числе 2 з.е. по физической культуре и спорту), но не установлены часы или з.е. для каждого предмета. Поэтому при разработке учебных планов вузы не только самостоятельно определяют вариативные дисциплины (в объеме 63-66 з.е.), но и устанавливают количество часов для изучения обязательных дисциплин.

Это привело к значительным отличиям в учебных планах вузов, в частности, выпускающих юристов, а как следствие:

- усложнению перевода из одного вуза в другой;
- снижению академической мобильности (прямо противоположный результат реформы вместо ожидаемого).

Отсутствие единых подходов к формированию учебных планов между уровнями среднего юридического и высшего юридического образования повлекло за собой:

- дублирование изучаемых дисциплин;
- нарушение принципов преемственности и непрерывности образования.

С учетом выявленных тенденций нормативного регулирования, а также более чем десятилетнего опыта работы в системе юридического образования, можно обозначить пути совершенствования практики в данной сфере.

Во-первых, это создание учебных планов бакалавриата с ускоренной формой для лиц, имеющих среднее юридическое образование (по аналогии с имеющимися ускоренными планами для лиц, имеющих высшее образование).

Во-вторых, создание учебных планов магистратуры с ускоренной формой для лиц, имеющих образование уровня специалитет, магистратура.

В-третьих, создание совместимых планов в вузах региона (по крайней мере, в количестве з.е. для изучения дисциплин базовой части).

В-четвертых, развитие сетевой формы, дистанционного обучения.

Реализация этих мероприятий возможна не только путем внесения изменений в учебные планы, составленные по ФГОС ВО 3+, но, и даже предпочтительнее, при разработке новых учебных планов после ожидаемого в ближайшем будущем утверждения ФГОС ВО 3++.

Для координации деятельности рабочих групп разных вузов по разработке учебных планов целесообразно создать региональные (или даже межрегиональные) методические советы, объединяющие преподавателей, работающих в системе юридического образования.

Список источников

1. Аношкина, В. Л. Образование. Инновация. Будущее (Методологические и социокультурные проблемы) / В. Л. Аношкина, С. В. Резванов. – Ростов-н/Д : Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001. – 176 с.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата обращения: 30.10.2018.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА, ВЫЯВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.11

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ НА ПРЕДМЕТ ВЫЯВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ ПРИЗНАКОВ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Дьяченко Олег Викторович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена проблемным вопросам работы экспертных комиссий по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма.

Задачи противодействия распространению экстремизма актуализировались в Республике Беларусь в начале 2000-х гг. в связи с усилением деятельности экстремистских сообществ в сопредельных государствах и все более широким использованием для пропаганды экстремизма современных информационных технологий. В настоящее время распространение экстремистских идей в обществе осуществляется не столько посредством информационной продукции на печатных бумажных или электронных носителях, сколько с использованием ресурсов удаленного доступа, в том числе, социальных сетей информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Экстремизм в современном мире принимает различные формы (политический, религиозный и др.) и при определенных социально-экономических и общественно-политических условиях представляет реальную угрозу для развития гражданского общества и национальной безопасности. Принимая во внимание риски возникновения очагов экстремистской активности в 2007 г. в Республике Беларусь был принят профильный закон о противодействии экстремизму, а в 2016 г. по инициативе органов государственной безопасности в него были внесены существенные дополнения, направленные на повышение степени защиты белорусского общества от возможных проявлений экстремизма.

Одним из инструментов распространения экстремистских идей в обществе, популяризации и реабилитации деятельности экстремистских

организаций выступает информационная продукция. Она включает в себя книги, статьи, газеты, журналы, буклеты, видеофильмы, фотографии, мотиваторы, демотиваторы, слоганы, музыкальные произведения, комментарии в социальных сетях и т.д.

Законодателем в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З были определены конкретные действия, которые являются экстремистскими. Также в соответствии с п. 3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21.08.2014 № 810 определены признаки проявления экстремизма, в частности, «наличие в информационной продукции призывов к экстремистской деятельности и (или) пропаганды (элементов пропаганды) такой деятельности».

Решение о признании информационной продукции экстремистскими материалами принимается судом на основании заявления государственного органа, осуществляющего противодействие экстремизму, по месту нахождения организации, ее изготовившей и (или) распространяющей (распространившей), либо по месту жительства гражданина, ее изготовившего и (или) распространяющего (распространившего), либо по месту ее обнаружения. В период с 2008 по 2018 год было принято 119 судебных решений о признании информационной продукции экстремистскими материалами. На основании этих решений был сформирован и размещен на сайте Министерства информации Республики Беларусь «Республиканский список экстремистских материалов», который постоянно обновляется и пополняется новыми сведениями [1].

Но, как показывает практика, судам для принятия обоснованного решения по делам экстремистской направленности необходимо заключение специалистов, обладающих специфическими научными познаниями и способными квалифицированно определить, содержит та или иная информационная продукция признаки экстремизма, или нет. Во многом от профессиональной и нравственно-этической позиции экспертов, уровня и качества их научной подготовки зависит судьба каждого конкретного судебного разбирательства. Найти таких узких специалистов в республике чрезвычайно сложно. В Российской Федерации, столкнувшейся с проблемами экстремизма и терроризма в 1990–2000-х гг., подготовке специалистов в этой отрасли знаний уделяется повышенное внимание. По рассматриваемой тематике защищены диссертации, опубликованы научные статьи, монографии и учебные пособия. Однако российский опыт противодействия экстремизму вряд ли применим в условиях белорусской действительности ввиду законодательных различий, разных по своей природе религиозно-политических процессов, внешнеполитических угроз, разного правового сознания и т.д.

Выходом из сложившейся ситуации стало принятое в 2014 г. Советом Министров Республики Беларусь решение о создании республиканской и областных экспертных комиссий по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма. Пункт 5 Положения об экспертных комиссиях регламентировал состав комиссий. В комиссии были включены «представители государственных органов и организаций, специалисты в области социологии, философии, филологии, психологии и иных сфер деятельности». Например, в состав республиканской комиссии вошло 8 представителей правоохранительных и военных структур, 7 представителей учреждений образования и науки, в том числе 2 руководителя академических институтов, 3 руководителя структурных подразделений учреждений высшего образования. Таким же образом были сформированы областные комиссии [2].

Обращает на себя внимание факт, что экспертные комиссии по оценке информационной продукции являются общественными структурами при органах государственного управления. Члены комиссий не получают денежного вознаграждения за подготовку проектов экспертных заключений. Решения в комиссиях принимаются коллегиально и специалисты, участвовавшие в исследовании объектов информационной продукции, не несут персональной юридической ответственности за качество подготовленных документов.

В итоге не всегда научно и правильно квалифицируются те или иные объекты информационной продукции, исследуемые на предмет выявления признаков экстремизма. Некорректные и субъективные оценки, изложенные в экспертных заключениях, влекут за собой соответствующие судебные решения, затрагивающие человеческие жизни.

В качестве примера можно обозначить сложнейший с правовой точки зрения вопрос оценки объектов информационной продукции, содержащей «нацистскую символику или атрибутику». Законодателем не определено достаточно четко, что представляет собой эта символика и атрибутика, относятся ли к ней немецкие артефакты периода 1933–1945 гг., или же современные новоделы с элементами нацистской символики и т.д.

Методологическая неопределенность порождает ситуацию, когда в «Республиканский список экстремистских материалов» решением суда Октябрьского района г. Минска от 05.10.2015 г. (вступило в законную силу 16.10.2015 г.) включены «марки в 4-х упаковках с изображением нацистской свастики, портрет Адольфа Гитлера, нагрудные знаки – 5 шт., нашивка – 1 шт., переводные картинки – 4 шт., чайный сервиз из керамики, из 21 предмета: чашка – 14 шт., кружка – 2 шт., блюдца – 2 шт., пепельница – 1 шт., чайник – 1 шт., сахарница – 1 шт.»; «монета, из металла белого цве-

та, диаметром 25 мм времен III рейха датированная 1938 годом» (решение суда Октябрьского района г. Минска от 15.10.2015 г., вступило в законную силу 27.10.2015 г.). Если следовать подобной логике, то практически любой предмет, относящийся к истории Германии периода гитлеровского тоталитаризма, на котором размещены официальные государственные символы, может рассматриваться как объект информационной продукции, содержащей «нацистскую символику или атрибутику». Белорусская судебная практика свидетельствует, что почтовые марки, денежные знаки и даже посуда может рассматриваться экспертами в качестве экстремистских материалов. В этой связи в поле зрения правоохранительных органов легко попадают многочисленные коллекционеры, занимающиеся фалеристикой, филателией, бонистикой, нумизматикой, филокартией, библиофилией, вексиллогией, газетофилией, иконографией, филобутонистикой, сигнуманистикой и т.д. В их частных собраниях могут быть выявлены книги, монеты, банкноты, значки, награды, открытки, фотографии, нашивки, эмблемы, погоны, форменные пуговицы, пряжки, кокарды и прочая военная атрибутика с изображениями как нацистской свастики, так и свастики вообще. Как солярный знак свастика известна с эпохи бронзы и в различных формах используется в настоящее время в орнаментике, а также в религиозных культурах, например в буддизме. Проблемы могут возникнуть и у любителей военно-исторических реконструкций, поскольку военное обмундирование, немецкая униформа соответствующего исторического периода предполагает наличие «нацистской символики или атрибутики».

Эта проблема является одной из многих других, выявленных правоприменительной практикой и свидетельствующая о наличии перегибов в вопросах противодействия распространению экстремизма в обществе. Выходом из сложившейся ситуации может стать доработка законодательства о противодействии экстремизму, разработка методических рекомендаций по применению правовых норм, а также проведение мероприятий, направленных на повышение уровня специальной подготовки экспертов через систему обучающих курсов. Кроме того, следует избегать включения в состав комиссий лиц, не обладающих должной научной квалификацией по профилю проводимых исследований.

Как вариант, целесообразно рассмотреть возможность передачи полномочий по производству экспертиз объектов информационной продукции из ведения республиканской и областных комиссий в Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, что, вне всякого сомнения, значительно повысит качество экспертных заключений, позволит максимально исключить ошибки при проведении исследований и обеспечит ответственность экспертов за результаты своего труда.

Список источников

1. Республиканский список экстремистских материалов // Сайт Министерства информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov>. – Дата доступа: 25.10.2018.
2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21.08.2014 № 810 «Об экспертных комиссиях по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма» // Национальный правовой Интернет-портал, 26.08.2014, 5/39303. – Минск, 2018.

УДК 343.4

ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Коробов Дмитрий Сергеевич,

Управление Следственного комитета Республики Беларусь
по Могилевской области (г. Могилев, Беларусь)

Коробов Михаил Дмитриевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного общества, что связано, в первую очередь, с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в мире.

Термин «экстремизм» происходит от латинского слова *extremus* – крайний. В справочной литературе под экстремизмом традиционно принято понимать «приверженность к крайним взглядам и мерам». Однако в разных странах и в разные времена было дано много разных юридических и научных определений понятию «экстремизм». Единого определения на сегодняшний день не существует.

Актуальность данной проблемы для Беларуси и для мирового сообщества в целом связана, прежде всего, с ростом политической активности различных общественных организаций, объединений и групп. Причем спектр этой активности достаточно широк и проявляется, например, в политическом хулиганстве: оскорбление представителей власти, несанкционированное проведение митингов, пикетов, нанесение надписей политического характера и т. д.

Актуальность анализа экстремизма в молодежной среде обусловлена следующими факторами и обстоятельствами.

Во-первых, молодежь, являясь одной из крупнейших социально-демографических групп общества с определенными возрастными особенностями, интересами, ценностями и местом в социальной структуре, склонна к экстремистским настроениям. Отрицание компромиссов в какой бы то ни было форме, радикализм и нетерпимость, максимализм и нигилизм, пренебрежительное отношение к собственной жизни и готовность к самопожертвованию становятся основой мировосприятия молодых экстремистов, делают их жестокими и возводят данную социальную категорию в группу риска.

Во-вторых, органической средой для потенциальных экстремистов становятся деструктивные социально-политические, экономические, духовно-идеологические причины, а именно: снижение уровня духовности взрослого и молодого поколения; утрата многих моральных и нравственных ценностей, отсутствие четких целей, развенчание идеалов недавнего прошлого; приход на смену советскому идеализму предыдущих поколений современного западного прагматизма, а вместе с ним – культ силы и денег, половая распущенность. Все эти обстоятельства толкают молодежь в ряды экстремистских организаций.

В-третьих, молодежь играет важную роль в политической сфере общества и поэтому на молодежь опираются различные политические силы во время радикальных преобразований. Молодежь является самой мобильной частью электората, за ее голос разворачивается самая ожесточенная борьба.

Причины возникновения экстремистских проявлений в молодежной среде:

1. Обострение социальной напряженности в молодежной среде характеризуется комплексом социальных проблем, включающим в себя проблемы уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, снижения авторитета правоохранительных органов.

2. Изменение ценностных ориентаций, таких, например, как создание религиозных организаций и сект, насаждающих религиозный фанатизм и экстремизм, отрицание норм и конституционных обязанностей.

3. Рост национализма, который заключается в активной деятельности молодежных националистических группировок и движений, получивший распространение в сети Интернет.

4. Наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций. Например, некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и т. п.

5. Использование враждебности и агрессии в молодежной среде лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности.

6. Использование сети Интернет в противоправных целях. Это обеспечивает радикальным общественным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности, возможность размещения подробной информации о своих целях и задачах, времени и месте встреч, планируемых акциях.

Если говорить об экстремизме в молодежной среде, то необходимо выделить основные особенности. Экстремизм подпитывается неопределенностью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее, поэтому и проявляется чаще в тех обществах и группах, где низкий уровень самоуважения, игнорируются права личности, а также в обществах и группах, принявшим идеологию насилия и проповедующие нравственную неразборчивость, особенно в средствах достижения целей.

Таким образом, основными признаками насилия являются: политическое действие, осуществляемое в крайних формах, например, участие в осуществлении террористического акта, планирование массовых репрессий против инакомыслящих; умышленное применение противоправных методов воздействия таких как террор, разжигание национальной, религиозной, расовой и прочей розни, шантаж, незаконное ограничение свободы; агрессивное навязывание своей воли для достижения определенной политической цели.

Профилактика экстремисткой деятельности направлена на устранение условий ее распространения, а также пресечение деятельности экстремистки-общественных и религиозных объединений и состоит из нескольких направлений:

- организация работы методических объединений по вопросам формирования толерантности в межэтнических отношениях;
- внедрение специальных курсов, а также элементов программ в общих курсах предметов для педагогов с целью воспитания межэтнической толерантности учащихся;
- разработка тематических памяток для родителей учащихся с разъяснением юристов, психологов, социальных педагогов, сотрудников правоохранительных органов;
- организация и проведение смотра-конкурса программ и методических разработок в образовательном учреждении по профилактике противоправного поведения и экстремистских проявлений подростков;
- создание в образовательных учреждениях советов старшеклассников.

Работа по профилактике экстремизма в образовательном процессе начинается с формирования у работников сферы образования навыков воспитания толерантного сознания у обучающихся, представлений о толерантной городской среде, идеологии и культуре толерантности, а также на предостав-

лении информации об экстремистских организациях и об опасности их религиозных, националистических, политических идей, приведении фактов о жизненных трудностях, ситуациях и мотивах членов данных организаций.

Однако работа по многим профилактическим программам не дает положительных результатов. Это связано с несколькими причинами: недостатком теоретически обоснованных моделей, отсутствием достаточного числа апробированных технологий, точного определения предмета воздействия. Во многих странах, в том числе и в Беларуси, профилактика экстремистской деятельности осуществляется в основном юридическими и силовыми методами, необходимость которых очевидна, однако они не могут заменить психопрофилактические. В Беларуси так же слабо развита сама социальная работа, которая именно в этой стране крайне необходима, не говоря уже и о таком направлении, как профилактика экстремизма.

Наиболее популярными среди таких программ являются тренинги устойчивости к социальному давлению. Одним из важных подходов в такого рода программах является работа с молодежными лидерами – подростками, желающими пройти определенное обучение, для того, чтобы в дальнейшем осуществлять профилактическую антиэкстремистскую деятельность в своей школе, в своем районе.

Список источников

1. Экстремизм в молодежной среде: основные причины и меры по предупреждению : учеб.-метод. пособие / Д. А. Мигун. – Минск : РИВШ, 2016. – 54 с.

УДК 347.948.2

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЭТНОНИМЫ КАК НОМИНАЦИИ ГРУПП ЛИЦ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ПО ПРИЗНАКУ НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Макарова Светлана Владимировна,

Управление Государственного комитета судебных экспертиз

Республики Беларусь по Могилевской области

(г. Могилев, Беларусь)

Особую актуальность имеют лингвистические исследования по делам, связанным с противодействием экстремизму. Негативная оценка групп лиц, объединенных по признаку национальности, может выражаться экспрессивными этнонимами, которые в информационной продукции экстремистской направленности могут рассматриваться как маркеры вербальной агрессии. Для правильной и квалифицированной оценки противоправных действий, связанных с возбуждением вражды и ненависти, необходимо привлечение профессиональных знаний в области лингвистики.

В настоящее время для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено проведение лингвистической экспертизы. Лингвистическая экспертиза представляет собой актуальный вид экспертиз, востребованный в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Предметом лингвистической экспертизы является установление смыслового содержания текста, выявление содержащейся в тексте криминалистически значимой информации. Наиболее востребованными на сегодняшний день являются лингвистические исследования по делам о преступлениях экстремистской направленности. Основная задача экспертов – исследование письменного или устного текста в целях решения вопросов смыслового понимания.

По материалам дел об экстремистской деятельности экспертами-лингвистами решаются вопросы о наличии в текстах высказываний, содержащих негативную оценку группы лиц по какому-либо признаку (расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо устойчивой группе), а также высказываний побудительного характера, призывающих к насильственным действиям в отношении такой группы.

Наличие в высказываниях призывов к агрессивным, жестоким, насильственным действиям против представителей национальных групп, а также негативная оценка групп лиц, объединенных по признаку национальности, формирует вербальную агрессию, создающую ощущение опасности и угрозы, исходящей от представителей иной национальности.

В предоставляемых на исследование экспертам-лингвистам материалах по делам, связанным с противодействием экстремизму, достаточно часто встречается наименование группы лиц, объединенных по признаку национальности и/или происхождения, либо отдельных ее представителей экспрессивными этнонимами (так называемыми «национальными прозвищами»), в которых содержится эмотивно-оценочный компонент, передающий отношение говорящего к обозначаемому.

В информационной продукции экстремистской направленности употребление экспрессивных этнонимов формирует отрицательную коннотацию, направленную на пренебрежительное отношение к представителям другой национальности.

Экспрессивные этнонимы – «номинативные единицы с семей "народ" или "представитель народа", маркированные как эмоционально-оценочные (при наличии нейтральных литературных синонимов) с широким диапазоном оценки: от возвышенно-поэтической (россы "русские", Huns "немцы") до уничижительной (чурка "выходец из Средней Азии", kike "еврей")» [1, с. 40].

Экспрессивные этнонимы выступают в качестве синонимов нейтральных этнонимов (кацап, москаль, Иван «русский», жид «еврей», фриц, ганс,

колбасник «немец», галл, лягушатник «француз», янки, америкос «американец», чурка, чучмек «выходец из Средней Азии», армяшка «армянин»).

Экспрессивные этнонимы в русском языке различаются по стилистической окраске, существуют книжные экспрессивные этнонимы (галлы, эллины), однако большинство экспрессивных этнонимов по стилистической окраске носят сниженный характер и их употребление выходит за пределы литературного языка. Большинство экспрессивных этнонимов с негативной оценочной номинацией не зафиксированы в словарях, многие – включены в специальные словари.

В информационной продукции экстремистской направленности употребление экспрессивных этнонимов с негативной оценочной номинацией групп лиц, объединенных по признаку национальности и происхождения, носит целенаправленный и намеренный характер. Цель адресанта (лица, которому принадлежит речь, отправителя речевого сообщения) – создать у адресата (реального или мыслимого лица, к которому обращена речь (текст), получателя речевого сообщения) ощущение опасности, исходящей от представителей иной национальности, сформировать пренебрежительное отношение к «чужой» национальности и подчеркнуть «уникальность» своей национальности. Негативная оценочная номинация в таких текстах создает образ чужого в оппозиции «свой – чужой». «Категоризация мы (хорошие) – они (плохие) связана с эксплицитной или имплицитной оценкой, направленной на возвышение собственного этноса и унижение, ущемление чужого этноса» [2, с. 49]. «Маркерами отношения к "чужим" может служить описание внешних черт, поведения, среды обитания, особенностей характера иного социума и т.д.» [3, с. 144]. У адресата (реального или мыслимого лица, к которому обращена речь (текст), получателя речевого сообщения) формируется примитивная и простая модель мира «свои и чужие», «мы и они», «добро и зло», «нам» приписываются исключительно положительные качества, а «чужим» – исключительно отрицательные, следовательно «кто не с нами, тот против нас».

Однако в информационной продукции экстремистской направленности объект оценки (человек определенной национальности или группа лиц, объединенных по признаку национальности) может быть не выражен, а только подразумеваться из контекста противопоставления «мы – не они». Задача эксперта-лингвиста – выявить, исследовать и оценить языковые и речевые явления, служащие источником доказательств в ходе следствия и судебного разбирательства.

Список источников

1. Грищенко, А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотиваци-

- онный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. Памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МПГУ) / гл. ред. Н. А. Николина. – М.-Ярославль : Ремдер, 2007. – С. 40–52.
2. Довгопольный, Я. Этнофолизмы как прозвища с эмоционально-экспрессивной оценкой // Acta Neophilologica: Rocznik naukowy Instytutu Neofilologii Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2006. – С. 49–57.
 3. Карымсакова, Р. Д. Конфликтогенность национальных прозвищ // Динамика литературного процесса и актуальные проблемы современного филологического образования. – Алматы, 2010. – С. 144–149.

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Мирошник Светлана Валентиновна,

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российской государственной
университет правосудия» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Экстремизм (экстремистская деятельность) – это противоправные деяния, которые совершаются по мотивам политической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды иного характера. Экстремизм попирает права и свободы человека и гражданина, нормы международного и национального законодательства, противоречит сути правового миропорядка. Появление экстремистских настроений является результатом духовного обнищания государства и общества. Борьба с экстремизмом требует развития, широкой пропаганды идеологии мира и согласия, утверждающей мирное сосуществование наций и народностей, цивилизованные способы разрешения социальных конфликтов.

Термин экстремизм имеет французские и латинские корни (от фр. *extremisme*, от лат. *extremus* – крайний). Дословно переводится как «приверженность крайним взглядам».

Проблема экстремистских проявлений сегодня стоит во всем мире как нельзя остро. Борьба с ними предполагает, прежде всего, четкое законодательное определение данного социально опасного явления.

Российский законодатель, определяя легальную дефиницию экстремизма, пошел по пути перечисления форм выражения данного правонарушения [1]. Такой же подход использован и в Республике Беларусь [2]. Это представляется оправданным, принимая во внимание опасность экстремизма и его «многоликость», особенно для многонациональных и многоконфессиональных государств.

Правовые основы борьбы с экстремизмом в Российской Федерации составляют нормы международного права, положения Конституции Россий-

ской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», иных нормативных правовых актов. В Российской Федерации разработана и принята Стратегия противодействия экстремизму [3].

Существенную роль в борьбе с данным социальным злом играет судебная практика. Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации обращают внимание судов на особенности рассмотрения дел экстремистской направленности [4]. Преступления экстремистского характера характеризуются прямым умыслом, они совершаются с целью возбудить ненависть либо вражду, «унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе» [5].

Противодействие экстремизму осуществляется по двум магистральным направлениям:

- проведение профилактических мер, нацеленных на предупреждение возникновения, проявления различных форм экстремизма, выявление и устранение причин, способствующих их появлению;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности физических и юридических лиц, их объединений.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» находится в системной связи с иными нормативными правовыми актами, действующими на территории Российской Федерации, поскольку важно, прежде всего, определить и реализовать комплексную систему мер борьбы с экстремизмом.

Экстремистами не рождаются, ими становятся. Поэтому борьба с экстремизмом должна быть направлена, в первую очередь, на борьбу с идеологией экстремизма. Именно теории, утверждающие превосходство одного народа над другим, одной религии над другой, призывающие насильственно решать национальные, политические конфликты, «падающие» на благодатную почву, приводят к появлению и распространению экстремистских настроений. Как им противостоять, как их победить?

Победить их можно идеологией мира и согласия. Идеология мира и согласия – это комплекс правовых, нравственных, религиозных и иных социальных норм, утверждающих мирное сосуществование наций и народностей, цивилизованные способы разрешения социальных конфликтов.

Как справедливо отмечает С. С. Оганесян, основная масса религиозных экстремистов и террористов не боится ни правоохранительных органов, ни суда, ни мер наказания, включая смертную казнь [6]. Они страшатся исключительно гнева Высших сил. Поэтому важно активно раскрывать

содержание религиозных норм среди верующих людей. Ведь ни одна из известных мировых религий не проповедует насилие. Наоборот, они призывают к мирному сосуществованию, терпению и состраданию.

Другое дело, что появление религиозного экстремизма говорит о слабости религий, о том, что они значительно сдали свои позиции, не смогли предотвратить распространение искаженных религиозных установок, не смогли донести до верующих содержание духовных ценностей, сделать их ценностями каждого своего сторонника.

Поэтому представители религиозных организаций должны активнее разъяснять антагонистическую несовместимость экстремистских взглядов с религиозными нормами, учить верующих вести себя достойно, уважать взгляды и чувства сторонников других вер.

Появление и развитие экстремизма – это результат духовного обнищания, появления лидеров, стремящихся к власти любым путем. Ведь у экстремистских организаций и легальных политических партий одна и та же цель, – завоевание власти. Но если партии собираются это делать законным путем (выборы, референдум), то экстремистские организации настроены только на насильственные способы общения с легитимной властью.

Экстремизм «захватывает» молодые слои общества. Они оказываются самыми идеологически уязвимыми. Противодействие этому – гражданско-патриотическое воспитание, привитие духовных и правовых ценностей. Очень важно не отказываться от своей истории, не искажать ее, не принижать то великое прошлое, которое связывает народы. Меры юридической ответственности за экстремизм должны быть продуманными, обоснованными. Нельзя допускать перегибы. Они приводят к тому, что, с одной стороны, силы правоохранительных органов распыляются, а с другой, нарушаются конституционные права и свободы граждан.

Экстремистские силы активно используют в своих целях ресурсы информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Поэтому важно как можно быстрее выявлять и блокировать полностью или частично интернет-сайты, размещающие экстремистские материалы.

Экстремизм не имеет границ. Поэтому профилактика, предупреждение и борьба с ним во многом зависят от объединения усилий всех стран, признающих общественную опасность экстремизма и предпринимающих реальные действия по его искоренению.

Угроза экстремизма требует сплочения внутренних сил. От взаимоотношения публичных институтов власти с гражданским обществом, качества правового регулирования во многом зависит состояние межнациональных и межконфессиональных отношений. Нетерпимость к любым формам проявления экстремистской деятельности должна быть лейтмотивом правозащитной деятельности как на национальном, так и на международном уровнях.

Мерами юридической ответственности можно совсем немного «снизить градус» экстремизма. Если мы хотим искоренить данное социальное зло, необходимо объединение усилий государств, обществ, каждого отдельного человека. Именно от нас самих во многом зависит – «усилится» или «растворится» угроза экстремизма.

Список источников

1. О противодействии экстремистской деятельности [Текст] : Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
2. О противодействии экстремизму [Текст] : Закон Республики Беларусь от 04 января 2007 № 203-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document>. – Дата доступа: 2018.
3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Текст] : утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru>. – Дата доступа: 2018.
4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Текст] : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 8.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Колпакиди Александра Ивановича и Николаева Сергея Васильевича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 1 и статьей 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [Текст] : Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2450-О // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>. – Дата доступа: 2018.
6. Оганесян, С. С. О специфике мировосприятия и поведения религиозных экстремистов и террористов [Текст] / С. С. Оганесян // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 2. – С. 20–23.

УДК 343.326

ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОЦЕНКА СУЩНОСТИ И ФАКТОРОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Тахыров Чингиз Тахырович,

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск, Россия)

В данной статье исследуются подходы к определению экстремизма в научной литературе и внутригосударственном праве. Раскрывается содержание видов экстремистской деятельности в соответствии с российским законодательством. Рассматриваются и обобщаются причины, условия и факторы, способствующие экстремизму.

Разноуровневые и многогранные процессы глобализации приводят к усложнению структурных связей как внутри конкретных государств, так и всего международного сообщества. Их следствиями, среди прочего, являются активизация миграционных потоков, расщепление и кризис национальной, территориальной, гражданской идентичности, транснационализация преступности. Названные обстоятельства, помимо внутренних факторов, в значительной степени провоцируют напряженность в межнациональных отношениях и межэтнические конфликты. На этой почве зачастую возникают оппозиционные группы, которые пытаются добиться желательного для себя результата через противозаконную деятельность – экстремизм и терроризм.

Распространение экстремизма можно считать одной из основных проблем, угрожающих национальной безопасности и целостности государства, – в Российской Федерации и других странах мира. Экстремизм чрезвычайно деструктивен для сохранения незыблемости основ конституционного строя. Опасность усиливается и восприятием его отдельными гражданами или объединениями (организациями) в качестве допустимого инструмента политического противостояния.

Таким образом, для успешной борьбы с экстремистской деятельностью необходимо разобраться в ее сущности, а также в причинах и условиях, ей способствующих.

В научной литературе и современной практике отсутствует универсальное определение понятия «экстремизм». В существующих подходах авторы учитывают прежде всего происхождение и значение данного термина (по латыни *extremus* – крайний) [2, с. 59]. Обобщая, можно отметить, что распространенная трактовка связывает экстремизм с теориями и практиками достижения социально-политических, религиозных, национальных целей с применением «крайних», запрещенных способов [6, с. 53].

Понятие экстремистской деятельности (экстремизма) в Российской Федерации закреплено в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями). Законодатель включает в него несколько составляющих: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности и пр. [1].

Подобные противоправные деяния в ряде зарубежных стран (Австрийская Республика, Венгрия, Республика Сербия и др.) относят к преступлениям по мотивам вражды и ненависти [3, с. 38–42], когда вражда и ненависть

висть испытываются в первую очередь к представителям определенных групп по различным критериям (этническим, расовым, конфессиональным, идеологическим и пр.).

Исходя из различных определений экстремизма, стоит говорить о многообразии его видов, отсюда возникает понимание разнообразия порождающих его мотивов.

В научных трудах довольно часто можно встретить такие мотивы экстремистской деятельности, как материальный, идеологический, стремление к изменениям, власти, неудовлетворенность ситуацией. Так, С. Н. Фридинский указывает на идеологические корни экстремизма: «Любая идеология, в том числе и религиозная, изначально (прямо или косвенно) лежит в основе любого политического движения, и каждая из них может быть трансформирована в экстремистскую» [7, с. 57].

По мнению Д. В. Деккерта и В. А. Мамедова, можно выделить следующие основные причины экстремизма: 1) социальные и экономические потрясения, реформаторская деятельность, исходящая от государства и порождающая социальную нестабильность; 2) кризис института семьи и семейного воспитания; 3) кризис системы образования; 4) изменение средств массовой информации и художественной литературы в сторону коммерческой направленности, подмены нравственных и культурных ценностей [4, с. 24].

Многие специалисты соглашаются с тем, что причины экстремистской деятельности разноплановы. Среди них называются: 1) причины социального характера, обусловленные расслоением общества на группы с различным материальным положением, разрушением либо трансформацией системы социальных ценностей; 2) причины экономического характера, вызываемые экономическими кризисами; 3) причины духовного характера, детерминированные разрушением исторических, культурных и нравственных традиций, ослаблением государственного воздействия на процессы нравственного и культурного воспитания; 4) причины политического характера на базе противоречий между слоями общества с различными политическими взглядами и интересами, вмешательства внешних международных акторов и пр.

Подводя итог исследованию содержания экстремизма и его причин, следует говорить о нем как о сложном феномене, на появление и распространение которого повлияли множественные, взаимосвязанные факторы. Главными среди них, на наш взгляд, выступают экономические, социально-политические и идеологические.

Поскольку экстремизм представляет реальную опасность для общества, то профилактика такой деятельности непременно должна являться неотъемлемой частью государственной политики. На современном этапе профилактика экстремистской деятельности предусматривает подготовку

и реализацию государством, уполномоченными им органами комплексной системы политических, социально-экономических, информационных, воспитательных, организационных, оперативно-розыскных, правовых, специальных и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение противоправной деятельности, минимизацию ее последствий, установление и устранение способствующих причин и условий [8, с. 139].

Можно подчеркнуть, что профилактика экстремизма должна трактоваться не только как государственная задача, но и как важная задача общества в целом. Профилактика – это комплексная работа, требующая объединения усилий как граждан России, так и государственного аппарата, реализующего антиэкстремистскую политику, а также различных стран и международных организаций.

Список источников

1. О противодействии экстремистской деятельности : Федер. закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата обращения : 25.10.2018.
2. Авдеев, В. А. Механизм противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // Юридический мир. – 2014. – № 12. – С. 59–63.
3. Верховский, А. Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды / А. Верховский. – М. : Сова, 2015. – 287 с.
4. Мамедов, В. А. Футбольные хулиганы : учебное пособие / В. А. Мамедов, Д. В. Декерт. – М. : Право, 2006. – 132 с.
5. Манукян, А. Р. Некоторые аспекты международного опыта политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму / А. Р. Манукян // Бизнес в законе. – 2014. – № 2. – С. 254–255.
6. Можегова, А. А. О разграничении экстремистских и террористических преступлений по уголовному праву Российской Федерации / А. А. Можегова // Бизнес в законе. – 2014. – № 3. – С. 52–55.
7. Фридинский, С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты / С. Н. Фридинский. – Ростов-н/Д : РЮИ МВД РФ, 2004. – 239 с.
8. Шнайдер, Г. Й. Криминология : пер. с нем. / под общ. ред. Л. О. Иванова. – М. : Юрайт, 1994. – 495 с.

УДК 347.948.2

ФАКТОР АДРЕСАТА В ТЕКСТАХ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗЫВЫ К НАСИЛЬСТВЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Тесленко Елена Григорьевна,

Управление Государственного комитета судебных экспертиз Республики
Беларусь по Могилевской области
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия адресанта и адресата в устном и письменном дискурсе, а также роль адресата как важного фактора коммуникации, в рамках которой происходит создание и реализация текстов, содержащих призывы к насильственным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо группе.

У каждого текста (высказывания) своя целевая аудитория, на интересы и запросы которой ориентируются авторы. «Фактор адресата в речевом взаимодействии – это один из важнейших факторов коммуникации, предполагающий учет говорящим или пишущим специфических особенностей той аудитории, к которой он обращается в устной публичной форме или письменно» [3, с. 3].

Создание и распространение текстов, содержащих побудительные высказывания, призывающие к насильственным действиям (действиям, направленным на причинение вреда) одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо группе, является одним из средств, используемых в экстремистской деятельности. При лингвистическом исследовании данных текстов обязательно анализируется коммуникативная ситуация на предмет наличия необходимых для призыва коммуникативных структурных компонентов. Как в устном, так и в письменном дискурсе основными составляющими коммуникативной ситуации являются адресант и адресат. Исходя из своего замысла, адресант вкладывает в речевое сообщение определенный смысл для адресата, задача адресата – раскрыть и понять этот смысл через восприятие и декодирование языковых знаков. От понимания со стороны адресата во многом зависит эффективность коммуникации. Поэтому выбор и подача языкового материала согласовывается с особенностями восприятия, понимания и принятия либо неприятия сказанного адресатом, а также выстраивается в соответствии с интенциями адресанта, который при этом должен учитывать возрастные, гендерные, профессиональные, культурно-национальные особенности статуса адресата.

Иллокутивный компонент речевого акта, включающего высказывания побудительного характера, призывающие к враждебным или насильственным действиям усиливается, когда данные высказывания по адресации являются интерперсональными. Фактически только сделав свое сообщение публичным и общедоступным, адресант может повлиять на складывающуюся ситуацию и достичь поставленных целей. Текст, отражающий актуальные проблемные вопросы, представляющий идеи и убеждения определенных групп и слоев общества, рассматривается как эффективная

форма подачи вербализованной информации. Функционально такие тексты направлены на то, чтобы информировать о событиях, интерпретировать происходящее, координировать деятельность, формировать общественное мнение, организовывать кампании в связи с актуальными целями в общественно-политической жизни.

В соответствии с УК РФ экстремистские действия являются умышленными действиями, т.е. «совершенными с умыслом; преднамеренными», «умысел» – это «заранее обдуманное тайное намерение (обычно предсудительное)» [1, с. 1388]. Это значит, что при адресации авторы текстов, содержащих высказывания-призывы, чтобы получить желаемые результаты своей деятельности, заранее обдумывают свои действия, учитывают уровень знаний, интересов, социального статуса и других качеств адресата, целенаправленно вовлекают его в процесс общения, чтобы достичь определенного уровня воздействия на адресата. Адресат при этом становится значимым участником общения, потому что именно к нему направляется сообщение.

В зависимости от того, какой аудитории адресован текст, содержащий высказывания, побуждающие к насильственным, враждебным действиям либо положительно оценивающие такие действия, определяется его направленность и цель, с которой он создавался. Так, выделяют четыре направления адресации данных высказываний: адресация непосредственно либо потенциальному исполнителю насильственных действий, а также непосредственному либо опосредованному объекту таких действий.

Задача адресанта заключается в том, чтобы отобрать наиболее целесообразные в конкретной коммуникативной ситуации языковые средства, отвечающие его замыслу и наиболее полно отражающие его позицию, способные максимально активизировать внимание, мыслительную деятельность, а иногда и чувства адресата. Распределение ролей зависит от ситуации, общественного статуса участников (пол, возраст, занятие), их специфических ролей. В сознании адресата формируется определенная модель взаимоотношений. Языковые средства выполняют функциональное назначение, создают смысл, который должен стать достоянием адресата. Взаимоотношения коммуникантов могут выстраиваться по статусу и роли (вышестоящий – равный – нижестоящий), а также по степени близости / отчужденности, доверительности / враждебности отношений (свой – чужой).

Адресат в тексте может быть выражен эксплицитно, например, через обращение либо прямую номинацию адресата, или имплицитно, например, через дескрипцию как «языковую конструкцию, заменяющую имя предмета и служащую для выражения его содержания иными языковыми средствами» [1, с. 253]. Чем точнее определяется адресат, самоидентифициру-

ется и понимается слушающими или читающими текст, тем эффективнее проходит коммуникация и тем более значимым может оказаться результат.

В текстах т.н. «экстремистской направленности», т.е. содержащих призывы к насильственным действиям, адресация может быть положительно (к сторонникам и потенциальным последователям) и негативно (к противникам, врагам и т.п.) направленной. Поэтому используемые языковые средства отличаются семантически и стилистически. По отношению к сторонникам или потенциальным последователям используются нейтральные лексические единицы (каждый мальчик, любой юноша и др.) либо лексемы с эмоционально-одобрительной, позитивной коннотацией (друг, товарищ и др.). Языковые единицы, представляющие противников или врагов, как правило, имеют отрицательную коннотацию, часто используются лексемы, имеющие в словарях русского литературного языка пометы «руг.» (ругательное), «грубо», «груб.-прост.» (грубо-просторечное), «бран.» (бранное), «вульг.» (вульгарное), «неприл.» (неприличное), «неценз.» (нецензурное), «обсцен.» (обсценное) или внесенные в словари бранной лексики, матизмов или обсценизмов, (жиды, хачи, чурки и др.).

Таким образом, изучение особенностей речевого взаимодействия адресанта и адресата, учет фактора адресата в рамках коммуникативной ситуации, в которой происходит создание и реализация текстов, содержащих призывы к насильственным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо группе, позволяет при проведении лингвистического исследования интерпретировать смысл высказываний побудительного характера, содержащихся в материалах экстремистской направленности. Анализ выбранных языковых средств и форм может показать возрастные, гендерные, профессиональные, культурно-национальные и другие особенности целевой аудитории, общественный статус адресата, роли и функции участников коммуникации, объяснить сформировавшуюся или формируемую модель взаимоотношений.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков, А. В. Ростовская; ЭКЦ МВД России // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. – М. : ЭКЦ МВД России, 2010. – С. 243–292.
3. Стернин, И. А. Фактор адресата в речевом воздействии / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 51 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Аленькова Юлия Васильевна**, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

2. **Балабкина Анна Игоревна**, студентка 2 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

3. **Балашова Тамара Федоровна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

4. **Безмен Александр Николаевич**, инспектор ДПС СП по ОДБ, Управление государственной автомобильной инспекции Главного Управления внутренних дел Минского городского исполнительного комитета (г. Минск, Беларусь).

5. **Бекета Вячеслав Мечиславович**, заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

6. **Богданович Елена Олеговна**, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», магистр юридических наук (г. Минск, Беларусь).

7. **Борейко Николай Николаевич**, начальник управления предварительного расследования и правового обеспечения оперативной деятельности Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, полковник, соискатель адъюнктуры ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь).

8. **Бураков Виктор Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

9. **Бутраменко Виолетта Дмитриевна**, студентка 3 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

10. **Войтова Мария Александровна**, студентка 4 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

11. **Вологина Наталья Владимировна**, проректор по учебной работе, кандидат политических наук, доцент ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет» (г. Могилев, Беларусь).

12. **Воробьев Андрей Витальевич**, магистрант первого года обучения факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

13. **Врублевская Ксения Владимировна**, ведущий юрисконсульт Общества с ограниченной ответственностью «ФинансМаркет» (Минский район, Беларусь).

14. **Гайдар Татьяна Алексеевна**, магистрант кафедры истории и теории государства и права Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь).

15. **Гимбутис Анастасия Игоревна**, студентка 2 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

16. **Демидов Николай Вольтович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск, Россия).

17. **Довыденко Иван Иванович**, старший преподаватель кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

18. **Довыденко Ольга Геннадьевна**, старший преподаватель кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

19. **Дудкина Ольга Владимировна**, судебный исполнитель отдела принудительного исполнения управления принудительного исполнения главного управления юстиции Могилевского облисполкома (г. Могилев, Беларусь).

20. **Дудко Максим Олегович**, преподаватель-стажер кафедры теории и истории государства и права юридического факультета учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно, Беларусь).

21. **Дьяченко Олег Викторович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

22. **Дьячкова Наталья Анатольевна**, главный специалист юридического отдела инспекции МНС Республики Беларусь по Ленинскому району

города Могилева, магистрант первого года обучения факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

23. **Жесткова Елена Сергеевна**, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

24. **Зенчик Вероника Андреевна**, студентка 3 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

25. **Иванчикова Людмила Дмитриевна**, заместитель председателя комиссии по делам несовершеннолетних Администрации Ленинского района г. Могилева, аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

26. **Казеко Валерия Евгеньевна**, студентка 3 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

27. **Кандыбо Ольга Михайловна**, студентка 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

28. **Капустин Максим Александрович**, студент 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

29. **Карпович Екатерина Сергеевна**, студентка учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно, Беларусь).

30. **Кириллова Елена Юрьевна**, ученый секретарь Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

31. **Ковалева Лариса Аркадьевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

32. **Козлова Валерия Дмитриевна**, студентка 2 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

33. **Козыревская Лариса Анатольевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (г. Минск, Беларусь).

34. **Копейченко Андрей Иванович**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Средняя школа № 25 города Могилева» (г. Могилев, Беларусь).

35. **Корень Татьяна Анатольевна**, заместитель директора по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент Могилевского филиала частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь).

36. **Корик Татьяна Витальевна**, студентка 3 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

37. **Коробов Дмитрий Сергеевич**, начальник Следственного управления Управления Следственного комитета по Могилевской области Республики Беларусь (г. Могилев, Беларусь).

38. **Коробов Михаил Дмитриевич**, студент 1 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

39. **Кравченко Татьяна Петровна**, магистрант юридического факультета учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (г. Брест, Беларусь).

40. **Кузьмичева Светлана Ивановна**, старший преподаватель кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

41. **Куницкая Юлия Николаевна**, главный специалист отдела кадровой и правовой работы главного финансового управления Минского областного исполнительного комитета (г. Минск, Беларусь).

42. **Ламкина Ирина Николаевна**, преподаватель филиала БНТУ «Минский государственный политехнический колледж» (г. Минск, Беларусь).

43. **Латыпова Наталия Сергеевна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, Россия).

44. **Левская Людмила Анатольевна**, кандидат исторических наук доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

45. **Ливинская Виктория Александровна**, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры экономики ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет» (г. Могилев, Беларусь).

46. **Лихачев Николай Егорович**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры политологии и социологии факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

47. **Лихачева Светлана Николаевна**, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

48. **Лобанова Елена Николаевна**, менеджер ООО «Фабеас», студентка 3 курса юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

49. **Лукашук Татьяна Васильевна**, оперативная таможня, старший оперуполномоченный по особо важным делам ОПО № 2, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (г. Минск, Беларусь).

50. **Лясковский Иван Иванович**, магистр юридических наук, аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

51. **Макарова Светлана Владимировна**, государственный судебный эксперт Управления Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по Могилевской области (г. Могилев, Беларусь).

52. **Макштарёва Алина Игоревна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», аспирант кафедры теории и истории права факультета права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (г. Могилев, Беларусь).

53. **Малец Ангелина Геннадьевна**, студентка учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (г. Брест, Беларусь).

54. **Медведев Игорь Владимирович**, магистрант первого года обучения факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

55. **Меерсон Владислав Романович**, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь).

56. **Мешкова Наталья Алексеевна**, студентка 2 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

57. **Минина Виктория Владимировна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

58. **Минько Наталья Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

59. **Мирошник Светлана Валентиновна**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Ростов-на-Дону, Россия).

60. **Молчан Андрей Васильевич**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Лапичская средняя школа» (Могилевская область, Осиповичский район, а/г Лапичи, Беларусь).

61. **Мулерова Ирина Казимировна**, заместитель директора по учебной работе социально-гуманитарного колледжа учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

62. **Оленюк Галина Анатольевна**, заместитель директора государственного учреждения образования «Средняя школа № 1 г. Бельничи имени Н. И. Пашковского» (г. Бельничи, Могилевская обл., Беларусь).

63. **Орловская Дарья Романовна**, студентка 4 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

64. **Пантелеева Наталья Викторовна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

65. **Паршичева Ирина Евгеньевна**, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь).

66. **Петранис Екатерина Александровна**, старший участковый инспектор инспекции по делам несовершеннолетних отдела внутренних дел Могилевского райисполкома (г. Могилев, Беларусь).

67. **Писарева Дарья Александровна**, студентка 3 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

68. **Полякова Любовь Григорьевна**, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

69. **Потупчик Татьяна Викторовна**, юрисконсульт государственного учреждения «Волейбольный клуб «Коммунальник-Могилев» (г. Могилев, Беларусь).

70. **Прокопович Дарья Сергеевна**, магистрант учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (г. Брест, Беларусь).

71. **Процанова Галина Сергеевна**, старший преподаватель Высшей школы правоведения Института государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

72. **Радкевич Яна Валерьевна**, старший помощник Минского транспортно-прокурора (г. Минск, Беларусь).

73. **Рачковская Екатерина Андреевна**, юрисконсульт I категории филиала № 2 ОАО «Белсвязстрой» (г. Витебск, Беларусь).

74. **Роговцов Дмитрий Александрович**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

75. **Романчук Константин Валерьевич**, студент 4 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

76. **Рыжанков Арнольд Юрьевич**, магистр права, преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

77. **Свиб Анжелика Феликсовна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

78. **Свиридова Елена Александровна**, преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Брянского филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» (г. Брянск, Россия).

79. **Сергеев Иван Алексеевич**, старший офицер отдела организации пограничной службы главного управления охраны государственной границы Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, подполковник, магистрант факультета инновационной подготовки Института управленческих кадров ГУО «Академия управления при Президенте Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь).

80. **Симаков Дмитрий Анатольевич**, магистр экономики, аспирант экономического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

81. **Скшыdleўска Эльжбета Вітольдаўна**, магістрант юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск, Беларусь).

82. **Слепцов Андрей Витальевич**, магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

83. **Соловьев Павел Витальевич**, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Полоцкого государственного университета (г. Новополоцк, Беларусь).

84. **Соркин Геннадий Семенович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

85. **Согникова Ольга Александровна**, студентка 3 курса юридического факультета учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы» (г. Гродно, Беларусь).

86. **Становая Ольга Владимировна**, преподаватель учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).

87. **Степанов Олег Витальевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (г. Минск, Беларусь).

88. **Сухондяева Татьяна Юрьевна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного права ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (г. Вологда, Россия).

89. **Таланов Алексей Александрович**, магистрант первого года обучения факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

90. **Тахыров Чингиз Тахырович**, магистрант первого курса Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (г. Саранск, Россия).

91. **Тесленко Елена Григорьевна**, государственный судебный эксперт Управления Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по Могилевской области (г. Могилев, Беларусь).

92. **Толочко Ольга Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

93. **Трифонова Ирина Константиновна**, судья Могилевского областного суда, аспирант Национального центра законодательства правовых исследований Республики Беларусь (г. Могилев, Беларусь).

94. **Халецкая Татьяна Михайловна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).

95. **Ховратова Светлана Николаевна**, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

96. **Храмянкова Елизавета Викторовна**, студентка 2 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

97. **Чайкова Валентина Митрофановна**, председатель Могилевской областной нотариальной палаты Белорусской нотариальной палаты (г. Могилев, Беларусь).

98. **Чегрова Татьяна Ивановна**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

99. **Чечкова Светлана Петровна**, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

100. **Шайтарова Елена Ивановна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

101. **Шаптун Виктор Николаевич**, студент 4 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

102. **Шацкова Полина Викторовна**, студентка учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (г. Брест, Беларусь).

103. **Шелягина Анастасия Юрьевна**, студентка 1 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

104. **Шнейдерова Дарья Игоревна**, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).

105. **Янчуревич Константин Викторович**, преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы» (г. Гродно, Беларусь).

106. **Ярошева Наталья Аркадьевна**, преподаватель социально-гуманитарного колледжа учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

107. **Ярошевич Евгения Александровна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА

<i>Войтова М. А., Романчук К. В.</i> ПРАВООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕТЬМИ И РОДИТЕЛЯМИ: КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	3
<i>Богданович Е. О.</i> К ВОПРОСУ ВОЗМОЖНОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ РАСПОРЯЖЕНИЙ О СОБЛЮДЕНИИ РИТУАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ В СОСТАВ ЗАВЕЩАНИЯ	6
<i>Свиб А. Ф., Рыжанков А. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	10
<i>Сотникова О. А.</i> СТОРОНЫ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ	13
<i>Степанов О. В.</i> ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В БЕЛОРУССКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	16
<i>Ховратова С. Н.</i> КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	20
<i>Чайкова В. М.</i> НОТАРИАТ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	24

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

<i>Гайдар Т. А., Паришчева И. Е.</i> ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИИ КАК ОСНОВНОГО ЗАКОНА ГОСУДАРСТВА НА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН	28
<i>Гимбутис А. И.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	31
<i>Дудко М. О.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	34
<i>Кандыбо О. М.</i> ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	37
<i>Капустин М. А., Минько Н. С.</i> ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ	40
<i>Корень Т. А.</i> РЕФОРМЫ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ	42
<i>Кравченко Т. П.</i> КЛОНИРОВАНИЕ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	44

<i>Левская Л. А., Шатун В. Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	47
<i>Молчан А. В.</i> БЕЛАРУСКАЯ НАРОДНАЯ РЭСПУБЛІКА, ЯК КРОК ДА НЕЗАЛЕЖНАСЦІ КАНСТЫТУЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: ГІСТОРЫКА-ПРАВАВЫ АГЛЯД	51
<i>Потупчик Т. В.</i> АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН.....	54
<i>Прокопович Д. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	58
<i>Роговцов Д. А.</i> АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	61
<i>Соркин Г. С.</i> МЕДИАЦИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА	65
<i>Трифопова И. К.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУДЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	68

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

<i>Безмен А. Н.</i> ПРАКТИКА ПОСТРОЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ.....	75
<i>Бутраменко В. Д., Корик Т. В.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ДРУГИХ СТРАН	79
<i>Козлова В. Д.</i> СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЯВЛЕНИЙ ЭВТАНАЗИИ И УБИЙСТВА	83
<i>Малец А. Г.</i> ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ: НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	86
<i>Меерсон В. Р.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВОМ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ИЛИ ПОЛОВУЮ СВОБОДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	88
<i>Мешкова Н. А., Пантелеева Н. В.</i> КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАКУПОК	92
<i>Минина В. В.</i> ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	95
<i>Петранис Е. А.</i> ПОНЯТИЕ ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕЙ СИТУАЦИИ В СТ. 140 УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	99

<i>Радкевич Я. В.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ	102
<i>Скшыдлеўска Э. В.</i> ЗАМАЦАВАННЕ ПРЫНЦЫПУ МЭТАЗГОДНАСЦІ Ё КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ ЯК ПАДСТАВА РЭАЛІЗАЦЫІ ДЫСКРЭТНЫХ ПАЎНАМОЦТВАЎ	106
<i>Толочко О. Н.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	109
<i>Храмянкова Е. В.</i> УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	113
<i>Шайтарова Е. И.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	115
<i>Шацкова П. В.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	118
<i>Шелягина А. Ю.</i> ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ЦЕЛИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	121
<i>Шнейдерова Д. И.</i> КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ МОШЕННИЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	124

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

<i>Воробьев А. В.</i> ДОГОВОР ДАРЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	129
<i>Врублевская К. В.</i> ПРИВЛЕЧЕНИЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	132
<i>Демидов Н. В.</i> ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ	135
<i>Зенчик В. А.</i> ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕДИАЦИИ	138
<i>Кириллова Е. Ю.</i> ОТОБРАНИЕ РЕБЕНКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	139
<i>Ковалева Л. А.</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	143
<i>Козыревская Л. А.</i> ДОГОВОР О СОЗДАНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СИСТЕМЕ ДОГОВОРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	146
<i>Куницкая Ю. Н.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ГРАЖДАНСКОГО ДОГОВОРА	150
<i>Лихачев Н. Е.</i> СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	154
<i>Лихачева С. Н.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА КАК АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ	157

<i>Лукашук Т. В.</i> ДОГОВОР ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	161
<i>Медведев И. В.</i> ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ НОТАРИУСА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВЗЫСКАНИЯ БЕССПОРНОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ	164
<i>Рачковская Е. А.</i> К ВОПРОСУ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА	166
<i>Орловская Д. Р.</i> УСЛОВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	170
<i>Свиридова Е. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНСТИТУТОВ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	174
<i>Становая О. В.</i> ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕССИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	178
<i>Халецкая Т. М.</i> О МЕТОДЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА.....	182
<i>Чечкова С. П.</i> ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВИВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	186

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

<i>Иванчикова Л. Д.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ).....	190
<i>Казеко В. Е., Писарева Д. А.</i> ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	193
<i>Сергеев И. А., Борейко Н. Н.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРА- ТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА: ИМЕЮЩИЕСЯ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	197
<i>Лясковский И. И.</i> ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ИНФОРМАЦИИ	200
<i>Слепцов А. В.</i> ЗАХОРОНЕНИЕ ОТХОДОВ КАК НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ НЕДР	204

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

<i>Балашова Т. Ф., Кузьмичева С. И.</i> БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	208
<i>Довыденко И. И., Довыденко О. Г.</i> РАЗРАБОТКА РЕГЛАМЕНТА ПО УПРАВЛЕНИЮ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ.....	210
<i>Дудкина О. В.</i> ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: ПРИЗНАКИ И ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ.....	212

<i>Дьячкова Н. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА): ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	215
<i>Жесткова Е. С.</i> К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАДБАВКИ ЗА РИСК ПРИ РАЗРАБОТКЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ.....	219
<i>Карпович Е. С.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРАУНДФАНДИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	222
<i>Полякова Л. Г.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	225
<i>Симаков Д. А.</i> ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ АНТИКОНКУРЕНТНОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА.....	229
<i>Таланов А. А., Пантелеева Н. В.</i> ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ФОРМА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАН.....	233
<i>Чегерова Т. И., Ливинская В. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИКТИВНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ В ПРИКЛАДНОМ РЕГРЕССИОННОМ АНАЛИЗЕ ВТОРИЧНОГО РЫНКА АВТОМОБИЛЕЙ.....	236
<i>Янчуревич К. В.</i> РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ СМЕШАННЫХ И НЕПОИМЕНОВАННЫХ ДОГОВОРОВ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В XXI в.	240

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО
РАВЕНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО
И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

<i>Балабкина А. И.</i> ЯВЛЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	243
<i>Бураков В. Н.</i> ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	246
<i>Ламкина И. Н.</i> ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	250
<i>Латыпова Н. С.</i> ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО И РАСОВОГО РАВЕНСТВА В США В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЮГА (1865–1877 гг.).....	253
<i>Макитарева А. И.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	257
<i>Процанова Г. С.</i> ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА.....	260

<i>Соловьев П. В.</i> УЧЕТ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	264
<i>Ставский В. Н.</i> СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	268
<i>Ярошевич Е. А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ИНВАЛИДОВ В ОЦЕНКАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ	269

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Аленькова Ю. В.</i> ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	274
<i>Бекета В. М.</i> РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ	278
<i>Вологина Н. В.</i> ГРАЖДАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ	282
<i>Копейченко А. И.</i> ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ	286
<i>Лобанова Е. Н.</i> ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК МЕРА ОБЩЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	290
<i>Мулерова И. К., Ярошева Н. А.</i> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОЛЛЕДЖАХ	294
<i>Оленюк Г. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ПРАВОВОГО СВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	298
<i>Сухондяева Т. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПРЕРЫВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	302

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА, ВЫЯВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Дьяченко О. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ НА ПРЕДМЕТ ВЫЯВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ ПРИЗНАКОВ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА	306
<i>Коробов Д. С., Коробов М. Д.</i> ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ...	310

<i>Макарова С. В.</i> ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЭТНОНИМЫ КАК НОМИНАЦИИ ГРУПП ЛИЦ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ПО ПРИЗНАКУ НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ	313
<i>Мирошник С. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	316
<i>Тахыров Ч. Т.</i> ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОЦЕНКА СУЩНОСТИ И ФАКТОРОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ	319
<i>Тесленко Е. Г.</i> ФАКТОР АДРЕСАТА В ТЕКСТАХ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗЫВЫ К НАСИЛЬСТВЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ	322
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	326